

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ ЗАПАДА

ДЖ.С.МИЛЛЬ

**ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ**

III.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

**PRINCIPLES
OF
POLITICAL ECONOMY**
with
some of their applications
to
social philosophy
by
JOHN STUART MILL

edited by
Sir **WILLIAM ASHLEY**
[1909]

Augustus M. KELLEY Publishers
Fairfield 1976

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЗАПАДА

Для научных библиотек

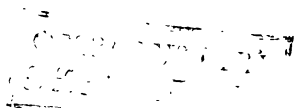
ДЖ.С.МИЛЛЬ

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

III.

Перевод с английского

Общая редакция члена-корреспондента АН СССР
А. Г. МИЛЕЙКОВСКОГО

Издательство · Прогресс · Москва 1981

Редакционная коллегия серии «Экономическая мысль Запада»:
Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ (руководитель редколлегии), *В. С. АФАНАСЬ-
ЕВ*, *В. В. ГОЛОСОВ*, *И. Е. ГУРЬЕВ*, *А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ*,
В. И. НЕЗНАНОВ, *С. М. НИКИТИН*, *И. М. ОСАДЧАЯ*, *М. Н. РЫН-
ДИНА*, *Р. М. ЭНТОВ*.

Переводчики: *В. Б. БОБРОВ*, *В. И. БОМКИН*, *А. А. КАЛИНИН*
Редактор *О. Г. РАДЫНОВА*

Редакция литературы по экономике

© Перевод на русский язык, издательство «Прогресс», 1981

М $\frac{10702-304}{006(01)-81}$ 57-58-80 *612743*

0602000000

КНИГА IV

ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ПРИЗНАКИ РОСТА БОГАТСТВА

§ 1. В трех предшествующих книгах мы дали, исходя из имеющихся у нас возможностей, подробное изложение представлений предмета нашего исследования, находящегося, если воспользоваться наиболее удачным обобщающим математическим понятием, в статическом состоянии. Мы рассмотрели сферу экономических явлений и исследовали их соотношение в тех случаях, когда они выступают в качестве причины и следствия; мы познакомились с тем, какие обстоятельства определяют объем производства и уровень использования рабочей силы, капитала, а также вовлечения населения в производство; какие законы регулируют ренту, прибыль и заработную плату; при каких условиях и в каких пропорциях осуществляется обмен товарами между отдельными лицами и между странами. Таким образом, мы получили общую картину экономических феноменов в обществе, рассматриваемых в их состоянии на какой-либо данный момент. В известной мере мы выяснили и принципы, определяющие их взаимозависимости. Когда же нам известно состояние одних элементов, мы можем в общем виде делать выводы относительно соответствующего ему состояния большинства других элементов. Все это, однако, позволило нам выявить экономические законы, присущие статичному и неизменяющемуся обществу. Нам предстоит еще рассмотреть экономические условия человеческого общества, подверженного изменениям и действительно (это относится к наиболее развитой части человеческого общества и к тем районам, на которые распространяется ее влияние) находящегося в состоянии поступательного развития. Нам предстоит рассмотреть, в чем состоят происходящие изменения, какие законы их определяют и к чему они в конце концов ведут. Тем самым мы дополним нашу теорию равновесия теорией движения — дополним раздел «Статика» политической экономики разделом «Динамика».

Подобное исследование, естественно, должно начинаться с выявления путей воздействия известных и признанных факторов. Не подлежит сомнению, что, каким бы изменениям в остальном ни подвергалась экономика общества, всегда существует одна совершенно очевидная тенденция. В наиболее передовых странах мира и во всех остальных странах по мере того, как они попадают под влияние этих передовых стран, существует по крайней мере одна форма прогрессивного развития, почти неизменно сохраняющаяся из года в год, из поколения в поколение, — рост богатства, распространение того, что мы называем «материальным благосостоянием». У всех наций, которые мы привыкли именовать «цивилизованными», происходит постепенный рост производства и населения. Нет никаких причин сомневаться в том, что подобный рост не только сохранится у этих наций в течение некоторого времени, но и что большинство других народов мира, включая те, которые еще не сформировались, последовательно вступят на этот же путь. Таким образом, прежде всего мы должны рассмотреть природу и последствия подобного прогрессивного развития, составляющие его элементы и оказываемое им воздействие на различные экономические явления, закономерности, которые мы уже определили, особенно на заработную плату, прибыль, ренту, стоимость и цены.

§ 2. Среди особенностей, характерных для подобного прогрессивного экономического развития цивилизованных наций, в первую очередь одна привлекает внимание вследствие своей тесной связи с явлениями производства: она состоит в постоянном и, насколько может распространяться человеческое предвидение, безграничном возрастании власти человека над природой. Нет никаких признаков, что мы достигаем предела в познании свойств и законов физических тел: процесс познания все ускоряется и одновременно развивается во многих направлениях. Таких направлений сейчас больше, чем когда бы то ни было раньше. Зачастую мы можем лишь подозревать о существовании не освоенных нами областей, и это только подтверждает веру в то, что наше знакомство с природой едва началось. В наши дни знания о физических свойствах вещей,

неизменно возрастающие, быстрее, чем в прежние времена, превращаются благодаря практическим изобретениям в реальную силу. Электромагнитный телеграф, представляющий собой самое чудесное из современных изобретений, превративший в действительность — это не метафора, а дело обстоит подобным образом в самом буквальном смысле — сказки о подвигах волшебников, появился всего лишь несколько лет спустя после того, как была создана научная теория, послужившая основой для его изобретения, — теория, которая была подтверждена появлением телеграфа. Наконец, при осуществлении таких гигантских научных операций ученые в наши дни не испытывают нехватки работников, необходимых для выполнения ручного труда, — нет препятствий для того, чтобы найти или подготовить достаточное количество рабочих рук; тех, кто обладает навыками, без которых невозможно осуществить наиболее тонкие процессы, связанные с применением науки в практических целях. Исходя из этой совокупности условий, нельзя не представить себе появления в будущем огромного количества и бесконечного разнообразия сложнейших изобретений, направленных на экономию труда и повышение его производительности, а также все более широкое использование этих изобретений и приносимых ими выгод.

Другое изменение, которое всегда до сих пор было характерно и, наверно, будет характерно в дальнейшем для прогресса цивилизованного общества, состоит в постоянном увеличении безопасности личности и собственности. Население всех стран Европы, как наиболее отсталых, так и наиболее передовых, в каждом последующем поколении оказывается лучше защищенным от насилия и хищничества посредством более совершенной системы судопроизводства и действий полиции, призванных силой подавлять преступность. Этому способствует и исчезновение, отмена тех вредных привилегий, которые позволяли определенным классам общества безнаказанно грабить остальных. С каждым поколением люди также все лучше и лучше защищены либо посредством институтов, либо посредством моральных норм и общественного мнения от произвола государственной власти. Даже в полуварварской России акты насильственного захвата имущества у лиц, которые в силу своей деятельности не превратили себя в объекты политических преследований, видимо, не являются столь

частыми, чтобы затронуть чье-либо чувство безопасности. Во всех европейских странах налогообложение становится менее произвольным и тягостным, это касается как самого налогообложения, так и тех способов, посредством которых оно осуществляется. Войны и приносимые ими разрушения теперь обычно почти во всех странах затрагивают лишь те отдаленные и пограничные владения, где эти страны имеют контакты с дикарями. В результате постоянного расширения благотворной практики страхования даже удары судьбы, причина которых — неизбежные стихийные бедствия, все более и более смягчаются для тех, на кого они обрушиваются.

Одним из самых непосредственных результатов подобного возрастания безопасности является громадный рост производства и накопления. Трудолюбие и бережливость не могут существовать там, где нельзя с полным основанием надеяться на то, что все трудолюбивые и экономные люди смогут воспользоваться результатами своих усилий. А чем больше такая надежда приближается к действительности, тем в большей степени прилежание и бережливость превращаются в основные человеческие качества. Опыт показывает, что значительная доля результатов трудолюбия и воздержания может быть изъята с помощью твердо установленных налогов, причем это не ослабит, а иногда даже вызовет усиленное проявление качеств, способствующих созданию крупного производства и накоплению капитала. Однако подобные качества не сохраняются в условиях неопределенности. Правительство может забрать определенную часть, однако должна существовать уверенность в том, что оно не попытается захватить остальное и не допустит таких попыток с чьей бы то ни было стороны.

Одно из изменений, постоянно связанных с прогрессом современного общества, состоит в улучшении деловых способностей основной массы человечества. Я не хочу сказать, что практическая мудрость отдельного человека сейчас выше, чем раньше. Я склонен считать, что до сих пор экономический прогресс приводил даже к противоположным результатам. Человек с хорошими природными способностями в примитивном обществе может сделать многие вещи достаточно хорошо, сумеет лучше приспособить имеющиеся у него средства для достижения своей цели и найдет выход из затруднительного положения или

поможет в этом другим скорее, чем 99 из 100 людей, которым известна только так называемая цивилизованная форма жизни. Вопрос о том, насколько подобное ухудшение естественных способностей оказывается скомпенсированным для цивилизованного человека как отдельного существа и каким образом можно добиться его более полной компенсации, представляет собой проблему, выходящую за пределы нашего исследования. Что же касается цивилизованных человеческих существ в их совокупности, то компенсация оказывается более чем достаточной. То, что теряется в индивидуальной способности к действиям, с избытком наверстывается за счет более высоких достижений, полученных в результате совместных усилий. По мере того как люди теряют качества, присущие дикарям, они становятся способными подчиняться дисциплине, выполнять заранее намеченные планы, в составлении которых они, возможно, и не участвовали, подчинять свои собственные прихоти принятым решениям и совместно выполнять установленную для каждого часть работы в общих предприятиях. Самые различные виды работ, недоступные для дикарей или людей, еще не достигших цивилизованного уровня, повседневно выполняются цивилизованными нациями. Это происходит не потому, что конкретные исполнители обладают выдающимися способностями, а лишь благодаря тому обстоятельству, что каждый из них может с уверенностью полагаться на выполнение всеми остальными соответствующей части работы. Короче говоря, особой чертой цивилизованных людей является способность к кооперации, которая, как и другие способности, может совершенствоваться на основе практики и находить все более широкую сферу применения.

Таким образом, самым вероятным спутником прогрессивных изменений, происходящих в обществе, будет постоянное углубление принципа кооперации и расширение ее практики. В промышленности и во многих других отраслях ассоциации отдельных лиц, добровольно объединяющих свои небольшие вклады, выполняют в настоящее время такие виды работы, для которых один человек или небольшая группа людей не располагали бы достаточными средствами либо за выполнение которых в прошлом те немногие люди, кто был способен на это, получали возможность требовать чрезвычайно высокого вознаграждения. По мере того как растет богатство и улучшаются условия для

предпринимательской деятельности, следует ожидать огромного расширения предприятий промышленного и другого назначения, образуемых путем коллективных вкладов большого числа участников предприятий, подобных тем, которые известны среди специалистов под названием акционерных компаний, а также ассоциаций, имеющих менее четкую организацию, получивших столь широкое распространение в Англии для сбора средств на общественные и благотворительные цели¹, либо, наконец, таких ассоциаций рабочих, которые создаются с целью производства или приобретения товаров для совместного потребления и которые в настоящее время приобрели известность под названием кооперативных обществ.

Прогресс, которого следует ожидать в области естественных наук и в искусстве, в сочетании с более высокой степенью безопасности собственности и большей свободой распоряжаться ею, что составляет совершенно очевидные черты современных цивилизованных наций, а также более интенсивное и искусное использование принципа образования акционерных обществ обеспечат возможности и простор для безграничного увеличения капитала и производства, а также для роста населения, которым подобное увеличение обычно сопровождается. Нет особых причин опасаться, что рост населения обгонит расширение производства, и даже нельзя допустить, чтобы первое шло наравне со вторым, если только умственное развитие беднейших классов населения хоть сколько-нибудь повысится; как бы то ни было, весьма вероятно, что будет осуществлен огромный прогресс в промышленности и будут улучшены показатели, которые обычно отражают уровень процветания нации, произойдет огромное увеличение совокупного богатства и даже в известной мере улучшится его распределение. Не только богатые будут иметь возможность увеличивать свое имущество, но будут обогащаться и многие из бедных, т. е. средние классы могут стать более многочисленными и могущественными, а средства к обеспечению приятной жизни будут распространяться все шире и шире, хотя огромный класс, составляющий основу всего населения, может лишь численно возрасти, но улучшения условий его существования или повышения культурного

¹ [Остальная часть предложения была добавлена в 6-м издании (1865 г.).]

уровня не произойдет. Поэтому мы должны при рассмотрении прогресса в промышленности исходить из предположения — как бы неодобрительно мы ни относились к этому факту, — что рост населения будет столь же продолжительным, неограниченным и, возможно, даже столь же быстрым, как и рост производства и накопления.

После этих предварительных замечаний относительно причин изменений, происходящих в обществе, которое находится в процессе экономического развития, я перехожу к более подробному рассмотрению самих изменений.

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РОСТА НАСЕЛЕНИЯ НА СТОИМОСТЬ И ЦЕНЫ

§ 1. Изменения в условиях производства, которые вызывает или предполагает развитие промышленности, неизбежно сопровождаются изменениями в стоимости товаров.

Постоянные стоимости всех вещей, которые не являются объектом естественной или искусственной монополии, зависят, как мы видели, от издержек их производства. Однако неизменно возрастающая власть человека над природой все более и более увеличивает эффективность человеческих усилий, или, другими словами, приводит к снижению издержек производства. Все изобретения, с помощью которых может быть произведено большее количество какого-либо товара при тех же затратах труда либо такое же количество при меньших затратах, или изобретения, которые приводят к сокращению процесса производства, в результате чего отпадает необходимость авансировать капитал на длительный срок, снижают издержки производства данного товара. Однако стоимость является величиной относительной, поэтому если бы изобретения и усовершенствования производства касались одновременно всех товаров в равной степени, то в стоимости не произошло бы никаких изменений. Вещи продолжали бы обмениваться в тех же пропорциях, что и раньше, а человечество получало бы большее количество всех вещей в возмещение своего труда и воздержания, причем подобное изобилие товаров не измерялось бы и не выражалось (как это происходит, когда снижение издержек касается только одной вещи) посредством понизившейся меновой стоимости товара.

Что касается вопроса о том, будут ли в подобных обстоятельствах затронуты цены, то ответ на него зависит от того, коснутся ли усовершенствования процесса производства драгоценных металлов. Если денежные материалы являлись бы исключением из общего снижения издержек производства, то стоимости всех других товаров понизились бы по отношению к деньгам, т. е. произошло бы общее снижение цен во всем мире. Однако если бы деньги, как и другие вещи, и в той же пропорции поступали

в большем количестве и были бы дешевле, то цены оказались бы затронуты в такой же мере, что и стоимости, поэтому в состоянии рынка не было бы каких-либо видимых признаков происшедших изменений, за исключением того (при условии, что люди продолжают трудиться столько же, как и раньше), что большее количество товаров всех видов обменивалось бы по тем же самым ценам с помощью большего количества денег.

Совершенствование производства не представляет собой единственного обстоятельства, связанного с развитием промышленности, которое способствует снижению издержек производства или по крайней мере получения товаров. Другое обстоятельство — это расширение связей между различными частями мира. По мере расширения торговли и отказа от невежественных попыток ограничить ее посредством тарифов товары все больше и больше начинают производиться в таких местах, где затраты труда и капитала на их производство являются для человечества наименьшими. С распространением цивилизации создается опасность для личности и собственности в тех районах мира, где до сих пор это преимущество отсутствовало; производственные возможности этих районов используются полнее на благо и их обитателей и иностранцев. Невежество и дурное правление, господствующие в большинстве районов, щедро одаренных природой, потребуют приложения громадных усилий, возможно, даже многих поколений, для того чтобы эти страны смогли подняться хотя бы до теперешнего уровня наиболее цивилизованных краев Европы. Многие также будут зависеть от возрастающей миграции труда и капитала в незанятые районы земли, где почва, климат и географическое положение позволяют, как показало их изучение, с использованием многочисленных современных средств получить не только большую прибыль для промышленности, но и создать огромные возможности для производства товаров, соответствующих требованиям рынков давно существующих стран. Каким бы значительным ни было повышение эффективности деятельности промышленности всего земного шара в результате развития науки и производственных навыков, еще более важным источником снижения издержек производства, возможно, окажется в будущем постепенное и все более широкое использование преимуществ свободной торговли и расширение масштабов эмиграции и колонизации.

В силу изложенных выше причин при отсутствии каких-либо препятствий материальный прогресс позволяет стране получать при постоянно снижающихся реальных издержках не только продукты собственного производства, но и продукты других стран. В самом деле, все, что ведет к снижению издержек производства собственных продуктов, предназначенных для экспорта, дает возможность, как мы уже видели, получать импортные товары при меньших реальных издержках.

§ 2. Однако не противодействуют ли отмеченным тенденциям какие-либо факторы в реальной жизни? Действительно ли рост богатства и развитие промышленности не оказывают никакого иного воздействия на издержки производства, кроме их снижения? Не приводит ли тот же самый прогресс к появлению обстоятельств противоположного характера, достаточных в отдельных случаях не только для его нейтрализации, но и для того, чтобы процесс шел уже в обратном направлении, для превращения процесса снижения издержек производства в процесс их повышения? Нам уже известно, что такие обстоятельства существуют и что в отношении наиболее важных видов товаров: продовольствия и материалов — наблюдается тенденция, диаметрально противоположная той, о которой шла речь. Издержки производства данных товаров имеют тенденцию к повышению.

Такое явление не связано с коренными свойствами самих этих товаров. Если бы численность населения была стабильной и не существовало необходимости увеличения производства сельскохозяйственной продукции, не было бы причины для роста издержек производства. Напротив, человечество в полном объеме получало бы выгоду от усовершенствований в сельском хозяйстве или связанных с ним видов производства, и в этом отношении не возникало бы никаких различий между продукцией сельского хозяйства и изделиями обрабатывающей промышленности¹.

¹ [Из первоначального текста (1848 г.) в 5-м издании (1868 г.) был исключен следующий отрывок: «Первая из них, насколько можно судить в настоящее время, видимо, не столь восприимчива к усовершенствованным процессам производства, как некоторые отрасли обрабатывающей промышленности, однако в будущем могут иметь место изобретения, которые изменят это соотношение».]

Единственными продуктами промышленности, издержки производства которых будут реально возрастать даже при неизменной численности населения, явятся те, для производства которых используются невозобновляющиеся материалы, целиком или частично расходуемые при изготовлении этих продуктов, такие, как, например, уголь и большинство, если не все, металлов. Ведь даже запасы железа, наиболее распространенного и полезного из всех металлов, к тому же являющегося компонентом многих минералов и почти всех горных пород, могут быть исчерпаны, по крайней мере это касается наиболее богатых и доступных залежей руды.

При увеличении же населения, а это происходило всегда, когда развитие промышленности и расширение производства средств существования создают для этого возможности, спрос на большинство продуктов земледелия, особенно на продовольствие, увеличивается в соответствующей пропорции. И тогда вступает в действие основной закон сельскохозяйственного производства, о котором мы имели возможность столь часто и пространно рассуждать, закон, состоящий в том, что дополнительные затраты труда при данном уровне квалификации сельскохозяйственных работников позволяют получать относительно меньшее количество дополнительного продукта. Издержки производства сельскохозяйственной продукции возрастают *caeteris paribus* (при прочих равных условиях) по мере увеличения спроса.

Ничего подобного не происходит в отношении промышленных изделий. Здесь формируется совершенно противоположная тенденция. Чем крупнее масштабы, в которых осуществляется изготовление промышленных изделий, тем в целом дешевле обходятся операции, связанные с этим изготовлением. Сениор даже возвел в закон присущее обрабатывающей промышленности положение, утверждающее, что в ней при увеличении производства происходит снижение издержек, тогда как расширение сельскохозяйственного производства сопровождается ростом издержек. Однако я не считаю, что даже в обрабатывающей промышленности удешевление продукции при увеличении масштабов производства представляло собой зависимость, поднимающуюся до уровня закона. Удешевление является вероятным и обычным, но не обязательным следствием расширения производства.

612743

Вместе с тем, поскольку производители готовой продукции зависят от получения материалов, либо от сельского хозяйства, либо от горной промышленности, а порой непосредственно и от природы, обрабатывающая промышленность в отношении одного из своих наиболее важных компонентов подчиняется тому же закону, что и сельское хозяйство. Однако необработанные материалы составляют столь незначительную часть общих издержек, что какая-либо возможная тенденция к прогрессирующему увеличению стоимости данного компонента с избытком компенсируется постоянным сокращением всех остальных элементов, причем в настоящее время невозможно определить пределы подобного сокращения.

Таким образом, в обрабатывающей промышленности действует постоянная тенденция к повышению производительной силы труда, в то время как в сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности происходит противоборство между двумя тенденциями: с одной стороны, тенденцией к увеличению производительной силы труда, с другой — к ее уменьшению; издержки производства сокращаются при каждом усовершенствовании производственных процессов и возрастают при любом увеличении населения. Из сказанного следует, что меновые стоимости готовых изделий по отношению к продуктам сельского хозяйства и горнодобывающей промышленности по мере роста населения и развития промышленности имеют несомненную и определенную тенденцию к понижению. Поскольку деньги являются продуктом рудников, можно также вывести правило, в соответствии с которым по мере общественного прогресса имеет место тенденция к снижению выражаемой деньгами цены готовых изделий. Промышленная история современных наций, особенно за последние 100 лет, полностью подтверждает этот тезис.

§ 3. Будет ли происходить увеличение абсолютных, как и относительных, издержек производства сельскохозяйственной продукции, зависит от результатов противодействия двух антагонистических факторов: роста населения и совершенствования сельскохозяйственного производства. На некоторых, возможно на большинстве, этапах развития общества (если оценивать положение во всем мире) сельскохозяйственное производство и численность населения остаются стабильными или растут очень медленно, а из-

держки производства продовольствия являются почти постоянными. В обществе, богатство которого возрастает, население в целом увеличивается быстрее, чем повышается сельскохозяйственное производство, и соответственно продовольствие становится более дорогим, за исключением тех случаев, когда появляются существенные стимулы развития сельскохозяйственного производства. Подобные стимулы имели место в Великобритании в течение последних 20 или 30 лет². В Англии и Шотландии совершенствование сельскохозяйственного производства происходило быстрее, чем увеличивалась численность населения, в такой мере, что продовольствие и другая сельскохозяйственная продукция вопреки росту численности населения могли производиться с меньшими издержками, чем 30 лет назад³, а отмена хлебных законов дала дополнительные импульсы к внедрению усовершенствований. В некоторых других странах, особенно во Франции, совершенствование сельскохозяйственного производства еще более определенно опережает рост населения, поскольку, хотя оно, за исключением нескольких провинций, развивается медленно, население растет еще медленнее, причем темпы его роста даже сокращаются — рост населения сдерживается не нищетой, которая уменьшается, а вследствие благоразумия.

Какой из двух противодействующих факторов станет превалировать в определенный момент, можно определить с достаточной точностью на основе изучения денежной цены сельскохозяйственной продукции (предполагая, что стоимость денежного металла не подвергается значительным колебаниям) при условии использования данных за достаточное число лет, что позволит исключить при расчете среднего показателя сезонные колебания. Однако последнее вряд ли возможно, поскольку, как показал Тук, даже в столь длительном периоде, как 50 лет, может заключаться гораздо большее число урожайных и гораздо меньшее число неурожайных лет, чем это обычно бывает. Поэтому простое определение среднего показателя может привести к заключениям еще более обманчивым в силу их кажущейся точности. Опасность ошибки уменьшится, если будет взята средняя только за небольшое число лет, кото-

² [«15 или 20» в 1-м издании (1848 г.) было заменено на «20 или 25» в 6-м издании (1865 г.) и на «20 или 30» — в 7-м издании (1871 г.).]

³ [Написано в 1848 г.]

рая будет скорректирована с учетом предполагаемой урожайности по отдельным годам, а не средняя за длительный период без такой корректировки. Вряд ли есть необходимость добавлять, что при формулировке выводов на основе ценовых котировок следует, насколько это возможно, вносить поправки на любые изменения в общей меновой стоимости драгоценных металлов *⁴.

§ 4. До сих пор мы говорили о влиянии прогресса общества на постоянные или средние стоимости и цены товаров. Теперь остается рассмотреть, каким образом этот прогресс влияет на их колебания. Не может быть никаких сомнений относительно ответа на данный вопрос. Общественный прогресс в очень сильной степени способствует уменьшению таких колебаний.

В бедном и отсталом обществе, какое существует сейчас на Востоке и какое существовало в Европе в средние века, различия в ценах на один и тот же товар в местах, весьма близко расположенных друг к другу, могли оказаться исключительно большими, поскольку отсутствие дорог и каналов, несовершенство морского судоходства и вообще ненадежность транспорта препятствовали доставке товаров из тех мест, где они были дешевы, туда, где они стоили дорого. Товары, стоимость которых была в наибольшей степени подвержена колебаниям, т. е. те, производство которых носило сезонный характер, особенно продовольствие, редко доставлялись на сколь-нибудь значительные расстояния. Как правило, население любой местности зависело от своего собственного производства и производства своих ближайших соседей. Поэтому почти ежегодно в том или ином районе любой обширной страны возникала острая нехватка продовольствия. На большой территории страны при многообразии почвенных и климатических условий почти неизбежно должны существовать районы, для которых какой-либо год окажется неблагоприятным, но, поскольку тот же самый год бывает обычно более благоприятным для других районов, в целом по стране недостаток сельскохозяйственной продукции будет

* [1852 г.] Еще лучшим критерием по сравнению с изложенным в тексте, возможно, могло бы служить увеличение или сокращение суммы заработной платы работников по отношению к стоимости сельскохозяйственной продукции.

⁴ [См. Приложение X. «Цены в XIX в.»]

ощущаться значительно реже и в меньшей степени, чем в отдельных ее частях. Мало кому приходилось слышать о сколько-нибудь значительной нехватке сельскохозяйственной продукции во всем мире. В наше время там, где раньше был бы голод, бывает лишь дороговизна продовольствия, повсюду в стране достаточно хлеба, тогда как в прошлом в одних местах был его избыток, а в других недостаток.

Аналогичные изменения произошли и в отношении всех остальных товаров, являющихся предметом торговли. Надежность и дешевизна транспорта, которая позволяет устранять нехватку в одном месте за счет поставок товаров оттуда, где они имеются в изобилии, при небольшом, а может быть, даже и совсем незначительном увеличении цены, приводит к исключительно резкому сокращению колебаний цен. Такому результату в значительной степени способствует также наличие крупных капиталов, принадлежащих так называемым купцам-спекулянтам, чья деятельность состоит в закупке товаров с целью их прибыльной перепродажи.

Естественно, что эти коммерсанты покупают товары, когда они наиболее дешевы, и хранят их, с тем чтобы вновь выбросить на рынок, когда цены окажутся необычно высокими, в результате их деятельности происходит выравнивание цен или по крайней мере уменьшение их колебаний. Цены на товары не падают столь низко и не поднимаются столь высоко, как это происходило бы при отсутствии купцов-спекулянтов.

Таким образом, спекулянты приносят очень большую пользу экономике, и (вопреки общественному мнению) наиболее полезными оказываются те из них, кто осуществляет спекулятивные операции на товарах, поступление которых подвержено сезонным колебаниям. Если бы не было торговцев зерном, то не только происходили бы гораздо более широкие колебания цен, чем сейчас, но в неурожайные годы зерно вовсе не поставлялось бы на рынок. Если бы не было спекулянтов зерном или если бы при их отсутствии спекуляцией не занялись сами фермеры, то в урожайный год падение цен происходило бы в неограниченных размерах и единственно, что задерживало бы его, так это расточительное потребление, которое неизбежно следует за падением цен. То, что избыток одного года сохраняется для восполнения нехватки, возникающей на сле-

дующий год, происходит благодаря либо фермерам, которые воздерживаются от поставок зерна на рынок, либо торговцам, которые покупают его по самой дешевой цене и закладывают для хранения.

§ 5. У тех, кто не очень глубоко задумывался над сутью вопроса, сложилось мнение, что прибыль спекулянтов нередко является результатом искусственно создаваемой нехватки товаров, что они создают высокую цену своими закупками, а затем извлекают из этого прибыль. Легко доказать, что такое мнение ошибочно. Если торговец зерном осуществляет закупки с целью спекуляции и это вызывает повышение цен, причем и в данный момент, и в последующее время отсутствуют другие причины для их повышения, несомненно, кажется, что он становится все богаче по мере увеличения объема своих закупок, поскольку является владельцем товара, приобретающего все более высокую цену. Однако такая кажущаяся возможность обогащения сохраняется лишь до тех пор, пока он не попытается реализовать ее. Если, скажем, этот торговец купил 1 млн. кварталов зерна и, изъяв их с рынка, увеличил цену на 10 шилл. за квартал, то точно так же, как цена была повышена в результате изъятия 1 млн. кварталов из продажи, она будет понижена после их возвращения на рынок, и торговец в лучшем случае не потеряет ничего, кроме процентов и понесенных расходов. Если путем постепенных и осторожных продаж он сможет реализовать часть своих запасов по повышенной цене, то, несомненно, должен будет выплатить некоторую часть этой цены за покупаемый им товар. Этот торговец подвергается другому, еще большему риску понести убытки. Весьма вероятно, что временная высокая цена соблазнит других торговцев, которые не имеют отношения к ее повышению и которые при других условиях совсем не появились бы на рынке, выбросить на него свое зерно и перехватить тем самым часть выгоды. Таким образом, совсем не исключена возможность, что данному торговцу придется реализовывать свои купленные при нормальном состоянии рынка товары на рынке, переполненном этими товарами, вместо того чтобы воспользоваться их нехваткой.

Подобно тому как отдельный спекулянт не может получить выгоды от повышения цен, вызванного только его действиями, большое число спекулянтов не могут коллек-

тивно извлечь пользы из искусственного повышения цен, вызванного их операциями. В общей массе отдельные спекулянты могут добиться определенной выгоды благодаря удаче⁵ или особой проницательности в выборе времени продажи своего товара, но такая выгода будет получена не за счет потребителя, а за счет других, менее рассудительных спекулянтов. Фактически первые из них обратят себе на пользу повышение цен, происшедшее в результате спекулятивных операций других, другие же понесут убытки, связанные с ответной реакцией рынка. Таким образом, нельзя отрицать, что спекулянты могут обогащаться за счет убытков других людей, но только за счет других спекулянтов. Сколько теряет одна группа торговцев, столько выигрывает другая.

Если же спекуляция тем или иным товаром оказывается прибыльной для всей массы спекулянтов, то это происходит потому, что за время, отделяющее закупку товара от его перепродажи, произошло повышение цен в результате не зависящих от торговцев причин, а их единственная связь с такими причинами состоит в правильном предвидении. В подобном случае закупки, осуществляемые такими торговцами, приводят к более раннему, чем это должно было бы произойти, повышению цен и тем самым увеличивают продолжительность периода, в течение которого потребители переплачивают за товар, но одновременно такие закупки приводят к понижению максимального уровня роста цен. Ясно, что это идет всем на пользу. При этом, однако, предполагается, что торговцы не переоценивают ожидаемого повышения цен. Зачастую случается, что спекулятивные закупки осуществляются в ожидании определенного повышения спроса или нехватки товара, которых в конечном итоге не происходит или которые оказываются не столь значительными, как предполагалось. В этом случае спекуляция вместо уменьшения колебания цен только усиливает его либо становится причиной появления колебания цен в тот момент, когда его вообще не должно было бы быть. В подобной ситуации, как бы много ни получали отдельные лица, все спекулянты в целом несут убытки. Все то повышение цены, которое не обусловлено независящими причинами, не может принести всем спекулянтам сразу каких-либо выгод, поскольку цена в такой

⁵ [Слова «благодаря удаче» внесены в 3-е издание (1852 г.).]

же мере снижается при продаже ими товаров, в какой она повышается в результате их закупок. В то время как они ничего не выигрывают от таких действий, они несут убытки не только в связи с бесполезной затратой усилий и средств на проведение подобных операций, но почти всегда еще в большей мере из-за того, что искусственное повышение цен препятствует потреблению и приводит к поступлению товаров из непредвиденных источников. Таким образом, спекулятивные операции полезны для общества всегда, когда они выгодны для самих коммерсантов, и, хотя подобные операции иногда наносят ущерб обществу в силу усиления колебания цен, обычно смягчаемых ими, во всех случаях наибольшие потери несут сами спекулянты. Короче говоря, совокупные интересы спекулянтов совпадают с интересами общества, и поскольку спекулянты не смогут принести пользу обществу в той же мере, в какой окажутся не в состоянии обеспечить свои интересы, то самый лучший способ содействовать общественному благу — предоставить этим торговцам полную свободу действий в их собственных интересах.

Я не отрицаю того, что спекулянты могут способствовать обострению нехватки товаров в *отдельных* районах. Осуществляя закупку зерна в деревнях для поставки в города, они способствуют проникновению голода в те загоулки, где в ином случае этого не произошло бы. Закупка и перепродажа в одном и том же месте обычно приводит к уменьшению нехватки товаров. Закупка же в одном и перепродажа в другом месте может увеличить такую нехватку в первом из них, но снизить во втором, где цены выше и предполагается соответственно, что нехватка острее. От отсутствия товаров всегда больше всего страдали наиболее бедные из потребителей, поскольку богатые, заплатив более высокую цену, могли получить, если они того хотели, обычное для них количество товаров. Таким образом, ни для кого деятельность торговцев зерном не является столь полезной, как для бедных слоев. Случайно и лишь в редких случаях бедняки будут страдать в результате такой деятельности — для сельских бедняков может оказаться более благоприятным существование низких цен на зерно зимой, когда они целиком зависят от покупного зерна, если даже весной возникнет нехватка, которую они, возможно, смогут частично чем-то восполнить. Однако в это время года нет таких продуктов, которые в сколько-

нибудь значительной степени смогли бы заменить столь необходимый продукт питания, как хлеб: если бы нашлись такие заменители, цены на зерно снижались бы весной, вместо того чтобы, как это всегда происходит, постоянно возрастать вплоть до нового урожая.

В момент продажи происходит непосредственное столкновение между интересами торговцев зерном и потребителей, как это всегда имеет место в отношениях между продавцом и покупателем. В те периоды, когда ощущается нехватка продовольствия, спекулянт получает наибольшую прибыль и является объектом враждебного отношения и зависти со стороны тех, кто испытывает лишения в то время, как он обогащается. Ошибочно, однако, полагать, что торговля зерном приносит большие прибыли. Доходы поступают не регулярно, а лишь в определенные периоды, поэтому тогда они должны быть особенно велики, хотя вероятность получения прибыли в области коммерции, где существует столь сильная конкуренция, не может быть выше, чем в других видах деятельности. Неурожайный год, когда торговцы зерном получают большие прибыли, редко заканчивается без того, чтобы резкое падение цен на рынке не приводило к банкротству многих из них. Немногие годы казались более благоприятными для торговцев зерном, чем 1847 г., но лишь в нескольких случаях количество банкротств было больше, чем осенью этого года. В такой крайне рискованной сфере коммерческой деятельности существует возможность как полного разорения, так и получения в отдельных случаях чрезвычайно высоких прибылей. Если торговец зерном должен был бы распродавать во время голода свои запасы по более низким ценам, чем это определяется для него конкуренцией между потребителями, то он приносил бы в жертву благотворительности или филантропии законную прибыль от своего занятия, и такой жертвы можно было бы с равным основанием потребовать от любого другого лица, располагающего такими же средствами. Поскольку его деятельность является полезной, то в интересах общества будет сохранять обычные стимулы к осуществлению такой деятельности и устранить любые препятствия со стороны закона и общественного мнения, для того чтобы выгодная для общества деятельность сочеталась с максимально возможными в условиях полной и свободной конкуренции частными выгодами.

Видимо, есть основания полагать, что по мере развития общества колебания стоимостей и цен, вызываемые изменениями в предложении товаров или в реальном (т. е. неспекулятивном) спросе, будут уменьшаться. Но нельзя с одинаковой уверенностью то же самое утверждать в отношении тех колебаний, которые обусловлены ошибками в расчетах и особенно связаны с компенсацией необоснованного расширения или сокращения кредита, занимающего столь заметное место среди коммерческих явлений. Подобные циклические колебания, начинающиеся с неразумной спекуляции и кончающиеся торговыми кризисами, по мере роста капитала и развития промышленности не стали ни менее жестокими, ни менее частыми. Скорее, наоборот, есть основания утверждать, что они усилились. Принято считать, что это происходит из-за роста конкуренции, однако я склоняюсь к мнению, что это обусловлено снижением нормы прибыли и ставки процента, поэтому обычные пути получения торговой прибыли не удовлетворяют капиталистов⁶. Взаимосвязь такой низкой нормы прибыли с ростом населения и накопления составляет одну из проблем, которая будет рассмотрена в последующих главах.

⁶ [См. Приложение У. «Торговые циклы».]

ВЛИЯНИЕ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И РОСТА НАСЕЛЕНИЯ НА РЕНТУ, ПРИБЫЛЬ И ЗАРАБОТНУЮ ПЛАТУ

§ 1. Продолжая рассмотрение природы экономических изменений, происходящих в обществе, которое находится в состоянии промышленного развития, мы перейдем теперь к исследованию влияния такого развития на распределение продукта между различными классами, участвующими в подобном распределении. Мы обратим внимание в первую очередь на наиболее сложную систему распределения, которая фактически включает все остальные, — систему, посредством которой продукт промышленности распределяется между двумя классами: рабочими и капиталистами, — а продукт сельского хозяйства между тремя: работниками, капиталистами и землевладельцами.

Наиболее важными чертами того явления, под которым обычно понимают развитие промышленности, являются три элемента: возрастание капитала, увеличение численности населения и совершенствование производства, причем производство понимается в самом широком смысле, включающем как получение товаров из других мест, так и их непосредственное производство. Другие происходящие изменения представляют собой главным образом последствия только что перечисленных, например тенденция к возрастанию издержек производства продовольствия, определяемая увеличением спроса, который может быть вызван либо ростом численности населения, либо увеличением капитала и ростом заработной платы, позволяющими расширить потребление беднейших классов. Для удобства рассмотрения целесообразно предположить вначале, что каждый из указанных элементов является независимым, а затем мы можем представить их в любом приемлемом для нас сочетании.

Предположим прежде всего, что происходит рост численности населения, в то время как капитал и методы производства остаются неизменными. Одно из последствий подобного изменения условий является достаточно очевидным: заработная плата будет снижаться, рабочий класс окажется в худших условиях. Напротив, положение капи-

талиста улучшится. При том же капитале он может купить больше труда и получить больше продукта. Возрастет его норма прибыли. В данном случае подтверждается зависимость нормы прибыли от цены рабочей силы; для рабочего, получающего меньшее количество товаров тогда, когда не предполагается изменения в условиях их производства, это меньшее количество представляет и меньшую цену. Рабочий получает не только меньшее реальное вознаграждение, но и продукт меньшего количества труда. Первое обстоятельство имеет важное значение для него самого, второе — для его работодателя.

До сих пор не произошло ничего, что тем или иным образом затронуло бы стоимость какого-либо товара, в силу чего пока не появилось и причин для повышения или понижения ренты. Но если мы обратим внимание на дальнейшие последствия, то увидим, что и рента изменяется. Численность рабочих возросла. В той же мере ухудшилось их положение: большее число рабочих делит между собой лишь продукт того же самого количества труда, что и раньше. Однако они могут экономить за счет удовлетворения других своих потребностей, а не за счет своего питания: каждый, возможно, потребляет столько же продовольствия и того же качества, а значит, и той же стоимости, что и раньше; даже если они и сократят свое потребление, то не в такой степени, в какой происходит рост населения. В таком случае, несмотря на уменьшение реальной заработной платы, возросшее население будет испытывать потребность в увеличении количества продовольствия. Поскольку предполагается, что квалификация работников в промышленности и их уровень знаний не изменились, увеличение количества продовольствия может быть достигнуто только за счет использования худших земель или менее производительных по сравнению с затратами методов сельскохозяйственного производства. Капиталы для расширения сельского хозяйства не потребуются, поскольку, несмотря на то что в соответствии с нашей гипотезой не происходит увеличения существующего капитала, достаточное его количество может быть освобождено из промышленности, ранее удовлетворявшей другие и менее насущные потребности, которыми рабочие должны теперь пожертвовать. Дополнительное предложение продовольствия будет, таким образом, обеспечиваться увеличением его производства, однако такое производство будет связано с

возрастанием издержек, и меновая стоимость сельскохозяйственной продукции должна также возрасти. Могут возразить, что в связи с ростом прибылей дополнительные издержки производства продовольствия можно компенсировать за счет прибылей без какого-либо увеличения цен. Несомненно, это могло бы иметь место, однако цены не останутся стабильными, поскольку в таком случае сельскохозяйственный производитель оказался бы в худшем положении по сравнению с другими капиталистами. Возрастание прибылей, являясь результатом уменьшения заработной платы, коснется всех нанимателей рабочей силы. Увеличение расходов, обусловленное необходимостью применения более дорогих способов обработки земли, затронет только сельскохозяйственных производителей. За эти специфические затраты они должны получить особую компенсацию независимо от того, является ли общий уровень прибыли низким или высоким. Сельскохозяйственные производители не примирятся с постоянным изъятием части их прибылей, которое не имеет места в отношении других капиталистов. Эти производители не будут расширять свою деятельность и тратить дополнительный капитал, если не будут получать от продажи своих продуктов выручки, достаточной для обеспечения столь же высокой прибыли, какая может быть получена на тот же капитал при вложении в другие виды производства. Следовательно, увеличивается стоимость их товаров, причем этот рост будет пропорционален повышению издержек. Таким образом, фермеры получают компенсацию за те потери, которые при-сущи только их специфическому виду деятельности, а также воспользуются распространившимся на всех капиталистов повышением нормы прибыли.

В соответствии с рассмотренными нами закономерностями в подобной ситуации произойдет увеличение ренты. Любой участок земли позволит выплатить ренту, равную избытку продукта этого участка по сравнению с доходом от капитала, используемого на худшей земле или при наихудших условиях, а в условиях свободной конкуренции такая рента будет выплачиваться обязательно. Таким образом, когда сельскохозяйственное производство должно расширяться за счет использования худших земель или более трудоемких процессов, происходит увеличение ренты. Подобное увеличение будет носить двойственный характер. Прежде всего станет возрастать натуральная, или:

«зерновая», рента, а кроме того, в связи с повышением стоимости сельскохозяйственной продукции в еще большей степени увеличатся размеры ренты, выраженной в готовых промышленных изделиях или иностранных товарах (представленные *caeteris paribus* (при прочих равных условиях) в денежной ренте).

Последовательность этапов данного процесса (если после того, что изложено выше, возникает необходимость проследить их) является следующей. Для того чтобы обеспечить среднюю прибыль на капитал, требующийся для производства дополнительного количества зерна либо на худших землях, либо при применении более дорогостоящих процессов, нужно увеличить цены на зерно. Что касается дополнительно полученной части зерна, возросшая цена представляет собой не что иное, как возмещение дополнительных затрат, но увеличение цены распространяется на все произведенное зерно и обеспечивает его производителям, за исключением тех, кому принадлежит эта часть, добавочную прибыль. Если фермер обычно производит 100 кварталов пшеницы, затрачивая 40 шилл. на квартал и в данный момент требуется 120 кварталов, из которых последние 20 кварталов не могут быть произведены дешевле, чем по 45 шилл., он получает дополнительные 5 шилл. за все 120 кварталов, а не только за последние 20. Таким образом, он получает дополнительные 25 ф. ст. сверх обычных прибылей, которые в условиях свободной конкуренции ему не удастся сохранить. Его, однако, нельзя вынудить к отказу от этой прибыли в пользу потребителей, поскольку цена ниже 45 шилл. за квартал не будет соответствовать условиям производства последних 20 кварталов. Поэтому она останется на уровне 45 шилл. за квартал, а 25 ф. ст. в результате конкуренции перейдут к владельцу земли. Таким образом, повышение ренты является неизбежным следствием увеличения спроса на сельскохозяйственную продукцию, когда такому увеличению не сопутствует возрастание возможностей для ее производства. Исходя из изложенного обобщающего примера, данное положение мы будем в дальнейшем принимать как доказанное.

Вновь введенный таким образом элемент — повышение спроса на продукты питания, — помимо того что он вызывает повышение ренты, в еще большей мере нарушает распределение продукта между капиталистами и рабо-

чими. Рост населения приведет к снижению вознаграждения за труд, и если издержки на оплату рабочей силы сократятся в такой же степени, что и реальная сумма этого вознаграждения, то такое сокращение целиком пойдет на увеличение прибыли. Если, однако, увеличение численности населения приведет к росту производства продовольствия, которое может быть достигнуто только при повышении издержек, издержки на оплату рабочей силы снизятся не в такой мере, как реальная оплата труда, и поэтому увеличение прибыли не будет столь высоким. Может даже возникнуть ситуация, когда не будет никакого увеличения прибыли. Рабочие могут оказаться настолько хорошо обеспеченными, что их потери будут состоять лишь в отказе от некоторого чрезмерного потребления и им, возможно, не придется в силу необходимости или собственного выбора уменьшать количество или снижать качество потребляемых ими продуктов питания. Производство продовольствия для увеличившегося населения может сопровождаться таким ростом затрат, что заработная плата, хотя и понизившаяся в количественном отношении, будет представлять такие же издержки и явится продуктом такого же количества труда, как и раньше, и капиталист может не получить никаких выгод. При таком предположении потери работников частично поглощаются дополнительным трудом, необходимым для производства последнего добавочного количества сельскохозяйственной продукции, а остальная часть попадает владельцу — единственному участнику дележа, который всегда получает выгоду от увеличения численности населения.

§ 2. Изменим теперь нашу исходную гипотезу и, вместо того чтобы допускать существование неизменного капитала при увеличивающемся населении, предположим, что происходит возрастание капитала при неизменной численности населения. Природные и общественные условия производства, как и раньше, остаются неизменными. Реальная заработная плата работников, вместо того чтобы падать, будет теперь расти, а поскольку издержки производства товаров, составляющих предметы их потребления, не понизились, такое повышение заработной платы предполагает адекватное увеличение издержек на оплату рабочей силы и сокращение прибылей. Иными словами, это сокращение происходит следующим образом: число рабочих

не увеличивается и производительная сила их труда остается неизменной, следовательно, увеличения продукта не происходит, поэтому заработная плата возрастает за счет капиталиста. Не исключено, что издержки на оплату рабочей силы могут возрастать даже в большей степени, чем реальное вознаграждение. Улучшение условий жизни рабочих может привести к увеличению спроса на продовольствие. Возможно, что в прошлом они были настолько бедны, что не в состоянии были приобретать достаточное количество продуктов питания, теперь же они получили возможность потреблять большее количество этих продуктов; они могут также предпочесть потратить свои увеличившиеся средства частично или полностью на более дорогие, высококачественные продукты питания, для производства которых требуется больше затрат труда и больше земли, например на пшеницу вместо овса или картофеля. Такое расширение сельскохозяйственного производства предполагает, как обычно, повышение издержек производства и цен. Таким образом, наряду с возрастанием издержек на оплату рабочей силы, связанным с увеличением вознаграждения за труд, будет происходить также и их рост (и дальнейшее снижение прибылей), обусловленный подорожанием продуктов, составляющих это вознаграждение. Такие же причины приведут к увеличению ренты. То, что теряют капиталисты и не приобретают рабочие, частично попадает владельцу земли, а частично поглощается возросшими издержками производства продовольствия на худших землях или при помощи менее производительных способов.

§ 3. Рассмотрев два простых случая, в первом из которых имеет место рост численности населения при неизменном количестве капитала, а во втором увеличение капитала при неизменной численности населения, мы можем перейти к анализу более сложного положения, когда сочетаются оба элемента роста, т. е. происходит и увеличение капитала, и рост численности населения. Если один из этих элементов увеличивается быстрее, чем другой, то, по существу, происходят процессы, очень близкие к двум рассмотренным ранее случаям, поэтому мы будем предполагать, что возрастание происходит одинаковыми темпами. Показателем совпадения этих темпов явится то обстоятельство, что каждый рабочий станет получать те же това-

ры и в таком же количестве, как и прежде. Рассмотрим, в чем будет состоять воздействие подобного возрастания двух элементов на ренту и прибыль.

В связи с увеличением численности населения без какого-либо ухудшения в условиях жизни рабочего, несомненно, возрастет спрос на продукты питания. Поскольку предполагается, что техника и навыки производства остаются неизменными, эти продукты питания должны производиться с большими издержками. Для компенсации этих увеличившихся издержек на производство дополнительных продуктов питания должна возрасти цена на сельскохозяйственную продукцию. В связи с распространением такого повышения цен на все производимые продукты питания, хотя рост издержек производства касается только части таких продуктов, резко увеличится объем дополнительной прибыли, которая из-за конкуренции попадет землевладельцу. Рента возрастет как в натуральном выражении, так и в виде издержек, в то же время заработная плата, количественное изменение которой не предполагается, вызовет большие издержки. Поскольку рабочий получает то же количество необходимых продуктов, денежная заработная плата должна возрасти, а так как повышение касается всех областей производства, то капиталист не может получить компенсации путем изменения своего занятия и потери должны отрицательно отразиться на прибылях.

Таким образом, очевидно, что тенденция к увеличению капитала и росту численности населения должна вызвать повышение ренты за счет прибылей, хотя рента и не поглощает всех потерь в прибылях. Частично эти потери связаны с ростом издержек производства, обусловленным необходимостью нанимать или кормить большее число работников с целью получения данного количества сельскохозяйственных продуктов. Под прибылями, конечно, следует понимать *норму* прибыли, так как при более низкой норме прибыли на крупный капитал может быть получена абсолютно более высокая общая прибыль, хотя она будет пропорционально меньше по отношению ко всему продукту.

Действие данной тенденции к снижению прибылей иногда ограничивается в результате совершенствования производства, обусловленного либо увеличением объема знаний, либо более широким использованием уже имею-

щихся знаний. Это последний из трех элементов, воздействие которых на распределение продукта мы считаем необходимым рассмотреть. Наше рассмотрение будет облегчено, если допустить, как и в отношении двух других элементов, что последний элемент один оказывает воздействие на распределение.

§ 4. Итак, предположим, что капитал и население остаются неизменными и происходит внезапное улучшение в производстве либо в результате изобретения более эффективных машин или применения менее дорогостоящих процессов, либо в результате получения—через внешнюю торговлю—доступа к более дешевым товарам. Улучшение может касаться как предметов первой необходимости и других предметов, входящих в повседневное потребление рабочего класса, так и относиться только к предметам роскоши, потребляемым исключительно богатыми слоями населения. Однако лишь очень немногие из величайших промышленных изобретений относились ко второй категории. Совершенствование сельскохозяйственного производства, кроме тех случаев, когда оно относится к какому-то особенно редкому или специфическому виду продукции, оказывает непосредственное воздействие на предметы, составляющие основные статьи расходов рабочих. Паровая машина и любое другое изобретение, которое позволяет получить полезную энергию, могут применяться для производства всех товаров, в том числе, безусловно, тех, которые потребляются рабочими. Даже механический ткацкий станок и прядильная машина «Дженни», хотя и применяются для изготовления тонких видов тканей, могут ничуть не хуже использоваться для выпуска грубых шерстяных и хлопчатобумажных тканей, идущих на изготовление одежды для рабочих. Все улучшения в средствах транспорта приводят к удешевлению доставки как предметов первой необходимости, так и предметов роскоши. Лишь в редких случаях возникновение нового вида деятельности прямым или каким-либо косвенным образом не приводит к снижению издержек производства или импорта товаров, составляющих предметы массового потребления. Таким образом, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что совершенствование производства в целом приводит к удешевлению товаров, на которые расходуется заработная плата трудящихся классов.

До тех пор пока товары, на которые распространяется усовершенствование производства, не составляют в целом предмета потребления трудящихся классов, это усовершенствование не оказывает воздействия на распределение продукта. Данные конкретные товары действительно дешевеют, поскольку уменьшаются издержки их производства, падает их стоимость и цена, а все, кто их потребляет: землевладельцы, капиталисты или квалифицированные и привилегированные рабочие, — получают возможность пользоваться ими в большем количестве. Однако норма прибыли не повысится, возрастет лишь общий объем прибыли, выраженный в количестве товаров. Но и капитал, если его соотнести с теми же товарами, будет обладать большей стоимостью. Прибыль составит такую же долю по отношению к капиталу, как и в прошлом. Капиталисты получают определенные выгоды, но не в качестве капиталистов, а в качестве потребителей. Эти выгоды достанутся и землевладельцам, а также привилегированным слоям рабочих, если они являются потребителями таких товаров.

Положение меняется в том случае, когда усовершенствование производства приводит к снижению издержек изготовления предметов первой необходимости, или товаров, которые составляют предмет обычного потребления основной массы трудящихся. В связи с тем, что в данном случае воздействие различных факторов будет довольно сложным, необходимо рассмотреть это воздействие несколько более подробно.

Как уже отмечалось¹, существуют два вида совершенствования сельскохозяйственного производства. Один состоит в простой экономии труда и позволяет производить данное количество продовольствия с меньшими издержками, но без уменьшения количества требующейся для этого земли. Во втором случае можно получить с данного участка земли не только такое же количество продукта при снижении необходимых затрат труда, но и увеличить это количество. Поэтому при отсутствии потребности в получении дополнительного количества продукта можно отказаться от использования части уже обрабатываемой земли. В связи с тем что из хозяйственного оборота будет исключена наихудшая часть земли, регулирующее воздействие

¹ См. ранее, т. I, с. 312—314.

на рынок будет оказывать земля, обладающая большей производительностью, чем раньше.

Для того чтобы достаточно четко представить себе результаты усовершенствования производства, мы должны предположить, что такое усовершенствование осуществляется внезапно и за то время, пока оно происходит, ни капитал, ни население не успевают возрасти. Непосредственным результатом явится падение стоимости и цены на сельскохозяйственную продукцию. Подобный процесс представляет собой неизбежное следствие любого усовершенствования, в первую же очередь сказанное относится ко второму его виду.

В процессе усовершенствования производства первого вида не происходит увеличения количества продукта и из хозяйственного оборота не изымаются какие-либо участки земли, предел обработки (как его называет д-р Чалмерс) остается без изменений. Без изменений остаются площади используемых сельскохозяйственных угодий и степень сложности применяемых методов выращивания сельскохозяйственных культур, а цены определяются теми же самыми участками земли и тем же капиталом, что и прежде. Однако, поскольку данная земля или капитал и всякая другая земля или капитал, вовлеченные в производство продуктов питания, сейчас производят эти продукты с меньшими издержками, произойдет пропорциональное снижение цен. Если затраты на производство снизились на $\frac{1}{10}$, то и цена продукта уменьшится в такой же мере.

Но допустим, что имело место совершенствование производства второго вида, которое позволяет не только выращивать на данной земле то же количество зерна при снижении затрат труда на $\frac{1}{10}$, но и увеличить его производство на $\frac{1}{10}$ при тех же самых затратах труда. В данном случае последствия будут еще более определенными. Урожайность может быть повышена, и рынок будет обеспечиваться за счет производства продукции на земле меньшей площади. Даже если эта земля будет обладать тем же самым средним качеством, что и остальная земля, цена уменьшится на $\frac{1}{10}$, поскольку прежнее количество продукта будет получено при снижении затрат труда на $\frac{1}{10}$. Однако в связи с тем, что неиспользуемые участки окажутся наименее плодородными, цена продукта будет определяться производством на земле лучшего качества. Таким

образом, в дополнение к первоначальному сокращению издержек на $\frac{1}{10}$ будет происходить их дальнейшее снижение, соответствующее перемещению «предела» сельскохозяйственного производства на земли, обладающие более высокой урожайностью. В результате будет наблюдаться падение цен под воздействием двух факторов.

Рассмотрим теперь влияние подобных внезапных усовершенствований производства на распределение продукта, и прежде всего на ренту. Осуществление первого вида усовершенствований приведет к уменьшению ренты. Во втором случае это уменьшение будет еще более значительным.

Предположим, что спрос на продукты питания определяет необходимость их производства на трех участках земли, позволяющих получать при одинаковых затратах соответственно 100, 80 и 60 бушелей пшеницы с равной площади. Средняя цена пшеницы будет как раз достаточной для получения средней нормы прибыли при ее производстве на худшем участке. Первый участок будет давать дополнительную прибыль, эквивалентную 40, а второй — 20 бушелям пшеницы, которая составит ренту землевладельца. Вначале предположим, что было осуществлено усовершенствование производства, которое не приводит к увеличению количества выращиваемого зерна, но позволяет сократить затраты труда на $\frac{1}{4}$. Цена пшеницы также уменьшится на $\frac{1}{4}$, и при продаже 80 бушелей будет получена сумма, которую раньше можно было получить, реализовав 60 бушелей. Но потребность в продукте того участка, где производится 60 бушелей, осталась неизменной, и, поскольку затраты на производство сократились в такой же мере, как снизилась цена на пшеницу, этот участок будет возделываться и в дальнейшем, что обеспечит получение средней нормы прибыли. Первый и второй участки станут по-прежнему давать дополнительные 40 и 20 бушелей соответственно, рента, выраженная в зерне, останется прежней. Но поскольку цена зерна снизилась на $\frac{1}{4}$, та же самая рента в виде зерна будет эквивалентна уменьшенному на $\frac{1}{4}$ количеству денег и всех остальных товаров. Отсюда, если землевладелец тратит свой доход на приобретение готовых изделий или иностранных товаров, он становится беднее на $\frac{1}{4}$. Его доход как землевладельца составляет теперь $\frac{3}{4}$ прежнего, и только как потребитель зерна он остался в прежнем положении.

Если усовершенствование относится ко второму виду, падение ренты окажется более значительным. Предположим, что количество продукта, на которое рынок предъявляет спрос, может быть выращено не только при снижении затрат труда на $\frac{1}{4}$, но что для этого потребуются и на $\frac{1}{4}$ меньше земли. Если бы вся земля, обрабатываемая в настоящее время, и в дальнейшем использовалась бы для выращивания пшеницы, количество продукта значительно превысило бы потребности. Площадь земли, на которой производится $\frac{1}{4}$ часть общего количества пшеницы, должна быть изъята из обработки, а поскольку на третьем участке производитель получает как раз $\frac{1}{4}$ совокупного производства зерна (60 из 240 бушелей), именно на этом участке производство будет прекращено. 240 бушелей теперь могут быть выращены только на первом и втором участках: на первом — 100 бушелей и дополнительно $\frac{1}{3}$, или $133\frac{1}{3}$ бушеля, на втором — 80 бушелей и дополнительно $\frac{1}{3}$, или $106\frac{2}{3}$ бушеля, что вместе составляет 240 бушелей. Теперь не третий, а второй участок является наихудшим, и именно он станет определять цену пшеницы, и его оказывается вполне достаточно, для того чтобы средняя норма прибыли была получена на капитал, затраченный не на производство 60 бушелей, а на производство $106\frac{2}{3}$ бушеля. Цена на пшеницу упадет, однако не в отношении 60 : 80, как в первом случае, а в отношении 60 : $106\frac{2}{3}$. Однако и в данном случае нельзя иметь полного представления об изменении ренты. Продукт второго участка целиком пойдет на покрытие издержек производства. За данный участок, являющийся наихудшим, рента выплачиваться не будет. А рента с первого участка составит лишь разницу между $133\frac{1}{3}$ бушеля и $106\frac{2}{3}$ бушеля, или $26\frac{2}{3}$ бушеля, вместо 40 бушелей. В общей сложности землевладельцы потеряют $33\frac{1}{3}$ бушеля из ранее получавшейся ренты в 60 бушелей, причем это касается только натуральной ренты, поскольку стоимость и цена получаемого ими остатка уменьшается в пропорции 60 : $106\frac{2}{3}$.

Таким образом, создается впечатление, что интересы землевладельцев явно противоречат быстрому и повсеместному осуществлению усовершенствования в сельскохозяйственном производстве. Подобное утверждение объявили парадоксом, а Д. Рикардо, впервые его выдвинувшего, обвинили в интеллектуальной извращенности, если не сказать хуже. Я не могу понять, в чем же все-таки состоит

парадокс, и считаю, что близорукостью страдают все те, кто встречает в штыки подобное утверждение. Только при недобросовестном изложении содержащаяся в этом утверждении идея может показаться абсурдной. Конечно, невозможно доказать утверждение о том, что владелец земли пострадает от улучшения своего поместья, но ведь речь идет о том, что он понесет убытки в результате повсеместного улучшения сельскохозяйственного производства, включая и производство на принадлежащей ему земле. Никто не сомневается, что землевладелец окажется в большом выигрыше, если ему удастся сохранить усовершенствование производства только у себя и воспользоваться двойной выгодой, полученной за счет увеличения количества производимой им продукции и сохранения цены на нее на прежнем уровне. Однако, если увеличение производства происходит одновременно на всех участках, цена не будет столь высокой, как прежде, поэтому нет ничего неразумного в предположении о том, что землевладельцы не только не получают выгоды, но и понесут убытки. Любое обстоятельство, вызывающее постоянное снижение цены, приводит к уменьшению ренты — это признано повсеместно, поэтому полностью соответствует общепринятым взглядам и предположение о том, что, если в результате увеличения урожайности потребуются меньше земли для производства сельскохозяйственной продукции, ее стоимость, как и всех других товаров, на которые сократился спрос, понизится.

Я охотно соглашусь с тем, что в действительности по мере совершенствования сельскохозяйственного производства не происходило уменьшения ренты. Чем же это объясняется? Дело в том, что в реальной жизни усовершенствования никогда не происходили мгновенно, а всегда осуществлялись постепенно. Темпы усовершенствования сельскохозяйственного производства никогда сильно не опережали рост капитала и численности населения, а зачастую в значительной степени отставали от них. Рост и капитала, и численности населения вызывает повышение ренты, в то время как улучшение производства обуславливает ее уменьшение. Однако, как мы вскоре увидим, подобное улучшение создает дополнительные возможности для резкого повышения ренты при возрастании капитала и численности населения. Но прежде мы должны рассмотреть, каким же образом быстрое удешевление сельскохо-

зяйственной продукции влияет на прибыль и заработную плату.

Вначале денежная заработная плата, возможно, останется на прежнем уровне, и рабочие полностью воспользуются выгодами от понижения цен. У них появится возможность увеличить свое потребление продуктов питания или любых других товаров, которые при большем количестве будут представлять те же самые издержки. До этого времени прибыль не изменялась бы. Однако постоянное вознаграждение трудящихся в значительной мере зависит от так называемого «привычного стандарта» — уровня требований, на удовлетворении которых они настаивают как класс, прежде чем принимают решение об увеличении численного состава своей семьи. Если их вкусы и потребности претерпевают стабильные изменения в результате внезапного улучшения условий их существования, выгоды для этого класса будут носить постоянный характер. Но те же обстоятельства, которые позволяют им оплатить создание более благоприятных условий жизни и приобрести больше благ на ту же самую заработную плату, позволяют им сохранить неизменными условия жизни и приобретать те же блага при более низкой заработной плате. Вот почему становится возможным увеличение численности населения при сохранении привычных для трудящихся условий существования. До сих пор рабочие не находили каких-либо иных способов использования дополнительного количества средств к существованию. Они рассматривали их лишь в качестве источника получения продуктов питания для возросшего числа детей. Таким образом, наиболее вероятно, что в целом будет стимулироваться увеличение численности населения и уже в следующем поколении реальная заработная плата не превысит уровня, который существовал до того момента, как было осуществлено усовершенствование производства. Уменьшение заработной платы будет, с одной стороны, обусловлено сокращением ее денежного эквивалента, а с другой — возрастанием цен на продукты питания, вызванным увеличением издержек их производства в связи с дополнительным спросом, возникшим из-за роста численности населения. В той мере, в какой понизится денежная заработная плата, возрастут прибыли, поскольку капиталист при тех же затратах капитала будет получать большее количество труда одинаковой производительности. Итак, мы видим, что сни-

жение стоимости жизни, вызванное как улучшением сельскохозяйственного производства, так и импортом иностранных товаров, если только привычки и потребности трудящихся не поднимутся на более высокий качественный уровень, приведет к уменьшению заработной платы и ренты и повышению средней нормы прибыли.

Те факторы, которые действуют при осуществлении усовершенствований, приводящих к удешевлению продуктов питания, сохраняют свою силу и при замене дорогих видов продуктов питания более дешевыми. Один и тот же участок земли будет давать при равных затратах труда значительно большее количество продуктов питания, если вместо пшеницы на нем выращивать кукурузу или картофель. Если бы трудящиеся были вынуждены отказаться от хлеба и питаться только такими, более дешевыми продуктами, предпочитая в качестве компенсации не получение дополнительного количества других потребительских товаров, а более раннее заключение браков и увеличение размеров семьи, издержки на оплату рабочей силы сократились бы в большей степени и при сохранении прежнего уровня производительности труда возросли бы прибыли. Одновременно наблюдалось бы резкое уменьшение ренты, поскольку продукты питания для всего населения могли бы быть получены на площади, составляющей половину или третью часть территории, ныне занятой под пшеницей. Вместе с тем очевидно, что земля, слишком бедная для выращивания пшеницы, может в случае необходимости использоваться для производства картофеля, количество которого окажется достаточным для компенсации требующихся небольших затрат труда. В конечном счете качественный уровень сельскохозяйственного производства может понизиться, а рента повысится, если решающее значение будет иметь выращивание картофеля и кукурузы, а не пшеницы, поскольку земля окажется способной прокормить значительно большее количество населения до того, как ее возможности будут полностью исчерпаны.

Если предполагаемое нами усовершенствование производства касается не продуктов питания, а некоторых готовых изделий, составляющих предметы потребления трудящихся классов, то его влияние на заработную плату и прибыль вначале будет аналогичным, однако последствия для уровня ренты окажутся совершенно иными. Умень-

шения ренты не произойдет, и, если в конечном счете усовершенствование приведет к росту численности населения, она даже повысится. В этом случае произойдет падение прибыли. Причины подобных процессов достаточно очевидны и не требуют пояснений.

§ 5. Мы рассмотрели, с одной стороны, воздействие обычного увеличения численности населения и капитала на распределение продукта между рентой, прибылью и заработной платой, а с другой — влияние на такое распределение процесса совершенствования производства, особенно в сельском хозяйстве. Мы установили, что рост численности населения и капитала приводит к снижению прибылей и увеличивает ренту, а также издержки на оплату рабочей силы; в то же время тенденция к совершенствованию сельскохозяйственного производства вызывает уменьшение ренты, а все усовершенствования, которые вызывают удешевление каких-либо товаров, потребляемых рабочими, ведут к сокращению издержек на оплату рабочей силы и росту прибыли. Выяснив, таким образом, тенденции воздействия каждого из этих факторов в отдельности, легко будет установить реальное развитие событий при одновременном протекании двух процессов — достаточно постоянном возрастании капитала и численности населения в условиях периодического осуществления усовершенствований сельскохозяйственного производства и постепенного распространения знаний о более совершенных методах производства, а также расширения практического применения таких методов.

При данных привычках и потребностях трудящихся классов (определяющих уровень реальной заработной платы) рента, прибыль и денежная заработная плата в любой определенный момент будут результатом совокупного воздействия этих взаимно противодействующих сил. Если в какой-либо период процесс совершенствования сельскохозяйственного производства происходит быстрее, чем рост численности населения, рента и денежная заработная плата будут в течение этого периода уменьшаться, а прибыль — расти. Если же рост численности населения станет обгонять данный процесс, то либо трудящиеся будут вынуждены согласиться с уменьшением количества или ухудшением качества потребляемых ими продуктов питания,

либо будет увеличиваться рента и денежная заработная плата при одновременном падении прибыли.

Процесс совершенствования методов сельскохозяйственного производства и получения новых знаний в данной области происходит весьма медленно. Еще медленнее осуществляется распространение таких методов и знаний. Характерной чертой изобретений и открытий является их нерегулярность, в то время как рост капитала и численности населения происходит непрерывно. Поэтому лишь в редких случаях темпы внедрения усовершенствований даже на короткое время могут в такой мере опередить темпы роста капитала и численности населения, что это приведет к реальному уменьшению ренты или повышению нормы прибыли. Имеется много стран, где темпы роста капитала и численности населения весьма незначительны, а совершенствование сельскохозяйственного производства происходит там еще медленнее. Почти повсеместно динамика роста численности населения повторяет динамику процесса совершенствования сельскохозяйственного производства и практически сразу же сводит на нет все его результаты.

Причины, в силу которых улучшение производства в сельском хозяйстве лишь в редких случаях приводит к уменьшению ренты, заключаются в том, что подобное улучшение зачастую не обуславливает удешевления продуктов питания, а только препятствует их удорожанию. Совершенствование производства в очень редких случаях, если это вообще имеет место, приводит к отказу от возделывания тех или иных участков земли, оно лишь позволяет использовать все более плохие земли для удовлетворения возрастающего спроса. То, что иногда называют «естественным состоянием страны», когда ее территория возделывается только наполовину, т. е. земля позволяет получать высокие урожаи и продукты питания производятся в изобилии при небольших затратах труда, имеет место только в неосвоенных странах, колонизированных цивилизованными народами. В Соединенных Штатах самая худшая из обрабатываемых земель отличается высоким качеством (за исключением отдельных случаев, когда эта земля расположена вблизи рынков сбыта или транспортных магистралей, в результате чего удобство местоположения участка земли компенсирует ее низкое качество) ²,

² [Слова в скобках внесены во 2-е издание (1849 г.).]

и даже при отсутствии дальнейших усовершенствований в сельскохозяйственном производстве или средствах транспорта в это производство должно было бы быть вовлечено большое количество последовательно ухудшающейся земли, прежде чем произошло бы прекращение роста капитала и численности населения. Но в Европе 500 лет назад, хотя она тогда была очень мало населена по сравнению с настоящим временем, по всей вероятности, наихудшая из пахотных земель из-за примитивного состояния сельского хозяйства была столь же мало производительной, как и худшая земля, обрабатываемая в настоящее время, и для возделывания использовались земли, в такой же мере близкие по своему качеству к тому пределу, когда их обработка становится невыгодной, как и в наши дни. Реальный результат совершенствования сельскохозяйственного производства состоит в том, что при общем увеличении продуктивности земли оно позволило использовать землю, значительно худшую по своим природным качествам по сравнению с землей, которая в прошлом считалась наихудшей для прибыльного применения капитала. Тем самым были созданы возможности для быстрого роста капитала и численности населения, и постепенно все дальше и дальше отодвигался барьер, ограничивавший такой рост. Численность населения всегда была настолько близка к максимально возможному в данное время пределу и настолько сильна была тенденция к дальнейшему увеличению этой численности, что малейшие возможности прокормить дополнительное число людей, возникавшие в результате совершенствования сельскохозяйственного производства, немедленно вызвали рост населения. Таким образом, улучшение положения в сельском хозяйстве следует рассматривать не столько в качестве фактора, компенсирующего последствия роста численности населения, сколько в качестве средства, способствующего определенному ослаблению ограничений, препятствующих подобному росту.

Воздействие, которое оказывает рост производства на распределение продукта в условиях совокупного влияния увеличения капитала и численности населения и улучшения сельскохозяйственного производства, существенным образом отличается от того воздействия, которое имело место в рассмотренных выше гипотетических примерах. Особенно большими оказываются различия в отношении ренты. Мы отмечали, что значительные совершенствова-

ния сельскохозяйственного производства, осуществленные внезапно и повсеместно, в первое время неизбежно приведут к уменьшению ренты; в процессе же общественного развития такие усовершенствования позволяют постепенно увеличить ренту до уровня, который не мог бы быть достигнут в других условиях, поскольку в конечном счете будут созданы возможности для использования земли, обладающей значительно более низким качеством. Однако в рассматриваемом нами сейчас примере, который почти точно соответствует реальному положению вещей, указанный конечный итог превращается в непосредственный результат. Предположим, что количество обрабатываемой земли достигло, или почти достигло, максимально возможного при данном уровне техники предела и рента, таким образом, повысилась почти до наивысшей точки, до которой она может быть доведена в результате роста капитала и численности населения при существующих производственных навыках и знаниях. Если бы внезапно было осуществлено крупное усовершенствование сельскохозяйственного производства, оно могло бы привести к значительному уменьшению ренты, которая затем постепенно возвращалась бы к своему прежнему уровню в силу роста населения и капитала, а впоследствии превысила бы этот уровень. Однако, поскольку подобные усовершенствования всегда происходят очень медленно, они не вызывают уменьшения ренты или сокращения площади обрабатываемой земли, а лишь способствуют росту ренты и увеличению обрабатываемой площади в значительно большей, чем обычно, степени. Даже если не возникнет необходимости использования худших участков земли, такой процесс будет продолжаться, поскольку земли, уже используемые в сельскохозяйственном производстве, позволят получать больше продукции без пропорционального увеличения издержек производства. Если улучшение сельскохозяйственного производства позволит добиться того, что все обрабатываемые земли станут приносить даже при удвоенных затратах труда и капитала удвоенное количество продукта (при условии, что в результате роста численности населения потребность в этом продукте возросла в два раза), то и рента в целом также увеличится вдвое.

Для иллюстрации данного положения несколько изменим конкретный пример, который мы рассмотрели в предыдущем параграфе. Три участка земли производят соот-

ветственно 100, 80 и 60 бушелей зерна при одинаковых затратах на единицу обрабатываемой площади. Если участок № 1 сможет давать 200 бушелей, № 2 — 160, а № 3 — 120 бушелей и при этом затраты только удвоятся и, таким образом, не произойдет увеличения издержек производства, то в этом случае при удвоении численности населения рост потребностей будет совпадать с дополнительным количеством продукта. В результате рента с участка № 1 составит 80 бушелей вместо 40, а с участка № 2 — 40 бушелей вместо 20, в то время как цена и стоимость одного бушеля зерна останутся неизменными и, следовательно, удвоится натуральная и денежная рента. Я не вижу необходимости рассматривать различия между данным результатом и тем случаем, рассмотренным нами ранее, когда улучшение производства не сопровождается повышением спроса на продукты питания.

Итак, совершенствование сельскохозяйственного производства в конечном счете всегда приносит выгоды землевладельцу. Но при тех способах, посредством которых оно повсеместно осуществляется в настоящее время, это совершенствование приносит землевладельцу и непосредственные выгоды. Мы можем также добавить, что при таких способах оно не приносит выгод больше никому. Когда спрос на продукт полностью совпадает с возросшими производственными возможностями, продовольствие не дешевеет, трудящиеся не получают даже временных выгод, издержки оплаты труда не сокращаются и прибыли не растут. Общий объем производства увеличивается, большее количество продукта распределяется между рабочими, и возрастает общая сумма прибыли; однако заработная плата делится между большим по численности населением, а прибыли приходятся на возросший капитал. Ни один рабочий не стал зажиточнее, ни один капиталист не получил дополнительного дохода на то же самое количество капитала.

Подведем итоги нашего весьма подробного исследования. Экономическое развитие общества, состоящего из землевладельцев, капиталистов и рабочих, приводит к все большему и большему обогащению класса землевладельцев³, в то же время издержки, необходимые для обеспечения средств к существованию для трудящихся, в целом

³ [См. Приложение Z. «Рента в XIX в.».]

имеют тенденцию к повышению⁴, а прибыли — к понижению. Совершенствование сельскохозяйственного производства представляет собой фактор, действующий на два последних процесса в противоположных направлениях. Однако в конечном счете оно в очень большой мере усиливает обогащение землевладельцев, хотя можно представить себе положение, при котором улучшение производства вызовет временную задержку процесса их обогащения. Увеличение же численности населения приводит к тому, что все выгоды от совершенствования сельскохозяйственного производства достаются только землевладельцам. Какие еще последствия возникают в результате промышленного развития общества, имеющего такое устройство, и как они дополняют или видоизменяют только что рассмотренные, я попытаюсь показать в следующей главе.

⁴ [См. Приложение АА. «Заработная плата в XIX в.».]

О ТЕНДЕНЦИИ ПРИБЫЛИ К МИНИМАЛЬНОМУ
УРОВНЮ

§ 1. Тенденция прибыли к понижению по мере того, как происходит развитие общества, рассматривалась в предшествующей главе. Наличие подобной тенденции признавалось в прошлом рядом авторов, занимавшихся исследованием промышленности и торговли, однако поскольку они не понимали законов, определявших процесс образования прибыли, то для объяснения этого процесса выдвигались неправильные причины. Адам Смит считал, что прибыли определяются, как он называл, «конкуренцией капитала», и делал вывод о том, что при увеличении капитала эта конкуренция должна возрастать, а прибыли понижаться. Не совсем ясно, какой вид конкуренции Адам Смит имел в данном случае. В главе о прибыли на капитал он писал следующее: «Когда капиталы многих богатых купцов вкладываются в одну и ту же отрасль торговли, их взаимная конкуренция, естественно, ведет к понижению их прибылей; а когда во всех отраслях торговли данного общества происходит такое же увеличение капитала, та же конкуренция должна произвести подобное действие во всех отраслях» *. Приведенное высказывание позволяет нам сделать вывод о том, что, по мнению Адама Смита, конкуренция капитала приводит к понижению прибыли в результате падения цен — именно таким образом увеличившиеся вложения капитала в какой-либо вид деятельности вызывают снижение прибылей, получаемых от такой деятельности. Если Адам Смит имел в виду подобный процесс, то он не учел того обстоятельства, что снижение цены на один товар, действительно обуславливающее уменьшение прибыли его производителя, перестает оказывать такое воздействие, как только снижение распространяется на все товары, поскольку оно является чисто номинальным, и даже в денежном выражении затраты каждого производителя уменьшаются в такой же степени, в какой сократится

* А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, кн. I, гл. 9, с. 80.

его выручка. Только в том случае если труд будет единственным товаром, на который денежная цена не уменьшится при падении цен на все другие товары, т. е. когда произойдет не что иное, как повышение заработной платы, то именно оно, а не снижение цен явится единственной причиной уменьшения прибыли на капитал. Есть и другое обстоятельство, ускользнувшее от внимания Адама Смита: предполагаемое повсеместное падение цен вообще не может иметь места. Цены определяются конкуренцией не только продавцов, но и покупателей, не только предложением, но и спросом. Спрос, оказывающий влияние на денежные цены, представлен деньгами, находящимися в распоряжении населения и предназначенными для вложения в товары, и, до тех пор пока их количество по сравнению с количеством товаров не уменьшится, общего понижения цен не произойдет. Итак, в какой бы мере ни возрастал капитал и соответственно ни увеличивалось производство товаров, необходимая часть капитала будет в полной мере вовлечена в производство или импорт денег и их количество будет возрастать пропорционально количеству товаров. Если бы дело не обстояло подобным образом и деньги, как допускает подобная теория, постоянно увеличивали свою покупательную способность, те, кто осуществляет производство или импорт денег, неизменно получали бы всевозрастающую прибыль, а этого не могло бы произойти без привлечения рабочей силы и капитала к данному виду деятельности за счет других видов их применения. Если бы в действительности произошло общее падение цен и возрастание стоимости денег, то это могло бы иметь место лишь в результате роста издержек производства, вызванного постепенным истощением шахт, добывающих драгоценные металлы.

Таким образом, теоретически представляется несостоятельным утверждение о том, что увеличение капитала вызывает или обуславливает общее снижение денежных цен. И в реальной жизни еще ни разу не отмечалось повсеместного падения цен по мере роста капитала. Единственными вещами, цены на которые снижаются в связи с развитием общества, оказываются те, в производстве которых имели место усовершенствования более значительные, чем усовершенствования, происшедшие в производстве драгоценных металлов, как, например, все ткани из пряжи. Другие товары со своей стороны повысились в цене, по-

скольку издержки их производства по сравнению с золотом и серебром возросли. К этим товарам, если сравнивать цены весьма отдаленного прошлого с современными ценами, относятся все виды продуктов питания. Таким образом, теория, утверждающая, что конкуренция капитала приводит к уменьшению прибылей в результате снижения цен, не соответствует реальному положению вещей и не является рациональной в самой своей основе.

Однако у нас нет уверенности, что Адам Смит действительно придерживался подобных взглядов, поскольку его высказывания по данному вопросу противоречивы и непоследовательны, что отражает отсутствие определенной и тщательно взвешенной точки зрения. Временами создается впечатление, что, по мнению Адама Смита, уменьшение прибыли в результате конкуренции капитала происходит посредством повышения заработной платы. А когда он говорит о норме прибыли в новых колониях, кажется, что он вот-вот завершит окончательную формулировку теории по данному вопросу. «По мере роста колонии прибыль на капитал постепенно уменьшается. После того как заняты самые плодородные и лучше всего расположенные участки земли, меньшая прибыль может быть получена от обработки худших по своей почве и расположению участков...» *. Если бы Адам Смит продолжил свое рассмотрение данной проблемы и систематизировал свои представления путем согласования отдельных фрагментов общей картины, выявленных им при исследовании различных аспектов данной проблемы, он бы заметил, что последняя из указанных причин действительно определяет понижение прибылей, обычно следующее за возрастанием капитала.

§ 2. Уэйкфилд в его комментариях к сочинениям Адама Смита и серьезных работах о колонизации излагает значительно более четкую точку зрения на данную проблему и приходит на основании ряда последовательных, в основном правильных, заключений к практическим выводам, которые представляются мне справедливыми и важными; однако не столь успешными оказываются его попытки объединить свои важные предположения с результатами предшествующих рассуждений и согласовать их с

* Там же, с. 83.

другими истинами. Некоторые теоретические положения, выдвинутые д-ром Чалмерсом в его работе, а именно в главе «Относительно роста капитала и его предела» и двух последующих главах, по направлению мышления и существу совпадают с идеями Уэйкфилда. Хотя взгляды д-ра Чалмерса изложены с присущей ему и весьма привлекательной внешней четкостью в том, что касается данной проблемы, они оказываются еще более запутанными, чем взгляды А. Смита, и в гораздо большей мере пронизаны им самим же неоднократно отвергаемой мыслью о том, что конкуренция капитала приводит к повсеместному падению цен. Этот пронзительный и энергичный автор, видимо, не смог найти места для рассмотрения проблем денег среди других проблем политической экономии, которые он тщательно исследовал.

В кратком изложении объяснение Уэйкфилдом причин падения прибылей сводится к следующему. Производство ограничивается не только размерами капитала и численностью рабочей силы, но и величиной «области применения». Область применения капитала имеет двойственный характер: это земля в пределах данной страны и способность иностранных рынков поглощать произведенные в результате применения этого капитала готовые изделия. На ограниченном земельном пространстве только ограниченный размер капитала может найти прибыльное применение. Когда по своим размерам капитал начинает приближаться к этому пределу, прибыли падают, и, когда этот предел достигнут, прибыль исчезает полностью. Прибыль может появиться вновь только в результате расширения области применения капитала путем приобретения плодородных земель или открытия новых иностранных рынков, где могут закупаться продовольственные товары и материалы в обмен на продукцию, произведенную при помощи отечественного капитала. По моему мнению, эти положения в основном верны, и даже в отношении применяемой терминологии, которая ориентирована скорее на их популяризацию и практическое применение, чем на использование в научных целях; здесь я не могу что-либо возразить. Ошибка, в которой, по моему мнению, можно было бы обвинить Уэйкфилда, состоит в том, что он рассматривал свою теорию как противоречащую принципам лучшей из предшествующих ему школ политической экономии, в то же время в действительности эта теория основывалась

на непосредственных выводах из этих принципов, хотя, вероятно, эти выводы не всегда одобрялись самими ее представителями.

Наиболее глубокий научный подход к данной проблеме, с которым мне приходилось сталкиваться, присущ очерку о последствиях использования машин в производстве, опубликованному Уильямом Эллисом* в январе 1826 г. в «Вестминстер ревью». Несомненно, этот очерк не был известен Уэйкфилду, однако некоторые из содержащихся в нем главных выводов, хотя и сделаны на основании иного направления мышления, непосредственным образом предваряют идеи Уэйкфилда. Этот очерк не привлек внимания — частично потому, что он был опубликован в периодическом издании без указания автора, а частично потому, что он значительно опередил уровень развития политической экономии, существовавший в то время. Подход Эллиса к рассматриваемой проблеме позволяет найти решение вопросов и устранить трудности, возникшие в связи с теоретическими рассуждениями Уэйкфилда и д-ра Чалмерса, в соответствии с принципами политической экономии, изложенными в настоящей работе.

§ 3. В каждый данный момент в любом месте существует определенная минимальная норма прибыли, которая может побуждать население этой страны именно в данное время осуществлять накопления и производительно использовать накопленные средства. Минимальная норма прибыли изменяется в зависимости от обстоятельств. Она зависит от двух факторов. Один из них определяется тем, насколько сильно реальное стремление к осуществлению накоплений, каким образом проживающее на конкретной территории в данное время население оценивает свои будущие интересы в сравнении с настоящими. Этот фактор главным образом влияет на склонность к накоплению. Второй фактор, который затрагивает не столько желание осуществлять накопления, сколько склонность к их производительному применению, состоит в степени безопасности капитала, используемого в промышленности. Несомненно,

* [1862 г.] Теперь гораздо более известного благодаря своей настойчивой борьбе пером, деньгами и личными усилиями за улучшение народного образования; особенно за включение в него практической политической экономии.

что и общий уровень безопасности оказывает воздействие на склонность к сбережению. Накопленное богатство может явиться источником дополнительной опасности для его пользующегося широкой известностью владельца. Вместе с тем это богатство может стать весомым средством устранения опасностей, поэтому можно считать, что в данном случае положительные и отрицательные последствия взаимно уравниваются. Однако, если какие-либо средства, имеющиеся в распоряжении данного лица, будут использованы им в качестве капитала либо самостоятельно, либо путем ссужения другим лицам для использования в качестве капитала, возникает дополнительный риск, помимо того, который связан с непроизводительным хранением средств в собственном доме. Этот дополнительный риск возрастает по мере снижения уровня общественной безопасности — он может быть равен 20, 30 или 50%, а может не превышать 1—2%, но он неизбежно существует всегда, и ожидаемый уровень прибыли должен быть достаточным для компенсации этого риска.

Мотивы, побуждающие к осуществлению определенных сбережений, существуют даже в том случае, если капитал не приносит никакой прибыли. В этом случае возникает стремление сделать при благоприятных условиях определенные запасы на случай возникновения каких-либо трудностей в будущем: отложить средства на случай болезни и на старость, обеспечить свой досуг и независимость в преклонном возрасте либо помочь детям в самом начале их самостоятельной жизни. Но сбережения, которые осуществляются только с подобными целями, обычно не приводят к значительному увеличению постоянно существующего капитала. Подобные стимулы лишь заставляют людей в один период их жизни накапливать то, что они предполагают израсходовать в другой, либо то, что будет потреблено их детьми раньше, чем они сами смогут полностью обеспечить свое существование. Происхождение накоплений, которые обычно приводят к увеличению национального капитала, как правило, связано со стремлением людей либо улучшить так называемые «условия жизни», либо обеспечить будущее своих детей или других лиц независимо от их собственных усилий. Насколько сильным будет подобное стремление, в очень большой степени зависит от возможности достижения поставленной цели при данном уровне и продолжительности самоотказа от потреб-

ления, которые в свою очередь опять-таки зависят от нормы прибыли. В каждой стране существует определенная норма прибыли, ниже которой люди вообще не будут иметь достаточных стимулов для осуществления сбережений просто ради обогащения или исходя из того, что другие оказались богаче, чем они сами. Поэтому любое накопление, посредством которого происходит увеличение общего количества капитала, требует в качестве необходимого условия наличия определенного уровня прибыли, уровня, который люди обычно будут рассматривать в качестве достаточной компенсации за воздержание в дополнение к достаточной гарантии за риск. Всегда находятся те, у кого реальное стремление к накоплению оказывается более сильным, чем у большинства других людей, и для кого даже более низкий уровень прибыли является достаточным стимулом к осуществлению сбережений, однако такие люди лишь заменяют других лиц, пристрастие которых к транжирству и излишествах оказывается сильнее, чем у всех остальных, и которые не только не сберегают, но, возможно, даже растрачивают то, что им досталось прежде.

Я уже отмечал, что такая минимальная норма прибыли, уменьшение которой делает невозможным дальнейшее возрастание капитала, оказывается неодинаковой для различных стадий развития общества, и я могу добавить, что тот вид общественного прогресса, который характерен для нашей современной цивилизации, приводит к ее понижению. Прежде всего, одним из общепризнанных последствий такого прогресса является повышение безопасности. Все реже и реже приходится опасаться военных разрушений и ущерба от насилия со стороны государства или частных лиц, и улучшения, которых можно ожидать в области образования и отправления правосудия, а при их отсутствии усиление внимания к общественному мнению, смогут обеспечить более надежную защиту от мошенничества и опрометчивых ошибок в управлении обществом. Таким образом, для компенсации риска, связанного с производительным использованием сбережений, необходима более низкая норма прибыли, чем столетие тому назад, а в будущем она окажется меньше, чем сейчас. Во-вторых, одно из последствий развития цивилизации состоит в том, что человечество все больше и больше освобождается от рабской подчиненности интересам сегодняшнего дня и при-

выкают учитывать свои стремления и задачи, которые возникнут в отдаленном будущем. Подобное увеличение предусмотрительности является естественным результатом возросшей уверенности в завтрашнем дне, и, кроме того, ему способствует в основном то влияние, которое промышленная деятельность оказывает на страсти и склонности человеческого характера. По мере того как жизнь подвергается все меньшим превратностям судьбы, привычки становятся все более стабильными, а больших успехов все чаще можно добиться только при постоянном проявлении упорства и настойчивости, человечество все с большей готовностью ограничивает свои современные желания и стремления ради будущих интересов. Подобное развитие способностей к предусмотрительности и самообладанию наверняка может найти и другое применение, помимо увеличения богатства, и некоторые соображения, связанные с этим вопросом, будут рассмотрены несколько ниже. Современное развитие общества совершенно определено, хотя и не ведет к укреплению стремления к накоплению, все же уменьшает препятствия для его осуществления и снижает ту абсолютную величину прибыли, которая требуется в качестве стимула, определяющего стремление людей к сбережению и накоплению средств. В силу этих двух причин — снижения степени риска и увеличения предусмотрительности — прибыль, или учетный процент, в размере 3—4% оказывается в настоящее время в Англии столь же действенным стимулом для увеличения капитала, как и 30—40% в Бирманской империи или в Англии в эпоху короля Иоанна. В Голландии на протяжении последнего столетия доход в 2% на государственные ценные бумаги обеспечивал сохранение капитала на неизменном уровне, если не его увеличение. Но хотя минимальная норма прибыли, таким образом, подвержена колебаниям и невозможно точно указать ее величину в какой-либо определенный момент, тем не менее она всегда существует; и все равно, будет ли она низкой или высокой, как только она достигнута, капитал уже не может возрастать. В этом случае страна достигает состояния, известного среди политэкономов под названием «застой».

§ 4. Теперь мы подходим к тому фундаментальному положению, которое составляет саму суть данной главы. Когда страна в течение длительного времени поддерживает

большой объем производства и имеет значительный чистый доход, что образует основу сбережений, и когда, таким образом, в течение продолжительного периода имеются в наличии средства для осуществления ежегодных **крупных** увеличений капитала (причем страна не располагает, подобно Америке [1848 г.], большим количеством еще не использованной плодородной земли), то для нее оказывается характерным то, что норма прибыли становится весьма близкой к минимальному уровню, и страна, таким образом, находится на самой грани застоя. В данном случае я вовсе не имею в виду, что подобное состояние, вероятно, будет действительно достигнуто в ближайшем будущем в каком-нибудь из крупных европейских государств или что где-нибудь капитал уже не приносит прибыли, значительно превышающей тот уровень, который необходим для того, чтобы побуждать население этих стран к осуществлению сбережений и накоплений. Я хочу сказать, что потребуется лишь непродолжительное время для того, чтобы прибыли сократились до минимума, при условии что капитал будет возрастать существующими ныне темпами и тем временем не возникнут обстоятельства, способствующие повышению нормы прибыли. Рост капитала достиг бы в ближайшем будущем своего предела, если бы этот предел постоянно не отодвигался и не возникали новые возможности для подобного роста.

В Англии обычная норма процента на государственные ценные бумаги, приобретение которых связано с самым ничтожным риском, может быть оценена [1848 г.] чуть выше 3%, поэтому во всех других видах вложений капитала процент или предполагаемая прибыль (за исключением случаев, когда речь идет о надлежащем вознаграждении за талант или старание) должны настолько же превышать эту величину, насколько возрастает предполагаемый риск, которому подвержен капитал. Допустим, что в Англии даже крайне низкая чистая прибыль в 1% сверх страхования от риска окажется достаточным стимулом к сбережению, но прибыль ниже этого уровня не будет являться таким стимулом. Я хочу сказать, что только сохранение существующих годовых темпов роста капитала, если не возникнут какие-либо иные обстоятельства, устраняющие последствия такого роста, окажется достаточным, чтобы через несколько лет норма чистой прибыли снизилась до 1%.

Чтобы выполнить условия нашей гипотезы, мы должны предположить, что экспорт капитала для инвестиций за рубежом полностью прекратился. Капитал больше не направляется на строительство железных дорог и не предоставляется в качестве займов; эмигранты не вывозят его с собой в колонии или другие страны; банкиры и торговцы не предоставляют кредитов и не выплачивают новых авансов своим иностранным контрагентам. Мы должны также исходить из того, что не предоставляются какие-либо новые займы для оплаты непроизводительных расходов, а именно правительственные займы, займы под залог имущества и любые другие, а также полностью отсутствуют потери капитала, происходящие сейчас в связи с банкротством предприятий, к участию в которых людей привлекает более высокий доход, чем тот, что может быть получен при более безопасных способах применения капитала, дающих сейчас низкую норму прибыли. Мы должны предположить, что все сбережения общества ежегодно подлежат вложению в производство внутри страны и что не возникает новых путей производственного применения капитала в результате внедрения изобретений в промышленность или более широкой замены известных процессов процессами менее известными.

Едва ли кто усомнится в том, что ежегодно будет очень трудно находить прибыльное применение для столь значительного по своим размерам нового капитала, и большинство придет к выводу о том, что будет иметь место так называемый общий излишек, что товары будут производиться, но останутся нераспроданными либо будут проданы только с убытком. Однако наиболее полное рассмотрение данного вопроса, которое уже имело место *, показало, что трудность будет состоять в другом. Затруднения вовсе не будут заключаться в отсутствии рынка. Если бы новый капитал распределялся надлежащим образом между множеством разнообразных занятий, он увеличил бы спрос на собственный продукт и не было бы никаких причин, чтобы этот продукт оставался у производителя дольше, чем это было в прошлом. Однако будет не только трудно, но и действительно невозможно обеспечить применение этого капитала без быстрого сокращения нормы прибыли.

* См. т. II, кн. III, гл. XIV.

При увеличении размеров капитала численность населения может либо также возрасть, либо оставаться неизменной. Если население не увеличится, то произойдет рост заработной платы и больший по размерам капитал будет распределен в виде заработной платы между прежним числом работников. Поскольку количество труда не увеличится и не будет сделано каких-либо улучшений, повышающих его эффективность, то не произойдет и какого-либо увеличения продукта; а поскольку капитал, как бы он ни возрос, будет иметь ту же самую общую сумму доходов, общая сумма накоплений каждого года будет точно так же вычитаться из прибылей будущего года и всех последующих. Вряд ли есть необходимость говорить о том, что в подобной ситуации прибыли за очень короткое время упадут до такой степени, что прекратится дальнейший рост капитала. Рост капитала, значительно более быстрый, чем увеличение численности населения, должен вскоре достигнуть своего максимума, если только не произойдет одновременно рост эффективности труда (в результате изобретений и открытий либо улучшения физических навыков и умственного развития) или если некоторые из неработающих людей либо работников, занятых непроизводительным трудом, не будут вовлечены в производительный трудовой процесс.

Если же произойдет увеличение численности населения, пропорциональное росту капитала, то понижение прибылей окажется все-таки неизбежным. Увеличение населения предполагает возрастание спроса на продукцию сельского хозяйства. При отсутствии каких-либо усовершенствований в промышленном производстве этот спрос может удовлетворяться только за счет повышения издержек производства путем либо использования худших земель, либо более сложной и дорогостоящей обработки участков, уже используемых для производства сельскохозяйственной продукции. В результате увеличатся издержки производства средств существования трудящихся, и, если последние не согласятся на ухудшение условий своего существования, неизбежно должны упасть прибыли. Если, помимо предположения о том, что не происходит никаких улучшений в сельскохозяйственном производстве внутри страны, мы допускаем, что не происходит и увеличения производства товаров для английского рынка в других странах, то мы должны наблюдать в таких старых

странах, как Англия, исключительно быстрое понижение прибылей. Если окажутся закрытыми эти два пути получения дополнительного количества продуктов питания, а численность населения будет продолжать расти — как, по сообщениям, это происходит сейчас — на 1 тыс. человек в день, все пустующие земли, которые могут быть освоены с применением существующих в наши дни методов обработки, окажутся вскоре возделанными, а издержки производства и цена продовольствия возрастут настолько, что при увеличении денежной заработной платы рабочих в размерах, необходимых для компенсации их возросших расходов, прибыли за весьма короткий промежуток уменьшились бы до минимума. Падение прибылей замедлилось бы, если бы вовсе не имело места увеличение денежной заработной платы или оно происходило бы не столь высокими темпами. Впрочем, выгода, полученная за счет ухудшения положения рабочих, оказывается весьма незначительной — в целом рабочие *не могут* вынести существенного сокращения потребления. Когда же они в состоянии сделать это, то уровень предъявляемых ими требований оказывается более высоким, и в этом случае они *не хотят* идти на его сокращение. Поэтому, в общем, мы можем предположить, что в такой стране, как Англия, при дальнейшем сохранении существующей в настоящее время ежегодной суммы накоплений без какого-либо противодействия, вызываемого условиями, в настоящее время ограничивающими естественное влияние этих накоплений на сокращение прибылей, норма прибыли быстро достигла бы минимального уровня и всякое дальнейшее накопление капитала временно прекратилось бы.

§ 5. Каковы же тогда эти противодействующие факторы, которые при существующем положении вещей в достаточно значительной степени препятствуют понижению прибылей и не позволяют, чтобы крупные ежегодные накопления, осуществляемые в Англии, вызвали бы падение нормы прибыли до минимального уровня, к которому она сама по себе постоянно стремится и которого столь быстро достигла бы при отсутствии противодействующих факторов. Существует целый ряд подобных факторов.

Первый из них, который мы могли отметить, является настолько простым и очевидным, что некоторые политэкономы, особенно Сисмонди и Чалмерс, уделяли основное

внимание рассмотрению этого фактора, забывая о всех остальных. В данном случае речь идет о потерях капитала в период чрезмерного развития торгово-промышленной деятельности, спекулятивной горячки и резких спадов коммерческой активности, всегда следующих за такими периодами. Правда, основная масса того, что теряется в это время, не уничтожается, а просто переходит, как проигрыш в карточной игре, к более удачливым спекулянтам. Однако даже при этих простых переходах значительные суммы обычно попадают в руки иностранцев в результате поспешных закупок необычно большого количества иностранных товаров по высоким ценам. Безусловно, значительная часть капитала теряется полностью. Открываются шахты, строятся мосты и железные дороги, создаются многие другие предприятия, прибыльность которых оказывается весьма неопределенной, в то время как на их создание затрачивается значительный капитал, который либо совершенно не приносит прибыли, либо дает прибыль, не соответствующую издержкам. Строятся фабрики и производятся машины сверх того количества, которое необходимо для удовлетворения потребностей рынка и функционирование которых можно обеспечить. Даже если эти фабрики продолжают функционировать, капитал оказывается замороженным: он превратился из капитала, находящегося в обращении, в основной капитал и перестал оказывать влияние на заработную плату и прибыль. Кроме того, в период застоя, который следует за периодом исключительно высокой деловой активности, всегда наблюдается огромное непроизводительное потребление капитала. Предприятия либо закрываются, либо продолжают функционировать, не получая никакой прибыли, происходит увольнение рабочих, и многие люди, относящиеся к самым различным слоям населения, лишены своих доходов и вынужденные жить за счет собственных сбережений, после окончания кризиса оказываются в той или иной степени беднее. Таковы последствия спада в коммерческой деятельности, а тот факт, что подобные спады стали почти периодическими, представляет собой следствие той самой тенденции прибыли к понижению, которую мы рассматриваем. В течение нескольких лет бескризисного развития произойдет накопление такого количества дополнительного капитала, что оказывается невозможным вкладывать его с обычной прибылью. Все государственные ценные

бумаги резко поднимаются в цене, норма процента на самые надежные торговые векселя падает до исключительно низкого уровня, коммерсанты начинают жаловаться на то, что они не могут делать деньги. Не свидетельствует ли это о том, насколько быстро прибыль упала бы до минимального уровня, а капитал достиг бы стационарного состояния, если бы этот процесс накопления не встречал каких-либо противодействующих факторов? Однако снижение количества всех надежных источников дохода заставляет людей обращать внимание на различные проекты, которые позволяют рассчитывать, хотя и при наличии риска понести убытки, на получение более высокой нормы прибыли; в результате расширяются спекулятивные операции, которые в сочетании с последующими спадами в деловой активности приводят к уничтожению или передаче иностранцам значительной части капитала, вызывают временное повышение процента и прибыли, освобождают место для новых накоплений, что приводит к началу нового цикла.

Не подлежит сомнению, что это одна из важных причин, препятствующих снижению прибылей до минимума путем периодического устранения части накопленной массы капитала, давление которой сказывается на уменьшении прибылей. Однако данная причина не является, как могло бы показаться, если руководствоваться высказываниями некоторых авторов, основной. Если бы она в действительности играла решающую роль, в стране не происходило бы увеличения капитала. Однако в Англии капитал продолжает расти, притом быстрыми темпами и в больших масштабах. Об этом свидетельствует увеличение почти всех налогов, постоянный рост всех признаков национального богатства и быстрое увеличение численности населения, в то время как условия жизни рабочих, несомненно, не только не ухудшаются, но в целом улучшаются¹. Эти факты доказывают, что любой спад коммерческой деятельности, каким катастрофическим он ни казался бы, вовсе не уничтожает весь капитал, который добавлялся к накоплениям внутри страны с момента предшествующего спада, и что неизменно находится или создается возмож-

¹ [Так начиная с 6-го издания (1865 г.). В первоначальном тексте (1848 г.) говорилось: «...условия рабочих, несомненно, в целом не ухудшаются».]

ность для прибыльного применения неизменно возрастающего капитала, пока норма прибыли не оказывается пониженной.

§ 6. Мы переходим к рассмотрению другого противодействующего фактора, а именно совершенствования производства. Очевидно, что оно приводит к расширению, как ее называл Уэйкфилд, «сферы применения», т. е. оно позволяет осуществлять накопление и применять больший капитал без понижения нормы прибыли, разумеется при условии, что не происходит пропорционального увеличения обычных потребностей рабочих. Если трудящиеся классы целиком используют преимущества от снижения цены товаров, другими словами, если денежная заработная плата не уменьшается и прибыли не увеличиваются, то не имеет места также и замедление понижения прибылей. Однако, если численность детей рабочих увеличивается соответственно улучшению условий жизни, эти условия таким образом возвращаются к своему первоначальному состоянию, происходит рост прибылей. Все изобретения, приводящие к удешевлению товаров, потребляемых трудящимися, если только их требования не возрастают в пропорциональной степени, со временем приводят к уменьшению денежной заработной платы; в результате обеспечивается возможность накопления и применения большего капитала еще до того, как прибыли вновь упадут до ранее существовавшего уровня.

Усовершенствования производства, которые относятся исключительно к товарам, составляющим предметы потребления только богатых классов, воздействуют несколько иным образом. Удешевление кружев или бархата не оказывает влияния на уменьшение издержек, связанных с оплатой труда, и нельзя представить себе механизма, посредством которого это удешевление могло бы привести к повышению нормы прибыли, с тем чтобы появилась возможность существования более крупного капитала вплоть до момента, когда будет достигнута минимальная норма прибыли. Однако подобное усовершенствование приводит практически к аналогичному результату. Оно понижает эту минимальную норму или способствует формированию тенденции к ее понижению. В первую очередь наличие более дешевых потребительских товаров способствует увеличению склонности к сбережению, поскольку все потре-

бители получают излишек, который они могут отложить, не изменяя своего привычного образа жизни, и, если только в прошлом они не испытывали действительных трудностей, от них потребуются лишь небольшое самоограничение, чтобы сберечь по меньшей мере какую-то часть этого излишка. Вместе с тем все то, что позволяет людям жить столь же хорошо, как и раньше, на более низкий доход, побуждает их использовать средства в качестве капитала при более низкой норме прибыли. Если люди могут жить независимо на доход в 500 ф. ст. в год таким же образом, как раньше они жили на доход в 1 тыс. ф. ст., то некоторые из них окажутся заинтересованными в сбережениях, обеспечивающих получение такого дохода, в то время как прежде их отпугнула бы более отдаленная возможность получения необходимого дохода в 1 тыс. ф. ст. Таким образом, все улучшения в производстве почти любых товаров создают определенную тенденцию к расширению того интервала, который должен быть преодолен до момента достижения состояния застоя; однако такой эффект в гораздо большей мере вызывается улучшениями, затрагивающими товары, потребляемые трудящимися, поскольку такие улучшения ведут к цели двумя путями: побуждают людей к осуществлению сбережений ради более низких прибылей и способствуют повышению непосредственно нормы прибыли.

§ 7. Получение каких-либо новых возможностей для приобретения дешевых товаров из-за границы по своим последствиям эквивалентно внедрению усовершенствований в производство. Снижение цены на предметы первой необходимости, происходит ли оно за счет совершенствования производства внутри страны или импорта иностранных товаров, оказывает совершенно одинаковое воздействие на заработную плату и прибыли. Издержки на оплату труда уменьшаются, норма прибыли возрастает, если только рабочий не получает всех выгод от этого процесса и путем повышения привычного стандарта потребления не сохраняет за собой этих выгод. До тех пор пока продукты питания для растущего населения будут импортироваться без повышения цен на них, процесс уменьшения прибылей будет тормозиться в результате возрастания капитала и численности населения, а накопление может продолжать увеличиваться без понижения прибыли до допустимого

минимума. На этом основании некоторые считают, что отмена хлебных законов явилась в Англии началом великой эры быстрого роста капитала при сохраняющейся норме прибыли.

Перед тем как перейти к рассмотрению вопроса о том, в какой мере оправданна подобная надежда, необходимо сделать одно замечание, которое в значительной мере противоречит общепринятым представлениям. Внешняя торговля вовсе не обязательно увеличивает сферу применения капитала. Она не представляет собой лишь дополнительный рынок производимой в стране продукции, который приводит к повышению нормы прибыли. Если в обмен на вывозимую продукцию приобретаются только предметы роскоши для богатых, ни у одного капиталиста не произойдет сокращения затрат; ни в коей мере не увеличатся прибыли и не возникнут возможности для дополнительного накопления капитала без понижения нормы прибыли. Если же вообще произойдет задержка в достижении состояния застоя, то это будет иметь место в силу того, что снижение издержек, связанных с достижением определенного уровня роскоши, может побудить людей с учетом подобной перспективы пойти на осуществление новых накоплений ради более низких прибылей, чем те, на получение которых они соглашались в прошлом. Если внешняя торговля и обеспечивает возможность применения большего количества капитала при неизменном уровне прибыли, то это происходит в тех случаях, когда она позволяет получать с меньшими издержками предметы повседневной необходимости и те товары, которые входят в обычное потребление трудящихся. Подобного положения можно достичь двумя путями: за счет импорта либо самих товаров, либо средств для их производства. В определенной мере получение дешевого железа оказывает на прибыли и издержки, связанные с оплатой труда, такое же воздействие, как и дешевое зерно, поскольку дешевое железо позволяет изготавливать недорогие орудия для сельского хозяйства и машины для производства одежды. Однако внешняя торговля, которая ни прямо, ни каким-либо косвенным образом не приводит к удешевлению предметов потребления трудящихся, так же как и аналогичное изобретение или открытие не приводит к росту прибылей или замедлению темпов их уменьшения, — такая торговля лишь заменяет внутреннее производство предметов роско-

пи производством товаров для иностранных рынков, причем уровень применения капитала остается точно таким же, как и раньше. Впрочем, вряд ли возможно, чтобы торговля на экспорт в стране, уже ввозящей предметы первой необходимости или материалы, соответствовала бы этим условиям: любое расширение экспорта позволяет стране получать весь импорт с меньшими затратами, чем прежде.

Страна, которая, подобно тому, как это обстоит сейчас в Англии², допускает беспрепятственный импорт продуктов питания всех видов и предметов первой необходимости из всех стран мира, равно как и самых различных материалов для производства предметов первой необходимости, не зависит больше от возможностей собственной земли поддерживать на прежнем уровне норму прибыли, а эта норма определяется урожайностью земли всего мира. Нам остается рассмотреть, в какой мере можно рассчитывать на эти ресурсы при преодолении тенденции прибыли к понижению в течение весьма продолжительного периода количественного увеличения капитала.

Необходимо, впрочем, исходить из предположения, что вместе с увеличением капитала имеет место рост численности населения, поскольку в противном случае последовательное увеличение заработной платы приведет к снижению прибылей, несмотря даже на то, что продукты питания окажутся очень дешевыми. Допустим, таким образом, что численность населения Англии продолжает увеличиваться существующими в настоящее время темпами и что ежегодные потребности в импортируемом продовольствии значительно превышают потребности каждого предшествующего года. Подобное ежегодное увеличение спроса на продовольствие, поступающее из стран-экспортеров, можно удовлетворить либо за счет существенного усовершенствования сельскохозяйственного производства, либо путем вовлечения значительного по своему объему дополнительного капитала в производство продуктов питания. Первый из указанных процессов, по всей вероятности, будет протекать весьма и весьма медленно в связи с низким уровнем подготовки и образования сельскохозяйственных

² [Фраза была включена в 5-е издание (1862 г.). В 1-м издании (1848 г.) в скобках было указано: «... (положение в которой очень близко и вскоре будет полностью совпадать с положением в нашей стране)».]

производителей в странах Европы, осуществляющих экспорт продовольствия, в то время как британские колонии и США уже располагают всеми сделанными до сих пор усовершенствованиями, которые могут найти себе применение в существующих там условиях. В качестве другого пути остается расширение посевных площадей. В данном случае необходимо отметить, что капитал, с помощью которого предстоит осуществить подобное расширение, по большей части еще нужно будет создать. В Польше, России, Венгрии, Испании капитал возрастает крайне медленными темпами. В Америке же капитал растет быстро, однако не быстрее, чем увеличивается численность населения. Основным источником средств для обеспечения ежегодного расширения импорта продовольствия в Англию, существующим в настоящее время, является та часть ежегодных накоплений в Америке, которая до сих пор использовалась для расширения обрабатывающих предприятий в самих Соединенных Штатах и которая в результате воздействия свободной торговли зерном может быть переброшена на производство продовольствия для английского рынка. Этот ограниченный источник, если не произойдет значительных улучшений в сельскохозяйственном производстве, видимо, окажется не в состоянии обеспечить поставки, соответствующие растущему спросу столь быстро увеличивающегося населения Великобритании. Если же население и капитал будут возрастать в последней прежними темпами, единственным путем обеспечения дешевых поставок продовольствия для населения станет направление капитала за границу для производства продовольствия³.

§ 8. Итак, мы подходим к рассмотрению последнего из факторов, противодействующих тенденции прибыли к понижению в стране, капитал которой увеличивается быстрее, чем капитал соседних с ней стран, и прибыли которой поэтому приближаются к минимуму. Суть данного явления состоит в извечном оттоке капитала в колонии или другие страны ради получения более высоких прибылей, чем можно получить в своей стране. Я уверен, что в течение многих лет данное обстоятельство составляло одну из основных причин, задерживавших понижение прибыли в

³ [См. Приложение ВВ. «Импорт продовольствия».]

Англии. Последствия вывоза капитала носят двойкий характер. Прежде всего, он оказывает воздействие, аналогичное тому, какое оказал бы пожар, наводнение или коммерческий кризис: уносит часть того прироста капитала, в результате которого происходит понижение прибыли. Во-вторых, капитал, устраненный таким образом, не теряется, а используется в первую очередь либо для основания колоний, которые становятся крупными экспортерами дешевых сельскохозяйственных продуктов, либо для расширения и, возможно, улучшения сельскохозяйственного производства в более старых поселениях. Именно на вывоз английского капитала мы должны прежде всего рассчитывать при увеличении поставок дешевых продуктов питания и дешевых материалов для изготовления одежды в той мере, в какой происходит увеличение численности нашего населения; тем самым будет обеспечена возможность применения возросшей массы капитала внутри страны для производства готовых изделий, необходимых для оплаты сырья, без понижения прибылей. Таким образом, экспорт капитала представляет собой очень эффективное средство расширения сферы применения той части капитала, которая остается в стране; поэтому со всем основанием можно утверждать — до определенного предела, что, чем больше капитала будет отправлено за границу, тем большим его количеством мы будем располагать и тем большее его количество может быть сохранено внутри страны.

В странах, находящихся на более высоком уровне промышленного развития и обладающих большей численностью населения, будет поэтому существовать более низкая норма прибыли, чем в других странах; кроме того, в них всегда, задолго до достижения действительного минимума прибыли, будет иметься практический минимум, т. е. такой уровень прибылей, когда они окажутся значительно ниже, чем в любой другой стране, и при дальнейшем снижении все дополнительные накопления будут направлены за границу. При современном состоянии промышленности в мире в любой богатой развивающейся стране, если возникает необходимость учитывать для практических целей минимальный уровень прибылей, следует принимать во внимание именно такой практический минимум. До тех пор пока существуют старые страны, где капитал растет высокими темпами, и новые страны, где прибыли все еще

высоки, прибыли в старых странах не смогут понизиться до такой степени, что прекратится процесс накопления; такое понижение остановится в момент, когда окажется выгодным вывозить капитал за границу. Однако только на основе совершенствования производства и даже исключительно производства предметов потребления трудящихся можно предотвратить в такой стране, как Англия, достижение капиталом за короткое время столь низкого уровня прибыли, при котором возникнет необходимость направлять все дальнейшие сбережения с целью прибыльного применения в колонии или другие страны⁴.

⁴ [См. Приложение СС. «Тенденция понижения прибыли до минимального уровня».]

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕНДЕНЦИИ ПРИБЫЛИ К МИНИМАЛЬНОМУ УРОВНЮ

§ 1. Теория воздействия накопления на прибыли, изложенная в предшествующей главе, существенным образом изменяет многие практические выводы, которые при отсутствии такой теории должны были бы вытекать из общих принципов политической экономии и которые величайшие авторитеты в данной области действительно долго принимали в качестве истинных.

Появление этой теории должно привести к существенному принижению или даже полному отрицанию того огромного значения, которое политэкономы в странах с низким уровнем прибылей придают обычно последствиям правительственных акций или мероприятий, направленных на возрастание или сокращение количества капитала в данной стране. Низкий уровень прибылей, как мы уже видели, свидетельствует о том, что стремление к накоплению так сильно, а темпы возрастания капитала так высоки, что они оказываются более могущественными, чем два противодействующих фактора: улучшения в производстве и возрастающее поступление дешевых предметов первой необходимости из-за границы; если значительная часть ежегодно возрастающего капитала не уничтожается и не вывозится для вложения за границей, страна должна быстро достигнуть такого положения, когда прекратится дальнейшее накопление или оно стихийно замедлится настолько, что его темпы не станут превышать темпов совершенствования методов производства предметов первой необходимости. При таком положении вещей внезапное увеличение капитала в стране, не сопровождающееся каким-либо увеличением производительной силы, окажется лишь временным, поскольку, обусловив понижение прибылей и процента, оно либо вызовет соответствующее уменьшение сбережений, какие могли бы быть сделаны в следующие год или два, либо повлечет за собой вывоз эквивалентной суммы капитала за границу, либо приведет к потерям в результате резкого расширения масштабов спекуляции. Однако, с другой стороны, внезапное изъятие

капитала, если только оно не примет чрезвычайных размеров, не приведет к какому-либо действительному обеднению страны. Через несколько месяцев или лет в стране окажется такое же количество капитала, как если бы его изъятия не было. Устранение части капитала, повысив прибыли и норму процента, даст новый импульс к накоплению, что в свою очередь за короткий промежуток времени позволит заполнить образовавшийся вакуум. Возможно, что единственным последствием окажется временное уменьшение количества вывозимого капитала и уменьшение сумм, растрачиваемых в безрассудных спекуляциях.

Следовательно, подобная точка зрения существенно ослабляет доводы экономического характера, выдвигаемые в богатых и трудолюбивых странах против расходования общественных денег на действительно полезные, хотя и совершенно непроизводительные, виды деятельности. Если ради какого-нибудь великого дела или человеколюбия, скажем ради промышленного возрождения Ирландии, осуществления широкой колонизации или в интересах развития образования, предлагается путем займа собрать крупную сумму денег, политические деятели не должны выступать против изъятия столь большого количества капитала, которое, по мнению некоторых, якобы приведет к истощению постоянных источников богатства страны и вызовет сокращение средств, обеспечивающих существование трудящегося населения. Конечные затраты, которые потребуются для осуществления любой из этих целей, по-видимому, ни в коей мере не приведут к потере работы хотя бы одним рабочим или к уменьшению на будущий год производства ткани хотя бы на один локоть, либо зерна хотя бы на один бушель. В бедных странах их собственный капитал должен стать объектом постоянной заботы со стороны законодателей; им следует быть весьма осторожными в посягательствах на него и в максимальной степени содействовать его накоплению внутри страны и осуществлению его ввоза из-за границы. Но в богатых, имеющих большое население странах, где возделывается основная масса земли, недостающим элементом является не капитал, а плодородная земля; поэтому здесь законодатели должны поощрять не увеличение совокупного накопления, а увеличение поступлений от сбережений в результате либо улучшения земледелия, либо обеспечения доступа к продуктам более плодородных земель в других частях земного шара. В та-

ких странах правительство может изъять любую умеренную долю капитала в виде налогов и израсходовать ее без ущерба для национального богатства; вся эта сумма будет вычтена из той части ежегодных сбережений, которая в противном случае была бы вывезена за границу, либо из непроизводительных расходов отдельных лиц в последующие год-два, поскольку каждый израсходованный миллион освобождает место для другого миллиона, который будет накоплен, прежде чем объем накоплений окажется максимальным. Когда предполагаемая цель оправдывает необходимость принесения в жертву соответствующей суммы, идущей в противном случае на удовлетворение мимолетных удовольствий населения, единственное обоснованное возражение экономического характера против изъятия необходимых средств непосредственно из капитала связано с теми неудобствами выплаты процентов по задолженности, которые сопровождают процесс обеспечения поступлений за счет налогообложения.

Те же самые соображения позволяют нам отбросить как не заслуживающий рассмотрения один из наиболее распространенных аргументов против использования эмиграции в качестве одного из средств облегчения положения трудящихся классов. Утверждают, что эмиграция не может принести пользы трудящимся, если с целью покрытия связанных с ней издержек из существующего в стране капитала должна быть изъята сумма, пропорциональная уменьшению численности населения. Я считаю, что не многие стали бы сейчас доказывать необходимость изъятия капитала примерно в такой пропорции даже для осуществления самой интенсивной колонизации, но и при таком несостоятельном предположении было бы ошибочно полагать, что трудящиеся классы не получают никаких выгод. Если бы $\frac{1}{10}$ трудящегося населения Англии была переселена в колонии и туда же последовала $\frac{1}{10}$ находящегося в обращении капитала страны, то либо заработная плата, либо прибыли, либо то и другое вместе сильно повысились бы благодаря тому, что капитал и население стали бы предъявлять меньшие запросы к плодородию земли. В таком случае снизился бы спрос на продукты питания, прекратилось бы возделывание худших земель и последние стали бы использовать в качестве пастбищ; уменьшилась бы интенсивность возделывания лучших земель и одновременно пропорционально увеличилась бы

их отдача; произошло бы понижение цен на продукты питания и, хотя денежная заработная плата не увеличилась бы, условия жизни каждого рабочего должны были бы улучшиться. Если бы это не явилось стимулом увеличения численности населения и последующего падения заработной платы, такое улучшение оказалось бы постоянным; при росте же численности населения и падении заработной платы прибыли увеличились бы и накопление обеспечило бы развитие процесса восполнения утраченного капитала. Только у землевладельцев имело бы место некоторое уменьшение доходов, но и то лишь при условии, что процесс колонизации окажется настолько интенсивным, что приведет к реальному уменьшению капитала и численности населения, а не просто поглотит их ежегодное увеличение.

§ 2. Исходя из тех же самых закономерностей, мы можем теперь сделать окончательные выводы относительно последствий, которые использование машин и вообще производительное применение капитала имеют для непосредственных и конечных интересов трудящихся классов. Характерной чертой этого вида улучшения производства является превращение оборотного капитала в постоянный. В кн. I¹ было показано, что страна, где процесс накопления капитала протекает медленно, внедрение машин, постоянное повышение плодородия земель и другие аналогичные процессы в течение определенного времени могут наносить большой ущерб, поскольку используемый таким образом капитал может изыматься непосредственно из фонда заработной платы, в результате чего количество средств к жизни работников сократится и валовой ежегодный продукт страны фактически уменьшится. Но в стране с большими по своим масштабам ежегодными накоплениями и низким уровнем прибылей не следует ожидать подобных последствий. Поскольку даже эмиграция капитала, его непроизводительное использование или окончательная потеря, при условии что они происходят в ограниченных размерах, совершенно не уменьшают в такой стране общую сумму фонда заработной платы, еще в меньшей степени может к этому привести простое превращение аналогичной суммы в постоянный капи-

¹ См. ранее, т. I, с. 198.

тал, который по-прежнему остается производительным. В этом случае по новому руслу направляется тот поток, который уже течет по другому руслу. Иначе говоря, дополнительное свободное место в резервуаре не может не привести к увеличению поступающего в него потока. И хотя огромные затраты, связанные со строительством железных дорог, имели отрицательные последствия для денежного рынка, я никогда не был согласен с теми, кто опасался того, что подобные процессы нанесут ущерб производительным ресурсам страны². Я придерживался такого взгляда вовсе не на основании того нелепого мнения (которое для каждого, кто знаком с существом вопроса, нет необходимости опровергать), состоящего в том, что затраты на строительство железных дорог представляют собой просто передачу капитала из одних рук в другие, в результате которой ничто не теряется и не уничтожается. Это справедливо в отношении тех затрат, которые связаны с приобретением земли; часть того, что выплачивается парламентским представителям, адвокатам, инженерам и топографам, сберегается получателями этих средств и вновь превращается в капитал. То же, что расходуется непосредственно на строительство самой железной дороги, теряется полностью и безвозвратно. Израсходованные в этом случае средства нельзя уже вновь использовать для выплаты заработной платы рабочим или на их содержание. В целом же результат состоит в том, что было потреблено определенное количество продуктов питания, одежды и орудий труда, а взамен страна получила железную дорогу. Однако я хотел бы особо подчеркнуть, что подобное использование этих средств представляет собой лишь распределение ежегодно возникающих излишков, которые бы в противном случае попали за границу или были растрочены впустую, не оставив после себя ни железной дороги, ни другого ощутимого результата. Спекуляция на строительстве железных дорог в 1844 и 1845 гг., возможно, спасла страну от депрессии в прибылях и норме процента, а также от увеличения стоимости государственных и частных ценных бумаг, которое породило бы безумную

² [В такой редакции текст излагался, начиная с 6-го издания (1865 г.). Первоначальный текст (1848 г.) был следующим: «...огромные затраты, производимые в настоящее время» и «я не могу согласиться».]

спекуляцию. И если бы ее последствия были усугублены нехваткой продовольствия, в конце концов разразился бы гораздо более жестокий кризис, чем тот, который действительно имел место в последовавшие за этим годы: В более бедных странах Европы ажиотаж вокруг железнодорожного строительства мог иметь худшие последствия, чем в Англии, если бы в этих странах подобные предприятия не осуществлялись главным образом за счет иностранного капитала. Строительство железных дорог в различных странах мира может рассматриваться в качестве определенного вида конкуренции между капиталом тех стран, где прибыли низки, а капитал имеется в изобилии, как это обстоит в Англии и Голландии. Спекуляции на строительстве железных дорог в Англии — это не что иное, как борьба за сохранение внутри страны ежегодного прироста капитала, спекуляции же за границей направлены на то, чтобы заполучить в свои руки этот прирост*.

Из высказанных соображений становится очевидным, что превращение оборотного капитала в постоянный в виде железных дорог, фабрик, судов, машин, каналов, шахт, дренажных или ирригационных систем вряд ли приведет в любой богатой стране к уменьшению валового продукта или к понижению уровня занятости рабочей силы. Более убедительным это утверждение окажется, если мы примем во внимание, что подобное превращение капитала по своему существу связано с совершенствованием процесса производства, которое в конечном итоге не только не уменьшает количество оборотного капитала, но и является необходимым условием его увеличения, поскольку только оно позволяет стране располагать постоянно возрастающим капиталом без снижения прибылей до такой степени, когда полностью прекращается процесс накопления. Вряд ли возможно такое увеличение постоянного капитала, которое не позволит стране впоследствии обладать большим оборотным капиталом, чем она могла бы иметь и использовать в своих границах без подобного увеличения: ведь почти любое увеличение постоянного капитала, которое оказалось успешным, приводит к удешевлению

* [1852 г.] Вряд ли есть необходимость указывать, насколько точно последующие события подтвердили изложенные положения. Капитал страны, ни в коей мере не ослабленный затратами крупных сумм на строительство железных дорог, вскоре вновь оказался в избытке.

товаров, обычно приобретаемых на заработную плату. Весь капитал, затраченный на постоянные улучшения земель, приводит к снижению издержек на продовольствие и материалы. Почти все усовершенствования машин удешевляют для рабочего одежду и жилье или орудия, при помощи которых они производятся; улучшения таких видов транспорта, как железная дорога, обеспечивают удешевление для потребителя товаров, привозимых издалека. Все эти улучшения делают работников зажиточнее при неизменном размере денежной заработной платы, если только не увеличиваются темпы роста их численности. Когда же они вызывают увеличение их численности и соответственно происходит уменьшение заработной платы, по крайней мере возрастают прибыли. И в то время возникают благоприятные возможности для накопления, высвобождается место для помещения большего количества капитала, продолжающего расти вплоть до того момента, при котором появятся достаточно сильные мотивы для его вывоза за границу. Впрочем, даже улучшения, которые не приводят к удешевлению предметов потребления рабочих и которые поэтому не вызывают роста прибылей и не способствуют удержанию капитала внутри страны, как мы видели, значительно расширяют возможности последующих сбережений еще до наступления застойного состояния. Причина тому — снижение минимального уровня прибылей, ради которых люди в конечном итоге соглашаются делать сбережения.

Итак, в заключение мы можем отметить, что усовершенствования в производстве и вывоз капитала для использования на более плодородных землях и освоения подземных богатств в незаселенных или слабозаселенных районах земного шара не приводят, как это могло бы показаться на первый взгляд, к уменьшению валового продукта и потребностей в труде внутри страны, а, напротив, имеют решающее значение для увеличения и того и другого и даже являются необходимым условием для любого значительного или продолжительного их роста. Без увеличения можно сказать, что в определенных, довольно широких, пределах, чем больше страна, подобная Англии, расходует капитала такими двумя способами, тем больше у нее его остается.

ГЛАВА VI

О СОСТОЯНИИ ЗАСТОЯ

§ 1. Предшествующие главы содержат изложение общей теории экономического развития общества, причем основные понятия трактуются в общепринятом смысле: речь идет об увеличении капитала, росте численности населения, совершенствовании производственных навыков и техники производства. Однако при рассмотрении любого поступательного развития, по своей природе не лишенного определенных ограничений, мы не можем удовлетвориться простым выявлением законов движения, неизбежен следующий вопрос: какова цель этого движения? К какой конечной точке стремится общество, обеспечивая прогресс производства? Какие условия существования человечества ожидают нас в том случае, если прогресс прекратится?

Политэкономы всегда должны были более или менее отчетливо понимать, что увеличение богатства не беспредельно и в конце того процесса, который они называли поступательным развитием, находится состояние застоя, что любое развитие богатства есть лишь отсрочка того момента, когда наступит такое состояние, и каждый шаг в продвижении вперед есть приближение к нему. Изложенное выше позволило нам понять, что эта цель всегда оказывается достаточно близка, чтобы ее можно было видеть во всей полноте, что мы всегда находимся рядом с ней, и если мы не достигли ее в далеком прошлом, то это произошло потому, что цель всегда удалялась от нас. Наиболее богатые и процветающие страны весьма скоро достигли бы состояния застоя, если бы не происходило дальнейшего совершенствования производства и временно прекратился бы перелив капитала из этих стран в необработанные или плохо обработанные районы земли.

Эта невозможность избежать в конечном итоге состояния застоя — эта непреодолимая необходимость того, чтобы поток человеческого трудолюбия в конце концов обратился в, по-видимому, неподвижное море, — несомненно,

должна была представлять собой для политэкономов двух последних поколений неприятную и безнадежную перспективу, ведь дух и направление их рассуждений целиком направлены на доказательство экономической необходимости поступательного динамического развития общества, причем необходимости единственной и исключительной. Маккулох, например, считает признаками процветания не крупное производство и правильное распределение богатства, а его быстрое увеличение, для него показатель процветания — высокие прибыли, а поскольку тенденция к этому самому увеличению богатства, которое он называет процветанием, вызывает снижение прибылей, экономический прогресс, по его мнению, должен приводить к угасанию процветания. Адам Смит постоянно предполагает, что при застойном состоянии богатства положение основной массы населения, если и не безусловно бедственное, все же обязательно должно быть плохим и окажется удовлетворительным лишь при его развитии. Теория, суть которой состоит в том, что, как бы далеко в будущее непрерывная борьба ни отодвигала нашу гибель, прогресс общества должен «прекратиться, наткнувшись на мель нищеты», далекая от того, чтобы стать нечестивым изобретением Мальтуса, как это считали многие до сих пор, была определенно или в скрытой форме подтверждена наиболее выдающимися предшественниками последнего, и успешно с ней бороться можно только на основе выдвинутых им принципов. До того как было обращено внимание на закономерности развития населения в качестве главного фактора, определяющего уровень вознаграждения за труд, рост населения рассматривался практически как постоянный показатель; предполагалось, что во всех случаях при естественном и нормальном положении дел в обществе должно происходить постоянное увеличение численности населения. Отсюда вытекала необходимость постоянного увеличения объема жизненных средств для обеспечения благоприятных физических условий существования основной массы человечества. Публикация «Опыта» Мальтуса открыла новую эру в подходе к данному вопросу, и, несмотря на признанные ошибки, содержащиеся в первом издании, немногие авторы проделали более того, что сделал сам автор в последующих изданиях книги, для распространения этих более справедливых и обнадеживающих взглядов на будущее.

Даже при поступательном развитии капитала в старых странах сознательное или благоразумное ограничение численности населения является необходимым для предупреждения такого положения, при котором увеличение этой численности будет опережать рост капитала и условия существования самых низших классов общества станут ухудшаться. Когда у всех или большинства людей отсутствует решительное стремление воспрепятствовать такому ухудшению — нет решимости сохранить установившийся уровень условий существования, — положение беднейших слоев даже в условиях поступательного развития будет ухудшаться до той крайней точки, при которой они еще могут проявлять терпение. Та же самая решимость принесла бы свои результаты в деле сохранения неизменными условий существования беднейших слоев и при застойном состоянии, причем вероятность появления такой решимости оказывается ничуть не меньшей. Действительно, даже сейчас страны, где проявляется наибольшее благоразумие в регулировании численности населения, часто оказываются странами с наиболее низкими темпами роста капитала. Там, где существуют неограниченные перспективы получения работы для всевозрастающего числа людей, в меньшей степени проявляется необходимость благоразумной сдержанности. Если было бы очевидно, что новые рабочие руки могут найти применение только путем вытеснения других, уже занятых в производстве, в определенной мере можно было бы надеяться на совместное влияние благоразумия и общественного мнения, которое привело бы к ограничению численности грядущего поколения до размера, необходимого для замены ныне существующего поколения.

§ 2. Таким образом, я не могу рассматривать застойное состояние капитала и богатства с тем безусловным отвращением, которое повсеместно проявляли к нему политэкономы старой школы. Я склонен считать, что такое состояние в целом будет означать весьма существенное улучшение по сравнению с нашим современным положением. Сознаюсь, что я вовсе не очарован жизненным идеалом тех, кто считает нормальным состоянием человеческих существ борьбу за преуспевание, и не уверен, что необходимость раздавить, уничтожить, растолкать локтями, обогнать всех остальных — составляющая осмов-

ную черту современной общественной жизни — представляет собой лучшую судьбу, которую человечество может себе пожелать, а не всего лишь неприятные проявления одного из этапов прогресса производства. Возможно, что это необходимая стадия развития цивилизации, и те европейские страны, которые были настолько счастливы, что им удалось избежать этой стадии, должны будут все-таки пройти через нее. Застойное состояние — это эпизод в процессе роста, а не признак упадка, поскольку оно не обязательно приведет к краху высоких надежд и героических добродетелей, что было доказано миру Америкой в ее великой Гражданской войне, поведением всего народа и многочисленными прекрасными примерами поступков отдельных людей; и можно надеяться, что Англия в подобном трудном и напряженном положении проявила бы себя аналогичным образом¹. Однако это вовсе не тот вид общественного совершенства, которое вызовет у филантропов будущего горячее желание оказать содействие в его реализации. Наиболее приемлемым в действительности является положение, когда богатство представляет собой силу, обогащение в максимально возможной степени является объектом всеобщих устремлений; путь к его осуществлению должен быть открыт для всех без каких-либо предвзятостей или поблажек. Но наилучшим состоянием человечества было бы такое, когда никто не беден, никто не стремится стать богаче и нет никаких причин опасаться быть отброшенным назад из-за усилий других протолкнуться вперед.

¹ [Это и предшествующее предложение заменили в 6-м издании (1865 г.) следующий отрывок первоначального (1848 г.) текста: «Северные и центральные штаты являются собой образец этой стадии цивилизации, достигнутой в очень благоприятных условиях, когда, видимо, удалось освободиться от всех социальных несправедливостей и неравенств, которые наносят ущерб кавказской расе и мужскому полу, в то время как соотношение между численностью населения и размерами капитала и земли таково, что обеспечивает изобилие любому физически здоровому члену общества, если только он не лишается его в результате неправильного поведения. У них есть шесть пунктов чартизма и у них нет нищеты, но, видимо, все полученное ими в результате воздействия подобных преимуществ сводится к тому, что один пол посвящает всю свою жизнь охоте за долларами, а второй — кормежке охотников за долларами». В последнюю фразу после слов «полученное ими», начиная со 2-го издания включались слова в скобках («несмотря на некоторые наметившиеся признаки более благоприятной тенденции».)]

Несомненно, более желательно использовать энергию человечества в борьбе за богатство, подобно тому как прежде она использовалась в войнах, пока лучшим людям не удастся убедить остальных в необходимости заняться достойными делами, чем обречь эту энергию на угасание и застой. Пока люди грубы, им нужны грубые возбуждения, и да получают они их. Тем временем люди, не считающие современную раннюю стадию человеческого совершенствования последним этапом этого процесса, могут быть оправданы в их относительном безразличии к тому типу экономического прогресса, который вызывает восторги традиционных политиков, а именно к простому расширению производства и увеличению накопления. Для сохранения национальной независимости имеет важное значение то, чтобы страна в этом отношении не слишком сильно отставала от своих соседей. Но расширение производства и увеличение накопления сами по себе имеют небольшое значение, до тех пор пока рост численности населения или какое-либо другое обстоятельство мешает основной массе населения пользоваться какой-либо частью выгоды от них. Я не знаю, почему достойно похвалы, когда люди, которые уже теперь богаче, чем нужно, удваивают свои возможности потреблять вещи, которые доставят им очень мало удовольствия или не доставят вообще, если не считать того, что они явятся символом богатства, или что многие люди ежегодно переходят из средних классов в более богатые или из класса занятых делом богатых людей в класс праздных людей. Только в отсталых странах мира рост производства имеет важное значение, экономика же наиболее развитых стран нуждается в улучшении распределения, одним из путей достижения которого является более строгое ограничение роста численности населения. Институты, обеспечивающие уравнивание, независимо от того, будет ли оно справедливым или нет, самостоятельно не смогут сделать этого; в их власти — лишь добиться уменьшения максимальных доходов в обществе, однако они не способны сами по себе добиться постоянного² положения самых низов.

С другой стороны, мы можем предположить, что улучшение распределения будет достигнуто в результате сов-

² [«Постоянного» было вставлено во 2-е издание (1848 г.); «самы по себе» — в 3-е издание (1852 г.).]

местного воздействия благоразумия и бережливости отдельных людей, а также введения системы законов, способствующих равенству индивидуального богатства, насколько такое равенство соответствует справедливому требованию каждого человека на плоды своего труда, как бы велики или малы они ни были. Мы, например, можем предположить (в соответствии с положениями, изложенными в одной из предшествующих глав *) введение ограничений на сумму, которую какое-либо лицо будет вправе получить в качестве дара или наследства, размерами, обеспечивающими скромное независимое существование. В силу воздействия этих двух факторов общество приобретает следующие характерные особенности: наличие хорошо оплачиваемой, зажиточной группы рабочих, отсутствие крупных личных состояний, за исключением тех, которые были накоплены на протяжении одной человеческой жизни; но зато существовал бы несравненно более обширный, чем теперь, круг лиц, не только освобожденных от черной работы, но и располагающих физическим и умственным досугом от мелочного механического труда, в силу чего они могли бы свободно развивать в себе высшие интересы и в этом отношении служить примером для других классов, находящихся в менее благоприятных условиях для своего развития. Такое положение в обществе, куда более предпочтительное по сравнению с современным, не только полностью совместимо с застойным состоянием, но и по своей природе, видимо, более соответствует ему, чем какому-либо другому.

Без сомнения, в мире, даже в старых странах, существуют возможности для значительного увеличения численности населения, если предположить, что и в дальнейшем производство будет продолжать развиваться для улучшения жизненных условий, а капитал — расти. Однако, даже если подобное увеличение численности населения не принесет вреда, я не вижу достаточно причин, чтобы стремиться к нему. Плотность населения, необходимая для создания человечеству возможности в максимальной степени пользоваться всеми преимуществами кооперации и социального общения, уже достигнута во всех наиболее населенных странах. Такая плотность может оказаться чрезмерной, хотя все будут иметь в изобилии продукты пита-

* См. ранее, т. I, с. 373—376.

ния и одежду. Ничего нет хорошего в том, что человек вынужден постоянно находиться в обществе себе подобных. Мир, в котором искоренили одиночество, никуда не годный идеал. Одиночество, означающее, что человек часто остается наедине с самим собой, имеет решающее значение для достижения глубины мышления или развития личности, а одиночество перед лицом красоты и величия природы есть не только источник мыслей и надежд, возвышающих отдельного человека, вряд ли без него обойдется и общество в целом. Немного удовлетворения даст и созерцание мира, в котором не осталось места для свободной игры сил природы, где каждый клочок земли возделан только потому, что он может дать пищу человеческим существам; где вспахан каждый прежде покрытый цветами пустырь или естественное пастбище; где, как соперники в борьбе за пищу, истреблены все четвероногие и птицы, не прирученные человеком для своих нужд; где вырваны с корнем каждый кустарник в живой изгороди и каждое лишнее дерево и где, наконец, вряд ли осталось место, на котором могут расти дикий кустарник или цветы, не уничтоженные до поры до времени, как сорняк, во имя улучшения сельского хозяйства. Если земля должна потерять ту огромную часть своего очарования, какую придает ей все то, что неизбежно должно исчезнуть в результате неограниченного роста богатства и населения, только ради того, чтобы прокормить возросшее число не лучших и не более счастливых людей, то я искренне надеюсь, что ради нашего будущего человечество удовлетворится своей неизменной численностью задолго до того, как необходимость заставит его сделать это.

Вряд ли необходимо отмечать, что застойное состояние капитала и численности населения не подразумевает ограничения возможностей для человеческого совершенствования. Ничуть не уменьшится простор для роста всех форм духовной культуры, для морального и социального прогресса, не меньшим окажется и простор для развития искусства жизни, и такое развитие станет куда более вероятным, когда мысли человека перестанут сосредоточиваться на борьбе за существование. Даже навыки в области производства могут насаждаться с такой же добросовестностью и с таким же успехом, с той только разницей, что вместо выполнения единственной задачи — увеличения богатства — усовершенствования в промышленности при-

ведут к действительно закономерному результату: они уменьшают затраты труда. До сих пор (1848 г.) сомнительно, чтобы все сделанные к настоящему времени технические изобретения облегчили повседневный труд хотя бы одного человеческого существа. Они позволили большему числу людей владеть таким же существованием, связанное с однообразным тяжелым трудом и каторжными условиями, и большему числу владельцев мануфактуры и других людей — наживать богатство. Они улучшили условия жизни средних классов. Но эти изобретения все еще не привели к началу тех великих изменений в человеческой судьбе, которые они по своей природе неизбежно вызовут и за которыми стоит будущее. Только тогда, когда в дополнение к справедливым институтам увеличение человеческого будет определяться сознательным управлением на основе благоразумной предусмотрительности, все отвоеванное у стихийных сил природы разумом и энергией авторов научных открытий станет общим достоянием человечества и средством улучшения и возвышения его общей судьбы.

ГЛАВА VII

О ВЕРОЯТНОМ БУДУЩЕМ ТРУДЯЩИХСЯ КЛАССОВ

§ 1. Замечания, изложенные в предшествующей главе, имеют целью опровергнуть ложный идеал человеческого общества. Их практическое значение для настоящего времени состоит в том, что они способствуют уменьшению той чрезвычайной роли, которая придается простому расширению производства, и повышению внимания к улучшению распределения, а также увеличению вознаграждения за труд в качестве настоятельных потребностей. После того как определенное количество совокупного продукта было получено, ни законодателя, ни филантропа не должен особенно волновать вопрос о том, происходит или нет абсолютное увеличение этого продукта. Однако исключительно большое значение имеет то обстоятельство, увеличивается ли этот продукт по отношению к числу людей, участвующих в его распределении, а это (остается ли богатство человечества неизменным, или оно возрастает самыми быстрыми темпами, когда-либо известными в старых странах) должно зависеть от взглядов и привычек наиболее многочисленного класса, т. е. класса простых рабочих.

¹ Когда я говорю в данном случае или в каком-то другом месте о «трудящихся классах» или о трудящихся как

¹ [Этот абзац заменил в 3-м издании (1852 г.) следующий абзац первоначального (1848 г.) текста:

«Экономические условия этого класса, а вместе с ним и всего общества зависят, таким образом, от его моральных и интеллектуальных, а значит, от социальных условий. Для отдельных элементов политической экономии общие взгляды и политика общества не имеют значения, но при более обобщенных исследованиях их невозможно исключить, поскольку различные важнейшие аспекты человеческой жизни не развиваются самостоятельно, а каждый из них зависит от всех остальных или глубочайшим образом модифицируется ими. Чтобы пролить свет на важнейший вопрос, который касается будущего и который определяет прежде всего интерес к явлениям настоящего — о физических условиях трудящихся классов, — мы должны рассматривать его не отдельно, а в совокупности со всеми остальными элементами этих условий».]

«классе», я использую эти термины в обыкновенном их значении, имея в виду существующее состояние общественных отношений, а не то, которое должно вообще или необходимо существовать. Я не признаю справедливым или достойным похвалы общество, где существует «класс», не занимающийся трудом, — любые человеческие существа, освобожденные от выполнения своей доли трудовых усилий, необходимых в человеческой жизни, не считая тех, кто физически неспособен выполнять работу или кто добросовестно заработал на остаток своей жизни предшествующим напряженным трудом. До тех пор, однако, пока существует огромное социальное зло в виде праздного класса, трудящиеся также будут составлять класс и могут рассматриваться, хотя и весьма условно, в качестве такового.

В последнее время гораздо больше, чем раньше, говорят о моральных и социальных сторонах положения трудящегося населения, причем очень широкое распространение получило мнение, что это положение вовсе не такое, каким оно должно было бы быть. Выдвинутые предложения и возникшие споры, которые касаются скорее второстепенных вопросов, чем непосредственного существа проблемы, выявили наличие двух противоречащих друг другу теорий, касающихся социального положения, желательного для работников физического труда. Одну из них можно назвать теорией «зависимости и защиты», другую — «самостоятельности».

В соответствии с первой из них судьба беднейших слоев во всем, что затрагивает их как совокупность, должна определяться за них, а не ими самими. От них не следует ни требовать самостоятельного мышления, ни побуждать их к этому, не следует и допускать того, чтобы их представления или мысли о будущем оказывали существенное влияние на определение их судьбы. Предполагается, что это должно входить в обязанность высших классов, которым надлежит думать за них и нести ответственность за их участь, подобно тому как офицеры и начальники несут ответственность за солдат своей армии. Утверждают, что данную функцию должны сознательно осуществлять высшие классы, которым следует подготовиться к этому, а их общее поведение должно способствовать формированию у бедняков доверия к их действиям, с тем чтобы, пассивным или активным образом повинаясь предписанным прави-

лам, бедняки во всех других отношениях могли бы предаваться доверительной *insouciance* (беззаботность) и находиться в безмятежном покое под сенью своих покровителей. В соответствии с этой теорией (она также применима к отношениям между мужчинами и женщинами²) отношения между богатыми и бедными только частично должны быть основаны на власти, им следует быть дружественными, нравоучительными и чувствительными: благосклонные наставления, с одной стороны, и благодарное почтение — с другой. Богатым надлежит быть *in loco parentis* (вместо родителей) для бедных, направляя и сдерживая их, как детей, никоим образом не должна возникать потребность в самостоятельности их поступков. От них следовало бы требовать только выполнения их повседневной работы, быть нравственными и религиозными. Представления о морали и религии они должны получать от своих наставников, которые будут следить за правильностью обучения и делать все необходимое для обеспечения их надлежащим питанием, одеждой, жильем, давать им духовные наставления и предоставлять невинные развлечения в обмен на труд и привязанность.

Таков идеал будущего в представлении тех, чья неудовлетворенность настоящим приобретает форму нежной привязанности к прошлому и сожаления о нем³. Как и другие идеалы, он оказывает неосознанное воздействие на мнения и чувства многих людей, которые сознательно не руководствуются никаким идеалом. С другими идеалами его роднит и то обстоятельство, что он никогда не был претворен в жизнь. Этот идеал привлекает наше воображение тем, что означает восстановление добрых обычаев наших праотцев. Однако в прошлом невозможно найти такой период, когда высшие классы Англии или какой-либо другой страны выполняли бы роль, которая хотя бы отдаленно напоминала ту, что отведена им данной теорией. Она представляет собой идеализацию, основанную на поведении и характеристиках отдельных избранных людей. Все привилегированные и влиятельные классы как таковые использовали свою власть для достижения своих эгоистических интересов, а понимание ими собственной важности приводило к презрению, а не к любовной заботе

² [Скобки добавлены в 3-ем издании (1852 г.).]

³ [Carlyle, Past and Present, 1843.]

в отношении тех, кто, по их мнению, был унижен необходимостью работать ради обеспечения их же блага. Я не утверждаю, что положение, которое существовало всегда в прошлом, должно остаться на веки вечные или что совершенствование человечества не приводит к исправлению самонадеянности, столь сильно порождаемой властью; но, хотя зло может быть преуменьшено, его нельзя полностью искоренить, пока не отнята сама власть. Мне представляется невозможным отрицать по крайней мере то обстоятельство, что задолго до того, как высшие классы можно будет улучшить настолько, чтобы они могли осуществлять предполагаемое воспитательное руководство, низшие классы достигнут такого совершенства, что необходимость в подобном руководстве полностью упадет.

Я хорошо понимаю все привлекательные стороны той картины общества, которую создает излагаемая теория: подобных фактов в прошлом не было, но подобные настроения встречались, и в этих последних заключается все, что есть реального в этой теории. Как по существу своему неприятна мысль о том, что общество объединяют только отношения и чувства, основанные исключительно на денежных интересах, так есть что-то естественно привлекательное в такой форме общества, когда повсеместно распространены глубокие личные привязанности и бескорыстное самопожертвование. Следует признать в отношении подобных чувств, что до сих пор их самым главным источником были взаимоотношения между покровителем и тем, кому он покровительствовал. Вообще самые сильные привязанности у людей складываются в отношении тех предметов или лиц, которые защищают их от какого-нибудь грозящего им зла. Поэтому в век насилия, попирающего законность, отсутствия безопасности, общей жестокости и грубости нравов — когда жизнь людей наполнена опасностями и страданиями на каждом шагу для тех, кто не обладает влиянием и не может рассчитывать на защиту тех, у кого оно есть, — великодушное предоставление такой защиты и благодарное ее принятие являются самыми прочными узами, соединяющими людей. Чувства, возникающие на основе таких уз, оказываются самыми теплыми; весь энтузиазм и вся доброта наиболее отзывчивых натур сосредоточиваются на них; преданность, с одной стороны, и благородство — с другой, представляют собой принципы, доходящие до страсти. Я не стремлюсь пре-

уменьшить цену этих качеств⁴. Ошибка заключается в том, что здесь не учитывают совершенно очевидной обусловленности таких добродетелей и чувств, которые подобны племенному союзу и гостеприимству кочевых арабов, грубостью и несовершенством общественных связей; из виду упускают то обстоятельство, что чувства между покровителем и тем, кому он покровительствует, будь то короли и их подданные, богатые и бедные, мужчины и женщины⁵, не могут сохранить того прекрасного и нежного характера, когда нет серьезных опасностей, от которых нужна была бы защита. Найдется ли при современном состоянии общества что-либо такое, что сделает естественным для людей обыкновенной силы и храбрости проявление горячей благодарности и привязанности в ответ на предоставление защиты? За исключением тех случаев, когда законы преступно не соблюдаются, эти люди находятся под защитой законов⁶. Если в прошлом пребывание под чьей-либо властью составляло единственное условие безопасности, то теперь, вообще говоря, именно такое положение и приводит к вопиющей несправедливости. Так называемые покровители теперь в обычных условиях как раз и являются теми единственными людьми, от которых требуется защита. Жестокость и тиранию, о которых беспрерывно упоминается во всех полицейских сообщениях, проявляют мужья по отношению к своим женам, родители по отношению к своим детям. То обстоятельство, что закон не пресекает этих жестокостей, что он только сейчас делает первые робкие попытки обузывать и наказывать их, не является следствием необходимости, а пред-

⁴ [В 3-м издании (1852 г.) слово «качеств» заменило слово «добродетелей» и было опущено следующее предложение: «Наипрекраснейшие чувства и черты характера зачастую возрастают на почве самых тягостных событий, во многих отношениях ожесточающих и развращающих человека, это и в настоящее время, и, вероятно, в далеком будущем будет составлять одну из основных трудностей в теории и практике формирования морали и в воспитании».]

⁵ [«...будь-то ... женщины» вставлено во 2-м издании.]

⁶ [В таком виде текст излагается, начиная со 2-го издания. Первоначально он был следующим: «Законы защищают их; там, куда не доходит закон, их охраняют нравы и обычаи». Ссылка на сообщения полиции и проявления жестокости, содержащаяся далее в этом же абзаце, была включена в 3-е издание, а «защита закона» была уточнена как защита, которую закон «обязан предоставить».]

ставляет собой глубочайший позор для тех, кто составляет и приводит в исполнение законы. Ни одному мужчине или женщине, располагающими средствами для независимого существования или способными заработать эти средства, не требуется какой-либо защиты, кроме той, которую может и обязан предоставить им закон. При подобном положении вещей было бы величайшим проявлением полного непонимания человеческой природы сохранение убежденности в том, что отношения, основанные на покровительстве, должны сохраниться навечно. Об этом свидетельствовала бы и неспособность осознать тот факт, что не вызванное необходимостью принятие на себя роли покровителя и связанной с нею власти неизбежно приведет к возникновению чувств, совершенно противоположных чувству преданности.

В отношении трудящихся людей, по крайней мере в наиболее передовых странах Европы, можно с уверенностью утверждать, что патриархальной или покровительственной системе правления они никогда больше не подчинятся. Этот вопрос был решен уже тогда, когда их научили читать, и тем самым они получили доступ к газетам и политической литературе; когда была проявлена терпимость в отношении крамольных проповедников, проникающих в их среду и взывающих к их сознанию и чувствам с целью противостоять убеждениям, которые исповедуются и поддерживаются правящими классами; когда их собрали вместе в большом числе для совместной работы под одной крышей; когда железные дороги предоставили им возможность переезжать с места на место и менять своих покровителей и работодателей столь же легко, как и одежду; когда их начали побуждать к тому, чтобы они добивались участия в управлении государством при помощи избирательного права⁷. Трудящиеся классы взяли дело защиты своих интересов в собственные руки и неизменно проявляют свою убежденность в том, что их интересы не только не совпадают с интересами их работодателей, но и противоречат им. Некоторые представители высших классов питают себя надеждой, что с подобными стремлениями можно покончить путем религиозного и морального воспитания, однако они упустили время для организации такого воспитания, которое способствовало бы достижению по-

⁷ [Последняя фраза была внесена в 3-е издание (1852 г.).]

ставленной цели. Принципы реформации проникли так же глубоко в общество, как умение читать и писать, и бедняки более не захотят воспринимать моральные нормы и религиозные верования в соответствии с предписаниями других людей. Сказанное мной в наибольшей степени относится к Англии, особенно к ее городскому населению, и районам с интенсивным использованием достижений науки в сельском хозяйстве или самой высокой заработной платой — к Шотландии и северной Англии. Среди менее активного и затронутого веяниями времени сельскохозяйственного населения южных графств мелкопоместное дворянство, может быть, еще сумеет сохранить на некоторое время патриархальное почтение и подчинение со стороны бедняков, подкупая их предоставлением более высокой заработной платы и постоянной занятости, обеспечивая им поддержку и никогда не требуя от них таких действий, которые им неприятны. Однако эти два условия никогда не удавалось совместить, и они никогда не могут соблюдаться одновременно в течение длительного времени. Гарантированность средств к существованию может быть достигнута на практике только в том случае, если работа определяется в обязательном порядке, а чрезмерное размножение ограничивается по крайней мере на основе морального принуждения. Именно в этом случае те, кто попытался бы вернуться к старым временам, сущность которых им непонятна, должны почувствовать, насколько безнадежную задачу они перед собой поставили. Все знание патриархального или феодального влияния, в основе которого должно лежать ласковое отношение к беднякам, рухнуло бы, и причиной тому явилась бы необходимость введения строгого законодательства о бедняках.

§ 2. Впредь благополучие и добродетельность трудящихся людей должны создаваться на совершенно иной основе. Бедняки уже выросли из детских штанишек, и ими нельзя руководить, как малолетними, и относиться к ним, как к детям. Судьба бедняков должна отныне определяться их собственными качествами. Современные государства должны осознать, что благополучие народа следует достигать посредством справедливости и самоуправления, δικαιοσύνη (самостоятельности) и δω φρονίη (благоразумия) отдельных граждан. Теория зависимости пытается устранить необходимость наличия этих качеств в

зависимых классах. Но сейчас, когда даже их положение становится все менее и менее зависимым, а их сознание все меньше и меньше мирится с той степенью зависимости, какая еще осталась, добродетели, отвечающие в полной мере состоянию независимости, — это то, что им действительно необходимо. Любые наставления, увещания и указания, предназначенные трудящимся классам, должны подаваться им как равным и восприниматься ими совершенно сознательно. Перспективы на будущее определяются тем, насколько удачными окажутся попытки превратить их в мыслящие существа.

Нет оснований сомневаться в том, что перспективы обнадеживающие. До сих пор в прошлом, как и сейчас, развитие шло медленными темпами. Однако воспитание многих людей происходит само собой, и этот процесс можно значительно ускорить и улучшить путем принятия специальных мер. Знания, полученные из газет и политических брошюр, возможно, являются не самыми основательными, однако это все-таки огромный прогресс по сравнению с полным отсутствием знаний⁸. Насколько они важны для людей, было великолепно продемонстрировано во время хлопкового кризиса ланкаширскими прядильщиками и ткачами, которые действовали со столь справедливо одобренной постоянной рассудительностью и предусмотрительностью только потому, что, будучи читателями газет, они понимали причины бедствия, обрушившегося на них, и знали, что его ни в коем случае нельзя ставить в вину правительству или их работодателям. Вряд ли их поведение было бы столь разумным и образцовым, если бы бедствие произошло раньше, чем были приняты похвальные меры по освобождению от налогов, приведшие к возникновению дешевых газетных изданий. Появление организаций, занимавшихся проведением лекций и дискуссий, коллективных обсуждений вопросов, представлявших общий интерес, профессиональных союзов, политической агитации — все это способствовало пробуждению общественного духа, широкому распространению многочисленных идей среди масс, содействовало пробуждению сознания и мышления у тех, кто стоит выше по своему умственному развитию. И хотя слишком раннее получение политических прав

⁸ [Это и следующее предложение были включены в 6-е издание (1865 г.).]

наименее образованными классами может затормозить, а не ускорить их развитие, не подлежит сомнению, что оно в огромной степени стимулировалось попытками получить такие права⁹. Уже и теперь трудящиеся классы составляют часть общества; они все или некоторые из них принимают теперь участие в обсуждении общественных вопросов; все, кто использует прессу в качестве инструмента, могут при благоприятных условиях воздействовать на эти классы; пути к образованию, при помощи которого средние классы приобретают свои теперешние понятия, доступны также по крайней мере городским ремесленникам и квалифицированным рабочим. Не подлежит сомнению, что при таких возможностях и умственное развитие рабочих ускорится, даже без посторонней помощи, только за счет их собственных усилий; кроме того, есть все основания надеяться на громадное улучшение школьного образования — с точки зрения как его широты, так и качества — за счет усилий либо правительства, либо отдельных лиц, а также на прогресс массы населения в умственном развитии и росте добродетелей, связанных с этим развитием, который будет происходить гораздо быстрее и с меньшими задержками и отклонениями, чем в условиях полной стихийности.

От этого роста умственного развития народных масс можно с уверенностью ожидать целого ряда последствий. Прежде всего рабочие еще в большей мере, чем сейчас, не согласятся с тем, чтобы только власть и престиж людей, стоящих над ними, определяли направление и способы их действий. Если почтительный страх или благоговейное послушание, заставляющие их подчиняться высшему классу, отсутствуют уже сейчас, то еще меньше оснований ожидать появления этих качеств в будущем. Теория зави-

⁹ [Во 2-м издании (1849 г.) в данном месте был исключен следующий текст из 1-го издания (1848 г.): «Не имеет большого значения то, что некоторые из них на определенной стадии своего развития могут придерживаться ошибочного мнения. Сейчас уже велико число коммунистов, и оно, вероятно, будет и дальше возрастать, но ничто так не способствует умственному развитию трудящихся классов, как необходимость широко и свободно обсуждать все вопросы, которые возникают в отношении коммунизма; ничто не может быть более ценным с познавательной точки зрения, как то обстоятельство, что кто-то должен на деле создавать коммуны и практически испытывать возможность существования без института собственности».]

симости и покровительствования будет все более и более неприемлемой для них, и они станут все более решительно настаивать на том, чтобы их поведение и условия существования определялись прежде всего на основе самоуправления. В то же время весьма возможно, что во многих случаях они могут потребовать вмешательства в свои дела законодательной власти и урегулирования на основе законодательства ряда касающихся их проблем, причем зачастую это будет происходить в результате весьма искаженных представлений о собственных интересах. Кроме того, они потребуют осуществления своих желаний, собственных идей и мыслей, а не правил, сформулированных для них другими людьми. В данном случае не возникает никакого противоречия, если они будут испытывать уважение к превосходству ума и знаний и во многих вопросах полагаться на мнение тех, кого они считают достаточно осведомленными. Подобное уважение глубоко укоренилось в человеческом характере, однако они сами будут определять, кто достоин, а кто не достоин его.

§ 3. Мне представляется неизбежным, что рост интеллекта, распространение образования и усиление стремления к независимости в среде трудящихся классов будут сопровождаться соответствующим возрастанием роли здравого смысла, а это в свою очередь найдет отражение в формировании привычек к проявлению осторожности в действиях, в результате которых рождаемость населения будет постепенно уменьшаться по отношению к капиталу и уровню занятости. Подобное в высшей степени желательное последствие будет в значительной мере усилено другим процессом, соответствующим общему направлению основных тенденций, оказывающих наиболее благоприятное воздействие в наше время, — созданием возможностей для свободного участия в производительном труде как для мужчин, так и для женщин. Те же самые причины, которые и устраняют необходимость зависимости бедных от богатых, в равной мере устраняют необходимость зависимости женщин от мужчин, поэтому справедливость требует, чтобы законы и обычаи по крайней мере не навязывали зависимости (когда соответствующая защита стала излишней) путем установления требования о том, что женщина, не оказавшаяся обеспеченной в результате получения наследства, почти не будет иметь каких-либо источни-

ков получения средств к существованию, кроме как в качестве жены и матери. Пусть женщины, предпочитающие такое назначение, принимают его; однако тот факт, что нет никакого выбора, что никакая другая карьера не представляется возможной для огромного большинства женщин, разве что наиболее скромные занятия, представляет собой проявление вопиющей социальной несправедливости¹⁰.

¹⁰ [Первоначальный текст (1848 г.) гласил: «То, что не должна иметься возможность какой-либо другой карьеры... представляет собой одну из социальных несправедливостей, настоятельным образом требующей своего исправления. Среди достойных похвалы последствий подобного исправления было бы уменьшение» — и т. д.

Во 2-м издании (1849 г.) после слова «исправления» следовала фраза: «Последствия решения этого вопроса слишком разнообразны и запутанны, чтобы их можно было рассмотреть здесь. Социальное и политическое равенство полов не является проблемой, требующей подробного рассмотрения с экономической точки зрения, а носит принципиальный характер; она настолько тесно связана со всеми наиболее жизненно важными сферами человеческого прогресса, что ни одна из них не может подробно рассматриваться независимо от нее. Но именно в силу этого обстоятельства о ней нельзя упоминать лишь мимоходом, в работе, посвященной другим проблемам. Для непосредственных целей нашего исследования достаточно отметить, что среди возможных последствий предоставления независимости женщинам в области трудовой деятельности и общественного положения важное место занимает уменьшение и т. д.»

Эта фраза была заменена в 3-м издании (1852 г.) современным текстом, который сопровождался следующим примечанием: «Воистину позор, что в период правления женщины не было предпринято хотя бы малейшего шага для устранения в законодательном порядке даже ничтожной доли существующей несправедливости в отношении женщин. Наиболее грубая часть населения все еще может бить, если не убивать, своих жен почти безнаказанно; что же касается гражданского и социального статуса, при составлении нового билля о реформе, предусматривающей расширение контингента избирателей, не была использована возможность для столь ограниченного признания некоего подобия равенства прав, каким явилось бы представление права голоса женщинам, относящимся к тому же классу, имеющим такую же недвижимость и отвечающим налоговому цензу, что и мужчины, уже обладающие таким правом».

В 4-м издании (1857 г.) это примечание было дополнено следующим абзацем: «Выведенный Фитцроем закон «Об улучшении защиты женщин и детей от оскорблений словом и действием» представляет собой исходящую из самых лучших побуждений, но еще недостаточную попытку устранить первое из позорных проявлений. Второе из этих проявлений сейчас является более вопиющим, чем когда бы то ни было: за прошедшее время был представлен *еще один* билль о реформе, значительно расширяющий изби-

Идеи и институты, в соответствии с которыми принадлежность к тому или иному полу составляет основу неравенства в юридических правах и вынужденных различий в общественном положении, уже давно следовало бы рассматривать в качестве величайшего препятствия, стоящего на пути морального, общественного и социального прогресса. В данном случае я лишь отмечу, что среди возможных последствий независимости женщин в отношении трудовой деятельности и общественного положения важное место занимает уменьшение зла, происходящего от чрезмерного увеличения численности населения. Из-за того что половина человеческого рода была исключительно обречена на выполнение этой функции, последняя целиком заполняла жизнь одного пола, пронизывала почти все объекты деятельности другого пола, связанный с ней животный инстинкт размножения приобрел непропорционально огромное значение, которое он имел до настоящего времени в человеческой жизни.

§ 4. Политические последствия возрастания влияния и значения классов квалифицированных работников и усиливающегося влияния массы населения, которое даже в Англии и при существующих ныне институтах приводит к подчинению деятельности правительства воле большинства, по крайней мере в негативном плане, представляют собой слишком обширную тему для того, чтобы ее можно было рассмотреть в данной работе. Однако, ограничивая наше исследование только экономическими явлениями и не касаясь того влияния, какое повышение интеллекта трудящихся классов в сочетании со справедливыми законами может оказать на изменение распределения продукта, я все же не думаю, что рабочие будут постоянно удовлетворены своим положением в связи с работой по найму ради получения заработной платы в качестве конечной цели¹¹. Они

рательные права мужчин, принадлежащих к различным классам, но оставляющий женщин в том же положении политического и социального порабощения, в каком они находятся в настоящее время».

Все примечание было изъято в 5-м издании (1862 г.).]

¹¹ [В данном месте из 3-го издания (1852 г.) был исключен следующий текст, содержащийся в 1-м издании (1848 г.): «Работать в соответствии с чьими-либо приказаниями и ради прибылей других лиц, не имея никакого интереса к работе и при условии, что

могут согласиться переходить через класс слуг в класс хозяев, однако откажутся принадлежать к первому на протяжении всей жизни. Начинать в качестве наемных работников, затем после нескольких лет переходить в категорию независимых предпринимателей и, наконец, нанимать других — таковы обычные условия работников в новой стране, где быстро растет богатство и население, как это происходит в Америке или Австралии¹². Однако в старой и полностью заселенной стране тот, кто начинает жизнь в качестве наемного работника, остается им, как правило, до конца своей жизни, если только не опускается еще ниже и не превращается в получателя благотворительной помощи со стороны общества. На современной стадии человеческого прогресса, когда идеи равенства с каждым днем все шире распространяются среди бедных классов и их распространение не может быть остановлено ничем, кроме как полным запрещением обсуждения в печати и даже запрещением свободы слова, нельзя ожидать, что деление человечества на два неравноправных класса — нанимателей и наемных работников — может сохраняться постоянно. Такое соотношение почти в равной степени неблагоприятно как для того, кто выплачивает заработную плату, так и для того, кто ее получает. Если в силу некоего естественного закона богатые рассматривают бедных как своих слуг и подчиненных, бедные в свою очередь считают богатых объектом грабежа и источником получения пропитания, а совокупность их требований и претензий, совершенно неопределенная, расширяется по мере представле-

цена труда определяется на основе враждебной конкуренции, причем одна сторона требует как можно больше, а другая платит как можно меньше, — такое положение даже при высоком уровне заработной платы не является удовлетворительным с точки зрения образованных и умственно развитых людей, которые более не считают себя худшими по своей природе существами по сравнению с теми, кому они служат».]

¹² [Остальная часть абзаца, за исключением двух предложений, указанных в следующем примечании, была вставлена в 3-м издании (1852 г.) вместо следующего предложения из первоначального текста: «Однако требуется еще что-то, когда богатство возрастает медленно либо уже достигло застойного состояния и положение, вместо того чтобы подвергаться все большему изменению, становится более стабильным, чем в настоящее время, и условия существования любой части населения остаются неизменными, если даже существует стремление к их изменению».]

ния каждой уступки¹³. Абсолютное отсутствие принципов справедливости и честности в отношениях между сторонами проявляется, как отмечалось, со стороны и наемных работников, и нанимателей. Мы напрасно стали бы искать у трудящихся классов в целом проявления справедливой гордости, которая породила бы желание хорошо трудиться ради хорошей зарплаты: в большинстве случаев их единственное желание состоит в том, чтобы получить как можно больше, а дать в обмен в форме услуг как можно меньше. Рано или поздно для класса работодателей окажется невозможным жить в тесном и постоянном контакте с людьми, чьи интересы и чувства враждебны по отношению к ним. Капиталисты почти так же, как и работники, заинтересованы в организации производства на такой основе, когда те, кто работает на них, могли бы почувствовать такую же заинтересованность в работе, как и лица, работающие на себя.

Точка зрения, изложенная в одном из предыдущих разделов настоящей работы относительно мелкой земельной собственности и крестьян-собственников, может создать у читателя впечатление, что широкое распространение собственности на землю представляет собой средство, с помощью которого я предполагаю освободить по крайней мере сельскохозяйственных работников от исключительной зависимости от работы по найму. Я действительно считаю, что эта форма экономических отношений в сельском хозяйстве осуждается совершенно необоснованно и что в силу ее совокупного воздействия на человеческое благополучие она гораздо предпочтительнее наемного труда, если проводить сравнение с любой его формой, существующей в настоящее время, потому что при ней благоразумное ограничение численности населения действует более непосредственным образом и оказывается, как свидетельствует опыт, более эффективным. С точки зрения безопасности, независимости, проявления человеческих, а не животных свойств положение крестьянина-собственника в Англии или какой-либо другой старой стране является более благоприятным, чем положение сельскохозяйственного наемного работника. Там, где существует уже опи-

¹³ [Это и следующее предложения представляют собой развернутое изложение в 4-м издании (1857 г.) следующей фразы из 3-го издания: «в то время, как существует стремление снизить до минимального уровня возмещение, предоставляемое в виде услуг».]

санная выше система, в целом удовлетворительно функционирующая, мне приходится с сожалением наблюдать, учитывая современное состояние человеческого развития, как она упраздняется, чтобы уступить место для другой системы в соответствии с доктринерским пониманием процесса улучшения сельскохозяйственного производства как абсолютно одинакового процесса, происходящего независимо от совершенно различных обстоятельств. Я считаю, что при том низком уровне развития производства, какое имеет место в Ирландии, следовало бы оказывать ей предпочтение по сравнению с системой, при которой исключительное место занимает наемный труд, и стимулировать ее внедрение в качестве средства, обеспечивающего более эффективное преодоление полуварварского безразличия и безрассудства населения с целью сохранения трудолюбия и стремления к осторожному расчету.

Однако люди, которые однажды приняли определенную распространенную систему производства, будь то в промышленности или сельском хозяйстве, вряд ли откажутся от нее. И если сохраняется надлежащая пропорция между численностью населения и средствами к существованию, нежелательно, чтобы это произошло. Не подлежит сомнению, что труд является более производительным при существовании крупных производственных предприятий; и продукт при таких условиях, если и не возрастает в абсолютных размерах, является большим по отношению к затраченному труду — то же самое число людей может быть обеспечено одинаково хорошо при меньших затратах труда и большей продолжительности досуга, что будет представлять собой абсолютную выгоду, если только цивилизация и прогресс достигли такой высокой степени, когда то, что приносит пользу всему обществу, оказывается полезным для каждого члена¹⁴. Что касается моральной сто-

¹⁴ [Остальная часть этого абзаца (подвергшаяся впоследствии некоторым изменениям в формулировках) заменила в 3-м издании (1852 г.) следующий первоначальный текст (1848 г.): «Проблема состоит в том, чтобы достигнуть эффективности и экономичности крупномасштабного производства без разделения производителей на две враждебные стороны, имеющие враждебные интересы, — на работодателей и наемных работников, многочисленную группу, которая состоит из людей, выполняющих работу в качестве простых слуг под руководством того, кто предоставляет средства, и не имеющих иных собственных интересов в отношении предприятия, кроме как выполнения контрактов и обработки получаемой платы».]

роны данного вопроса, которая даже более важна, чем экономическая, следует найти что-то более приемлемое в качестве цели производственного прогресса, чем рассредоточение человечества по всей земле отдельными семьями, каждая из которых управляется изнутри, как это обстоит сейчас, патриархальным деспотом, при почти полном отсутствии общности интереса и духовных связей с другими человеческими существами. При подобном положении вещей господство главы семьи над остальными ее членами является абсолютным, причем все его мышление ориентировано на интересы семьи, рассматриваемой в качестве продолжения его собственной личности, а все страсти поглощены единственным стремлением к обеспечению исключительного права собственности, а все желания — стремлением к ее закреплению и увеличению.

В качестве шага от примитивного животного состояния к человеческому образу жизни, от безграничного господства животных инстинктов к сознательной предусмотрительности и самообладанию подобное нравственное состояние не следует рассматривать отрицательно. Но если стремиться к формированию общественной морали, благородным чувствам или истинной справедливости и равенству, то именно объединение людей, а не их изоляция представляет собой ту школу, где могут быть воспитаны эти великолепные качества. Цель прогресса должна состоять не в том лишь, чтобы поставить людей в такие условия, при которых они могли бы обходиться друг без друга, а в том, чтобы создать им возможность работать совместно с другими или для других при взаимных отношениях, не заключающих в себе никакого подчинения. До сих пор не существовало никакой иной альтернативы для тех, кто жил за счет своего труда, кроме как каждому работать на самого себя или на хозяина. Однако обуславливающее прогресс воздействие объединения, равно как эффективность и экономические результаты крупного производства, могут быть достигнуты без разделения производителей на две группы, обладающие враждебными интересами и чувствами, где большинство выполняет свою работу в качестве слуг под руководством того, кто предоставляет средства, и это большинство не имеет никаких других интересов в отношении предприятия, кроме как отработать свою заработную плату с наименьшими затратами труда. Исследования и дискуссии последних 50 лет

и события последних 30 лет¹⁵ истерпывающим образом подтверждают это положение. Если прогресс, который был лишь замедлен, но не остановлен торжествовавшим военным деспотизмом, будет идти в том же направлении, что и сейчас¹⁶, не подлежит сомнению, что *status* (статус) наемных работников будет постепенно приближаться к статусу фабричных рабочих, низкий уровень морали которых приводит к их неспособности вести более самостоятельное существование; отношения же между хозяевами и работниками будут постепенно вытеснены отношениями партнерства в одной из двух форм: в некоторых случаях произойдет объединение работников с капиталистами, в других — а возможно, в конечном итоге и во всех¹⁷ — объединение работников между собой.

¹⁸ § 5. Первая из этих форм объединения уже давно используется на практике, однако не регулярно, а в порядке

¹⁵ [3-е издание (1852 г.) «5 лет»; 4-е (1857 г.) «10 лет»; 6-е (1865 г.) «20 лет»; 7-е (1871 г.) «30 лет».]

¹⁶ [В такой редакции с 5-го издания (1862 г.). В 3-м и 4-м изданиях было: «Если только военный деспотизм, торжествующий ныне на континенте, не добьется успеха в своих гнусных попытках отбросить человеческое мышление назад».]

¹⁷ [В 3-м издании: «...временно и в некоторых случаях... в других случаях и в конечном итоге во всех». В 5-м издании (1862 г.) «возможно, в конечном итоге и во всех». В 6-м издании (1865 г.) «временно» было опущено.]

¹⁸ [Следующий абзац, внесенный в этом месте во 2-е издание, был исключен из 3-го издания (1852 г.):

«§ 5. Именно такая оценка характера проблемы (см. выше, примечание 12 на с. 95) почти в такой же мере, как и безнадежность попыток улучшения условий трудящихся масс посредством других мер, привела к возникновению столь большого количества проектов по «организации производства» на основе более широкого и детально разработанного применения принципа кооперации или создания акционерных обществ; некоторые важнейшие проекты были рассмотрены в одной из предшествующих глав настоящей работы. Крайне желательно создать возможности и оказать содействие выявлению степени их реальности путем проведения экспериментов на практике. Почти в каждом из этих проектов имеются многочисленные особенности, которые сами по себе заслуживают проведения специальной практической проверки, в то же время чрезмерные надежды, возлагаемые большим и постоянно растущим числом людей во всех основных странах мира на результаты, которые могут быть достигнуты при существующем уровне человеческого прогресса путем проведения в жизнь мероприятий, могут быть приведены в соответствие с реальностью только на основе достоверной практической проверки. Первоначально казалось, что

исключения. В некоторых отраслях промышленности уже имеют место случаи, когда каждый, кто вносит вклад в работу либо в виде труда, либо в виде денежных ресурсов, получает свою долю как партнер пропорционально стоимости своего вклада. В повседневную практику уже вошло вознаграждение тех, кто пользуется особым доверием, путем предоставления им доли в прибылях. Имеют место случаи, в которых тот же принцип распространен на класс простых рабочих, и это дает отличные результаты.

На американских торговых кораблях, отправляющихся в Китай, уже в течение длительного времени существует обычай, в соответствии с которым каждый матрос имеет долю в прибылях, полученных от рейса; именно этим объясняют общее образцовое поведение матросов и исключительную редкость каких-либо столкновений между ними и властями или населением Китая. Не столь известен, как он того заслуживает, пример корнуоллских шахтеров в Англии. «В Корнуолле шахтеры работают исключительно на основе системы групповых сдельных договоров: группа шахтеров заключает с агентом, который представляет владельца шахты, контракт на разработку определенного пласта и подготовку руды для продажи, при этом им выплачивается фиксированная сумма с каждого фунта общей стоимости реализованной руды. Такие контракты, заключаются с известной периодичностью, обычно каждые два месяца, и основываются на добровольном партнер-

французская революция 1848 г. открыла справедливый путь для проведения подобных экспериментов в довольно безопасных масштабах и при всех тех преимуществах, которые могут быть получены в результате содействия со стороны правительства, искренне стремившегося к их успеху. Достойно глубокого сожаления тот факт, что эти надежды рухнули и что враждебная реакция среднего класса по отношению к доктринам, направленным против собственности, привела в настоящее время к возникновению необоснованной и абсолютной антипатии ко всем идеям, насколько безобидными и справедливыми они бы не являлись, которые хотя бы отдаленно напоминают о социализме. Влиятельные классы, как во Франции, так и в других странах, считают необходимым избавиться от подобного образа мышления. Сейчас социализм превратился бесповоротно в один из ведущих элементов европейской политики. Поднимаемые им проблемы не могут быть устранены простыми попытками не принимать его во внимание. Их можно решить лишь путем все более и более полного осуществления тех целей, к которым стремится социализм, при этом нельзя упускать из виду применяемых им средств, в той мере, в какой они могут быть успешно использованы».]

стве между людьми, знакомыми с работой на шахте. Эта система имеет недостатки, связанные с неопределенностью и нерегулярностью заработков и соответственно с необходимостью жить в течение длительного времени в кредит, однако ее преимущества с избытком компенсируют эти недостатки. Она способствует умственному развитию и формированию чувства независимости, а также моральных качеств, которые ставят корнуоллских шахтеров в том, что касается условий жизни и поведения, значительно выше основной массы трудящихся классов. По словам д-ра Бэрхэма, «они не только высоко развиты для трудящегося класса в умственном отношении, но и представляют собой людей, обладающих значительными знаниями». Кроме того, «у них развито чувство независимости, они в какой-то мере похожи на американцев, поскольку система заключения контрактов позволяет ее участникам пользоваться полной свободой в отношении распределения обязанностей между собой; а таким образом, каждый считает, что он является партнером в своей маленькой фирме и по отношению к своим нанимателям находится почти в равном положении»... При наличии подобных качеств, связанных с уровнем умственного развития шахтеров и их независимостью, у нас не вызывает удивления сообщение о том, что «очень многие шахтеры живут теперь на собственных участках, арендованных на срок, равный продолжительности жизни трех поколений, или 99 годам, построив на них дома», или что из «281 541 ф. ст., находящихся в настоящее время на сберегательных счетах в банках Корнуолла, $\frac{2}{3}$, по оценкам, составляют вклады шахтеров» *.

Бэббидж, который также описывает эту систему, отмечает, что оплата труда членов экипажей китобойных судов осуществляется на основе сходного принципа и что «прибыли, получаемые от рыболовства у южного побережья Англии, распределяются следующим образом: половина улова принадлежит владельцу судна и сети, другая половина распределяется равными долями между теми, кто их использует, последние также обязаны в случае необходимости осуществлять ремонт сети». Большая заслуга Бэббиджа состоит в том, что он указал на практическую осу-

* Этот отрывок заимствован из очерка «Causes and Remedies of National Distress» by S. Laing. Содержащиеся в нем цитаты приведены из приложения «Report of the Children's Employment Commission».

ществимость и преимущества распространения этого принципа на всю обрабатывающую промышленность *¹⁹.

* Economy of Machinery and Manufactures, 3rd edition, ch. 26.

¹⁹ [Пространная цитата из книги Бэббиджа, включенная в 1-е и 2-е издания (1848, 1849 гг.), была исключена из 3-го издания (1852 г.):

«Я беру на себя смелость процитировать его основные замечания по данному вопросу.

Общие принципы, на которых основана предлагаемая система, являются следующими. Во-первых, значительная часть заработной платы, получаемой каждым лицом, занятым на предприятии, должна зависеть от получаемых этим предприятием прибылей. Во-вторых, каждый, кто связан с предприятием, должен получать большую выгоду от использования любого открытия, которое он сделал сам, на фабрике, где он работает, чем он мог бы получить при использовании своего изобретения тем или иным образом. Было бы трудно убедить крупного капиталиста перейти к использованию определенной системы, которая привела бы к изменению порядка распределения прибылей, получаемых от применения его капитала с целью приведения в действие трудовых навыков и труда. Поэтому изменений следует ожидать скорее либо от мелкого капиталиста, либо от наиболее высокого класса работников, для которого характерны эти две особенности; именно для этих последних из указанных классов, благосостояние которых главным образом и будет затронуто, изменения имеют наибольшее значение. Поэтому я в первую очередь постараюсь определить направление, которого следует придерживаться при осуществлении эксперимента, а затем, используя для иллюстрации конкретный вид деятельности, я рассмотрю преимущества и недостатки предлагаемой системы применительно к данному виду деятельности.

Предположим, что в каком-то городе с крупной обрабатывающей промышленностью объединились 10—12 работников, которые обладают наиболее высокими умственными способностями и трудовыми навыками и широко известны среди представителей своего класса присущей им рассудительностью и надежностью. Эти лица будут располагать небольшим количеством капитала. Допустим, что к ним присоединятся 1—2 человека, поднявшиеся до класса мелких хозяев-производителей и располагающие поэтому несколько большим количеством капитала. Допустим, эти лица после соответствующих размышлений решат организовать производство отопительных приборов для каминов и каминных решеток. Предположим, далее, что каждый из работников располагает 40 ф. ст., а каждый из мелких капиталистов имеет в своем распоряжении 200 ф. ст. Таким образом, их первоначальный капитал составит 800 ф. ст., простоты ради допустим также, что труд каждого из этих 12 человек стоит 2 долл. в неделю. Одна часть капитала будет затрачена на приобретение инструментов, необходимых для их работы, допустим, эта сумма составит те 400 ф. ст., которые следует рассматривать в качестве их постоянного капитала. Остальные 400 ф. ст. должны использоваться в качестве оборотного капитала для приобретения металла, из которого изготавливается их продукция, для оплаты аренды производственных помещений и

обеспечения их самих и их семей до тех пор, пока некоторая часть затраченной суммы не будет возмещена путем продажи произведенных товаров.

Теперь первый вопрос, подлежащий разрешению, состоит в том, в какой пропорции должны распределяться прибыли для оплаты использования капитала и применяемого труда. Видимо, этот вопрос не может быть решен на основе каких-то абстрактных рассуждений. Если каждый из партнеров предоставил равный капитал, все трудности будут разрешены. В противном же случае следует предоставить возможность для независимого формирования той пропорции, которая будет выявлена на основе опыта. Вероятно, колебания в ее размере не будут слишком значительными. Предположим, что принято решение о выплате заработной платы одного работника на счет капитала, составляющего 800 ф. ст. В конце недели каждому из работников будет причитаться 1 ф. ст. в виде заработной платы и 1 ф. ст. должен будет распределяться между владельцами капитала. Через несколько недель начнет поступать выручка, размер которой вскоре достигнет определенного уровня и остановится на нем. Необходимо провести тщательный учет всех затрат и всех продаж, а в конце каждой недели следует производить распределение прибыли. Определенную часть ее необходимо сохранить в качестве резервного фонда, другая часть пойдет на ремонт инструмента и, наконец, остальную часть нужно разделить на 13 долей, одна из которых будет предназначаться для владельцев капитала, а остальные — для каждого из работников. Таким образом, при обычных обстоятельствах все работники будут получать нормальную еженедельную заработную плату в 2 ф. ст. Если фабрика будет работать успешно, заработная плата станет возрастать, если же объем продаж сократится, она уменьшится. Важное значение имеет то обстоятельство, чтобы каждое лицо, занятое на предприятии, независимо от того, как оплачиваются его услуги, является ли оно производственным рабочим, грузчиком, клерком, осуществляющим учет, или бухгалтером, занятым один раз в неделю в течение нескольких часов контролем за деятельностью этих клерков, получало половину стоимости своих услуг в виде твердой заработной платы, а другую часть — в зависимости от успехов предприятия.

Подобная организация даст нам следующие результаты:

1. Каждое лицо, занятое на предприятии, будет непосредственно заинтересовано в его процветании, поскольку любой успех или любая неудача незамедлительно скажется на его собственных еженедельных доходах.

2. Каждый, имеющий отношение к предприятию, будет непосредственно заинтересован в том, чтобы не допустить потерь или избежать неправильного руководства в каждом из подразделений.

3. Способности всех, кто связан с предприятием, будут в большей степени направлены на улучшение деятельности всех его подразделений.

4. На предприятие станут принимать только работников, обладающих высокими личными качествами и трудовыми навыками, поскольку, если возникает потребность в дополнительной рабочей силе, все будут заинтересованы в привлечении наиболее достойных и квалифицированных работников и навязать мнение дюжине рабочих будет гораздо труднее, чем одному владельцу фабрики.

²⁰ Определенное внимание привлек к себе эксперимент подобного же рода, начатый примерно 30 лет назад па-

5. Если в силу каких-то обстоятельств произойдет насыщение рынка, значительные усилия будут направлены на снижение издержек производства, и часть времени работников может быть затрачена на ремонт и совершенствование их инструмента. Это будет оплачиваться за счет резервного фонда; таким образом, уменьшится текущее производство и в то же время возникнут условия для его расширения в будущем.

6. Другое, не менее важное, преимущество состоит в том, что будут полностью устранены реальные или мнимые причины для образования группировок. Между работниками и капиталистами установятся настолько тесные отношения, настолько очевидными будут их общие интересы; они окажутся способными настолько хорошо понимать трудности и страдания друг друга, что вместо объединения ради борьбы друг с другом единственно возможной формой объединения окажется самый тесный союз между обеими сторонами с целью преодоления их общих трудностей.

Одна из трудностей, связанных с этой системой, состоит в том, что на первых порах капиталисты будут опасаться ее использования, предполагая, что работникам достанется чересчур большая доля прибылей. Действительно, работники получают большую, чем в настоящее время, долю прибылей, но вместе с тем предполагаемый результат использования этой системы будет состоять в том, что в связи со значительным увеличением прибылей всего предприятия, меньшая доля, выделяемая на оплату капитала при этой системе, все равно превысит реальную сумму, получаемую при более высокой доле средств, предназначенных для оплаты капитала при существующей ныне системе.

Возникнут также известные трудности при увольнении нарушающих дисциплину работников или тех, кто не обладает необходимой трудовой квалификацией. Это будет связано с тем, что на их долю придется определенная часть резервного фонда и, возможно, им будет принадлежать какая-то часть используемого капитала. Впрочем, не вдаваясь в детали, можно отметить: возможность принятия решений по таким вопросам на собраниях работников всего предприятия, а если законодательная политика окажется направленной на содействие таким предприятиям, то обеспечение выполнения справедливых правил едва ли явится более трудным делом, чем обеспечение соблюдения несправедливых правил, как обстоит дело в настоящее время, путем объединения в группы со стороны как хозяев, так и самих работников».

²⁰ [В первоначальном тексте (1849 г.) этот абзац начинался следующим образом: «В данном воображаемом случае, — описанном Бэббиджем (см. примечание на с. 102), — предполагалось, что каждый работник вносит определенную долю капитала в предприятие. Но этот принцип в равной мере применим и к обычному положению, когда весь капитал принадлежит отдельному капиталисту. Практическое применение данного принципа осуществляется в настоящее время одним парижским предпринимателем» — и т. д. Данный текст с указанием «примерно 10 лет назад» отно-

рижским предпринимателем, владельцем фирмы по производству малярных работ, Леклером*. Этот эксперимент был описан им в брошюре, вышедшей в 1842 г. Как сообщает Леклер, в его фирме обычно занято около 200 работников, которым он в соответствии с общепринятым порядком выплачивает заработную плату или оклады по твердым ставкам. Себе лично наряду с процентами на собственный капитал он перечисляет определенную сумму в уплату за работу и выполнение обязанностей в качестве управляющего. В конце года излишки прибыли распределяются между работниками, включая его самого, пропорционально установленным окладам**. Заслуживают внимания соображения, в силу которых Леклер принял указанную систему. Будучи неудовлетворен поведением своих работников, он первоначально попытался воздействовать на них, установив более высокую заработную плату; в итоге у него создался коллектив, состоящий из великолепных работников, которые не променяли бы свою работу ни на какую другую. «Добившись таким образом успеха (я привожу выдержку из статьи в «Чемберс джорнэл» от 27 сентября 1845 г.) в деле обеспечения известной стабильности в организации своего предприятия, Леклер, по его словам, ожидал, что теперь он окажется в спокойных условиях. Однако его постигло разочарование. Пока он мог лично осуществлять контроль за всей деятельностью предприятия, начиная с наиболее общих проблем его предприятия и кончая мельчайшими деталями, он испытывал определенное удовлетворение. Но с того момента, когда в результате расширения объема деятельности он обнаружил, что ему приходится выполнять лишь роль центра, откуда ис-

сится к 3-му изданию (1852 г.). В 4-м, 5-м и 6-м изданиях (1857, 1862, 1865 гг.) указывалось «около 16 лет назад»; в 7-м (1871 г.) — «около 30 лет».]

* Его предприятие находится по адресу 11, Rue Saint Georges.

** [1849 г.] Однако создается впечатление, что работники, которых Леклер допустил к участию в прибылях, составляли только часть (пожалуй, менее половины) всей численности занятых у него работников. Это объясняется наличием еще одного элемента в предложенной им системе. Леклер выплачивал полную рыночную ставку заработной платы всем своим работникам. Выделяемая им доля в прибыли представляет собой, таким образом, очевидное дополнение к обычным доходам их класса, которое Леклер весьма похвально использует в качестве инструмента совершенствования производства, превращая его в средство поощрения за особые заслуги или проявления особого доверия.

ходят распоряжения и куда поступают все сообщения, у него вновь возникло беспокойство и неудовлетворенность». Он лишь слегка упоминает о других неприятностях, с которыми может столкнуться такого рода предприниматель, однако указывает в качестве постоянного источника беспокойства (убытки), связанные с потерями из-за неправильных действий работников. Наниматель «столкнется с работниками, чье безразличие к его интересам таково, что они не выполняют и двух третей той работы, на которую способны. Отсюда возникают постоянные жалобы хозяев, которые, видя, как пренебрегают их интересами, считают себя вправе придерживаться того мнения, что работники неизменно строят козни с целью разорить тех, кто обеспечивает их пропитанием. Если поденщик был бы уверен в том, что за ним постоянно сохранится заработок, то его положение оказалось бы в определенном смысле более предпочтительным, чем положение предпринимателя, поскольку ему была бы гарантирована определенная ежедневная заработная плата, которую он получал бы независимо от объема выполняемой работы. Он ничем не рискует; у него нет никаких иных мотивов, определяющих его стремление к наилучшему выполнению работы, кроме как собственное сознание ответственности. Владелец же предприятия со своей стороны в высшей степени зависит от случайных возможностей получения выручки, он постоянно находится в состоянии раздражения и беспокойства. Такое положение существенным образом изменилось бы, если бы интересы владельца предприятия и работников были взаимосвязаны и обусловлены общим пониманием совместной безопасности, как это достигается при осуществлении плана ежегодного распределения прибыли».

Даже в течение первого года, когда эксперимент Леклера осуществлялся в полном объеме, полученные результаты оказались замечательными. Каждый из его работников, проработавших по крайней мере 300 рабочих дней, заработал за этот год не менее 1500 франков, а некоторые из них получили гораздо больше. Самая высокая ставка дневной заработной платы составляла 4 франка, или 1200 франков за 300 дней. Остальные 300 франков, или 12 ф. ст., представляли собой минимальную сумму, которую каждый поденщик, проработавший данное количество дней, получил в качестве причитающейся ему доли из излишка прибыли. Леклер восхищен теми улучшениями,

которые уже проявились в привычках и поведении его работников в отношении не только самой работы и их работодателя, но и в других случаях, что свидетельствовало о росте уважения как к другим, так и к самим себе²¹. Шевалье в работе, опубликованной в 1848 г. *, говорит на основании слов самого Леклера, что возросшее усердие работников и далее полностью компенсирует Леклеру, даже в отношении его денежного положения, ту долю прибыли, которой он пожертвовал в их пользу²². Вильоме отмечал в 1857 г. **: «Хотя Леклер всегда избегал мошеннических уловок, которые столь часто практикуются людьми его профессии, он всегда был в состоянии выдержать конкуренцию и добился весьма высокого благополучия, несмотря на отказ от столь значительной части своей прибыли. Конечно, он достиг таких успехов только благодаря тому, что необычная активность его работников и контроль, который они осуществляли друг за другом, компенсировали ему те жертвы, на которые он шел, довольствуясь только частью прибыли» ***.

²¹ [Добавлено во 2-м издании (1849 г.).]

* Letters sur l'Organisation du Travail, by M. Chevalier, lettre XIV.

²² [Последнее предложение этого абзаца, а также последующий абзац и примеры, приведенные в сносках, были добавлены в 5-м издании (1862 г.).]

** Nouveau Traite d'Economie Politique.

*** [1865 г.] В настоящее время деятельность предприятия Леклера осуществляется с применением несколько измененной системы, хотя принцип распределения прибылей сохранен. В фирме сейчас участвуют три партнера: сам Леклер, еще одно лицо (Дефурно) и Общество взаимопомощи, в котором участвуют все те, кто работает на предприятии. (Это общество располагает великолепной библиотекой, и в нем регулярно читаются лекции по научным, техническим и другим вопросам.) Каждый из трех партнеров внес в предприятие свою долю в размере 100 тыс. франков, причем Леклер предоставил обществу кредит на сумму, восполнявшую первоначальную нехватку средств у общества для осуществления взноса. Общество участвует в предприятии на основе ограниченной ответственности, а Леклер и Дефурно — отвечают всем своим имуществом. Они получают ежегодно 6 тыс. франков (240 ф. ст.) в виде заработной платы за выполнение руководящих функций. Из ежегодной прибыли они получают половину, хотя им принадлежит две трети капитала. Остальная половина принадлежит рабочим и служащим фирмы, две пятых этой суммы поступает Обществу, а три пятых делятся между персоналом. Леклер однако оставил за собой право решать, кто будет принимать участие в распределении прибыли и в какой степени, обязуясь при этом ни-

Полезный пример, поданный Леклером, был с блестящим успехом использован в широких масштабах и другими предпринимателями в Париже. В примечании приводятся выдержки из часто упоминаемой в последнее время работы (одной из наиболее содержательных среди многочисленных интересных работ, опубликованных в последнее время современным поколением политэкономов во Франции), содержащие некоторые показательные примеры экономических и моральных выгод, полученных в результате установления такого достойного восхищения порядка *.

чего не удерживать в свою пользу, а передавать все, что не было распределено между отдельными лицами, Обществу взаимопомощи, затем было предусмотрено, что в случае выхода из дела обоих индивидуальных партнеров права на фирму, ее деловые связи и само предприятие перейдут без какой-либо компенсации Обществу.

* «В марте 1847 г. Поль Дюпон, руководитель парижской типографии, пришел к выводу о целесообразности превращения ее работников в партнеров путем предоставления им одной десятой части прибыли. Обычно у него занято 300 человек — 200 рабочих находятся на сдельной оплате и 100 рабочих — на повременной. Кроме того, у него работает 100 дополнительных работников, которые не включены в состав ассоциации. Часть прибыли, приходящаяся на одного работника, обычно не превышает размера его двухнедельной заработной платы. Но работники получают нормальную заработную плату в соответствии со ставками, существующими во всех крупных типографиях Парижа, а также пользуются льготами, состоящими в получении медицинской помощи в случае болезни за счет ассоциации и выплате пособия в размере полутора франков ежедневно при утрате трудоспособности. Работник не имеет права получить свою долю в прибыли, за исключением случая, когда он выходит из ассоциации. На эти деньги выплачиваются проценты (иногда они вкладываются в государственные ценные бумаги), таким образом создается резерв сбережений для их владельцев.

Дюпон и его партнеры пришли к выводу о том, что эта ассоциация приносит им большие дополнительные прибыли, рабочие же со своей стороны ежедневно выражают свое удовлетворение тем, что сделал их хозяин. Благодаря некоторым из этих работников предприятие получило золотую медаль в 1849 г. и почетную медаль на Всемирной выставке в 1855 г., а отдельные работники даже получили лично награды за свои изобретения и работы. При обычных условиях эти превосходные работники не имели бы достаточно свободного времени, чтобы заниматься своими изобретениями, или же вся польза от этих изобретений доставалась бы тому, кто не принимал в них никакого участия. Вместе с тем при подобной форме ассоциации 200 человек смогли бы легко заставить хозяина исправить положение, если бы он проявил несправедливость.

²³ До принятия закона об ограниченной ответственности считалось, что использование порядка, аналогичного

Я посетил это предприятие и мог лично наблюдать те улучшения, которые работа на правах партнерства вносит в привычки работников.

Жиске, бывший префект полиции, в течение длительного времени владел москательной мануфактурой в г. Сен-Дени, которая была второй по величине во Франции после мануфактуры, принадлежавшей Дарбле и находившейся в Корбейе. Когда в 1848 г. он взялся лично руководить предприятием, он обнаружил, что работники пьянствуют по несколько дней в неделю, а во время работы пьют, курят и порой ссорятся между собой. После многих безуспешных попыток Жиске наконец удалось изменить такое положение дел, запретив своим работникам напиваться в рабочие дни под угрозой увольнения и в то же время пообещав им выплачивать ежегодное вознаграждение в размере 5% от полученной чистой прибыли, которое распределялось бы пропорционально заработной плате каждого из работников по существующим ставкам. С того момента, как были внесены эти изменения, работники стали проявлять интерес к работе и привязанность к своему хозяину. Их благосостояние улучшилось в результате того, что они перестали пропивать свои деньги. Одновременно увеличилась и сама заработная плата, поскольку они стали добросовестнее относиться к работе. В среднем сумма ежегодного вознаграждения равнялась заработной плате за шесть недель.

«Член палаты депутатов с 1830 г. по 1839 г., а затем член конституционной ассамблеи Бесле основал крупный завод по производству паровых двигателей в Париже. С начала 1847 г. он превратил своих работников в партнеров по делу и связь между нанимателем и его наемными работниками оказалась самой тесной».

Практическая мудрость китайских эмигрантов, как пишет один автор, недавно побывавший в Маниле, уже много лет назад привела к пониманию необходимости установления подобных отношений между хозяином и наемными работниками. «В китайских магазинах (в Маниле) владелец обычно полностью использует возможности работающих на него соотечественников, отдавая им часть прибыли своей фирмы или фактически превращая всех их в мелких партнеров в своем деле. Он, конечно, принимает меры к тому, чтобы оставить за собой львиную долю доходов, а его партнеры, обеспечивая успешную работу фирмы, приносят выгоду и ему и себе самим. Этот принцип используется настолько широко, что обычно даже кули получают не твердую заработную плату, а долю в прибылях предприятия. И такая система оплаты, по-видимому, вполне соответствует их характеру. Надо признать, что при фиксированной оплате они работают в основном только для вида, при определенной заинтересованности, связанной с предоставлением самой незначительной части доходов, они оказываются наиболее трудолюбивыми и полезными работниками». — McMicking's «Recollections of Manilla and the Philippines» during 1848, 1849 and 1850, p. 24.

²³ [Этот абзац был включен в 6-е издание (1865 г.), и в нем указывалось, что владельцы фирмы «Бриггз» «выдвинули предложение

тому, что существует у Леклера, было бы невозможно в Англии, поскольку работники не могли бы в условиях прежнего законодательства принимать участие в распределении прибылей, поскольку они не могли нести ответственности за возможные убытки. Одной из многочисленных выгод, полученных в результате дальнейшего совершенствования законодательства, в этой области было создание возможности для организации совместных товариществ указанного типа, и теперь мы имеем все основание ожидать их осуществления на деле. Фирма «Бриггз», владеющая шахтами «Уитвуд» и «Метли», которые расположены вблизи города Нормантон в Йоркшире, предприняла первый шаг в данном направлении. В настоящее время эксплуатация шахт осуществляется компанией, $\frac{2}{3}$ капитала которой продолжает принадлежать владельцам фирмы, взявшим на себя обязательство распределять остальную треть на основании преимущественного права между «руководителями и работниками, занятыми на предприятии», но еще более важно то, что в тех случаях, когда ежегодная прибыль превышает 10%, половина излишка распределяется среди работников и служащих пропорционально их заработку в течение года, независимо от того, являются они держателями акций компании или нет. В высшей степени достойно уважения, что столь крупные наниматели рабочей силы ввели систему, не только выгодную для занятых у них производственных работников, но и способствующую улучшению социальных отношений. Они выражают вполне справедливую уверенность в правоте используемого принципа, говоря, что «принятие рекомендованного метода распределения прибылей, несомненно, будет способствовать успехам предприятия в такой мере, что это не только не уменьшит дивиденды, получаемые держателями акций, но и приведет к их увеличению»²⁴.

²⁵ § 6. Следует, однако, ожидать, что если прогресс человечества будет продолжаться и в дальнейшем, то в эксплуатировать»; эта фраза была заменена в 7-м издании (1871 г.) на: «В настоящее время эксплуатация шахт осуществляется...» и т. д.]

²⁴ [Об отказе фирмы «Бриггс» от эксперимента в 1875 г. см.: Schloss. *Methods of Industrial Remuneration* (2nd ed.), p. 282.]

²⁵ [Первые абзацы этого параграфа и описание французских кооперативных обществ были внесены в 3-е издание (1852 г.).]

конечном счете станет преобладать не та форма объединения, которая может существовать между капиталистом как главою предприятия и рабочими, не оказывающими никакого влияния на процесс управления, а та, когда сами

Одновременно была исключена нижеследующая часть первоначального текста (1848 г.).

«При этой системе (Леклера), как и при системе, рекомендованной Бэббиджем, работники нанимаются в качестве партнеров своих работодателей. Они не вносят в совместное предприятие ничего, кроме своего труда, в то время как работодатели наряду со своим трудом в качестве управляющих и контролеров предоставляют и свой капитал. Поэтому справедливо, что работники получают меньшую долю в прибылях, однако во всех совместных товариществах этот вопрос решается на основе личной договоренности: один партнер получает больше, другой — меньше в зависимости от достигнутого соглашения в соответствии с вкладом каждого из них. Во всяком случае, принцип партнерства соблюдается, поскольку каждый имеет свою выгоду от того, что выгодно предприятию, и теряет на том, что наносит последнему ущерб. Деятельность предприятия самым непосредственным образом превращается в предмет забот каждого из его работников.

§ 6. Мне представляется, что именно в этом принципе, какую бы форму ни приобретало его воплощение, следует искать в будущем пути для использования выгод от кооперации, которые позволяли бы избежать перехода основной массы участников кооперации в нижестоящую касту работников. Возражения, выдвигаемые против «кооперативного общества» в понимании коммунистов или сторонников Оуэна, где из-за предоставления каждому члену коллектива доли в его собственности никто не может получить больше, чем кто-либо другой, не могут быть применены к изложенному нами предложению. Целесообразно, чтобы те, чьи функции имеют наиболее важное значение для общего дела, обладали бы наибольшей личной заинтересованностью в решении проблем предприятия. Если те, кто предоставляет средства и берет на себя весь риск, связанный с деятельностью предприятия, не будут получать большее вознаграждение и пользоваться большими полномочиями в сравнении со всеми остальными, то лишь немногие из них будут проявлять то воздержание, которое позволяет накапливать и сохранять такие средства. Однако в известной мере использование принципа предоставления каждому заинтересованному лицу доли в прибылях приносит реальные выгоды капиталисту не только с точки зрения (как об этом свидетельствует опыт Леклера) его моральных интересов и душевного спокойствия, но даже и в чисто материальном отношении. Но после того, как предприниматели получают максимальную выгоду, масштабы участия работников могут увеличиваться до известной степени и не вести к понижению наивысшего уровня материальных выгод, получаемых предпринимателями. Какова максимальная точка подобного роста для каждого отдельного случая применения капитала, можно будет установить и объяснить только исходя из опыта. Есть основания предполагать, что применение принципа партнерства будет расширено до этой максимальной точки в довольно близком будущем.

рабочие объединяются на условиях равенства и коллективного владения капиталом, посредством которого они осуществляют производство, а работы ведутся под руководством управляющих, назначаемых и смещаемых ими самими. До тех пор пока эта идея оставалась только теорией в произведениях Оуэна и Луи Блана, для большей части общества могло казаться, что она неосуществима и даже не может быть проверена на деле без захвата существующего капитала и его конфискации в пользу трудящихся. Даже и сейчас многие считают, а еще большее число людей доказывают, как в Англии, так и на континенте, что в этом и заключается значение и цель социализма. Однако человечество в своей массе обладает возможностями к приложению колоссальных усилий и самопожертвованию, — возможностями, которые, впрочем, проявляются лишь в тех редких случаях, когда апеллируют именно к ним во имя некой великой идеи или возвышенных чувств. Такой призыв произвела французская революция 1848 г. Первое время тогда наиболее интеллигентным и благородным представителям трудящихся классов великой нации казалось, что они получили правительство, которое искренне стремилось к обеспечению свободы и достоинства для большинства и которое не считало естественным и законным использование этого большинства в качестве простого

Достоинства подобной «организации производства», предназначенной для преодоления все углубляющейся и обостряющейся враждебности между классом работников и классом капиталистов, должны, по моему мнению, постепенно осознать те, кто обычно оказывает воздействие на условия и тенденции развития современного общества. Я не могу представить себе, каким образом такие люди способны убедить себя в том, что большая часть человеческого сообщества будет согласна всю свою жизнь или в течение достаточно продолжительного периода времени рубить дрова и носить воду, находясь на службе у других и обеспечивая им получение прибылей. Я не сомневаюсь также в том, что такие люди все меньше и меньше станут изъявлять готовность участвовать в кооперации в качестве подчиненных исполнителей той или иной работы, если только они не будут заинтересованы в ее результатах, и что будет все труднее и труднее нанимать хороших работников или получать лучшие услуги от любых работников, если не будут созданы условия, которые в принципе окажутся аналогичными условиям, созданным Леклером. Итак, хотя организация производства подобным образом делает сейчас лишь свои первые шаги, после того как широкая общественность обратит на нее внимание и она станет предметом всестороннего обсуждения, она — и в этом не приходится сомневаться — получит все более широкое распространение и станет успешно развиваться.】

производственного инструмента лишь в интересах владельцев капитала. В результате этого влияния развились и принесли плоды идеи, посеянные социалистическими авторами, об освобождении труда, которое должно быть осуществлено при помощи объединения. Многие трудящиеся люди пришли к тому выводу, что они не только будут работать друг для друга, а не на своего хозяина—торговца или промышленника,—но и освободят себя, каких бы это ни стоило лишений, от необходимости платить из продукта своего труда тяжелую дань за использование капитала, и эту дань они уничтожат не похищением у капиталистов того, что последние или их предки приобрели трудом и сохранили благодаря бережливости, а путем честного приобретения собственного капитала. Если бы только немногие производственные работники попытались осуществить эту трудную задачу либо среди многочисленных попыток лишь несколько оказались бы успешными, их успех не являлся бы доказательством целесообразности применения такой системы в качестве постоянной формы организации производства. Однако, за исключением нескольких неудач, существуют либо существовали некоторое время назад²⁶ более сотни примеров, когда работники добивались успеха. Во многих же случаях только в одном Париже наряду с их большим количеством в других департаментах Франции мы имеем дело с исключительно процветающими ассоциациями производственных работников. М. Фегере в своей работе «Промышленные и сельскохозяйственные ассоциации рабочих» дал содержательное изложение истории и принципов функционирования подобных ассоциаций. Поскольку в английских газетах часто утверждается, что в Париже они потерпели неудачу, и поскольку авторы подобных сообщений, видимо, принимают предсказания, делавшиеся противниками таких ассоциаций при первоначальном их образовании, за свидетельства, основанные на последующем опыте, я считаю важным показать на основе выдержек из книги Фегере, мнение которого подкрепляется к тому же более поздними свидетельствами²⁷, что подобные заявления не только далеки от истины, но и полностью противоречат ей.

²⁶ [В такой редакции с 4-го издания (1857 г.). Первоначально в 3-м издании (1852 г.) было: «...несколько месяцев назад».]

²⁷ [«Подкрепляется... и т. д.» добавлено в 5-м издании (1862 г.).]

Первоначально капитал большинства таких ассоциаций ограничивался несколькими инструментами, принадлежавшими их основателям, и небольшими денежными суммами, которые можно было получить за счет их накоплений либо взять займы у других работников, столь же бедных, как и они сами. Вместе с тем в некоторых случаях капитал ассоциациям был предоставлен займы республиканским правительством, однако создается впечатление, что получившие подобные кредиты ассоциации или по крайней мере те из них, которые получили кредиты до того, как они добились успеха, в целом не относятся к числу наиболее преуспевающих. Самые поразительные примеры действительного процветания представляют собой ассоциации рабочих, которым приходилось рассчитывать только на собственные скудные средства и небольшие займы у своих товарищей и члены которых были вынуждены сидеть на хлебе и воде, отдавая все излишки поступлений в фонд формирования основного капитала.

«Зачастую, — отмечал Фегере*, — наличных денег практически не было, и поэтому нельзя было платить за работную плату. Товары не продавались, ожидаемые платежи не поступали, счета не оплачивались, на складах не было никаких материалов. Приходилось терпеть лишения, сводить до минимума все свои расходы, жить иногда на одном хлебе и воде... Только путем преодоления таких трудностей и ценой собственных усилий люди, начинавшие свое дело, не имея почти ничего, кроме своих добрых намерений и собственных рук, смогли завоевать клиентуру, получить кредиты, создать наконец совместный капитал и таким образом учредить ассоциации, будущее которых отныне кажется обеспеченным».

Я приведу пример довольно пространного описания примечательной истории одной из таких ассоциаций**.

«Необходимость наличия крупного капитала для создания предприятия по производству фортепиано была столь широко признана промышленниками, что, когда в 1848 г. несколько сот работников объединилось с целью создания крупной ассоциации, их представители начали ходатайствовать перед правительством о предоставлении

* M. Feuguera y. L'Association Ouvrière Industrielle et Agricole, p. 112.

** Ibid., p. 113—116.

субсидии в размере 300 тыс. франков [12 тыс. ф. ст.], что составляло $\frac{1}{10}$ часть всей суммы, утвержденной для таких целей национальным собранием. Я вспоминаю, что, будучи одним из членов комиссии, занимавшейся распределением этих средств, я в течение двух часов безуспешно пытался убедить двух представителей, с которыми комиссия вела переговоры, в том, что их просьба выходила далеко за все разумные пределы. Они неизменно твердили, что их ремесло особого рода, что ассоциация может иметь шансы на успех только при больших масштабах деятельности и наличии крупного капитала и что 300 тыс. франков представляют собой минимально приемлемую для них сумму и они не могут уменьшить ее ни на один су. Комиссия им отказала.

После этого отказа проект создания крупной ассоциации был аннулирован, и произошло следующее. 14 работников — показательно, что среди них был один из упомянутых представителей, — приняли решение самостоятельно создать ассоциацию по производству фортепиано. Такой проект был весьма рискованным для людей, не обладавших ни деньгами, ни кредитом. Однако вера не рассуждает, а действует.

Итак, наши 14 человек приступили к работе, и я привожу описание последующих событий, заимствованное мной из прекрасной статьи Кошута в «Насьональ», достоверность которых я могу подтвердить.

«Некоторые из них, ранее работавшие самостоятельно, принесли с собой инструменты и материалы стоимостью примерно в 2 тыс. франков [80 ф. ст.]. Но, кроме того, требовался оборотный капитал. Каждый из членов ассоциации, не без затруднений, смог внести по 10 франков (8 шилл). Некоторые работники, не заинтересованные в участии, проявили свою солидарность, предоставив небольшие суммы денег. 10 марта 1849 г., когда собранная сумма составила 229,5 франка [9 ф. ст., 3 шилл., 7,5 пенса], было объявлено о создании ассоциации.

Этих денег было недостаточно даже для начала производства и оплаты тех мелких расходов, которые необходимы для обеспечения порядка в производственных помещениях. Ничего не оставалось для выдачи заработной платы, и в течение почти двух месяцев никто не получил ни гроша. Как же они существовали все это время? Точно так же, как живут безработные, которые получают помощь от

своих работающих товарищей, продают или закладывают одну за другой немногие из принадлежащих им вещей.

Им удалось выполнить ряд заказов. Первый платеж поступил 4 мая. Этот день казался им победой в самом начале кампании, и они решили отпраздновать его. После оплаты просроченных долгов доля каждого из членов ассоциации составила 6 франков 61 сантим. Они решили выдать всем по 5 франков [4 шилл.] в счет заработной платы, а остальное израсходовать на товарищеское пиршество. 14 товарищей, большинство из которых в течение целого года не пробовали вина, собрались вместе со своими женами и детьми на обед, стоивший им по 32 су [1 шилл. 4 пенса] на семью. В мастерской до сих пор с волнением, которого нельзя не разделять, говорят об этом дне.

В течение последующего месяца пришлось довольствоваться недельным доходом в 5 франков. В июле владелец булочной из любви к музыке или для спекуляции предложил оплатить купленное им пианино хлебом. Стоимость сделки составила 480 франков. Это была удача для ассоциации. Теперь ее члены имели по крайней мере самое необходимое. Они решили не распределять хлеб в счет заработной платы. Каждый брал его в зависимости от своих потребностей или, скорее, потребностей своей семьи, поскольку женатым владельцам акций было разрешено относить хлеб для своих жен и детей.

Тем временем ассоциация, состоящая из прекрасных работников, постепенно преодолевала первоначальные трудности и лишения. Ее бухгалтерские книги самым наглядным образом свидетельствуют о росте среди покупателей популярности выпускавшихся пианино. С августа 1849 г. еженедельные выплаты последовательно увеличивались до 10, 15 и 20 франков, причем последняя сумма не отражала всей их прибыли, так как каждый из партнеров оставлял в общем фонде значительно больше средств, чем получал из него. Действительно, положение каждого члена определяется не суммой еженедельных выплат, получаемых им, а приобретенной им долей в достигшей уже крупных размеров собственности, принадлежавшей ассоциации. На момент инвентаризации, проведенной 30 декабря 1850 г., ее положение было следующим:

«В это время в ассоциации было 32 члена. Крупные производственные и складские помещения, арендованные за

2 тыс. франков, более не соответствовали потребностям производства.

	Франки	Сантимы
Стоимость инструмента	5 922	60
Стоимость имевшихся в наличии товаров и главным образом материалов	22 972	28
Наличные деньги	1 021	10
Суммы, причитавшиеся по долговым обязательствам	3 540	
Дебиторская задолженность *	5 861	90
Общая сумма активов	39 317	88
При этом их задолженность кредиторам составила только 4737 франков 86 сантимов, а задолженность 80 сторонникам, оказавшим помощь, — 1650 франков		
всего **	6 387 32 930	86 02
Остаток	1 319 ф. ст.	4 шилл.

* [«Последние два актива состояли из надежных ценных бумаг, которые впоследствии почти полностью были реализованы».]

** «Сторонники, которые предоставили небольшие суммы при образовании ассоциации, являются работниками аналогичного производства. В начале 1851 г. задолженность перед частью из них была погашена. Сумма задолженности перед кредиторами значительно сократилась. На 23 апреля она составляла только 113 франков 59 сантимов.

Этот остаток составлял их неделимый капитал и накопления отдельных членов. К этому времени ассоциация имела в производстве 76 пианино и получала больше заказов, чем могла выполнить».

Из более поздних сообщений мы узнаем, что это общество впоследствии разделилось на две ассоциации, одна из которых в 1854 г. уже располагала оборотным капиталом, составившим 56 тыс. франков [2240 ф. ст.]*. В 1863 г. ее общий капитал достиг 6520 ф. ст.

* Статья Шербюлье «Operative Associations» в *Journal des Economisles* за ноябрь 1860 г.

Ниже я привожу подробное описание других исключительно успешных экспериментов, осуществлявшихся ассоциированными работниками. Оно заимствовано мною у Вильоме и Шербюлье.

Те же самые огромные достоинства, которые позволили ассоциациям преодолеть трудности на первых этапах свое-

«В первую очередь мы отметим, — пишет Шербюлье, — находящуюся в Париже на ул. Гарансьер ассоциацию «Ремке», основанную в 1848 г. бывшим мастером типографии, принадлежавшей Ренуару. Ассоциация достигла поставленной цели и добилась определенных результатов. Когда возникла необходимость закрытия типографии Ренуара, этот мастер предложил своим коллегам присоединиться к нему для того, чтобы собственными силами обеспечить продолжение деятельности предприятия. У правительства была запрошена субсидия для финансирования покупки предприятия и погашения на первых порах эксплуатационных затрат. 15 работников приняли это предложение, образовав ассоциацию, устав которой предусматривал выплату твердой заработной платы за каждый вид работы и постепенное формирование оборотного капитала путем отчисления 25% от всех выплат заработной платы и окладов, причем не разрешалась выплата дивидендов или процентов по этим отчислениям в течение 10 лет, т. е. за все то время, какое должна была существовать ассоциация. Ремке предложил — и его предложение было принято — взять на себя все управление предприятием за весьма невысокую твердую заработную плату. В конце деятельности предприятия вся сумма прибылей подлежала распределению между всеми членами ассоциации пропорционально их доле в капитале или продланной ими работе. Субсидия в размере 80 тыс. франков была получена от государства с большими трудностями и на весьма обременительных условиях. Несмотря на эти условия и неблагоприятные обстоятельства, связанные с политическим положением в стране, деятельность ассоциации оказалась настолько успешной, что при ее ликвидации после погашения государственной субсидии она располагала чистым капиталом в 155 тыс. франков (62 тыс. ф. ст.), что обеспечило каждому партнеру в среднем от 10 до 11 тыс. франков. Минимальная доля составила 7 тыс. франков, а максимальная — 18 тыс. франков.

«Братская ассоциация трудящихся жестянщиков и изготовителей ламп» была основана в марте 1848 г. 500 производственными работниками, т. е. почти всеми работниками данной отрасли. Эта первая попытка, продиктованная неосуществимыми идеями, оказалась нежизненной в трагические дни июньских событий, поэтому позднее была создана ассоциация более скромных размеров. Первоначально она состояла из 40 членов и начала свою деятельность в 1849 г. Капитал ассоциации состоял лишь из взносов ее членов, и каких-либо запросов о предоставлении субсидий не делалось. Ассоциации пришлось пережить самые различные превратности судьбы, в результате которых число ее членов вначале сократилось до трех, затем увеличилось до 14, снова упало до трех, и наконец в ней оказалось 46 человек, без лишнего шума занявшихся пересмотром положений своего устава, состоятельность которых не подтвердилась практическим опытом. После этого число членов постепенно возросло до 100 человек, располагавших в 1858 г. общей собственностью стоимостью 50 тыс. франков. Они ежегодно делили между собой дивиденды в 20 тыс. франков.

«Ассоциация мастеров-ювелиров», наиболее старая из всех упомянутых, была основана в 1831 г. восемью мастерами с капиталом

го существования, способствовали их развитию по мере роста богатства. В сравнении с обычными производствен-

в 200 франков [8 ф. ст.], полученных за счет объединения их сбережений. Субсидия в размере 24 тыс. франков, полученная в 1849 г., позволила им значительно увеличить оборот, достигший к 1858 г. 140 тыс. франков, а каждому из партнеров выплачивались дивиденды, вдвое превышавшие его заработную плату».

Вильоме описывает следующие события:

«После восстания в июне 1848 г. в предместье Парижа Сент-Антуан, где, как известно, проживают главным образом изготовители мебели, прекратилось всякое производство. Несколько мастеров, изготовлявших кресла, обратились ко всем желающим с предложением объединиться с ними в ассоциацию. Из 600 или 700 человек, занимавшихся этим производством, записалось 400. Из-за отсутствия капитала только девять самых ревностных сторонников приняли участие в создании ассоциации, вложив в нее все, что они имели: инструмент стоимостью 369 франков и наличные деньги в сумме 135 франков 20 сантимов.

Их хороший вкус, добропорядочность и пунктуальность позволили им добиться расширения своего дела, и вскоре ассоциация насчитывала 108 членов. Они получили от правительства кредит в размере 25 тыс. франков сроком на 14 лет под $3\frac{3}{4}\%$ годовых. В 1857 г. число партнеров составляло 65 человек, помимо того, использовался труд почти 100 человек вспомогательного персонала. Все члены ассоциации, имеющие права партнеров, принимают участие в выборах совета из восьми членов и директора, именем которого и называется фирма. Распределение рабочих заданий и контроль за их выполнением осуществляются мастерами, назначаемыми директором и советом. Один мастер наблюдает за 20—25 работниками.

Заработная плата выплачивается сдельно по ставкам, утвержденным общим собранием. Ежедневный заработок колеблется от 3 до 7 франков в зависимости от усердия и мастерства работника. Средний заработок за две недели равен 50 франкам [2 ф. ст.], и никто не получает за такой период менее 40 франков, а у многих заработок доходит до 80 франков. Некоторые резчики и формовщики зарабатывают даже до 100 франков, т. е. 200 франков в месяц [8 ф. ст.]. Каждый обязуется отработать за две недели 120 ч или 10 ч в день. По уставу за каждый пропущенный час виновный подвергается штрафу в 10 сантимов, если пропущено не больше 30 ч и в 15 сантимов за часы, пропущенные сверх 30. Целью этого правила было прекратить прогулы по понедельникам, вызванные пьянством в выходной, и она была успешно достигнута. За последние два года дисциплина членов ассоциации оказалась настолько высокой, что такие штрафы не применялись.

Хотя партнеры начали свою деятельность, имея только 359 франков, стоимость предприятия (ул. Шавонн, предместье Сент-Антуан) уже в 1851 г. достигала 5713 франков, а активы ассоциации, включая причитающуюся ей задолженность, составили 24 тыс. франков. С тех пор ассоциация добилась еще больших успехов, преодолев все попытки воспрепятствовать ее успешному развитию. Среди предприятий данной отрасли, находящихся в Париже,

ными предприятиями их дисциплинарные нормы оказываются более строгими, а не мягкими, но поскольку они установлены самими работниками во имя четко определен-

ассоциация имеет самый большой оборот, достигающий 400 тыс. франков в год, и пользуется самой широкой популярностью». Как сообщает Вильоме, инвентаризация, проведенная в декабре 1855 г., показала, что общий остаток на счетах ассоциации составил 100,4 тыс. франков, однако, по словам Вильоме, в действительности она располагала 123 тыс. франков.

Однако наиболее значительной является ассоциация каменщиков. «Ассоциация каменщиков была основана 10 августа 1848 г. Она находится в Париже, в доме 155 по улице Сент-Виктор. Число членов составляет 85 человек, а численность вспомогательного персонала 300—400 человек. У ассоциации имеются два управляющих, один из которых руководит строительными работами, а другой — отвечает за ее финансовые операции. Оба они считаются самыми лучшими мастерами-каменщиками в Париже и довольствуются скромной заработной платой. Ассоциация построила недавно три или четыре прекрасных особняка в столице. И хотя она ведет строительные работы более экономно, чем обычные подрядчики, из-за необходимости предоставлять кредиты на длительный срок ассоциация обращалась за получением значительных ссуд. Тем не менее она процветает, о чем свидетельствует выплата в этом году дивидендов на капитал в размере 56%, включая платежи тем, кто принимал непосредственное участие в ее деятельности. В ассоциацию входят, во-первых, работники, предоставляющие только свой труд, во-вторых, те, кто предоставляет свой труд и в той или иной форме капитал, и, в-третьих, те члены, которые не принимают участия в работе, а лишь вкладывают свой капитал.

По вечерам каменщики совместно занимаются своим образованием. Как и мебельщики, они обеспечивают оказание медицинской помощи за счет ассоциации и выплачивают пособие членам ассоциации в случае заболевания. Каждому из них оказывается содействие во всех случаях жизни. Каждый из мастеров — изготовителей кресел скоро будет располагать капиталом в 2—3 тыс. франков, из которого он сможет выделить приданое для своих дочерей либо использовать его для обеспечения своего будущего. Среди каменщиков некоторые уже располагают 4 тыс. франков, которые остаются в общем фонде.

До образования ассоциаций эти трудящиеся носили дешевые куртки и блузы, потому что вследствие недостатка предусмотрительности, а еще чаще вследствие недостатка работы они никогда не могли накопить 60 франков для покупки пальто. Теперь же большинство из них одеваются так же хорошо, как и лавочники, а иногда даже с большим вкусом. Это объясняется тем, что, располагая кредитом у ассоциации, работник всегда может оплатить все необходимое ему, подписав вексель, обеспечиваемый ассоциацией. В погашение кредита удерживается часть двухнедельных выплат заработной платы, и таким образом работник осуществляет сбережения как бы по своей воле. Те работники, которые не имеют задолженности перед ассоциацией, иногда выписывают векселя на свое имя, подлежащие оплате через пять месяцев, что по-

ных интересов самого сообщества, а не ради выгод пани-мателя, противоречащих, как полагают, интересам работников, то и соблюдаются они гораздо более строго. В то же время добровольное соблюдение этих норм ведет к формированию у работников чувства собственной значимости и достоинства. С исключительной быстротой объединенные в ассоциации работники научились исправлять те исходные идеи, которые вступили в противоречие со здравым смыслом и уроками, извлеченными из практического опы-

звляет избавиться от соблазна непущной траты денег. Каждые две недели у них вычитается из заработной платы по 10 франков, и таким образом к концу периода они располагают соответствующими сбережениями».

Ниже приводится таблица, которая взята Шербюлье из работы («Die gewerblichen und wirthschaftlichen Genossenschaften der arbeitenden Classen in England, Frankreich und Deutschland»), опубликованной в Тюбнгене в 1860 г. проф. Губером (одним из наиболее ревностных и в высшей степени убежденных сторонников кооперации такого вида).

Год	Сумма оборота (франки)	Полученная прибыль (франки)
1852	45 530	1 000
1853	297 208	7 000
1854	344 240	20 000
1855	614 694	46 000
1856	998 240	80 000
1857	1 330 000	100 000
1858	1 231 461	130 000

Данные таблицы свидетельствуют о все ускоряющемся росте богатства ассоциации вплоть до 1858 г.

«Из последней суммы прибыли, — отмечал Шербюлье, — 30 тыс. франков было отчислено в резервный фонд, а остальные 100 тыс. франков были распределены между держателями акций, что составило в дополнение к их заработной плате или окладу, а также их доле в основном капитале предприятия от 500 до 1,5 тыс. франков на каждого».

Касаясь управления ассоциациями вообще, Вильоме отмечал следующее: «Я имел возможность лично убедиться в способностях руководителей и членов советов ассоциаций производственных работников. По своему развитию, усердию и даже просто вежливости их управляющие на голову выше большинства частных хозяев такого же рода мастерских. Среди ассоциированных работников постепенно исчезает пагубная привычка к пьянству, которая вместе с грубостью и невежеством является следствием крайне неудовлетворительного образования этого класса».

та. На первых порах почти все ассоциации отказались от сдельной оплаты труда и выдавали примерно равную заработную плату за любую работу — была ли она больше или меньше. Но затем почти повсеместно от этой системы отказались, и после выплаты определенной минимальной суммы, необходимой для существования, выдача дальнейшего вознаграждения производится в зависимости от сделанной работы. Большинство ассоциаций даже распределение прибыли осуществляет только в конце года пропорционально заработной плате * каждого.

Большинство ассоциаций провозглашают в качестве основного принципа положение о том, что они существуют не только ради частных выгод своих отдельных членов, а и в интересах содействия развитию кооперативного дела. Поэтому при каждом расширении своего предприятия они принимают новых членов (если они остаются верны своему первоначальному плану) не только ради того, чтобы последние получали от них заработную плату в качестве

* Даже ассоциация портных в Клиши, основанная Луи Бланом, после 18-месячной проверки этой системы перешла на сдельную оплату труда. Заслуживает особого упоминания одна из причин отказа от первоначального способа вознаграждения, приведенная самими работниками. «Кроме упомянутых мною недостатков этой системы, портные также жаловались на то, что она приводит к пескончаемым спорам и ссорам из-за той излишней заинтересованности, которую каждый проявлял к работе своих соседей. Такой взаимный надзор превратился в настоящее рабство — никто не мог свободно распоряжаться своим временем и своими действиями. Эти раздоры исчезли, как только была введена сдельная оплата». (Feuguey, p. 88.) Одно из самых позорных проявлений низкого уровня нравственности, имевшее место со стороны некоторой части английских трудящихся классов в последнее время, состоит в сопротивлении введению сдельной оплаты труда. Можно с полным основанием возражать против сдельной оплаты, если она недостаточно высока. Но враждебное отношение к самой сдельной оплате труда, если только оно не вызвано ошибочными представлениями, должно свидетельствовать о враждебности к честности и справедливости, о стремлении обмануть, не сделав работы, соответствующей получаемой за нее плате. Сдельная оплата труда обеспечивает заключение наиболее совершенного трудового договора; а договор, определяющий любую работу в мельчайших подробностях — доводящий соответствие между услугой и платимым за нее вознаграждением до возможного предела, — представляет собой при нынешнем состоянии общества и уровне развития цивилизации наиболее благоприятную для трудолюбивого рабочего систему отношений, в то время как для бездельника, стремящегося получать заработную плату и не делать ничего, такой договор носит наиболее неблагоприятный характер.

наемных работников, но также для того, чтобы они с самого начала пользовались всеми выгодами, получаемыми от ассоциации. От них не требуется никакого взноса, кроме их собственного труда. Единственное обязательное условие состоит в том, что в течение нескольких лет при ежегодном распределении прибылей они будут получать меньшую долю, что позволяет компенсировать основателям ассоциации те жертвы, которые были принесены ими в самом начале. Когда члены ассоциации выходят из нее, — а им предоставлена полная свобода сделать это в любое время, — они не могут забрать с собой ту часть капитала: последний остается неделимой собственностью, которой пользуются члены ассоциации, пока остаются в ней, но которой они не имеют права произвольно распоряжаться. В соответствии с положениями большинства уставов капитал не может быть разделен, даже если ассоциация распадается, а должен быть целиком использован для осуществления какой-либо благотворительной работы или на благо общества. Определенная и обычно значительная часть ежегодных прибылей не распределяется между членами, а добавляется к капиталу ассоциации либо используется для погашения ранее полученных кредитов; другая часть прибыли предназначается для материального обеспечения больных и нетрудоспособных, и, наконец, еще одна идет на расширение практики создания ассоциаций или оказание помощи нуждающимся ассоциациям. Управляющие получают заработную плату, как и другие члены ассоциаций, за время, потраченное на управление, обычно по наиболее высоким ставкам оплаты труда, причем здесь соблюдается правило, в соответствии с которым власть никогда не должна использоваться для получения прибыли.

О способности ассоциаций успешно конкурировать с отдельными капиталистами даже в начальный период их существования Фегере писал (в 1851 г.) следующее: «Основанные за последние два года ассоциации должны были преодолеть множество препятствий, большинство из них почти не имело капитала, все они шли по совершенно неизведанному пути и подвергались опасности, которая всегда грозит новаторам и первопроходцам. Тем не менее в тех многочисленных отраслях, где были созданы ассоциации, они уже представляют из себя грозных конкурентов для давно существующих фирм, и их деятельность вызы-

вает жалобы со стороны определенной части буржуазии. Это справедливо не только в отношении трактирщиков, торговцев лимонадом и парикмахеров и вообще тех областей деятельности, в которых ассоциации могут рассчитывать на престопаородную клиентуру, но и в тех областях, где подобное преимущество отсутствует. Достаточно лишь расспросить изготовителей стульев, кресел, пил, и мы убедимся, что наиболее крупными предприятиями в этих производствах являются те, которые принадлежат ассоциированным работникам».

²⁸ Поистине велика должна быть жизнеспособность этих ассоциаций, если она позволила примерно 20 из них пережить не только антисоциалистическую реакцию, которая на время поставила под сомнение все попытки, направленные на создание условий для превращения работ-

²⁸ [Этот абзац был включен в 5-е издание (1862 г.) и заменил следующий текст из 3-го издания (1852 г.): «Тяжело сознавать, что эти организации, созданные героизмом и существующие благодаря общественному сознанию и здравому смыслу трудящихся людей Парижа, подвергаются такой же опасности уничтожения, как и все свободное, народное и прогрессивное, существующее во французских институтах. Беспринципный авантюрист, которому пока что удается низвести политические условия во Франции до уровня политических условий в России, понимает, что встреча между двумя или тремя людьми даже для обсуждения дел на их предприятии представляет опасность для его власти. Поэтому он запретил большинство провинциальных ассоциаций, а также многие ассоциации в Париже. Члены остальных, не дожидаясь, пока их ассоциации будут распущены властью деспота, как сообщают, готовятся эмигрировать. До того как это бедствие обрушилось на Францию, можно было говорить о способности ассоциации успешно кооперировать с отдельными капиталистами не просто как о надежде на будущее, а как о реальной действительности. Фегере писал...» — и далее следовал текст современного издания.

«Хотя существующие ассоциации могут быть распущены или вытеснены из страны, накопленный ими опыт не пропадет. Они просуществовали достаточно долго, чтобы можно было определить пути их дальнейшего совершенствования. Они явили собой пример возможного пути осуществления изменений в обществе, которые будут сочетать свободу и независимость личности...» — и далее как в современном издании на с. 137).

В 4-е издание было внесено примечание: «Однако из последующих сообщений следует, что в 1854 г. в Париже все еще существовало 25 ассоциаций и несколько в провинции. Многие из них процветали. В их число не входят кооперативные магазины, множество которых возникло в стране, особенно на юге Франции, и которые, видимо, не сталкиваются с отрицательным отношением правительства.»]

ников в хозяев, преодолеть не только придирки со стороны полиции и враждебную политику правительства после узурпации власти, но и все трудности, связанные с неблагоприятными условиями в отношении финансовой и коммерческой конъюнктуры в период с 1854 по 1858 г. Приведенные мною примеры процветания, достигнутого этими ассоциациями даже в столь трудное время, должны убедить всех в блестящих возможностях, открывающихся в будущем для применения принципа кооперации*.

²⁹ Эти ассоциации процветают не только во Франции. Не говоря уже о Германии, Пьемонте и Швейцарии (где

* [1865 г.] В последние несколько лет вновь усилилось кооперативное движение среди французских трудящихся классов. Интересное описание снабженческой ассоциации в Гренобле было дано в брошюре Казимира Перье («Les Sociétés de Co-operation») и в «Таймс» от 24 ноября 1864 г., где мы читаем следующие строки: «В то время как некоторые производственные работники требуют повышения заработной платы или уменьшения продолжительности рабочего дня, другие, также выделившиеся в отдельные группы, образовали ассоциацию с целью самостоятельно вести дело и собрали средства для покупки рабочих инструментов. Их общество носит название «Совместное общество закупок и потребления» и насчитывает 300—400 членов. Оно уже открыло «кооперативный магазин» в Пасси, который сейчас входит в черту Парижа. Эти рабочие рассчитывают, что к маю следующего года будут готовы начать свои операции пятнадцать новых независимых ассоциаций того же типа, таким образом, в одном Париже будет насчитываться от 50 до 60 ассоциаций».

²⁹ [Этот абзац и последующее описание Рочдельских пионеров включены начиная с 5-го издания (1862 г.), в то время как упоминание о Цюрихском товариществе и ссылка на Пламмера в примечании были внесены в 6-е издание (1865 г.). Из 4-го издания (1857 г.) было исключено следующее примечание:

«И хотя это полезное начинание столкнулось со столь серьезными препятствиями в стране, где оно возникло, оно быстро распространяется на те остальные страны, которые в той или иной мере получили и все еще сохраняют политическую свободу. Это движение уже представляет собой важную черту общественного прогресса и наиболее четко проявляется в Пьемонте. Впрочем, в Англии оно благодаря многочисленным публикациям и выступлениям сторонников, прежде всего священников и адвокатов, добилося определенных успехов. На 15 февраля 1856 г. в соответствии с Законом о промышленных и потребительских обществах было зарегистрировано 33 ассоциации, 17 из которых были промышленными, а деятельность остальных была связана исключительно с обеспечением потребления. Сюда не вошли ассоциации в Шотландии, где процесс их развития проходил весьма бурно. Считается, что все эти общества отныне зарегистрированы в соответствии с Законом об акционерных обществах с ограниченной ответствен-

«Консум фэрейн» в Цюрихе представляет собой одну из самых процветающих кооперативных ассоциаций в Европе), и Англия может дать нам примеры успешной деятельности ассоциаций, — примеры, ни в чем не уступающие тем, которые были приведены мной в отношении Франции. Благодаря влиянию, оказанному сначала Оуэном, а в последнее время в результате публикаций и личных усилий группы его друзей, главным образом священников и адвокатов, чья благородная деятельность выше всяческих похвал, были широко посеяны добрые семена. В результате благотворной и отвечающей общественным настроениям инициативе Слэни парламент внес необходимые изменения в Закон о товариществах. Было основано значительное число производственных ассоциаций и еще большее число розничных кооперативных магазинов. Многие из них добились замечательных успехов, наиболее показательной в этом отношении является деятельность мукомольного товарищества в Лидсе и «Рочдельского общества справедливых пионеров». История последнего из названных обществ была весьма интересно изложена Холиоуком *, и та известность, которую столь обнадеживающие факты получили благодаря данной и целого ряда других публикаций, вызвала быстрый рост товариществ, преследующих аналогичные цели, в Ланкашире, Йоркшире, Лондоне и других местах.

Первоначальный капитал «Рочдельского общества» состоял из 28 ф. ст., самостоятельно накопленных примерно

ностью. Более поздние сведения показывают, что численность производственных ассоциаций (если не брать в расчет мукомольные предприятия, являющиеся, скорее, потребительскими обществами) в настоящее время меньше, чем прежде, на начальном этапе, и что их развитие при том настроении, которое преобладает среди основной массы населения, вероятно, не может быть быстрым. Сохранившиеся же предприятия несколько не уменьшили своего оборота, а в северных районах Англии отмечаются даже значительные успехи в деятельности подобных ассоциаций. Именно там особенно быстро растет их число и увеличивается их богатство, что подготавливает благоприятную почву для более широкого использования этого принципа организации.].

* Self-help by the People — History of Co-operation in Rochdale. Содержательное описание этой и других кооперативных ассоциаций было дано в «Companion to the Almanack» за 1862 г. Джоном Пламмером из Кеттеринга, который сам может служить примером того высокого уровня умственного развития и принципиальных убеждений, присущих работникам, занимавшимся самообразованием.

40 рабочими, которые буквально по крохам вносились ими по подписке — два пенса (позднее — три) в неделю. Имея эту сумму денег, они создали в 1844 г. небольшой магазин или склад с целью обеспечить поступления ряда товаров повседневного спроса для своих семей. По мере того как их заботливость и честность позволили им увеличить число покупателей и расширить круг членов, они распространили свои операции на большее количество потребительских товаров и через несколько лет смогли осуществить крупные вложения в акции кооперативной мукомольни. Холиоук следующим образом описывает постепенные стадии развития общества в период до 1857 г.:

«„Общество справедливых пионеров“ состоит из семи отделений: бакалейного, суконного, мясного, сапожного, деревянных подошв, портняжного и оптовой торговли.

По каждому виду деятельности ведется отдельный учет и ежеквартально подводятся общие итоги, отражающие положение дел общества в целом.

Как мы уже отмечали, торговля бакалейными товарами началась в декабре 1844 г., причем операции совершались только с четырьмя товарами. В настоящее время в этом отделении продаются все те товары, какие есть в любом бакалейном магазине.

Продажа сукна началась в 1847 г. в очень скромных размерах. В 1854 г. она выделилась в самостоятельное отделение.

За год до этого магазин товарищества начал торговлю мясом, закупаая 80—100 фунтов у городских торговцев. Спустя некоторое время торговля была прекращена до 1850 г., когда общество обзавелось собственным складом. Джон Мурхаус с двумя помощниками еженедельно закупает для общества и забивает трех быков, восемь овец, несколько свиней и телят. Недельная выручка от продажи мяса составляет наличными в среднем 130 ф. ст.

Сапожное отделение открылось в 1852 г. На этой работе заняты три мастера и подмастерье, для продажи имеется постоянный запас товара.

Производство деревянных подошв и изготовление одежды было начато в этом году.

Отделение оптовой торговли начало свою деятельность в 1852 г. Его создание означало серьезный шаг в развитии ассоциации. Отделение было создано для того, чтобы обеспечивать товарами тех членов ассоциации, которым товары

требуются в больших количествах, а также осуществлять поставки кооперативным магазинам в Ланкашире и Йоркшире, ограниченный капитал которых не позволял, с одной стороны, делать закупки на самых выгодных рынках, а с другой — что во всех остальных случаях необходимо для каждого магазина, — заслужить репутацию *хорошего покупателя*, который знает рынки и свое дело, знает где, что и как покупать. Отделение оптовой торговли гарантирует безупречное качество, справедливые цены, точное соблюдение количества поставок, но осуществляет операции только на основе неукоснительного соблюдения своего принципа — обязательной оплаты наличными деньгами.

Поскольку многие члены общества живут теперь далеко друг от друга и существуют трудности обслуживания резко увеличивающегося числа покупателей, были открыты магазины-филиалы. В 1856 г. на Оудхэм-роуд, примерно в миле от центра Рочдейла, был открыт первый филиал, в 1857 г. второй — в Кастлтоне, третий — на Уитуорт-роуд и четвертый — в Пинфолде».

Склад, в котором помещался первый магазин общества, был арендован в 1849 г. и требовал очень большого ремонта. «Все помещения были тщательно отремонтированы и скромно обставлены. Теперь по своему внешнему виду они напоминают помещения солидного коммерческого предприятия. Одна из комнат великолепно приспособлена для хранения информационных материалов. Другая — тщательно переоборудована под библиотеку... Количество поступающих газет и журналов оказалось не меньшим, чем в каком-нибудь лондонском клубе». Они сейчас «поступают в бесплатное пользование всех членов и приобретаются на средства специального фонда развития образования», который формируется за счет отчисления $2\frac{1}{2}\%$ от всех подлежащих распределению прибылей и предназначен для повышения уровня образования членов общества. «Библиотека насчитывает 2200 томов самых лучших произведений, причем многие из них являются и самыми дорогими изданиями. Пользование библиотекой бесплатное. С 1850 по 1855 г. работала школа для подростков, за обучение в которой взималась плата в размере 2 пенсов в месяц. С 1855 г. совет общества предоставил комнату, где могут собраться для совместного обучения 20—30 человек в возрасте от 14 до 40 лет. Занятия проводятся по воскресеньям и вторникам...

На первых порах мельница, конечно, арендовалась. Она находилась в Смолбридже, в полутора милях от города. Затем товарищество построило в городе собственную совершенно новую мельницу, на которой установлен самый мощный двигатель усовершенствованного типа. В строительство вложено 8450 ф. ст., из которых 3731 ф. ст. 15 шиллингов и 2 пенса составляет капитал «Общества справедливых пионеров». На мельнице работают 11 человек».

В последующий период общество распространило свою деятельность и на текстильное производство. Успешная деятельность позволила приобрести не только кооперативную мельницу, но и создать кооперативную ассоциацию по производству хлопчатобумажных и шерстяных тканей. «Капитал этого предприятия составляет 4 тыс. ф. ст., из которых 2042 ф. ст. внесены «Обществом справедливых пионеров». На предприятии имеется 96 механических ткацких станков и занято 26 мужчин, 7 женщин, 4 мальчика и 5 девочек — всего 42 человека...

В 1853 г. магазин общества приобрел на противоположной стороне улицы за 745 ф. ст. в полную собственность складское помещение, где хранятся и реализуются для розничных покупателей запасы муки, мяса, картофеля и других подобных товаров. Там же находятся комнаты для заседаний комитетов, а также конторские помещения. Поблизости арендованы помещения для хранения и продажи тканей, трикотажа и обуви. В просторных комнатах посетитель видит сапожников и портных, работающих в здоровых условиях и совершенно уверенных в результатах торговли в предстоящий субботний вечер. Их склады везде по своему обилию напоминают Ноев ковчег, и веселые покупатели буквально заполняют Тоуд-лейн по вечерам и, подобно пчелам, снуют вокруг каждого прилавка. Ни в одном из промышленных округов Англии невозможно увидеть зрелище, подобное тому, какое можно наблюдать в рочдельском кооперативном магазине каждый субботний вечер» *. После позорного краха рочдельского сберегательного банка в 1849 г. магазин общества практически превратился в сберегательный банк города.

* «Однако, — добавляет Холиоук, — наибольший интерес авторов и читателей вызывает вовсе не замечательный коммерческий успех, а новый и более совершенный характер отношений, благотворно влияющий на торговлю. Покупатель и продавец встречаются

Год	Число членов	Сумма капитала			Размер годовых продаж мага- зина за наличные			Сумма годовой прибыли		
		фунты	шиллинг	пенсы	фунты	шиллинг	пенсы	фунты	шиллинг	пенсы
1844	28	0	0	0	710	6	5	32	17	6
1845	74	181	12	5	11146	17	7	80	16	3 ¹ / ₂
1846	86	252	7	1 ¹ / ₂	1924	13	10	72	2	10
1847	110	286	5	3 ¹ / ₂	2276	6	5 ¹ / ₂	117	16	10 ¹ / ₂
1848	140	397	0	0	6611	18	0	561	3	9
1849	390	1193	19	1	13179	17	0	889	12	5
1850	600	2299	10	5	17638	4	0	990	19	8 ¹ / ₁₂
1851	630	2755	0	1 ¹ / ₂	16352	5	0	1205	15	2 ¹ / ₂
1852	680	3471	0	6	22760	0	0	1674	18	11 ¹ / ₂
1853	720	5848	3	11	33364	0	0	1763	11	2 ¹ / ₂
1854	900	7172	15	7	44902	12	0	3106	8	4 ¹ / ₂
1855	1400	11032	12	10 ¹ / ₂	63197	10	0	3921	13	1 ¹ / ₂
1856	1600	12920	13	1 ¹ / ₂	79788	0	0	5470	6	8 ¹ / ₂
1857	1850	15142	1	2	71689	0	0	6284	17	4 ¹ / ₂
1858	1950	18160	5	4	104012	0	0	10739	18	6 ¹ / ₂
1859	2703	27060	14	2	152063	0	0	15906	9	11
1860*	3450	37710	9	0						

Приведенная выше таблица заимствована из «Альманаха», выпускаемого рочдельским обществом, и содержит данные о результатах его финансовой деятельности с момента создания до 1860 г.

ся как друзья, тут нет желания обмануть, с одной стороны, и недоверия — с другой... Эти простые рабочие люди, никогда не пробовавшие в прошлом приличной пищи, так как каждый их обед был плох, чья обувь разваливалась за месяц до того, как они могли купить другую, чьи куртки лоснились от страшной грязи и чьи жены носили ситцевые платья, которые никогда не стирались, теперь покупают на рынке товары, как миллионеры. Что же касается продуктов питания, то они столь же качественны, как и те, которые покупают лорды». Возможно, что в данном случае им везет больше, чем лордам, поскольку последние никак не могут быть отнесены к категориям покупателей, менее всего страдающих от обмана в нынешних условиях беспринципной конкуренции. «Они сами ткют свои ткани, изготавливают свою обувь, сами шьют одежду и мелют свое зерно. Они закупают самый чистый сахар и лучший чай, мелют собственный кофе. Они забивают собственный скот, и самые породистые животные бредут по улицам Рочдейла, чтобы попасть на стол ткачам и сапожникам. (В прошлом году общество опубликовало объявление, приглашая на работу агента по закупкам провизии в Ирландии, притом на полный рабочий день.) Когда конкуренция давала беднякам подобные преимущества? Может ли кто-нибудь отрицать, что в результате подобного влияния улучшилась нравственность этих людей? Сторонники трезвости в Рочдейле утверждают, что существование кооперативного магазина повлияло на уменьшение пьянства гораздо сильнее, чем они сами могли бы повлиять за такой же промежуток времени при всем их старании. Отцы семейств, которые никогда раньше не представляли себе жизнь без долгов, и бедные жены, которые в течение 40 лет никогда не имели в своем распоряжении свободных 6 пенсов, теперь имеют собственные сбережения, достаточные для постройки коттеджей и позволяющие каждую неделю отправляться в свой собственный магазин с деньгами, позвякивающими в кармане. В этом магазине отсутствует недоверие и нет обмана, товары не подделываются, цены твердые. Все отношения основаны на доверии. Все служащие здесь не суетятся, не прибегают к хитрости, не льстят. *Они не заинтересованы в махинациях.* У служащих магазина имеется одна-единственная обязанность — обеспечить покупателю товар в нужном количестве и высокого качества. В других районах Рочдейла, где конкуренция является основным принципом торговли, все священники города не смогли бы достигнуть подобных нравственных результатов.

Так как кооперативный магазин не делает долгов, то он и не несет никаких убытков; и за 13 лет своей деятельности при обороте, дошедшем до 303 852 ф. ст., кооперативный магазин не имел ни одного судебного процесса. Арбитрам общества за все время своего назначения не пришлось разрешать ни одного конфликта, и они недовольны тем, что никто не ссорится».

* [1865 г.] Последний отчет, который мне удалось получить, относится к кварталу, окончившемуся 20 сентября 1864 г. Я при-

Я не стану вдаваться в столь же подробное рассмотрение результатов деятельности мукомольного общества, отмечу лишь, что в 1860 г. его капитал, по данным того же издания, составлял 26 618 ф. ст. 14 шилл. 6 пенсов, а прибыль только за один этот год составила 10 164 ф. ст. 12 шилл. 5 пенсов. Я не располагаю более свежими данными об обрабатывающих предприятиях ассоциации, чем те, которые были приведены Холиоуком. По его словам, их капитал составил в 1857 г. 55 тыс. ф. ст. Однако в письме, помещенном в «Рочдейл обсервер» 26 мая 1860 г. и написанном, как сообщила редакция, информированным автором, отмечалось, что капитал в это время достигал 50 тыс. ф. ст. В том же письме приводилась очень высокая оценка капитала других аналогичных ассоциаций: «Розендейл индастриэл компании» — 40 тыс. ф. ст., «Уолсден кооперейтив компани» — 8 тыс. ф. ст., «Бейкан энд уорлд коммершл компани» — 40 тыс. ф. ст., «из которых более $\frac{1}{3}$ было взято займы под 5% годовых; и это обстоятельство в течение двух последних лет беспримерного коммерческого процветания привело к повышению размера дивидендов, выплачиваемых акционерам, почти до баснословного уровня».

вою следующую выдержку из этого отчета, опубликованного в ноябрьском номере прекрасного журнала «Co-operator», издаваемого Генри Питменом, одним из наиболее активных и здравомыслящих сторонников кооперативного движения: «Число членов составляет 4580 человек, т. е. за три месяца увеличилось на 132 человека. Капитал, или активы, общества равен 59 536 ф. ст. 10 шилл. 1 пенсу, т. е. увеличился по сравнению с предыдущим кварталом на 3687 ф. ст. 13 шилл. 7 пенсов. Выручка наличными от продажи товаров составляет 45 806 ф. ст. 0 шилл. 10,5 пенса, что превышает на 2283 ф. ст. 12 шилл. 5,5 пенса выручку за предшествующие три месяца. Реализованная прибыль составляет 5713 ф. ст. 2 шилл. 7,5 пенса, что после отчисления в амортизационный фонд 182 ф. ст. 2 шилл. 4,5 пенса, выплаты процентов на акционерный капитал в размере 598 ф. ст., 17 шилл. 6 пенсов, отчисления 2,5% в фонд развития образования, т. е. 122 ф. ст. 17 шилл. 9 пенсов, дает дивиденды в размере 2 шилл. 4 пенса на каждый фунт покупок. Нечлены общества получили 261 ф. ст. 18 шилл. 4 пенса — 1 шилл. 8 пенсов на каждый фунт покупок, обеспечив 8 пенсов прибыли обществу на каждый фунт, что привело к увеличению резервного фонда на 104 ф. ст. 15 шилл. 4 пенса. В настоящее время этот фонд равен 1352 ф. ст., 7 шилл. 11,5 пенса, представляющим собой накопления прибылей от торговли с нечленами общества с сентября 1862 г., и превышает установленный для таких покупателей лимит в 1 шилл. 8 пенсов на один фунт.

³⁰ Нет необходимости сколько-нибудь подробно рассматривать последующую историю кооперативного движения в Англии, тем более что оно представляет собой сейчас один из общепризнанных элементов поступательного развития в нашем веке и как таковое было подробным образом проанализировано в статьях, опубликованных большинством наших ведущих периодических изданий. Одна из последних, и притом наилучших, статей появилась в октябрьском номере за 1864 г. «Эдинбург ревю». Ход развития кооперативного движения регулярно (каждый месяц) освещается в «Кооперейторе». Однако я не могу не упомянуть о последнем огромном шаге вперед в деле развития кооперативных магазинов, который состоит в создании на севере Англии общества оптовой торговли (другое общество создается в настоящее время в Лондоне). Цель этих обществ — устранить необходимость обращаться к услугам оптовых торговцев, а также розничных посредников и путем организации кооперативных закупок иностранных товаров и товаров внутреннего производства непосредственно у изготовителей создать условия получения обществами таких же выгод, какие сами они приносят своим членам.

³¹ Вряд ли можно относиться к будущему человечества иначе, чем с позиций оптимизма, ибо в двух ведущих странах мира самые низшие слои общества состоят из простых трудящихся людей, чьи честность, здравый смысл, самообладание и достойное уважения взаимное доверие позволили им довести до триумфального конца столь благородные эксперименты, о чем свидетельствуют факты, приведенные на предшествующих страницах.

Продолжающееся широкое развитие кооперативного движения позволяет надеяться на громадный рост продуктивности производства. Источники этого роста имеют двойной характер. Во-первых, сократится класс лиц, занимающихся только распределением, которые ничего не производят, а только помогают производству и чрезмерная численность которых в гораздо большей степени, чем прибыли капиталистов, приводит к тому, что столь большая доля

³⁰[Этот абзац внесен в 6-е издание (1865 г.).]

³¹[Данный абзац был включен в 5-е издание (1862 г.), как и объяснение роста производительности труда, приведенное через один абзац. Довод относительно ограничения числа агентов распределения был включен в 6-е издание (1865 г.).]

произведенного богатства не достается производителям. Отличие производителей от лиц, занимающихся распределением, состоит в том, что увеличение численности производителей, даже если в какой-то определенной отрасли производства эта численность может оказаться чрезмерной, позволяет в действительности производить больше. Увеличение же численности распределителей не приводит к росту богатства, подлежащего распределению, оно лишь разделяет то же самое количество работы между большим числом лиц, причем процесс распределения вряд ли станет от этого дешевле. В результате ограничения численности лиц, занимающихся распределением, рамками, действительно необходимыми для доведения товаров до потребителей — а это является прямым следствием введения кооперативной системы, — высвободится громадное количество рабочих рук, которые могут быть использованы в производстве. Капитал, обеспечивающий их пропитание, и прибыли, предназначенные для их вознаграждения, будут направлены на то, чтобы прокормить производителей и вознаградить их труд. Огромная экономия мировых ресурсов была бы достигнута даже в том случае, если бы развитие кооперации не пошло далее образования закупочных и потребительских ассоциаций и не распространилось на производство.

Другой способ, к тому же еще более эффективный, посредством которого кооперация воздействует на повышение производительности труда, состоит в том огромном побуждении, какое она дает производительной энергии в результате того, что работники в своей массе оказываются в таком положении по отношению к выполняемой ими работе, при котором их основным принципом и предметом заинтересованности становится стремление — полностью отсутствующее в настоящее время — сделать как можно больше, а не меньше в обмен на получаемое ими вознаграждение.³² Вряд ли можно переоценить эти материальные выгоды, однако они не идут ни в какое сравнение с тем нравственным переворотом в обществе, который будет их сопровождать: будет преодолена постоянная вражда между капиталом и трудом; преобразится человеческая жизнь, и борьба классов из-за противоположных интересов усту-

³² [Начиная отсюда и до отмеченного через два абзаца места текст включен в 6-е издание (1865 г.).]

пит место дружескому соперничеству в стремлении к достижению общего блага; возрастет уважение к труду; появится новое чувство обеспеченности и независимости в трудящихся классах, а ежедневные занятия каждого человека превратятся в школу социальной доброжелательности и практической мудрости.

Такова та благородная задача, которую должны ставить перед собой сторонники кооперации. Однако для скольконибудь успешного выполнения поставленных таким образом целей необходимо, чтобы не только отдельные люди, но и все, кто связан с этим делом, были бы заинтересованы в процветании его. Ассоциации, которые, достигнув успеха, отказались от основного принципа кооперативной системы и превратились в акционерные компании с ограниченным числом держателей акций, отличие которых от других акционерных компаний состоит лишь в том, что их члены являются трудящимися людьми; ассоциации, которые нанимают работников, не принимающих никакого участия в прибылях (и я с сожалением должен отметить, что даже общество производителей в Рочдейле снизошло до этого), конечно, действуют на основании законного права, честно используя существующую общественную систему для своего личного положения, но от таких ассоциаций нельзя ожидать ничего, что способствовало бы замене этой системы на более совершенную. В конечном итоге подобные общества не смогут выстоять и против индивидуальной конкуренции. Индивидуальное управление, осуществляемое одним в высшей степени заинтересованным лицом во всех аспектах, имеет громадные преимущества в сравнении с коллективным руководством. Единственное, что может противопоставить кооперация этим преимуществам, — общая заинтересованность всех работников в деле. Когда отдельные капиталисты — а они наверняка пойдут на это — соединят подобную заинтересованность с другими имеющимися у них преимуществами, когда хотя бы ради увеличения своих доходов они прибегнут к практике, от которой отказались эти кооперативные общества, и соединят денежную заинтересованность каждого лица в своей работе по найму с наиболее эффективным и экономически рациональным управлением фирмой, они, вероятно, легко одержат победу над теми ассоциациями, которые сохраняют недостатки старой системы, в то время как не имеют возможности обладать всеми ее преимуществами.

Как бы успешно ни развивалось дело кооперации, все же, вероятно, еще долго будет желательно, чтобы отдельные капиталисты, предоставляющие своим работникам долю в прибыли, существовали наряду даже с теми кооперативными обществами, которые сохраняют верность своему основному принципу. Единое руководство создает возможность осуществления многих вещей, которые не могли бы или не стали бы осуществляться из-за случайностей, связанных с отсутствием единства в совете или со сменой руководства. Частный капиталист, не подвергающийся контролю со стороны соответствующего органа, если он способный человек, гораздо чаще, чем почти любая ассоциация, готов пойти на оправданный риск и проявить инициативу в осуществлении дорогостоящих усовершенствований. Кооперативные общества могут полагаться только на осуществление тех усовершенствований, которые уже прошли успешную практическую проверку, тогда как отдельные лица с большей вероятностью готовы пойти на проведение улучшений еще никем не испытанных. Даже в повседневной деловой практике конкуренция со стороны способных людей, которые в случае неудачи понесут большие потери, а в случае успеха получают значительный выигрыш, будет весьма полезной для поддержания на должном уровне активности и бдительности управляющих кооперативных обществ.

Когда же количество кооперативных обществ возрастет в достаточно больших размерах, по всей вероятности, никакие рабочие, за исключением самых плохих, не согласятся работать всю свою жизнь ради одной лишь заработной платы. Как частные капиталисты, так и ассоциации постепенно осознают необходимость предоставления всем работникам права на участие в прибылях. В конечном итоге и, возможно, не в столь отдаленном будущем, как может показаться на первый взгляд, мы будем в состоянии определить на основании принципа кооперации пути к³³ осуществлению изменений в обществе, которые обеспечат сочетание свободы и независимости отдельной личности с моральными, интеллектуальными и экономическими выгодами совокупного производства и которые без насилия или грабежа, либо даже без каких-либо резких изменений

³³[Остальная часть этого абзаца включена в 3-е издание (1852 г.).]

существующих привычек и ожиданий приведут к тому, что по крайней мере в промышленности сбудутся лучшие надежды демократического духа в результате ликвидации разделения общества на трудолюбивых и праздных и уничтожения всех социальных различий, кроме тех, которые честно приобретены личными стараниями и заслугами. Ассоциации, подобные тем, что описаны нами, благодаря самому их успеху служат средством для воспитания таких моральных и деловых качеств, которые только и дают возможность достигнуть заслуженного успеха. По мере своего роста ассоциации будут все шире вовлекать рабочих, за исключением тех, кто слишком плохо соображает или обладает слишком малыми добродетелями, чтобы научиться действовать в рамках какой-либо иной системы, кроме системы, основанной на узком эгоизме. С развитием этих изменений владельцы капитала будут все больше убеждаться в том, что выгоднее предоставлять свой капитал ассоциациям, чем бороться при помощи самых плохих работников за поддержание старой системы. За предоставление капитала станут взимать все более низкий процент, и, наконец, капитал, возможно, будет предоставляться в обмен на обязательства выплачивать его владельцу определенную сумму в течение установленного срока. При помощи такого или иного схожего способа вся масса накопленного капитала может честно и как бы в силу естественно происходящего процесса превратиться в конечном итоге в общую собственность всех тех, кто участвует в его производительном использовании. Осуществленная таким образом трансформация капитала — конечно, при этом предполагается, что как мужчины, так и женщины обладают равными правами и совместно участвуют в управлении ассоциацией *, — кратчайшим путем

* [1865 г.] В этом отношении Рочдельское общество также явилось собой образец благоразумия и справедливости, достойный того здравого смысла и порядочности, которые проявляются во всей его деятельности. «Рочдельский магазин, — отмечал Холиоук, — оказывает неожиданное, но ценное содействие делу достижения гражданской независимости женщин. Женщины могут быть его членами и принимать участие в голосовании при решении тех или иных вопросов. В общество вступают как одинокие, так и замужние женщины. Многие замужние женщины становятся его членами, поскольку их мужья не хотят брать на себя этой обязанности, другие вступают с целью защитить свои интересы, не допустить того, чтобы мужья пропивали их деньги. Муж не имеет права изымать

привела бы к достижению социальной справедливости и наиболее выгодной с точки зрения всеобщего блага организации промышленного производства, какую только мы можем себе представить в настоящее время.

³⁴ § 7. Итак, я согласен с авторами-социалистами в отношении их концепции о формах, которые приобретает промышленная деятельность по мере своего дальнейшего развития; и я целиком разделяю их мнение о том, что уже созрели условия для начала такой трансформации и что следует всеми справедливыми и эффективными средствами содействовать ее ходу, а также стимулировать ее развитие. Однако, в то время как я согласен с социалистами и симпатизирую им в отношении данной практической задачи, я коренным образом не согласен с наиболее заметной и безрассудной частью их учения — с их проповедями против конкуренции. Обладая нравственными воззрениями, во многих отношениях опережающими современный общественный порядок, они в целом имеют запутанные и ошибочные представления о том, как в действительности функционирует общественный механизм, и одна из их величайших ошибок, по моему мнению, состоит в том, что они обвиняют конкуренцию в возникновении всех тех зол в сфере экономики, с которыми приходится в настоящее время сталкиваться. Они забывают о том, что там, где отсутствует конкуренция, существует монополия и что монополия во всех ее формах означает обложение налогом трудолюбивых людей ради поддержания праздности, если не сказать воровства. Они равным образом забывают и о том, что, за исключением конкуренции между трудящимися классами, все остальные виды конкуренции приносят выгоду этим классам за счет происходящего удешевления потребляемых ими товаров, что конкуренция даже на рынке труда является источником не низких, а высоких ставок заработной платы во всех тех случаях, когда масштабы конкуренции за получение рабочих рук превышают масштабы конкуренции последних *между* собой, что имеет место, в частности, в Америке, в колониях и в отраслях, требующих высококвалифицированного труда. Конкурен-

накопления, которые имеет в магазине на свое имя его жена, если последняя не подпишет соответствующее распоряжение».

³⁴ [Этот раздел внесен в 3-е издание (1852 г.).]

ция никогда не может быть причиной низкой заработной платы, за исключением тех случаев, когда рынок труда перенасыщается за счет появления чрезмерного количества семей трудящихся, тогда как при избыточном предложении рабочих рук даже социализм не может предотвратить падение уровня получаемого ими вознаграждения. Кроме того, если бы ассоциации получили повсеместное распространение, конкуренции между отдельными работниками не было бы, а конкуренция между ассоциациями шла бы на пользу потребителям, т. е. ассоциациям и вообще трудящимся классам.

Я не утверждаю, что конкуренция не вызывает неудобств или что возражения нравственного характера, выдвигаемые авторами-социалистами против нее как источника зависти и враждебности между лицами, занятыми одинаковым трудом, совершенно беспочвенны. Однако, если конкуренция вызывает зло, она предупреждает возникновение еще большего зла. Как удачно замечает Фегере *: «Глубочайшие корни зла и несправедливости, пронизывающие мир производства, обусловлены не конкуренцией, а подчинением труда капиталу и той огромной долей, которую владельцы средств производства могут изъять из продукта... Если у конкуренции имеются большие возможности творить зло, она в не меньшей мере может сотворить и добро, особенно в том, что касается развития индивидуальных способностей и обеспечения успеха нововведениям». Общая ошибка социалистов состоит в том, что они не учитывают естественного стремления человечества к лени, его тенденции к пассивности, превращению в рабов привычки, к тому, чтобы следовать по раз избранному пути. Если люди смогут достигнуть условий существования, которые они будут считать сносными для себя, сейчас же явится опасность, что с этого момента начнется полный застой, что они перестанут стремиться к совершенствованию и, не используя свои способности, даже потеряют энергию, необходимую для предохранения их от упадка. Конкуренция, возможно, не является лучшим стимулом, который можно себе представить, однако в настоящее время она — стимул необходимый, и вряд ли в обозримом будущем она потеряет свое значение как обязательное условие прогресса. Даже если мы ограничим-

* Указ. соч., с. 90.

ся рассмотрением только одной сферы промышленного производства, в отношении которой можно предположить, что основная масса ее работников обладает большей, чем где бы то ни было, компетенцией, позволяющей делать выводы относительно целесообразности осуществления усовершенствований, то и здесь было бы трудно побудить общее собрание той или иной ассоциации к тому, чтобы оно согласилось пойти на определенные трудности и неудобства, связанные с теми изменениями устоявшихся привычек, которые будут вызваны внедрением нового и многообещающего изобретения. Это произойдет только в том случае, если существование конкурирующих сообществ вызовет у данной ассоциации опасения, что отказ от использования изобретения и его применение соперниками отбросит ее назад в конкурентной гонке.

В отличие от социалистов, всегда и везде рассматривающих конкуренцию в качестве пагубного и антиобщественного принципа, я считаю, что даже при современном состоянии общества и производства любое ее ограничение представляет собой зло, а любое ее обострение, даже если оно в течение определенного времени оказывает отрицательное воздействие на отдельные категории работников, в конечном итоге всегда приводит к благотворным результатам. Защита от конкуренции означает защиту лени и умственной тупости, отказ от необходимости быть столь же активным и знающим человеком, как и другие люди. Если же возникает необходимость в защите от ухудшения условий найма в результате конкуренции со стороны хуже оплачиваемых категорий работников, то это происходит только там, где старые обычаи, местная и несправедливая монополия поставили определенную категорию мастеров в привилегированное положение по сравнению с остальными работниками и наступило время, когда интересы всеобщего прогресса вступили в противоречие с привилегиями немногих. Если торговцы готовым платьем и другие³⁵ лица, относящиеся к этой категории, вызовут снижение заработной платы портных и некоторых других

³⁵ [«Лица, относящиеся к этой категории...» было внесено в 4-е издание (1857 г.). Из 3-го издания (1852 г.) было исключено следующее: «...поносимые столь несправедливо и в нарушение принципов свободы, как будто они хотя бы на йоту были хуже прочих людей в отношении их мотивов и их деятельности при существующем в современном обществе положении...»]

мастеров, распространив на них конкуренцию, которая заменит традиционные отношения, в конечном итоге от этого ничего не будет, кроме пользы. Сейчас крайне необходимо не поддержание старых обычаев, опираясь на которые отдельные небольшие категории работников получают частичные выгоды, обуславливающие их заинтересованность в сохранении существующей организации общества, а введение нового, выгодного для всех порядка. Есть основания радоваться любым обстоятельствам, заставляющим квалифицированных мастеров, относящихся к привилегированным категориям, считать, что они обладают такими же интересами, их вознаграждение зависит от таких же общих причин и они для улучшения своего положения должны прибегать к таким же средствам, как и то большинство, которое находится в не столь благоприятных условиях и обладает сравнительно худшими возможностями³⁶.

³⁶ [См. Приложение DD. «Последующая история кооперации».]

КНИГА V
О ВЛИЯНИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА

ОБ ОБЩИХ ФУНКЦИЯХ ПРАВИТЕЛЬСТВА

§ 1. Одним из наиболее оживленно обсуждаемых в настоящее время вопросов политической науки и практики государственного управления является вопрос о разумных пределах функций и сфер деятельности правительств. В прошлом шел спор о том, как следует формировать правительства, какими принципами и положениями они должны руководствоваться при отправлении власти, в то время как сейчас почти такую же актуальность приобрел вопрос о том, на какие именно сферы человеческой деятельности должна распространяться эта власть. При возникновении сильных тенденций к переменам в системе государственной власти и законодательстве в поисках средств улучшения жизни человечества интерес к обсуждению этой проблемы скорее возрастет, нежели уменьшится. С одной стороны, нетерпеливые сторонники реформ, полагающие, что подчинить себе правительство проще и легче, чем овладеть умами и расположением общества, постоянно стремятся расширить сферу влияния государственной власти за отведенные ей границы. С другой — человечество в такой степени приучено своими правителями к вмешательству, которое совершается либо с целями, не имеющими никакого отношения к общественному благу, либо под влиянием ошибочного представления о том, что именно нужно для достижения этого блага — ведь так часто даже люди, искренне желающие улучшений, опрометчиво предлагают прибегать к мерам принудительного регулирования для достижения тех целей, которые с успехом или пользой могут быть достигнуты путем обмена мнениями или дискуссий, — что налицо некий дух сопротивления *in limine* (в начале) какому бы ни было вмешательству со стороны правительства и предрасположенность к ограничению сферы его деятельности максимально узкими пределами. В силу существования исторических различий в развитии народов, на чем здесь нет необходимости останавливаться, первая крайность, т. е. чрезмерное расширение сферы деятельности прави-

тельства, преобладает и в теории, и в практике континентальных наций, тогда как в Англии до сих пор преобладало противоположное стремление.

Общие принципы проблемы в той мере, в какой здесь дело идет о принципе, я попытаюсь изложить в одной из последующих глав данной книги, после того как будет рассмотрено воздействие, оказываемое деятельностью правительства при осуществлении им тех функций, которые по общему убеждению относятся исключительно к его компетенции. Для этого здесь необходимо подробно перечислить функции, которые либо неразрывно связаны с самой идеей правительства, либо обычно выполняются всеми правительствами, не вызывая никаких возражений. Эти функции следует отличать от тех, необходимость осуществления которых правительствами ставится под сомнение. Первые можно назвать *необходимыми*, а вторые — *необязательными* функциями государственной власти¹. Термин «необязательные» вовсе не означает, что к функциям этим можно относиться с безразличием или произвольно, по усмотрению правительства, принимать или не принимать их на себя. Речь просто идет о том, что исполнение их не диктуется соображениями первоочередной необходимости и что в отношении этих функций существуют или могут существовать самые различные мнения.

§ 2. Пытаясь перечислить необходимые функции государственной власти, мы обнаруживаем, что они гораздо разнообразнее, чем может показаться большинству людей на первый взгляд, и их никоим образом нельзя обозначить теми столь четкими демаркационными линиями, которые зачастую пытаются необдуманно провести в ходе публичных дискуссий. К примеру, иногда приходится слышать, что деятельность правительства должна ограничиваться предоставлением защиты от насилия и обмана и что, за исключением этих двух случаев, люди должны оставаться свободными, способными заботиться сами о себе, и что, пока лицо не совершает никакого насилия или обмана в ущерб другим лицам или их собственности², до тех пор

¹ [Это пояснение впервые включено во 2-е издание (1849 г.).]

² Так начиная с 4-го издания (1857 г.). В первоначальном тексте было сказано: «Он имеет право поступать, как ему заблагорассудится, не подвергаясь беспокойству или ограничениям со стороны судей и законодателей».]

ни законодательная власть, ни правительство никоим образом не должны касаться его. Но почему же правительство, т. е. коллективная сила народа, должно защищать людей только от насилия и обмана, а не от других зол, если только не потому, что целесообразность защиты в первом случае более очевидна? Если правительство должно делать для людей лишь то, что они не в силах сделать сами для себя, то людям, вероятно, придется защищать самих себя, опираясь на свою ловкость и мужество, даже и от насилия, а может быть, просить или покупать эту защиту, что они в действительности и делают там, где правительство не в состоянии защитить их. Ну а против обмана защитой каждому служит его собственный ум. Не вдаваясь в дальнейшее обсуждение принципиальных положений, ограничимся в данном случае рассмотрением фактического положения вещей.

Обуздание насилия и обуздание обмана — какой из этих двух целей служит, например, законодательство о наследовании? Законы подобного рода должны существовать в любом обществе. Быть может, на это возразят, что в этом случае правительству просто надлежит выполнять распоряжение относительно собственности, сделанное индивидуумом в его завещании. Однако такое толкование является по меньшей мере чрезвычайно спорным. Ведь вряд ли найдется страна, по законам которой право завещания было бы совершенно неограниченным. Но возьмем самый обыкновенный случай, когда нет завещания: разве не закон, другими словами — не правительство решает на основе принципов всеобщей целесообразности, кто должен получить наследство? А в случае если последний по каким-либо причинам оказывается неспособным, разве не оно назначает лиц, зачастую своих же чиновников, для принятия на себя собственности и обращения ее на пользу опекаемого? Есть много и других случаев, когда правительство берет на себя право управления собственностью, поскольку считается, что этого требуют интересы общества или, может быть, лишь выгода заинтересованных лиц. Подобное часто происходит с собственностью, право на которую оспаривается по суду, а также в случаях объявленной в судебном порядке несостоятельности. Тем не менее никто не утверждал, что, делая это, правительство выходит за пределы своей компетенции.

Отнюдь не простой, как может показаться на первый взгляд, является и функция закона давать определение понятию собственности как таковой. Можно было бы, конечно, представить себе, что закон обязан всего лишь декларировать и охранять право каждого на продукты собственного труда или продукты труда других лиц, приобретенные у них честным путем и с их добровольного согласия. Но разве собственностью признается только то, что было произведено трудом? Разве не признается собственностью сама земля с ее лесами, водами и прочими природными богатствами как на поверхности, так и в недрах ее? Все это наследие рода человеческого, и должны существовать нормы, регламентирующие их общее пользование. Нельзя оставлять нерешенными вопросы о том, какие права на использование определенной части этого общего наследия следует предоставлять отдельному лицу и на каких условиях. Ни одна из функций правительства не является столь необязательной — и в то же время столь прочно связанной с самой идеей цивилизованного общества, — как функция регулирования такого рода отношений.

Далее признается, что законом должно преследоваться насилие и мошенничество. Но под какую из этих двух рубрик нам следует подвести налагаемое на людей обязательство выполнять заключенные ими договоры? Невыполнение договора вовсе не обязательно заключает в себе обман. Лицо, вступившее в договорные отношения, возможно, имело искренние намерения выполнить договор, и поэтому понятие «мошенничество», которое едва ли можно распространить на случаи сознательного, но не связанного с введением в заблуждение нарушения договора, совершенно неприменимо, когда причиной неисполнения оказывается небрежность. Разве принуждение к соблюдению условий договора не является одной из обязанностей правительств? В ответе на данный вопрос содержится определенное расширение границ теории невмешательства, и сторонники таковой заявляют, что принуждать к соблюдению условий договора вовсе не значит регулировать отношения частных лиц по усмотрению правительства, а только выполнять желания, выраженные этими лицами. Давайте согласимся с подобным расширением ограничительной теории и примем его для тех случаев, где оно применимо. Однако в том, что касается отношения к

договорам, правительства не ограничиваются простым принуждением к их исполнению, они берутся решать, по каким договорам следует принуждать стороны соблюдать условия их выполнения. Вовсе не достаточно того, что одно лицо без всякого принуждения и обмана дает обещание другому лицу. Есть такие обещания, которыми в интересах общего блага люди не должны связывать себя. Не говоря уже об обязательствах, так или иначе противоречащих закону, существуют обязательства, принуждать к исполнению которых закон не может либо исходя из защиты интересов лица, давшего обещание, либо по соображениям общегосударственной политики. Договор, по которому одно лицо продало бы себя другому в рабство, был бы признан недействительным как судами Англии, так и большинства других европейских стран. Мало найдется народов, законы которых принуждали бы выполнять договор, связанный с тем, что считается проституцией, или с брачными обязательствами, условия которых так или иначе расходятся с соответствующими положениями, какие считалось необходимым предписать законом. Однако, если хоть раз признать, что существуют обязательства, к исполнению которых закон в силу практических соображений не должен принуждать, неизбежно возникнет сомнение и в отношении всех прочих обязательств. Должен ли, к примеру, закон принуждать к соблюдению условий договора о найме, если заработная плата слишком низка или продолжительность рабочего дня непомерно велика? Должен ли он принуждать выполнять договор, по которому одно лицо обязуется оставаться на службе у другого дольше строго ограниченного периода времени? Следует ли принудительно осуществлять исполнение пожизненного брачного контракта вопреки ясно выраженному желанию обеих или одной из договаривающихся сторон прекратить его действие? Любой вопрос, какой только может возникнуть в связи с необходимостью регулировать условия договоров и отношения, устанавливаемые ими между людьми, заслуживает внимания законодателя. Их нельзя не рассматривать, их нельзя так или иначе не решать.

Кроме того, предупреждение и пресечение насилия и обмана обеспечивает соответствующей работой солдат, полицейских и судей по уголовным делам. Но существуют также и гражданские суды. Наказание тех или иных проступков — одна функция судов, решение споров — другая.

Причинами возникновения между людьми бесчисленных споров без *mala fides* (злого умысла) с обеих сторон является неправильное понимание своих законных прав или несогласие с фактами, от доказательства которых юридически зависят эти права. Разве не в общих интересах, чтобы государство назначало особых лиц для решения подобных вопросов и прекращения споров? Нельзя сказать, чтобы это было абсолютно необходимо. Люди могли бы назначать себе арбитра, обязываясь подчиняться его решению. Кстати, так и поступают там, где нет судов, где суды не пользуются доверием или где проволочки, судебные издержки и иррациональность процедуры представления доказательств удерживают людей от обращения в суд. И тем не менее все считают правильным, чтобы государство учреждало гражданские суды. И даже если своиственные последним недостатки вынуждают людей обращаться в некие подобия таковых, то даже и в таком случае сохраняющееся право передачи дела на рассмотрение законной судебной инстанции придает силу этим суррогатам судов.

Государство не только берется за решение споров, оно заблаговременно принимает меры, предупреждающие возникновение различных споров. В законах большинства стран излагаются трактовки самых различных понятий, и вовсе не потому, что очень важно, как именно эти понятия толкуются, а потому, что их так или иначе необходимо трактовать, чтобы не могло возникнуть вопроса по существу предмета. Закон предписывает типовые формулировки для многих видов договоров, дабы исключить споры и возможности неправильного понимания их смысла. Если спор все же возникает, закон предусматривает необходимость представления документированных доказательств для разрешения спора. Закон требует, чтобы документ этот был удостоверен свидетелями и совершен с соблюдением определенных формальностей. Закон требует сохранения подлинных доказательств в отношении фактов, с которыми связаны правовые последствия, для чего ведутся специальные реестры, куда заносятся, в частности, такие факты, как рождения, случаи смерти, браки, завещания, договоры и судебные дела. Но никто и никогда не утверждал, что, делая это, правительство выходит за рамки отведенных ему полномочий.

Наконец, как бы широко ни распространилась теория,

утверждающая, что отдельные лица являются естественными блюстителями своих интересов и что правительство не несет перед ними никаких обязательств, кроме обязанности ограждать их от вмешательства других лиц, она применима лишь к тем людям, которые сами способны действовать в своих интересах. Но ведь есть еще дети, душевнобольные, слабоумные. Интересы подобных лиц должен, вне сомнения, охранять закон, причем не обязательно с помощью своих чиновников. Он часто поручает эту миссию кому-либо из родственников или любому близкому человеку. Но кончаются ли на этом обязанности закона? Позволительно ли закону передавать защиту интересов одного лица другому лицу и устраняться от надзора, равно как и от контроля за исполнением поручения доверенным лицом?

Есть масса случаев, когда правительства с общего согласия возлагают на себя полномочия и осуществляют соответствующие функции без всяких веских к тому причин, а просто потому, что это служит общим интересам. В качестве примера мы можем сослаться на функцию (кстати, также монополизированную) чеканки монет. Государство взяло ее на себя ни с какой иной целью, как для того, чтобы избавить каждого от забот, траты времени и расходов, связанных со взвешиванием монеты и проверкой ее пробы. Однако никто, даже из самых ярых противников государственного вмешательства, не говорил, что в данном случае правительство пользовалось не принадлежащей ему властью. Другой аналогичный случай — установление в законодательном порядке системы стандартных мер и весов. Еще один пример — мощение, освещение и уборка улиц и дорог, которые берет на себя или центральное правительство, или, что бывает чаще и более привычно, муниципальные власти. Строительство и улучшение гаваней, сооружение маяков, производство съемок на местности для составления точных карт, возведение дамб для защиты от моря, строительство набережных — все это примеры того же характера.

Приводить примеры можно было бы до бесконечности, не касаясь при этом спорных пунктов. Но и из сказанного достаточно ясно, что общепризнанные функции государственной власти простираются далеко за пределы любых ограничительных барьеров, и функциям этим вряд ли можно найти некое единое обоснование и оправдание, помимо

соображений практической целесообразности. Нельзя также отыскать какое-то единое правило для ограничения сферы вмешательства правительства, за исключением простого, но расплывчатого положения о том, что вмешательство это следует допускать исключительно при наличии особо веских соображений практической целесообразности.

§ 3. Можно, однако, сделать несколько полезных замечаний о характере соображений, к которым чаще всего приходят в вопросе о государственном вмешательстве и о методах оценки относительной значимости практической выгоды, получаемой от подобного вмешательства. Рассмотрению этой проблемы будет посвящена последняя из трех частей, на которые удобно разделить наш анализ принципов и последствий государственного вмешательства. Вот на какие части мы разобьем наше исследование.

Вначале мы рассмотрим экономические последствия в зависимости от того, какими методами пользуются правительства в процессе осуществления своих необходимых и общепризнанных функций.

Затем мы перейдем к рассмотрению некоторых видов государственного вмешательства, названных мною необходимыми (т. е. выходящими за рамки общепризнанных функций) и существовавшими, а в ряде случаев существующими и поныне под влиянием ошибочных теорий общего характера.

И наконец, нам останется рассмотреть вопрос, существуют ли независимо от ошибочной теории и в полном соответствии с правильным взглядом на законы, регулирующие общественные отношения, какие-либо случаи, в которых вмешательство второго рода было бы действительно полезно, и каковы эти случаи.

Первый из этих разделов будет чрезвычайно разнообразным по характеру, поскольку, как уже указывалось, необходимые функции правительства, а также те из его функций, являя целесообразность которых никогда или почти никогда не вызывала возражений, как мы уже указывали, чересчур разнообразны и не поддаются простой классификации. Однако те из них, которые имеют принципиальное значение и которые необходимо рассмотреть здесь, могут быть сгруппированы следующим образом:

во-первых, средства, используемые правительствами для сбора доходов, без чего немислимо само его существование;

во-вторых, сущность законов, устанавливаемых правительствами в двух основополагающих сферах: собственность и договоры;

в-третьих, достоинства и недостатки системы мер проведения в жизнь правительственных законов, а именно судоустройства и полиции.

Мы начнем с первого раздела, т. е. с теории налогообложения.

ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

§ 1. Качества, с экономической точки зрения желательные в любой системе налогообложения, сформулированы Адамом Смитом в форме четырех положений, четырех основополагающих, можно сказать, ставших классическими принципов, с которыми, как правило, соглашались последующие авторы, и вряд ли можно начать наши рассуждения лучше, чем процитировать эти положения *.

«I. Подданные государства должны по возможности соответственно своей способности и силам участвовать в содержании правительства, т. е. соответственно доходу, каким они пользуются под покровительством и защитой государства... Соблюдение этого положения или пренебрежение им приводит к так называемому равенству или неравенству обложения...

II. Налог, который обязывается уплачивать каждое отдельное лицо, должен быть точно определен, а не произволен. Срок уплаты, способ платежа, сумма платежа — все это должно быть ясно и определенно для плательщика и для всякого другого лица. Там, где этого нет, каждое лицо, облагаемое данным налогом, отдается в большей или меньшей степени во власть сборщика налогов, который может отягощать налог для всякого неугодного ему плательщика или вымогать для себя угрозой такого отягощения подарок или взятку. Неопределенность обложения развивает наглость и содействует подкупности того разряда людей, которые и без того не пользуются популярностью, даже в том случае, если они не отличаются наглостью и подкупностью. Точная определенность того, что каждое отдельное лицо обязано платить, в вопросе налогового обложения представляется делом столь большого значения, что весьма значительная степень неравномерности, как это, по моему мнению, явствует из опыта всех народов, составляет гораздо меньшее зло, чем весьма малая степень неопределенности.

III. Каждый налог должен взиматься в то время или

* А. С м и т. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, кн. V, гл. II, с. 588—589.

тем способом, когда и как плательщику должно быть удобнее всего платить его. Налог на ренту с земли или домов, уплачиваемый в тот именно срок, когда обычно уплачиваются эти ренты, взимается как раз в то время, когда плательщику, по-видимому, удобнее всего внести его или когда у него, скорее всего, будут на руках деньги для уплаты. Налоги на такие предметы потребления, которые представляют собой предметы роскоши, в конечном итоге уплачиваются все потребителем и обычно таким способом, какой очень удобен для него. Он уплачивает их понемногу, по мере того как покупает соответствующие товары. И так как он свободен в том, покупать или не покупать их, то его собственная вина, если ему приходится испытывать сколько-нибудь значительное неудобство от таких налогов.

IV. Каждый налог должен быть так задуман и разработан, чтобы он брал и удерживал из карманов народа возможно меньше сверх того, что он приносит казначейству государства. Налог может брать или удерживать из карманов народа гораздо больше, чем он приносит казначейству четырьмя следующими путями: во-первых, соби́рание его может требовать большого числа чиновников, жалованье которых может поглощать большую часть той суммы, какую приносит налог, и вымогательства которых могут обременять народ добавочным налогом; во-вторых, он может затруднять приложение труда населения и препятствовать ему заниматься теми промыслами, которые могут давать средства к существованию и работу большому множеству людей... В-третьих, конфискациями и другими наказаниями, которым подвергаются несчастные люди, пытающиеся уклониться от уплаты налога, он может часто разорять их и таким образом уничтожать ту выгоду, которую общество могло бы получить от приложения их капиталов. Неразумный налог создает большое искушение для контрабанды... В-четвертых, подвергая людей частым посещениям и неприятным расспросам сборщиков налогов, он может причинить им много лишних волнений, неприятностей и притеснений». К сказанному можно добавить, что ограничительные правила, нередко устанавливаемые для торговли и промышленности с целью исключить возможность уклоняться от уплаты налогов, не только сами по себе хлопотны и обременительны, но часто создают непреодолимые препятствия на пути дальнейшего усовершенствования используемых процессов.

Три последних положения не требуют никаких иных разъяснений и иллюстраций, кроме тех, какие содержатся в них самих. В какой мере тот или иной налог соответствует или противоречит им, необходимо обсуждать при рассмотрении конкретных налогов. Но первый из четырех пунктов, а именно равномерность налогообложения, требует более подробного разбора, так как его часто недопонимают и так как из-за отсутствия у общества четких принципов для суждения о равномерности налогообложения укоренилось в большей или меньшей степени его ошибочное понимание.

§ 2. Почему же именно равномерность должна стать непреложным правилом в деле налогообложения? По той простой причине, что она должна стать правилом во всех государственных делах. Подобно тому как правительству не следует проводить различий между отдельными лицами или классами в том, что касается их притязаний на выгоды от деятельности правительства, так и любые жертвы, которых оно в свою очередь требует от них, должны по возможности равным бременем ложиться на всех. И следует заметить, что использование этого метода оборачивается для общества в целом наименьшими потерями. Если один несет бремя, которое меньше его справедливой доли, кому-то другому надлежит нести большую долю, и облегчение для одного не принесет ему *caeteris paribus* столько добра, сколько другому причинит зла несправедливое обременение. Следовательно, равномерность налогообложения как принцип политики означает равномерность жертв. Она означает такое распределение налогов, взимаемых для покрытия правительственных расходов, от которого никто из налогоплательщиков не испытывал бы ни больше и ни меньше неудобств от своей доли, чем любой другой от своей. Это совершенное распределение, как и другие принципы совершенства, нельзя претворить в жизнь в полной мере, но в любом практическом исследовании необходимо прежде всего исходить из знания идеала.

Впрочем, есть люди, которых общие принципы справедливости не устраивают в качестве основы для установления фискальных норм (правил), которые хотят иметь нечто, как они считают, более отвечающее их представлениям о предмете. Их больше всего устраивает такой под-

ход, при котором налоги, уплачиваемые каждым членом общества, рассматриваются как возмещение за услуги, полученные от общества. И они предпочитают обосновывать справедливость принуждения каждого платить пропорционально своим средствам тем, что обладающий в два раза большей собственностью, которую необходимо охранять, получает по точному расчету и вдвое большую защиту, а следовательно, исходя из принципов купли-продажи должен платить вдвое больше. Однако нельзя согласиться с мнением, что правительство существует якобы только для охраны собственности. По этой причине некоторые последовательные сторонники принципа *qui pro quo* идут далее и заявляют, что коль скоро охрана необходима не только для собственности, но и для личности и коль скоро каждый получает одинаковую охрану, то фиксированный подушный налог, в равной сумме взимаемый со всех, явится надлежащим эквивалентом возмещения этой части выгоды, получаемой от правительства. В то же время за оставшуюся часть, т. е. за охрану собственности, надлежит платить пропорционально этой собственности. В этом утверждении содержится обманчивая видимость истинности, в силу чего с ним могут согласиться отдельные лица. Но, во-первых, недопустимо сводить цели и задачи государственной власти исключительно к охране личности и собственности. Цели правительства столь же обширны и разнообразны, как и цели общественного союза. Предупреждение всего зла и вся та польза, которая может быть получена благодаря наличию государственной власти, составляло саму суть этих целей. Во-вторых, практика устанавливать определенную ценность за вещами, неопределенными по своему существу, и делать на этом основании практические выводы порождает неправильные взгляды на общественные проблемы. Нельзя согласиться с тем, что для обеспечения права собственности, в десять раз большей, потребуется и охранение в десять раз большее. Нельзя также с полным правом утверждать, что охрана 1000 ф. ст. обойдется государству за год в десять раз дороже, чем охрана 100 ф. ст. Ведь она может стоить всего вдвое дороже, а то и ровно столько же. Те же судьи, солдаты и матросы, которые охраняют первую собственность, охраняют и вторую, и более высокий доход не требует для своей охраны — за редким исключением — большего числа полицейских. Что бы мы ни брали здесь за меру охраны,

Будь то труд и расходы, необходимые для этого, чувства охраняемого лица или какая-либо иная конкретная величина, нам не удастся вывести никаких определенных пропорций. Если бы мы захотели оценить степень выгоды, получаемой разными лицами от охраны, предоставляемой государственной властью, нам пришлось бы выяснять, кто из них пострадал бы более всего, лишившись такой защиты. Если и возможно дать ответ на этот вопрос, то лишь такой: более всего пострадали бы те, кто от природы или в силу своего положения оказался умственно и физически самым слабым. В самом деле, такие люди почти наверняка оказались бы рабами. Следовательно, если бы хоть доля справедливости была в рассматриваемой нами теории справедливости, те, кто менее всего способен самостоятельно существовать и защищать себя, т. е. те, кто особенно остро нуждается в защите со стороны государства, должны были бы платить большую часть ее цены, т. е. получилось бы нечто совершенно противоположное идее справедливости распределения, состоящей не в повторении, а в исправлении неравенств и несправедливостей мира.

Правительство следует считать делом до такой степени нужным для всех, что нет никакого смысла выяснять, для кого оно наиболее важно. Если одно лицо или класс лиц получают от правительства столь незначительную долю выгоды, что об этом особо приходится поднимать вопрос, то это означает, что здесь не порядок не в системе налогообложения, а в чем-то ином и что необходимо принять меры к исправлению ненормального положения, а не ссылаться на него, требуя в этой связи уменьшения налогов. Подобно тому как при добровольной подписке на цели, в которых заинтересованы все, считается, что все честно исполнили свой долг, внося посильную для каждого сумму, т. е. каждый сделал пропорционально равное с другими пожертвование на общее дело, этот принцип должен стать правилом также и для обязательных взносов, и излишне искать для него какие-то более замысловатые или глубокомысленные основания.

§ 3. Итак, исходя из того положения, что следует от всех требовать равноценных пожертвований, прежде всего выясним, реализуется ли это правило на практике тем, что каждого вынуждают вносить в виде налога одинаковый процент с его денежных средств. Многие отрицают дейст-

венность подобной практики, заявляя, что изъятие десятой части из небольшого дохода оказывается для плательщика гораздо обременительнее, нежели изъятие такой же части из гораздо большего дохода. Именно на этом основан весьма популярный проект взимания так называемого прогрессивного налога на доходы с имущества, т. е. подоходного налога, процентная ставка которого увеличивается с ростом дохода.

Тщательно проанализировав вопрос, я могу сказать, что та доля истины, которая содержится в этой точке зрения, обуславливается разницей между налогом, который может быть сбережен на потреблении предметов роскоши, и налогом, который хотя бы даже в небольшой степени взимается из расходов на предметы первой необходимости. Брать ежегодно по 1000 ф. ст. у лица, получающего 10 тыс. ф. ст. дохода, вовсе не значит лишать его источника средств к существованию или определенных удобств жизни. И разве можно сравнить этот эффект с тем, когда берут 5 ф. ст. у человека, имеющего доход всего в 50 ф. ст.? Жертва последнего не только больше, но и вообще несоизмерима с жертвой первого. Кажется, что самый справедливый путь сглаживания подобных несоответствий бремени налогов предложен Бентамом, который считает целесообразным не облагать налогом определенную минимальную величину доходов, достаточную для приобретения предметов первой необходимости. Допустим, что определенному числу лиц, существующих лишь на один доход, достаточно 50 ф. ст. в год на все необходимое для жизни и поддержания здоровья, а также для избавления от постоянных физических страданий, но без каких бы то ни было излишеств. В таком случае эту сумму следует признать в качестве минимума, а доходы, превышающие ее, облагать налогом, но не с общей суммы, а только части, превышающей данный минимум. Если установлен налог в размере 10%, то доход в 60 ф. ст. следует рассматривать как чистый доход в 10 ф. ст. и взимать с него ежегодно 1 фунт налога. При общей сумме дохода в 1000 ф. ст. налог надлежит брать с 950 ф. ст. В подобном случае каждый платил бы твердо установленную часть, но не с полной суммы своих средств, а только с излишков *. Доход, не

* [1865 г.] Этот принцип частично использован Гладстоном при повторном введении подоходного налога. Обложение начинается

превышающий 50 ф. ст., вообще не должен облагаться ни прямым налогом, ни налогами на предметы первой необходимости в силу того, что это, по нашему предположению, тот минимальный доход, который работник должен получать за свой труд, и государство (правительство) не должно содействовать его уменьшению. Но применение подобной практики — помимо всех прочих возможных причин — явилось бы еще одним доводом в пользу сохранения налогов на предметы роскоши, потребляемые бедняками. Освобождение от налога дохода, используемого для приобретения предметов первой необходимости, должно определяться тем, в какой степени он расходуется именно на эти цели. Если же бедняк, у которого едва хватает средств на покупку предметов первой необходимости, урывает часть этих денег для удовлетворения прихотей, он обязан будет наравне с другими давать из этих расходов на предметы роскоши свою долю на покрытие издержек правительства.

Льгота, предоставляемая в пользу мелких доходов, не должна, по моему мнению, распространяться далее той суммы дохода, которая необходима для жизни, поддержания здоровья и избавления от постоянных физических страданий. Если для этого достаточно 50 ф. ст. в год (что, однако, сомнительно)¹, то ежегодный доход в 100 ф. ст., половина из которых будет обложена налогом, в полной мере получит положенную ему по сравнению с доходом в 1000 ф. ст. льготу. Правда, могут возразить, что взять 100 ф. ст. из 1000 ф. ст. за вычетом тех же 5 ф. ст. — налог более тяжелый, чем брать 1000 ф. ст. из 10 тыс. ф. ст. (за вычетом все тех же 5 ф. ст.). Но эта мысль представляется мне весьма спорной, если не ошибочной. А если она даже и справедлива, то не в той мере, чтобы служить основой соответствующих норм налогообложения. Мне кажется, нельзя решить с той степенью достоверности, которой законодатель и финансист должны руководствоваться в своих действиях, что менее обременительно и насколько —

при доходах свыше 100 ф. ст., причем, если доход не превышает 200 ф. ст., налог взимается только с излишка сверх 60 ф. ст.

[Описание последующей истории подоходного налога см. в *Приложении ЕЕ.*]

¹ [Впервые включено в 5-е издание (1862 г.). В первоначальном тексте (1848 г.) было сказано: «Мне кажется, что доход в 100 ф. ст. в год в полной мере получит соответствующую льготу» и т. д.]

взять у лица в качестве налога 1000 ф. ст. из 10 тыс. ф. ст. или 100 ф. ст. из 1000 ф. ст. дохода за год ².

Некоторые, правда, утверждают, что принцип пропорционального налогообложения тяжелее отражается на средних доходах, чем на крупных, так как при одинаковой пропорции в первом случае платеж в большей степени, чем во втором, способствует понижению общественного положения налогоплательщика. Такая постановка вопроса представляется мне более чем сомнительной. Но, даже допуская ее, я выступаю против того, чтобы правительство согласовывало свои действия с подобными соображениями или признавало ту точку зрения, в соответствии с которой общественное положение человека будто бы определяется или может определяться величиной его расходов. Правительство должно подавать пример, оценивая вещи по их истинному значению, и, следовательно, оно должно оценивать богатство по тому, какие удобства и удовольствия дают те вещи, которые можно купить за него. Правительство не должно поддерживать пошлости, ценящей богатство из-за жалкого тщеславия слыть богатым человеком или из-за позорного стыда быть заподозренным в отсутствии богатства, т. е. из-за тех соображений, которые порождают в средних классах $\frac{3}{4}$ их расходов. Правительство, требуя принесения в жертву реальных удобств и удовольствий, должно распределять ее между всеми людьми наиболее равномерно, но оно может и не брать на себя хлопоты оценивать принесенное в жертву достоинство, определяемое величиной расходов.

Как в Англии, так и на континенте раздавались голоса в поддержку прогрессивного налога на собственность (*l'impôt progressif*) по той простой причине, что государство должно использовать инструменты налогообложения для сглаживания неравенств, которые несет с собой богатство. Подобно другим, я хочу, чтобы были приняты меры к уменьшению этих неравенств, но не такие, которые об-

² [Эта последняя мысль появилась в 3-м издании (1852 г.), заменив собой следующее предложение первоначального текста: «Обложение налогом всех доходов в равной пропорции было бы несправедливым по отношению к большинству тех, чей доход нужен им для приобретения предметов первой необходимости. И тем не менее я не вижу более надежной гарантии подлинной справедливости, чем изъятие у всех, независимо от размеров состояния, единой арифметической части их излишков».]

легчали бы участь расточителя за счет бережливого³. Облагать же большие доходы более высоким процентом, нежели мелкие, — значит облагать налогом трудолюбие и бережливость, наказывать человека за то, что он работал усерднее и сберег больше, чем его сосед. Интересы общего блага требуют ограничивать не то состояние, которое заработано трудом, а то, которое достается даром⁴. Справедливое и мудрое законодательство не должно побуждать к тому, чтобы расточались, а не сберегались плоды честного труда⁵. Его беспристрастие по отношению к соперникам должно заключаться в заботе о том, чтобы все они начинали свой путь в равных условиях, а не в том, чтобы возлагать дополнительное бремя на более быстрых, с тем чтобы уменьшить расстояние между ними и более медленными⁶. Многие, правда, терпят неудачу, затратив гораздо больше усилий, чем те, которые добились успеха. И дело не в том, что у них меньше заслуг, а в том, что не столь часты у них были удачи. Но если бы хорошее правительство сделало все то, что в его силах сделать для уменьшения этого неравенства в удаче путем проявления забот о воспитании и принятия соответствующих законов, то неравенства состояний, обуславливаемые разницей в заработках самих людей, не смогли бы уже возбуждать справедливого неудовольствия⁷. Что же касается крупных

³ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). В первоначальном тексте было сказано: «...но не такие, которые сводили бы на нет побудительные мотивы, от которых зависит воспроизводство (не говоря уже о приросте) труда и капитала».]

⁴ [Данное предложение заменило собой в 3-м издании следующую фразу первоначального текста: «Частичное налогообложение — это, по сути дела, деликатная форма грабежа».]

⁵ [Данное предложение заменило собой в 3-м издании следующую фразу первоначального текста: «Справедливое и мудрое законодательство будет всячески воздерживаться от возведения препятствий на пути приобретения еще более крупных состояний честным трудом».]

⁶ [Так начиная с 3-го издания. В первоначальном тексте было сказано: «...а не в том, чтобы независимо от их расторопности или медлительности обеспечить им одновременное достижение цели».]

⁷ [Так начиная с 3-го издания. Вместо второй части предложения в первоначальном тексте было сказано: «Одна из задач хорошего правительства в том и заключается, чтобы с учетом интересов высшего порядка суметь устранить подобное неравенство возможностей. Если любая система полезного воспитания окажется в высшей степени доступной для всех и если развитое сознание бедных классов при надлежащем руководстве и помощи со стороны госу-

состояний, получаемых в дар или по наследству, то право завещания⁸ представляет собой одну из тех привилегий собственности, которые необходимо определенным образом регламентировать, руководствуясь общим благом. Я уже предлагал* возможный способ⁹ ограничить накопление огромных состояний в руках людей, не приобретших их своим трудом. Он состоит в ограничении той суммы, которую лицо могло бы получить по дарственной, по завещанию или по наследству. Помимо этого и с учетом предложения Бентама (также рассмотренного выше), заключающегося в том, чтобы наследование по боковой линии прекращалось *ab intestato* (без завещания) и имущество переходило бы к государству, наследства по завещанию и без завещания, превышающие определенную сумму, по моему мнению, представляют собой наиболее подходящий объект для обложения налогом. Я полагаю, что поступления от них должны быть по возможности высокими, но не в такой мере, чтобы породить желание уклоняться от уплаты налогов, например путем передачи по дарственной *inter vivos* (при жизни) или такого утаивания имущества, которое невозможно было бы достоверно установить. Принцип прогрессивного обложения (как его называют), т. е. взимание большего процента налога с большей суммы, применение которого к общему налогообложению я считаю неприемлемым¹⁰, был бы, как мне кажется, справедливым и полезным¹¹ в применении к сборам с наследства по завещанию и без завещания¹².

дарства сумеет, к чему оно вполне способно, преодолеть основную часть ограничений, присущих бедности, то неравенства состояний, обусловливаемые...» и т. д.]

⁸ [В этом месте в 3-м издании (1852 г.) опущены следующие слова первоначального текста: «...является такой же неотъемлемой частью права собственности, как и право пользования этой собственностью, хотя оно и не может считаться исключительно принадлежащим конкретному лицу, поскольку существуют ограничения на передачу этого права другим лицам. Однако оно...» и т. д.]

* См. выше: кн. II, гл. II.

⁹ [Так начиная с 3-го издания. В первоначальном тексте было сказано: «...наиболее подходящей меры».]

¹⁰ [Так начиная с 3-го издания. В первоначальном тексте было сказано: «...был бы попранием изначальных принципов».]

¹¹ [Так начиная с 3-го издания. В первоначальном тексте сказано: «...не вызывая каких-либо сомнений».]

¹² [Принцип прогрессивного обложения стали применять в отношении сборов с наследства по завещанию и без завещания начиная с 1894 г. См.: Bastable. Public Finance, 3rd, Ed., p. 599.

Возражения против прогрессивного налога на собственность направлены прежде всего против предложения об установлении особого налога на так называемую «реализованную собственность», т. е. на собственность, которая не составляет части функционирующего капитала, а вернее, части капитала, функционирующего под непосредственным контролем владельца. К такой собственности следует отнести землю, государственные ценные бумаги, средства, предоставляемые под залог, а также (как мне кажется) акции акционерных компаний. Ни одно подобное нарушающее общепринятые нормы чести предложение, если не считать идеи об отказе от уплаты государственного долга, при жизни нынешнего поколения не получило достаточной поддержки в качестве предмета для обсуждения. Такое предложение вовсе не направлено на уменьшение бремени прогрессивного налога путем обложения тех, кто обладает наилучшими возможностями для выплаты этого налога. Ведь «реализованная собственность» больше, чем какая-либо другая, позволяет обеспечивать средства к существованию для нетрудоспособных и распределена главным образом среди самых мелких владельцев. Я с трудом могу представить себе более бесстыдное требование, чем требование о том, чтобы основная часть собственности в стране, а именно собственность купцов, фабрикантов, фермеров и владельцев магазинов, была освобождена от уплаты налогов на нее, чтобы представители этих классов начинали выплачивать налог только после прекращения своей предпринимательской деятельности и не уплачивали бы вообще никакого налога, если бы они работали всю свою жизнь. Однако сказанное выше еще не дает полного представления о несправедливости этого предложения. Бремя, целиком и полностью возложенное на владельцев меньшей части общественного богатства, не могло бы последовательно переноситься на всех тех, кто постоянно пополняет ряды этого класса, и его должны были бы нести исключительно те, кто относился к данному классу в момент введения налога. Поскольку земля и ценные бумаги будут с этого момента приносить все меньший чистый доход по сравнению с общим уровнем процента с капитала и прибылью от торговли, разница будет устранять-

Book IV, Ch. 9, § 6. О применении этого принципа в сфере подоходного налога см. *Приложение ЕЕ.*]

ся за счет постоянного обесценения этих видов собственности. Будущие покупатели будут приобретать землю и ценные бумаги по пониженной цене со скидкой, эквивалентной той сумме налога, уплаты которого они сумеют, таким образом, избежать. Первоначальные же владельцы выплатят такой налог даже при продаже своей собственности, поскольку земля или ценные бумаги будут оплачены по заниженной стоимости — за вычетом суммы, необходимой для эквивалентного снижения налога. Подобное положение было бы равносильно конфискации для общественных нужд определенной доли собственности, соответствующей ставке подоходного налога, взимаемого с ее владельцев. Если подобное предложение встретит какую-либо поддержку, это будет поразительным примером бездумного отношения к вопросам налогообложения из-за отсутствия в общественном сознании каких-либо стойких принципов и отсутствия у правительства хотя бы элементарного представления об общей справедливости в данном вопросе. Если у подобной идеи окажется значительное число сторонников, этот факт будет свидетельствовать об отсутствии единства взглядов на роль финансов в решении общенациональных проблем, что нанесет почти такой же вред, как и отказ американцев от уплаты долгов.

§ 4. Не правомернее ли будет взимать с торговой прибыли налоги по более низкой ставке, чем с доходов от процентов или ренты? Вопрос этот является частью более широкой проблемы, которая так часто обсуждается в связи с рассмотрением существующего подоходного налога. Следует ли личные доходы, получаемые только при жизни данного человека, облагать налогом по той же ставке, что и постоянные наследуемые доходы? Следует ли, скажем, жалованья, аннуитеты и доходы лиц свободных профессий облагать таким же налогом, что и доходы с наследуемой собственности?

При существующей ныне системе налогообложения отсутствует какая бы то ни было дифференциация доходов: из каждого полученного фунта, как у лица, чей доход прекратится с его смертью, так и у владельца земельного участка, держателя государственных ценных бумаг или креди-

тора по закладной, который может без ущерба и потерь передать свое состояние потомкам, будет изъято 7 пенсов, (сейчас [1871 г.] — 4 пенса). Это — очевидная несправедливость, не нарушающая, однако, с точки зрения арифметики правила об исчислении суммы налога пропорционально имеющимся у данного лица средствам. Когда говорят, что временный доход должен облагаться меньшим налогом, чем постоянный, ответ напрашивается сам собой: с него и так берут меньше. Ведь доход, существующий в течение десяти лет, облагается налогом только десять лет, в то время как постоянный — облагается постоянно¹³. Некоторые финансисты, выдвигающие предложения о проведении реформ, допускают при рассмотрении этой проблемы огромную ошибку. Они утверждают: размеры подоходного налога должны исчисляться не пропорционально годовой сумме доходов, а пропорционально их капитализированной стоимости. Так, например, если стоимость постоянного наследуемого аннуитета в 100 ф. ст. равна 3 тыс. ф. ст., а за пожизненный аннуитет той же суммы при продаже его в середине срока можно выручить только 1,5 тыс. ф. ст., обложение постоянного наследственного дохода должно вдвое превышать обложение аннуитета с установленным сроком выплаты. Если с первого взимают в виде налога 10 ф. ст. в год, то со второго должны брать только 5 ф. ст. Но в этом рассуждении налицо один явный просчет, поскольку стоимость доходов расценивается на основе одного критерия, а стоимость платежей — на основе другого. Здесь учитывается капитализация доходов, но не принимается во внимание капитализация платежей. Предполагается, что аннуитет стоимостью в 3 тыс. ф. ст. должен облагаться вдвое большим налогом по сравнению с аннуитетом стоимостью в 1,5 тыс. ф. ст., и подобное утверждение ни в коей мере не вызывает сомнений. Однако при этом забывают, что с дохода, капитализированная стоимость которого составляет 3 тыс. ф. ст., постоянно и бессрочно выплачивается в виде предполагаемого подоходного налога 10 ф. ст. в год, что соответственно предполагается равным общей сумме налога в 300 ф. ст., тогда как со срочного дохода выплачи-

¹³ [Остальная часть этого абзаца, за исключением последнего предложения, появившегося в 4-м издании (1857 г.), была впервые включена во 2-е издание (1849 г.).]

ваются те же самые 10 ф. ст. только в течение жизни владельца, что, пользуясь тем же подсчетом, составляет стоимость в 150 ф. ст., причем источник дохода может быть действительно приобретен за такую сумму. Таким образом, вдвое меньший доход уже облагается и вдвое меньшим налогом, и если вдобавок ежегодную ставку снизить с 10 ф. ст. до 5 ф. ст., то в уплату налога пойдет не половина, а только четверть суммы, взимаемой с постоянного наследуемого дохода. Для обеспечения справедливости в ситуации, когда с одного вида доходов взимается половина суммы годового налога, взимаемого с другого вида доходов, необходимо, чтобы такая половина выплачивалась на протяжении одинакового времени, т. е. постоянно и бессрочно.

¹⁴ Система налогообложения, которую защищают сторонники таких реформ, оказалась бы весьма подходящей, если бы речь шла о разовом взимании налога в силу необходимости из-за каких-то чрезвычайных обстоятельств, возникших в стране. В соответствии с принципом равного ущерба для всех налогоплательщиков каждый, имеющий какую-либо собственность — в том числе и сами сторонники реформы, — должен был бы внести в виде налога сумму, пропорциональную стоимости своей собственности в данный момент. Я удивляюсь, почему реформаторам не приходит в голову, что, именно поскольку предлагаемый принцип исчисления справедлив только для случаев разовой выплаты, его невозможно сделать справедливой основой постоянного налога. Когда каждый платит только однажды, ни одно лицо не платит чаще другого, и пропорциональное обложение, справедливое в данном конкретном случае, не может быть справедливым в ситуации, когда одному приходится платить только один раз, а другому — несколько раз. Однако случаи подобного рода действительно встречаются в жизни. С постоянных доходов налог уплачивается настолько чаще, чем с временных, насколько продолжительность «бессрочного» получения дохода превосходит определенный или неопределенный отрезок времени, составляющий продолжительность жизни или тех лет, в течение которых имеет место обусловленное получение дохода.

¹⁴ [Этот абзац впервые включен в 5-е издание (1862 г.).]

¹⁵ Всякие попытки доказать необходимость снижения ставки налогов на доходы, получаемые в течение определенного срока, короче говоря, попытки доказать, что пропорциональный налог не является таковым, явно абсурдны. За ними стоят не математические расчеты, а человеческие потребности и эмоции. ¹⁶ Обложение временного дохода по пониженной ставке должно производиться не потому, что его получатель располагает меньшими средствами, а потому, что у этого человека гораздо большие потребности.

Несмотря на номинальное равенство доходов, лицо А, получающее 1 тыс. ф. ст. в год, не может с той же легкостью выплачивать ежегодно 100 ф. ст., с какой это делает лицо В, получающее точно такую же сумму с наследуемой собственности. Как правило, в отношении дохода А предъявляются требования, которые отсутствуют в отношении дохода В. А необходимо сберегать часть средств для детей или кого-либо другого, а если речь идет о жалованье или доходах лиц свободных профессий, приходится обычно дополнительно откладывать часть средств на собственную старость, в то время как В может тратить получаемый доход целиком без всякого ущерба для своего положения в старости и этот доход будет в прежнем количестве поступать другим лицам после смерти В. Если А необходимо с учетом перечисленных нужд откладывать из дохода 300 ф. ст., то изъять у него 100 ф. ст. в виде подоходного налога — значит изъять 100 ф. ст. из 700, поскольку изъятие должно происходить из той части средств, которая может быть использована на нужды его личного потребления. Если бы можно было разделить сумму налога пропорционально суммам затрат и сбережений и вычесть 70 ф. ст. из суммы, идущей на нужды потребления, и 30 ф. ст. — из суммы ежегодных сбережений, тогда его единовременные потери оказались бы пропорционально равными потерям В. При этом, как следствие уплаты налога, его дети и собственная старость были бы обеспечены хуже. Сумма капитала, накопленного на эти цели, сократилась бы на одну десятую, а меньший доход с меньшей суммы капитала, перейдя к детям, был бы вторично обло-

¹⁵ [Добавлено во 2-е издание (1849 г.).]

¹⁶ [Добавлено в 3-е издание (1852 г.) с формулировкой «гораздо большие запросы», замененной в 5-м издании формулировкой «гораздо большие потребности».]

жен подоходным налогом, в то время как наследники лица В оказались бы обложенными налогом всего один раз.

Следовательно, принцип равного налогообложения с точки зрения единственно правильного критерия — равенства ущерба — требует, чтобы лицо, не располагающее иными средствами для обеспечения собственной старости или обеспечения тех, кто от него зависит, кроме сбережений от доходов, должно получить налоговую скидку с той части доходов, которая действительно и добросовестно используется для названных целей.

¹⁷ Если можно было бы положиться на сознательность налогоплательщиков или принять достаточно действенные дополнительные меры для обеспечения достоверности их налоговых деклараций, то наиболее подходящим способом исчисления подоходного налога было бы обложение расходуемой части доходов и освобождение от него средств, составляющих сбережения. Ведь сбереженные и инвести-

¹⁷ [Этот абзац впервые включен в 3-е издание (1852 г.) вместо следующего отрывка, сначала перенесенного в сноску, а с 5-го издания (1862 г.) исключенного вообще:

«Я говорю о действительном использовании, ибо (как уже отмечалось в отношении дохода, не превышающего суммы, необходимой для поддержания существования) на освобождение от налога в силу предполагаемой необходимости никоим образом не должны претендовать лица, практически от нее избавившиеся. В данном случае допустимо одно исключение — налоговым инспекторам следовало бы разрешать плательщику вычитать из суммы доходов все добросовестно произведенные им платежи по страхованию жизни. Однако это исключение не распространяется на случаи, требующие особого рассмотрения, а именно на лиц, чья жизнь не может быть застрахована, а также на сбережения, предназначенные для обеспечения старости. В последнем случае можно, пожалуй, выйти из положения, разрешив вычитать из облагаемой суммы доходов все платежи за приобретение отсроченных аннуитетов, а в первой ситуации — предоставлять скидку с подоходного налога, эквивалентную действительно инвестированным средствам и средствам, переданным государственному должностному лицу для инвестирования в ценные бумаги и подлежащим возврату только на основе завещания или прав наследования. Сумма скидки с налога на которую начисляются проценты непосредственно со дня вклада, засчитывается (с целью предотвращения злоупотреблений) в качестве задолженности, подлежащей первоочередному погашению за счет вклада, до выплаты всех прочих долгов. Однако при наличии достаточных доказательств об уплате всех долгов из других источников удержание из вклада не производится. Я высказываю данные предложения, с тем чтобы их могли рассмотреть те, кто обладает опытом, позволяющим выявить трудности практического характера.】

рованные средства (а сбережения, как правило, инвестируются) будут впоследствии обложены палогом на сумму приносимого дохода в виде процентов или прибыли, несмотря на то что они уже облагались налогом как часть основной суммы. Таким образом, если сбережения не освобождаются от обложения, плательщикам приходится платить дважды подоходный налог с накопленных средств и всего один раз — с суммы непосредственно израсходованных средств. Тот, кто тратит целиком свой доход, выплачивает 7 шилл. с каждого фунта, или примерно 3%, в виде налога, и ни пенса больше. Однако если часть годового дохода будет сэкономлена и потрачена на приобретение ценных бумаг, то, помимо 3%, уже уплаченных с основной суммы, в связи с чем соответственно сокращается доход в виде процентов на капитал, ежегодно придется выплачивать такую же долю и с суммы процента, что равнозначно повторной единовременной уплате налога с основной суммы. Следовательно, в то время как с суммы непроизводительных затрат выплачивается всего 3% налога, с суммы сбережений выплачивается 6%, или, точнее, 3% с общей суммы и еще 3% с оставшихся 97%. Возникающая разница в налогообложении отрицательно воздействует на бережливость и экономию. Она не только неразумна, но и несправедлива. Облагать налогом инвестированную сумму, а затем и выручку от инвестиции — значит дважды взимать налог с одной и той же части средств плательщика. Вложенные средства и проценты по ним не могут представлять собой самостоятельные элементы его собственности. Это одна и та же часть средств, учтенная дважды. Если плательщик имеет доход в виде процентов, значит, он воздерживается от использования основной суммы своих средств. Если он тратит основную сумму, то не получает процентов. И тем не менее, поскольку он может действовать любым из этих двух способов, его облагают налогом, будто он делает одновременно и то и другое и одновременно пользуется выгодами от экономии средств и их затрат.

¹⁸ В качестве возражения против освобождения от налогообложения сбережений настойчиво выдвигается мысль о том, что законодательство не должно путем необоснованного вмешательства нарушать естественную конкурен-

¹⁸ [Этот абзац впервые включен в 5-е издание (1862 г.).]

цию между стимулами, способствующими сбережению, и стимулами, вызывающими стремление к расходованию имеющихся средств. Но мы уже видели, что принимаемые законы нарушают эту естественную конкуренцию, когда они не способствуют накоплению, предусматривая установление налога на сбережения. В любом случае, как только сбережения инвестируются, с них взимается полная сумма налога. Вот почему на этой стадии их необходимо освободить от налога, иначе налог на эти средства будет взиматься дважды, тогда как деньги, затраченные на непроизводительное потребление, подвергаются налогообложению всего один раз. Выдвигается также возражение, что поскольку богатые располагают наибольшими возможностями для сбережений, то любая привилегия для сбережений будет означать преимущество для богатых за счет бедных. Я считаю, что они получают преимущество только в той мере, в какой они ради производительных инвестиций отказываются от личного использования своих богатств, от применения доходов с целью удовлетворения собственных потребностей, благодаря чему эти средства идут не на их личное потребление, а распределяются в виде заработной платы среди бедняков. Если это означает предоставление привилегий богатым, хотелось бы знать, какая другая налоговая система могла бы считаться благоприятной для бедняков.

¹⁹ Ни один вид подоходного налога, распространяющийся на сбережения, не является по-настоящему справедливым. Любая система, при которой налог взимается и со сбережений, не должна даже ставиться на обсуждение, если предусмотренные формы отчетности о доходах и документация дают возможность применять правила об освобождении от налогов для всевозможных махинаций путем экономии за счет получения кредитов или расходования в последующем году средств, которые в качестве сбережений освобождаются в текущем году от налога. Если эту трудность удастся преодолеть, трудности и сложности, обусловленные различиями требований в отношении временных и постоянных доходов, исчезнут сами собой, поскольку будут отсутствовать возможности для обоснова-

¹⁹ [Этот текст до слов об использовании «двух различных ставок взноса» впервые включен в 3-е издание (1852 г.). Далее текст соответствует первоначальному тексту (1848 г.).]

ния снижения налоговых ставок на временные доходы, у получателей которых появится стимул к осуществлению больших сбережений, а их претензии будут удовлетворены в результате освобождения от налогов на эти сбережения. Если же не удастся создать систему, позволяющую обеспечить освобождение от налогов действительно накопленных средств, исключив при этом возможность злоупотреблений, то в интересах справедливости при определении налоговых ставок придется решать вопрос о том, какими должны быть сбережения у налогоплательщиков, принадлежащих к разным классам. Вероятно, установить это можно будет только с помощью приблизительного метода, предусматривающего использование двух различных норм обложения. Большие трудности встретятся при учете разницы в продолжительности сроков поступления доходов, а чаще всего при оценке пожизненных доходов, поскольку различия в возрасте и состоянии здоровья отдельных лиц окажутся столь многообразными, что их будет просто невозможно надлежащим образом учесть. Вероятно, придется удовлетвориться единой нормой на все доходы от наследства и отдельно — на все доходы, поступление которых неизбежно прекращается со смертью индивидуума. При определении пропорции между этими двумя ставками всегда будет присутствовать некий элемент произвольности. Возможно, скидка в $\frac{1}{4}$ в пользу пожизненных доходов не вызовет наряду с другими вероятными предложениями особых возражений, ибо будет считаться, что $\frac{1}{4}$ пожизненного дохода применительно в среднем к различиям в возрасте и состоянии здоровья явится достаточной для накопления сбережений в пользу наследников или для обеспечения собственной старости *.

* [1862 г.] Хаббард, первый законодатель-практик, предпринявший попытку пересмотра подоходного налога на основе принципов абсолютной справедливости и выдвинувший тщательно продуманный план, который так полно воплотил в себе идеи справедливого определения налоговых ставок, что, вероятно, можно будет изыскать пути его практической проверки, предлагает освобождать от налогообложения не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{3}$ доходов от промышленной деятельности и доходов лиц свободных профессий. Он определяет эту норму на том основании, что вопреки всем соображениям о предполагаемом уровне сбережений промышленников и лиц свободных профессий имеющаяся в его распоряжении информация убедительно доказывает, что в среднем представители этих классов экономят $\frac{1}{3}$ своих доходов, что значительно больше уровня сбереже-

Как отмечалось ранее, часть чистой прибыли лиц, занимающихся предпринимательством, можно рассматривать в качестве специфической формы постоянного процента на

ний других классов. «На долю сбережений из доходов, полученных от инвестированной собственности (замечает Хаббард), приходится порядка $\frac{1}{10}$. На долю сбережений от производственной деятельности — примерно $\frac{4}{10}$. Подлежащие обложению суммы каждого из этих двух видов доходов практически равны, а поэтому для упрощения расчетов из каждой суммы вычитают $\frac{1}{10}$ часть, а затем сокращают оценочную сумму доходов от производственной деятельности на $\frac{3}{10}$, т. е. на $\frac{1}{3}$ ». Проект отчета (р. XIV. Report and Evidence of the Committee (1861). Подобная оценка неизбежно в большой мере опирается на предположение, однако, поскольку ее справедливость может быть доказана, она является надежной основой для практических выводов Хаббарда.

[1848 г.] Касаясь данной темы, некоторые авторы, в том числе Милль в своих «Элементах политической экономии» и Маккуллох в своей работе «Налогообложение», утверждают, что от налогообложения следует освобождать такую часть дохода, чтобы можно было застраховать жизнь его владельца на сумму, которая позволила бы обеспечить его наследникам постоянный доход, равный тому, что он резервирует для себя. Именно в этом случае владелец наследуемой собственности может вообще не прибегать к экономии. Другими словами, текущая капитализированная стоимость временных доходов должна достигать текущей стоимости постоянных наследуемых доходов и облагаться налогом из этого расчета. Если бы владельцы пожизненных доходов действительно сэкономили столь большую часть своих доходов, я с радостью предоставил бы им освобождение от налога на всю сумму, поскольку если бы удалось выработать соответствующие практические пути и способы, я освободил бы от налога все сбережения. Но я не могу признать за такими владельцами права требовать освобождения от налогов на том основании, что им приходится экономить эту сумму. Владельцев пожизненных доходов вовсе не принуждают отказываться от их расходований ради того, чтобы оставить всем поколениям своих наследников независимый источник доходов, равный их собственному временному доходу. Никто даже и не помышляет об этом. И уж конечно, никто не требует и не ожидает от лиц, чьи доходы являются плодами их личных усилий, чтобы они навсегда оставили потомкам, от которых не потребуется никаких усилий, те же доходы, какими пользовались сами. Все, что они обязаны сделать даже для собственных детей, — это создать им условия, при которых они имели бы благоприятные возможности самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Однако исполнить свое законное стремление отказать что-то в пользу детей или других лиц эти люди могут только в том случае, если будут откладывать часть дохода, тогда как владельцам наследуемой собственности не приходится этого делать. Эта явная несправедливость в отношении владельцев одинаковых по размерам доходов должна быть в разумных пределах учтена при определении уровня налогообложения, с тем чтобы потери обоих плательщиков оказались практически равнозначными.

капитал, а остальное — вознаграждением за умение и затраты труда по выполнению функций управления и контроля. Тот доход, который превышает проценты на капитал, зависит от продолжительности жизни предпринимателя и даже от длительности его предпринимательской деятельности, потому вполне справедливым является освобождение этой части дохода от налогообложения в той мере, как это имеет место в отношении срочных доходов.²⁰ Из-за того что получение такого излишка не гарантировано, мне кажется, было бы оправданным требование о его освобождении от налога. Доход, который в силу обычных превратностей судьбы может быть целиком потерян, а то и превратиться в убыток, воспринимается владельцем совсем не так, как постоянный годовой доход в 1 тыс. ф. ст., хотя в среднем за ряд лет он тоже может быть равным 1 тыс. ф. ст. в год. Если облагать налогом $\frac{3}{4}$ суммы пожизненных доходов, то налог на прибыли от производственной деятельности за вычетом процентов на капитал должен не только относиться лишь к $\frac{3}{4}$ суммы этих прибылей, но и его ставка должна быть понижена. Видимо, было бы справедливым освобождение от налогов $\frac{1}{4}$ части полной суммы доходов, включая проценты.

Таковы основные, наиболее часто встречающиеся случаи, вызывающие затруднения в трактовке принципа равного налогообложения. Разумный подход, как мы видели в предшествующем примере, состоит в том, что люди должны облагаться налогом не пропорционально имеющейся у них собственности, а пропорционально количеству средств, которые они могут позволить себе истратить. Тот факт, что мы не можем последовательно руководствоваться этим принципом во всех случаях, не является основанием для его опровержения. Человек, получающий доход только от своей деятельности и имеющий слабое здоровье либо имеющий большое количество иждивенцев,

²⁰ [Заключительная часть этого абзаца впервые появилась в 3-м издании (1852 г.). В первоначальном тексте было сказано: «Одну половину чистой прибыли предпринимателей можно, вероятно, считать процентами на капитал... а другую — рассматривать в качестве вознаграждения» и т. д. Абзац заканчивался следующим образом: «Поэтому при налогообложении прибылей можно было бы пользоваться промежуточной ставкой, когда с одной половины чистого дохода налог взимается по высокой шкале, а с другой — по низкой».]

если хочет обеспечить их после своей смерти, должен экономить гораздо строже, чем человек, получающий такой же доход, но обладающий крепким здоровьем и не имеющий больших обязанностей по материальному обеспечению других людей. Если же согласиться, что налоговая система не может учитывать подобных различий, то возникают возражения против выделения каких-либо специфических особенностей в доходах, равных по своей абсолютной величине. Но трудности достижения идеальной справедливости вовсе не говорят о том, что мы не должны, насколько это возможно, стремиться к ней. Хотя человеку, которому предстоит получать фиксированный доход всего лишь в течение пяти лет, покажется несправедливым освобождение от налога в таких же границах, как и человека, который должен получать свой доход в течение 20 лет, все-таки это лучше, чем если бы ни один из них не получил бы никакого освобождения²¹.

§ 5. Прежде чем закончить рассмотрение вопроса о справедливом налогообложении, я должен заметить, что в ряде случаев могут иметь место исключения, продиктованные наиболее широкой трактовкой исходного принципа равной для всех справедливости. Предположим, что мы имеем дело с доходом, постоянно возрастающим без каких бы то ни было усилий или жертв со стороны владельцев, т. е. такие владельцы составляют общественный класс, обогащающийся в силу естественного хода событий при полной пассивности со стороны его членов. В этом случае не будет никакого подрыва принципов, на которых основывается частная собственность, если государство начнет

²¹ [За время, прошедшее с момента последней переработки этой главы и до момента выхода в свет настоящего издания (1909 г.), в применении подоходного налога произошли важные изменения:

(1) Распространение системы скидок, по существу, превратило этот налог в прогрессивный для доходов, не превышающих 700 ф. ст.

(2) Было разрешено исключить из облагаемой суммы действительно уплаченные взносы по страхованию жизни в размерах не свыше шестой части от суммы дохода.

(3) Было введено разграничение между «доходами от производственной деятельности» и «непроизводительными доходами», и первые из них стали облагаться налогом по пониженной ставке.— См. Приложение ЕЕ.]

присваивать себе целиком или частично такое дополнительное богатство. Это не будет изъятие в прямом смысле. Просто созданный волей обстоятельств прирост богатства используют в интересах общества и не позволяют ему превратиться в незаработанный придаток к богатствам определенного класса.

Точно такое же положение имеет место и в отношении ренты. Обычно прогресс общества, богатство которого возрастает, способствовал во все времена росту доходов землевладельцев, предоставляя в их распоряжение все большую долю общественного богатства без всяких усилий или затрат с их стороны. Они богатели как бы во сне, не работая, не рискуя, не экономя. Какое право имеют они на подобное увеличение богатств, если исходить из всеобщего принципа социальной справедливости? В чем были бы они ущемлены, если бы общество с самого начала оставило за собой право облагать стихийный рост ренты налогом по самой высокой ставке, диктуемой финансовыми потребностями? Я признаю, что было бы несправедливо являться в каждое отдельное поместье и отбирать появившийся там избыток ренты, ибо было бы невозможно выявить разницу между случаями, когда он возникал исключительно в силу сложившегося в обществе положения, и теми случаями, когда причинами его появления было умение его владельца и произведенные им затраты. Единственно приемлемый подход состоит в выработке единого всеобщего критерия. Первым шагом должна стать оценка всех земель в стране. При существующей стоимости земли она должна быть освобождена от палого, но по прошествии определенного времени, в течение которого возрастает численность населения и увеличится общественный капитал, можно будет приблизительно определить степень естественного возрастания ренты по сравнению с первоначальной оценкой. При этом в некоторой мере в качестве критерия можно пользоваться средней ценой сельскохозяйственной продукции. Если эта цена выросла, наверняка возросла и рента, причем (как было показано выше) темпы роста ренты выше темпов роста цены. На основе этих и прочих данных можно приблизительно установить, насколько возросла стоимость земли под влиянием естественных факторов. Тогда при введении всеобщего земельного налога, ставку которого для предупреждения ошибок следует устанавливать значительно ниже полученной оценки, будет иметься уве-

решность, что налогообложение не затронуло прироста доходов, явившегося результатом затрат капитала или трудолюбия и усердия владельца земли.

Но даже если справедливость взимания налога с дополнительной ренты не вызывает сомнений и общество открыто заявило о сохранении за собой такого права, то не само ли общество отказалось от этого права, не применяя его на практике? Разве те, кто покупал на протяжении последних ста с лишним лет землю, например в Англии, оплачивали ее не только с учетом стоимости текущего дохода, но и с учетом возможностей его роста, исходя из достоверного предположения, что налог с такого дохода будет взиматься в той же пропорции, что и с других видов доходов? Подобное соображение, если оно и справедливо, для отдельных стран имеет различную степень обоснованности в зависимости от того, в какой мере общество позволило предать забвению это, несомненно, принадлежавшее ему в прошлом право. В большинстве стран Европы всегда помнили о праве на изъятие какой-либо части земельной ренты при помощи налогов в случае возникновения острой необходимости. В некоторых частях континента земельный налог составляет значительную часть государственных доходов и, по общему мнению, тенденция к его увеличению или уменьшению всегда возникала вне всякой зависимости от других налогов. В этих странах никто не может утверждать, будто стал землевладельцем, обладая полной увсеренностью, что ему никогда не придется платить повышенного земельного налога. В Англии земельный налог остается неизменным с самого начала прошлого века. Последний законодательный акт в отношении этого налога предусматривал его сокращение. И хотя впоследствии в стране происходил огромный рост ренты не только в результате роста сельскохозяйственного производства, но и в связи с развитием городов и увеличением строительства, засилье землевладельцев в законодательных органах не позволило обложить совершенно оправданным налогом весьма существенную часть дополнительно полученной ренты, которая не была заработана землевладельцами и носила для них случайный характер. Мне кажется, что надежды получателей этого дохода были в достаточной мере учтены, поскольку вся сумма прироста, накопившаяся за столь долгое время благодаря всего лишь естественному праву, без всяких усилий и жертв, охраняется

как святыня от введения специфического налога. Я не вижу причин для возражений против введения особого налога на дополнительную ренту в будущем, хоть с сегодняшнего дня или любой другой даты, когда законодатели сочтут нужным начать проведение этого принципа в жизнь. При этом не будет проявлено никакой несправедливости по отношению к землевладельцам, если земля будет оцениваться по существующей рыночной цене, в которую входит и приведенная стоимость всех ожидаемых в будущем доходов от нее. Применительно к подобному налогу наиболее надежным критерием был бы не рост ренты или цены на хлеб, а общий рост цены на землю. Было бы несложно поддерживать ставку налога на таком уровне, чтобы рыночная стоимость земли опустилась ниже первоначальной оценки, и если не превышать этого уровня, то независимо от размеров налога по отношению к владельцам не будет допущено никакой несправедливости²².

§ 6. Что бы, однако, ни думали о том, законно ли превращать государство в будущем в одну из сторон, участвующих в распределении любого увеличения ренты, происходящего в результате воздействия естественных факторов, существующий ныне земельный налог (который у нас в стране, к сожалению, очень мал) должен рассматриваться не в качестве налога, а в качестве арендной платы, взимаемой в пользу общественности, поскольку речь идет о доле ренты, с самого начала зарезервированной государством, о доле, которая никогда не принадлежала землевладельцам и никогда не составляла части их прибыли. Поэтому подобное изъятие не может рассматриваться в качестве составной части общей системы налогов и служить основанием для сокращения ставки любого другого справедливо взимаемого с землевладельца налога. Иначе и десятину можно было бы рассматривать как налог на землевладельцев, иначе и в Бенгалии, где государство, имея право распоряжаться всей суммой земельной ренты, отдало ее $\frac{1}{10}$ часть налогоплательщикам, оставив себе остальные $\frac{9}{10}$, можно было бы считать эти $\frac{9}{10}$ несправедливым и неоправданным налогом. Владение частью ренты еще не означает законного права человека на ее остальную часть, которой его якобы злонамеренно лишают. Первона-

²² [См. Приложение FF. «Налог на землю».]

чально замлевладельцы облагали свои поместья феодальными податями, по сравнению с которыми сегодняшний земельный налог ничтожно мал и от которых можно было откупиться, заплатив гораздо большую цену. Все, покупавшие землю после появления земельного налога, приобретали ее уже обремененной этим налогом. Поэтому не может быть и речи о том, чтобы считать его платой, взимаемой с современного племени землевладельцев.

Замечания эти относятся к земельному налогу только в той мере, в какой он сохраняет свой специфический характер, а не представляет собой просто способ изъятия у землевладельцев равнозначной части того, что государство получает и от других классов. Во Франции, например, существуют [1848 г.] специфические налоги на другие виды движимого имущества (*mobilier and patente*), и если предположить, что земельный налог есть не что иное, как их эквивалент, то полностью исчезает основание для утверждения о том, что государство сохранило за собой право на арендную плату за землю. Поскольку с дохода, извлекаемого из пользования землей, издавна производятся удержания на общественные нужды, причем удерживается большая часть по сравнению со ставками налогов на другие виды доходов, дополнительные удержания являются, в сущности, не налогом, а реализацией права частичной собственности на землю, сохраняемого государством за собой. В Англии нет каких-либо специфических налогов на другие классы, нет налогов, которые соответствовали бы земельному налогу или преследовали цель обеспечить равное положение этих классов по отношению к такому налогу. Таким образом, в целом он, по существу, является не налогом, а арендной платой, как если бы государство удержало для себя не часть ренты, а часть земли. Землевладельца это обременяет не больше, чем собственность одного совладельца обременяет другого. В связи с этими удержаниями землевладельцы не имеют права на какую-либо компенсацию и не могут требовать, чтобы изъятые суммы засчитывались как часть налогов. Продолжение подобной практики на существующей ныне основе никоим образом не нарушает принципа равного налогообложения*. Ниже, разбирая проблему косвенного налоγο-

* [1849 г.] Эти же замечания применимы, очевидно, и по отношению к тем местным налогам, о специфическом воздействии кото-

обложения, мы рассмотрим, в какой мере и с какими изменениями принцип равенства применим в этой области.

§ 7. Помимо изложенных выше принципов, иногда пользуются еще одним общим принципом налогообложения, который состоит в том, что налог должен взиматься с доходов, а не с капитала. Чрезвычайно важно, чтобы налогообложение не наносило ущерба национальному капиталу. Однако, когда такой ущерб все же имеет место, он является не столько результатом какой-либо конкретной налоговой системы, сколько результатом чрезмерных масштабов налогообложения. Излишнее налогообложение способно разорить самую трудолюбивую общину, особенно когда налоги в какой-то мере произвольны, т. е. либо когда плательщик не уверен, сколь большую или сколь малую сумму ему позволят сохранить, либо когда налог установлен таким образом, что это наносит ущерб трудолюбию и экономии. Но если избежать этих ошибок и установить налоги на уровне, не превышающем наиболее высоких ставок, существующих в настоящее время в странах Европы, будет исключена опасность того, что налогообложение лишит страну части ее капитала.

Ни одна фискальная система не в состоянии обеспечить положение, при котором налоги выплачивались бы только за счет доходов, совершенно не затрагивая капитала. Нет ни одного налога, которого не приходилось бы частично выплачивать из тех средств, которые можно было бы сберечь. Любые средства, полученные в результате освобождения от налога, не могут быть израсходованы целиком, без сохранения какой-то их части в виде дополнительного капитала. Следовательно, все налоги в определенном смысле частично выплачиваются из капитала, а в бедной стране вообще невозможно ввести ни одного налога, который не сдерживал бы роста национального богатства. Однако в стране, располагающей значительным количеством капи-

рых на земельную собственность так много говорят последние из оставшихся протекционистов. Поскольку многие из таких налогов существуют уже давно, их следует рассматривать как традиционное удержание или резервирование части ренты на общественные нужды. Любые недавно внесенные дополнения служат либо интересам владельцев земельной собственности, либо вызваны к жизни по вине самих землевладельцев. И в том, и в другом случае у них нет никаких справедливых причин для недовольства.

тала, где сильно стремление к осуществлению сбережений, подобные последствия налогообложения почти не ощущаются. Когда увеличение капитала достигает стадии, на которой без дальнейших усовершенствований в сфере производства его возрастание должно прекратиться, и рост капитала настолько превышает те границы, которые обусловлены такими усовершенствованиями, что получить прибыль выше минимального уровня можно только за счет вывоза капитала или в связи с очередным изъятием капитала в результате торгово-промышленного кризиса, то в подобной ситуации налоги имеют такие же последствия, как и экспорт капитала либо его уничтожение под воздействием кризиса, — они создают возможности для последующего накопления.

В силу указанных обстоятельств я ни в какой мере не могу согласиться с возражениями против налогов на наследуемую собственность в богатых странах, выдвигаемыми на том основании, будто они представляют собой налоги на капитал. Совершенно очевидно, что так оно и есть. Как отметил Рикардо, если у человека изъять 100 ф. ст. в виде налога на дом или вино, он наверняка сэкономит эту сумму или часть ее, переселившись в дом подешевле, начав потреблять меньше вина или сократив другие виды расходов. Но если изъять у него такую сумму в связи с тем, что он получил наследство в 1 тыс. ф. ст., этот человек будет считать, что получил всего 900 ф. ст., и у него не возникнет особого стремления — возможно, такое стремление даже уменьшится — к большей, чем обычно, экономии. Таким образом, налог выплачивается полностью за счет капитала, и в ряде стран подобная ситуация вызвала бы серьезные возражения. Но прежде всего они оказались бы несостоятельными в отношении страны, где государство является должником и направляет часть своих доходов на уплату задолженности, поскольку налоговые поступления, использованные подобным образом, все равно остаются капиталом, просто переходя из рук налогоплательщика в руки владельца капитала. Кроме того, подобные возражения никогда не могут быть применены к стране, где происходит быстрый рост национального богатства. В такой стране средства, изымаемые каждый год даже при очень высоком налоге на наследуемую собственность, составляют незначительную часть общего прироста капитала и их изъятие лишь освобождает место для экономии равно-

ценной суммы. Если же эти средства не будут изъяты, то возникнут препятствия для осуществления сбережения такой суммы или накопленные деньги придется вывезти для инвестирования за рубежом. О стране, которая, подобно Англии, накапливает капитал не только для себя, но этим капиталом пользуется добрая половина мира, можно сказать, что она покрывает все свои государственные расходы за счет наличного избытка капитала и что в настоящее время ее богатство, вероятно, столь же велико, как если бы в ней совершенно отсутствовали налоги. В Англии посредством налогообложения изымается часть средств, но не тех, что предназначены для нужд производства, а тех, что расходуются на приобретение источников наслаждения жизнью.

Дело в том, что если бы та часть денег, которую их владельцам приходится выплачивать в виде налогов, оставалась у них, то они расходовали бы их на обеспечение своей праздности или удовлетворение до сих пор не удовлетворившихся потребностей или стремлений.

ГЛАВА III

О ПРЯМЫХ НАЛОГАХ

§ 1. Налоги бывают либо прямыми, либо косвенными. Прямой налог — это налог, взимаемый непосредственно с лиц, в отношении которых изъятие средств является обязательным или желательным. Косвенные налоги взимаются с какого-либо лица, исходя из предположения, что оно сумеет возместить себе соответствующие затраты за счет другого лица. К таким налогам относятся, например, акцизные сборы и таможенные пошлины. Изготовитель или импортер товара обязан уплатить за него налог, но таким образом, чтобы выплачиваемая сумма не изымалась из его собственных средств, а распределялась между потребителями товара, которые должны возместить ему целиком эту сумму путем уплаты соответствующей наценки.

Прямыми налогами облагаются либо доходы, либо расходы. Большинство налогов на расходы являются косвенными, но существуют и прямые, налагаемые не на изготовителя или продавца предмета торговли, а непосредственно на потребителя. Например, налог на дом, если он взимается с лица, снимающего этот дом, а обычно дело обстоит именно так, является прямым налогом на расходы. Если же обложению подвергается тот, кто построил этот дом, или его владелец, налог становится косвенным. Налог на окна есть прямой налог на расходы, равно как и налоги на лошадей и экипажи и прочие так называемые прямые налоги на собственность.

Источниками доходов являются рента, прибыли и заработная плата. Сюда относятся любые виды поступлений, за исключением подарков и награбленного добра. Каждый из этих трех видов доходов может облагаться особым налогом, либо может существовать единый налог для всех видов. Рассмотрим особенности налогообложения, определяемые различными источниками доходов.

§ 2. Налог, взимаемый с ренты, целиком и полностью выплачивается землевладельцем, у которого нет никаких возможностей переложить это бремя на кого-нибудь дру-

гого. Такой налог не отражается ни на стоимости, ни на цене сельскохозяйственной продукции, которые определяются издержками ее производства в самых неблагоприятных условиях, а в подобных условиях, как мы неоднократно отмечали, рента не выплачивается. Поэтому налог на ренту, очевидно, имеет лишь однозначный результат. Происходит изъятие определенной суммы у землевладельца, которая передается государству.

Однако, если быть совершенно точным, данное положение справедливо лишь в отношении ренты, возникающей в результате воздействия естественных факторов или осуществления усовершенствований арендаторами земли. Когда землевладелец проводит в жизнь усовершенствования, повышающие производительную силу земли, он получает за это вознаграждение в виде дополнительных выплат со стороны арендатора, и эти выплаты, являющиеся для землевладельца не чем иным, как прибылью на капитал, сливаются воедино с рентой. Поэтому для арендатора подобные выплаты представляют собой неотъемлемую составную часть ренты. Аналогичным образом дело обстоит и в отношении законов экономики, определяющих размер ренты. Если налоги на ренту затронут эту ее часть, землевладельцы лишатся стимула для проведения усовершенствований; но из этого вовсе не следует, что в результате возрастет цена сельскохозяйственной продукции. Те же самые усовершенствования могут быть проведены за счет капитала арендатора или даже с помощью капитала землевладельца, отданного в кредит арендатору, при условии если землевладелец готов предоставить ему столь долгий срок аренды, что до его истечения арендатор сумеет компенсировать все свои затраты. Часто препятствия, затрудняющие проведение в жизнь усовершенствований наиболее предпочтительным для людей способом, исключают осуществление этих усовершенствований вообще. С этой точки зрения налог на ренту был бы нецелесообразным, если не предусмотреть возможности освобождения от этой части номинальной ренты, которая может рассматриваться в качестве прибыли землевладельца. Однако для того, чтобы выступить против подобного налога, такой довод не является необходимым. Любой особый налог на доходы любого класса противоречит принципу справедливости и равносильен частичной конфискации, если ему не противостоят аналогичные налоги на остальные классы.

Я уже рассмотрел обстоятельства, в силу которых являются несостоятельными возражения против налога, не затрагивающего существующей ренты и ограниченного лишь изъятием доли предполагаемого прироста, обусловленного естественными факторами. Но даже и в этом случае не будет достигнута справедливость, если не будет предложена в качестве альтернативы рыночная цена земли. Когда же налог на ренту не является чем-то исключительным, а существуют равнозначные налоги на другие виды доходов, то возражения, основанные на том, что он затрагивает прибыль, связанную с осуществлением усовершенствований, представляются менее убедительными, поскольку, раз и прибыли, и рента облагаются налогом, значит, с прибыли, принимающей форму ренты, должна взиматься соответствующая доля, как и со всех прочих ее видов¹. Но поскольку в силу изложенных выше соображений прибыли должны облагаться меньшим налогом по сравнению с собственно рентой, речь идет не о полном снятии таких возражений, а лишь об их меньшей состоятельности.

§ 3. Подобно налогу на ренту, налог на прибыли должен, по крайней мере на начальном этапе, целиком воздействовать непосредственно на плательщика. Поскольку все прибыли в одинаковой степени подлежат обложению, оказывается невозможным уклониться от его уплаты путем перемены рода занятий. Если бы налогом облагались прибыли, получаемые в каком-либо отдельном виде производительной деятельности, то налог означал бы фактически увеличение издержек производства, а соответственно и увеличение стоимости и цены изделия. А это в свою очередь приводило бы к изъятию средств, выплачиваемых в виде налога, у потребителей товара и освобождению от налога получателей прибыли. В то же время универсальный и одинаковый налог на все виды прибылей не оказал бы никакого отрицательного воздействия на общий уровень цен и на первом этапе изымался бы исключительно у капиталистов.

Однако существуют и более отдаленные последствия, которые необходимо учитывать, если речь идет о богатой и процветающей стране. Когда количество накопленного

¹ [Конец абзаца впервые включен в 4-е издание (1857 г.).]

капитала оказывается столь огромным, а ежегодная норма накопления столь высокой, что только вывоз капитала или постоянные усовершенствования в производстве удерживают страну от перехода в стационарное состояние, ни одно обстоятельство, способствующее реальному снижению нормы прибыли, не может не иметь решающего воздействия на отмеченные явления. Влияние это может сказываться по-разному. Сокращение прибылей и вытекающие отсюда трудности, связанные с накоплением богатства или получением средств к существованию путем использования капитала, могут явиться стимулом к совершению и внедрению изобретений. При значительном ускорении внедрения в производство усовершенствований, которые к тому же прямо или косвенно ведут к удешевлению любых товаров, обычно потребляемых работниками, прибыли могут возрасти, причем возрасти настолько, чтобы компенсировать все выплаты, связанные с налогами. В этом случае налог был бы получен без нанесения ущерба кому бы то ни было. Соответственно, и возможно даже в гораздо большем масштабе, возрос бы и продукт страны. Однако даже и в этом случае налог должен рассматриваться как выплата из прибыли, поскольку, если его отменить, то наибольшую выгоду извлекут именно получатели прибылей.

Но хотя искусственное изъятие части прибылей способствовало бы ускорению внедрения в производство разного рода усовершенствований, в действительности могло бы оказаться, что никаких значительных усовершенствований не произошло или внедрены только такие, которые вовсе не приводят к повышению общего уровня прибылей или не обеспечивают покрытия сумм, изъятых в виде налога. В подобной ситуации норма прибыли приблизится к практическому минимуму, к которому она постоянно стремится, и снижение дохода на капитал либо решительным образом задержит процесс дальнейшего его накопления, либо вызовет вывоз за границу или потерю из-за неприбыльных спекулятивных операций значительно большей, чем раньше, доли ежегодного прироста капитала. При первоначальном введении налога он целиком и полностью изымается из прибыли. Однако это приводит к тому, что уменьшается прирост капитала на сумму такого изъятия и тем самым предупреждается равноценное снижение прибыли в результате падения ее нормы. Поэтому для любого периода в 10 или 20 лет разница между действитель-

ной прибылью и той, которая могла бы быть получена при отсутствии налога, становилась бы все меньше, пока наконец не исчезла бы вообще и уплата налога не осуществлялась бы целиком либо за счет работника, либо землевладельца. Реальные последствия налога на прибыли заключаются в том, что в любой данный период в стране оказывается меньшее количество капитала и снижается общий объем производства, а также происходит более быстрое достижение стационарного состояния при невысоком уровне национального богатства. Возможно, налог на прибыли вызовет даже уменьшение имеющегося в стране количества капитала. Если норма прибыли уже достигла своего практического минимума, т. е. находится на уровне, когда вся доля годового прироста капитала, которая могла бы вызвать тенденцию к снижению прибыли, изымается либо путем вывоза за границу, либо в результате спекулятивных операций, то при введении налога, способствующего дальнейшему снижению прибылей, те же причины, которые свели на нет прирост, вероятно, обусловят и уничтожение части наличного капитала. Следовательно, налог на прибыли при существующем в Англии состоянии капитала и накопления наносит огромный ущерб национальному богатству. Подобное последствие будет сказываться не только в случае введения специального — а значит, несправедливого по существу — налога на прибыли. Уже тот факт, что на прибыли приходится часть тяжелого налогового бремени, приводит — подобно специальному налогу на прибыль — к вытеснению капитала за границу в результате уменьшения гарантированных доходов, поощрению безрассудной спекуляции, ограничению возможностей для дальнейшего накопления и приближения момента достижения стационарного состояния. Именно в этом, как считают, и кроется главная причина упадка Голландии, а вернее, отсутствия дальнейшего прогресса в развитии страны.

Даже в странах, где накопление осуществляется не столь стремительно и отсутствует непосредственная угроза достижения стационарного состояния, видимо, невозможно устраним замедление темпов накопления капитала, если накопление вообще имеет место, которое в той или иной мере вызывается изъятием части прибыли. И если последствия этого обстоятельства не уравниваются полностью в результате стимулирования усовершенст-

вований, часть налогов неизбежно будет уплачиваться капиталистом за счет работника или землевладельца. При снижении нормы накопления один из них всегда терпит убыток. Если не происходит снижение темпов роста численности народонаселения, страдает работник. В противном случае замедляется прогресс земледелия и землевладельцы теряют часть прироста ренты, который они могли бы получить. Видимо, налог на прибыли может превратиться в постоянное бремя, возложенное исключительно на капиталистов, только в тех странах, где капитал находится в стационарном состоянии из-за отсутствия новых накоплений. В таких странах налог на прибыли, вероятно, не стал бы препятствием для сохранения ранее созданного капитала либо в силу привычки, либо из-за опасения дойти до состояния обнищания, и поэтому капиталист продолжал бы целиком нести на себе бремя этого налога. Из приведенных соображений становится ясно, что последствия налога на прибыли гораздо сложнее, разнообразнее и в некоторых отношениях более неопределенны, чем обычно считают авторы, рассматривающие эту проблему.

§ 4. Рассмотрим теперь воздействие налогов на заработную плату. Объекты обложения могут иметь самый разнообразный характер в зависимости от того, идет ли речь о плате за самый неквалифицированный труд или о вознаграждении за сложную или узкоспециализованную физическую или умственную работу по найму, на которую в силу естественной или приобретенной монополии не распространяется конкуренция.

Как я уже отмечал, при современном низком уровне народного образования все высшие категории умственного труда и труда, требующего особой общеобразовательной и профессиональной подготовки, оплачиваются по монопольной цене, которая превышает уровень заработной платы рядовых рабочих в гораздо большей степени, чем это определяется расходами, усилиями и затратами времени, необходимыми для приобретения специальности. Любой налог на такие заработки, который оставляет в распоряжении работника сумму, превышающую размеры справедливо пропорционального вознаграждения (но не ниже этих размеров), выплачивается исключительно за счет этого работника, поскольку он не может осуществить его вы-

плату за счет какого-либо иного класса. Подобное положение справедливо и в отношении обычной заработной платы, например, в Соединенных Штатах или какой-нибудь новой колонии, где уровень заработной платы поддерживается ростом капитала, увеличивающегося в соответствии с ростом населения, а отнюдь не стремлением работников к определенному уровню жизни. В этом случае некоторое ухудшение их положения — из-за введения налога или по другим причинам, — возможно, не скажется на росте населения. Налог падет непосредственно на самих работников и раньше времени вызовет ухудшение их положения, которое с учетом сложившихся у них привычек в конечном счете все равно должно было произойти из-за неизбежного сокращения темпов роста капитала в связи с занятием всех плодородных земель.

Кое-кто может возразить мне, что даже в этом случае налог на заработную плату не сможет нанести ущерба работникам, поскольку денежные поступления от него, будучи истраченными внутри страны, снова возвратятся к работникам, повысив спрос на труд. Ошибочность подобной идеи уже была столь полно показана в кн. I*, что мне остается только сослаться на приводимые там аргументы. Там отмечалось, что непроизводительно растрачиваемые средства не способствуют повышению или поддержанию уровня заработной платы, если только затраты эти не направлены непосредственно на покупку труда. Если правительство забирает в виде налога по одному шиллингу в неделю у каждого работника и тратит эти средства с целью найма персонала для военной службы, общественных работ и прочих аналогичных занятий, оно, несомненно, обеспечивает работникам как классу полное возмещение всего, что было изъято у них в качестве налога. Это именно та ситуация, когда «деньги расходуются на людей». Но если все эти поступления тратятся на приобретение товаров или на прибавку к жалованью чиновников, которые также потратят их на приобретение товаров, роста спроса на труд не будет, равно как не будет наблюдаться и тенденции к повышению заработной платы. Как бы там ни было, не возвращаясь к повторению общих принципов, мы можем положиться на очевидное *reductio ad absurdum* (доведение до нелепости). Если изъятие де-

* См. ранее, т. 1, с. 179—191.

нег у работников и расходование поступлений для покупки товаров означает возвращение этих средств тем же работникам, тогда изъятие денег у других классов и расходование их аналогичным образом должно означать передачу изъятых средств работникам, и, следовательно, чем больше правительство забирает в виде налогов, тем выше спрос на труд и тем обеспеченнее становится положение работников. Абсурдность подобного рассуждения не вызывает ни малейшего сомнения.

В условиях, при которых существует большинство общественных групп, заработная плата регулируется сложившимся у работников уровнем жизни и в меньшей степени ограничением увеличения их численности. При подобном положении налог на заработную плату некоторое время будет полностью выплачиваться за счет работников. Однако, если только это временное уменьшение доходов не приведет к снижению требований в отношении уровня жизни, рост населения приостановится, что вызовет повышение заработной платы и восстановление прежнего уровня жизни работников. Кто же в этом случае потерпит ущерб? По мнению Адама Смита, бремя налога будет нести общество в целом как совокупность потребителей, поскольку, по его мнению, повышение заработной платы вызовет общее повышение цен. Однако мы уже убедились, что общий уровень цен зависит от иных причин, и цены никогда не повышаются вследствие обстоятельств, одинаковым образом и в равной степени воздействующих на все виды производительной деятельности. Вызванный налогом рост заработной платы, подобно любому другому увеличению издержек на оплату труда, должен покрываться за счет прибылей. В давно существующей стране попытки установить налог на заработную плату неквалифицированных работников-поденщиков означают лишь введение дополнительного налога на всех нанимателей, использующих простой труд. Этот налог может вызвать к жизни и более серьезные последствия в результате постоянного снижения требований беднейшего класса в отношении приемлемого для него жизненного уровня.

Изложенные соображения служат дополнительными аргументами в пользу ранее высказанного мнения о том, что прямое налогообложение не должно затрагивать доходов, которые позволяют обеспечивать удовлетворение лишь самых минимальных человеческих потребностей.

Источником таких чрезвычайно низких доходов в основном является физический труд, и, как мы видим, любой налог на эти доходы либо необратимо снижает уровень жизни трудящегося класса, либо, будучи выплаченным за счет прибыли, превращается в косвенный налог на капиталистов в дополнение к выплачиваемой ими доле прямых налогов. Такое положение нежелательно в силу двух обстоятельств: во-первых, в этом случае будет иметь место нарушение фундаментального принципа равенства и, во-вторых, как было показано, особый налог на прибыль наносит ущерб общественному богатству, а следовательно, неблагоприятно отражается на состоянии средств, из которых общество выплачивает какие бы то ни было налоги.

§ 5. Перейдем теперь от рассмотрения налогов на отдельные виды доходов к анализу налога, посредством введения которого предпринимается попытка установить справедливое обложение всех доходов одновременно, другими словами, перейдем к подоходному налогу. Условия, соблюдение которых необходимо для того, чтобы налог этот не противоречил принципам справедливости, уже рассмотрены в предыдущей главе. Поэтому мы будем исходить из предположения, что все эти условия соблюдаются. Во-первых, доходы, не превышающие определенного уровня, вообще не облагаются налогом. Этот уровень не должен быть выше суммы, достаточной для удовлетворения существующих в данное время потребностей населения в предметах первой необходимости. Сейчас [1857 г.] от подоходного налога освобождаются все доходы менее 100 ф. ст. в год, а пониженную ставку налога, ранее взимавшегося с доходов от 100 ф. ст. до 150 ф. ст., можно оправдать только на том основании, что наиболее тяжелое бремя косвенных налогов ложится на доходы в пределах от 50 ф. ст. до 150 ф. ст., а не на какие-либо другие². Во-вторых, доходы, превышающие определенный уровень, облагаются налогом исключительно пропорцио-

² [Так начиная с 4-го издания (1857 г.). В первоначальном тексте говорилось: «...на том основании, что до сих пор сохраняется ряд налогов на предметы первой необходимости и что наиболее тяжелое бремя почти всех существующих налогов на излишества ложится на ...» и т. д.]

нально величине излишка. ³ В-третьих, все сбережения за счет доходов, которые были инвестированы, освобождаются от налогов, а если это окажется практически неосуществимым, пожизненные доходы, а также доходы от предпринимательской деятельности и доходы лиц свободных профессий должны облагаться по низшей по сравнению с наследуемыми доходами ставке. Разница в ставках должна, насколько это возможно, отражать потребность в осуществлении более строгой экономии, обусловленной более короткими сроками получения доходов первого вида. В отношении доходов, характеризующихся нестабильным уровнем, следует принимать во внимание связанный с ними риск.

По сравнению с другими видами налогов подходящий налог, если бы он был добросовестно рассчитан на основе изложенных принципов, вызывал бы наименьшие нарекания с точки зрения справедливости. Возражение против введения такого налога заключается в том, что при существующем низком уровне общественной нравственности⁴ оказывается невозможным выявление точных размеров доходов, подлежащих обложению. По моему мнению, не следует придавать слишком большого значения тем предполагаемым трудностям, с которыми будет связано обеспечение обязательного представления сведений о получаемых доходах. Одно из социальных зол Англии состоит в вошедшем в привычку стремлении создать или поддержать впечатление у окружающих о получении больших доходов. Однако для тех, кто проявляет подобную слабость, было бы гораздо лучше, если бы размеры имеющих у них средств были точно известны всем и если было бы устранено искушение тратить денег больше, чем позволяют реальные возможности, и отказывать себе в удовлетворении истинных потребностей ради того, чтобы путем обмана убедить других людей в своем благосостоянии. В то же время даже в данном случае нельзя, как иногда полагают, сделать однозначных выводов. До тех пор пока

³ [Формулировка третьего условия была изменена в 3-м издании (1852 г.) с целью дополнительной аргументации положений, включенных в этом издании в предыдущую главу.]

⁴ [Так начиная с 3-го издания. В первоначальном тексте было сказано: «Единственное возражение против него, которое я с большим сожалением не могу не рассматривать как непреодолимое» и т. д.]

среди массы населения в какой-либо стране царят низменные устремления — а именно об этом свидетельствует отмеченная национальная привычка, — до тех пор пока уважение (если допустимо применить здесь это слово) к человеку зависит от предполагаемого количества имеющихся у него денежных средств, есть основания подозревать, что меры, призванные внести ясность в данном вопросе, приведут к огромному усилению высокомерия и самонадеянности пошлых богачей и их оскорбительного пренебрежения к тем, кто, будучи выше их в интеллектуальном и духовном отношении, уступает по количеству имеющегося богатства.

К тому же, невзирая на так называемую инквизиторскую сущность налога, никакая инквизиторская власть, которую согласится терпеть даже самый предрасположенный к ней народ, не обеспечит налоговым чиновникам возможности определять размер налога на основе знания истинного положения дел плательщиков. Размеры рент, жалований, аннуитетов и прочих фиксированных доходов можно определить совершенно достоверно. А вот непостоянные доходы лиц свободных профессий и тем более доходы от предпринимательской деятельности, которые и их получатель не всегда может точно определить, будут вызывать большие трудности при попытках осуществления сколь-нибудь достоверной оценки со стороны сборщиков налогов. В этом случае за основу всегда принимали и принимают отчеты о доходах, представляемые самим плательщиком. Проверка бухгалтерских документов оказывается малорезультативной, разве что в случаях вопиющего обмана. Но и такая проверка является процедурой, далекой от совершенства, поскольку в случаях умышленного обмана обычно составляют фальшивые документы, достоверность которых практически невозможно проверить имеющимися в распоряжении налоговых инспекторов средствами. Простая уловка, заключающаяся в том, что полученные средства не приходуются, часто позволяет обходиться без таких ухищрений, как оформление фиктивных долгов и выплат. Поэтому, независимо от того, какими бы справедливыми ни были принципы, положенные в основу введенного налога, на практике этот налог оказывается несправедливым в самом худшем смысле, когда оказывается наиболее тяжелым бременем для самых сознательных плательщиков. Недобросовестным же людям

удается избежать уплаты большей части причитающихся с них сумм; ведь даже честных людей в ходе осуществления обычных сделок подстерегает искушение поступиться совестью, по крайней мере используя в своих интересах те положения, в отношении которых могут возникнуть малейшие сомнения или разногласия. А самым правдивым, возможно, придется заплатить даже больше, чем это предусмотрено государством, так как в качестве крайней меры защиты от умышленного сокрытия налогоплательщиками своих доходов государство неизбежно наделяет налоговых инспекторов правом произвольного определения размеров налога.

Таким образом, существуют опасения, что беспристрастность, которая характерна для принципа подоходного налога, не может быть⁵ реализована на практике и что этот налог, будучи, вероятно, самым справедливым способом обеспечения государственных доходов, окажется на поверку более несправедливым, чем многие другие, вызывающие *prima facie* гораздо больше возражений. Это соображение наводит на мысль о правильности преобладавшего до недавнего времени мнения о том, что прямые налоги на доходы следует зарезервировать в качестве чрезвычайного источника поступлений на случай крайней государственной необходимости, когда потребность в больших дополнительных поступлениях берет верх над любыми возражениями.

Трудности, связанные с введением справедливого подоходного налога, вызвали к жизни идею о взимании твердой процентной ставки от затрат, а не от доходов. Общая сумма затрат каждого плательщика должна определяться на основе его декларации, как это делается сегодня в отношении доходов. Автор предложения Ривэнс, написавший на эту тему талантливую брошюру*, утверждает, что сообщаемые данные о личных расходах более достоверны, чем данные о доходах, поскольку затраты по сути своей имеют более явный характер в сравнении с доходами и попытки введения в заблуждение легко разоблачаются. По моему мнению, он не мог достаточно точно

⁵ [Слова «не может» появились в 3-м издании (1852 г.) вместо слов «никогда не может», стоявших в первоначальном тексте.]

* John Revans. A Percentage Tax on Domestic Expenditure to supply the whole of the Public Revenue. Hatchard, 1847.

выяснить, каким именно образом удастся со стороны, по внешним признакам с удовлетворительной достоверностью оценить размеры отдельных видов годовых расходов большей части семей. Единственной гарантией достоверности будет все та же правдивость самих плательщиков, и нет никаких оснований полагать, что их декларации о расходах окажутся более достоверными, чем декларации о доходах. Поскольку затраты большинства людей слагаются из гораздо большего числа статей, чем доходы, появится даже больше возможностей для сокрытия и замалчивания подробностей расходов, чем это имеет место в отношении доходов.

Действующие ныне налоги на расходы как в Англии, так и в других странах касаются только определенных видов затрат и отличаются от налогов на товары только тем, что выплачиваются непосредственно лицами, потребляющими или использующими товар, а не авансируются производителем или продавцом с последующей компенсацией за счет цены. К этому виду относятся налоги на лошадей и экипажи, на собак, на слуг. Все они явно выплачиваются целиком теми, с кого взимаются, т. е. людьми, использующими облагаемые налогом товары. Аналогичным, но более важным является налог на дома, на рассмотрении которого следует остановиться немного подробнее.

§ 6. Рента за пользование домом состоит из двух частей: земельной ренты и ренты, которую Адам Смит называл рентой на строение. Первая из них определяется обычными для ренты законами. Она представляет собой вознаграждение за пользование земельным участком, занимаемым домом и всем, что к нему относится. Размеры ее колеблются в пределах от обычной ренты, которую можно было бы получить при использовании участка для земледелия, до монопольной в связи с выгодным местоположением земли на оживленных магистралях. В отличие от земельной ренты рента за дом есть эквивалент стоимости труда и капитала, затраченных на строительство. Тот факт, что она выплачивается раз в квартал или раз в полгода, ничего не меняет в принципах, которыми она регулируется. Она включает в себя обычную прибыль на капитал строителя и процент, величина которого при существующей ставке и с учетом уплаты стоимости всех ре-

монтажных работ, производимых за счет владельца, оказывается достаточной для замены первоначального капитала к моменту износа дома или к моменту истечения обычного срока аренды земли под застройку.

С этих обеих составных частей общей ренты взимается одинаковая налоговая ставка. Чем выше рента за дом, тем больше размер налоговых выплат, независимо от того, что является причиной высокой ренты — особенности расположения или качество самого дома. Однако объекты обложения этих двух составных частей налога следует рассмотреть отдельно.

В той части, в которой налог изымается из ренты на строение, он в конечном счете выплачивается потребителем, иными словами, нанимателем дома. Дело в том, что поскольку прибыли от строений уже не превышают обычного уровня, то при взимании налога с владельца, а не с нанимателя они упали бы ниже уровня прибылей не обложенных налогом занятий и строительство домов прекратилось бы. Возможно, однако, что в течение некоторого времени после введения налога большая часть его будет приходиться не на арендатора, а на владельца дома. Значительная часть арендаторов либо не сможет, либо не захочет платить прежнюю арендную плату с надбавкой в виде налога и предпочтет воспользоваться более скромным жилищем. Поэтому на протяжении некоторого времени предложение жилья будет превышать спрос на него. Следствием подобной ситуации для большинства других товаров было бы почти немедленное сокращение предложения. Но дома — это такой товар длительного пользования, количество которого невозможно сократить быстро. Конечно, за исключением особых случаев, прекратится новое строительство того типа домов, на которые упал спрос. Между тем временный избыток их приведет к падению арендной платы, и потребители, возможно, смогут получить в свое распоряжение почти такие же жилища, что и раньше, за ту же сумму, в которую войдут и арендная плата, и налог. Однако по мере износа существующих домов или в связи с ростом населения, потребовавшим увеличения поставок, арендная плата опять начнет повышаться до тех пор, пока строительство снова не окажется рентабельным, что возможно только в случае, если налог полностью перейдет на арендатора. Поэтому в итоге арендатор будет выплачивать ту часть налога на ренту,

которая приходится на само строение, а не на землю, на которой оно расположено.

Несколько иначе обстоит дело в отношении части налога, приходящейся на земельную ренту. Поскольку налогом на ренту в прямом значении этого понятия облагается землевладелец, можно было бы предположить, что налог на ренту за участок выплачивается за счет его владельца, по крайней мере после истечения срока аренды. Однако если налог на ренту с участка эквивалентен налогу на ренту за землю, используемую в сельском хозяйстве, то владелец будет фактически выплачивать лишь его часть. Самая малая рента с земли, сданной под застройку, очень незначительно превышает ренту, которую эта земля дала бы при использовании ее для земледелия. Поэтому разумно предположить, что земля, за исключением чрезвычайных обстоятельств, сдается или продается под застройку, как только оказывается, что это выгоднее, чем ее аренда для земледелия. Поэтому если будет установлен налог только на ренту за строительные участки, но не на сельскохозяйственную ренту, то, не считая возможных незначительных отклонений, это привело бы к уменьшению поступлений за эти участки ниже обычного дохода с земли и стало бы сдерживать строительство в такой же мере, как если бы был установлен налог на ренту за строения. Такое положение сохранялось бы до тех пор, пока повышение спроса со стороны увеличивающегося населения либо сокращение предложения в силу естественного разрушения строений не подняли бы размеры ренты на величину, точно соответствующую сумме налога. Но что бы ни явилось причиной увеличения наименьшей ренты за строительные участки, это неизбежно приводит к увеличению всех остальных видов ренты, поскольку каждый из них превышает минимальный уровень ренты на величину, представляющую собой рыночную стоимостную оценку специфических преимуществ, за которые выплачиваются эти виды ренты.⁶ Поэтому, если установить налог на

⁶ [Окончание этого абзаца, а также весь следующий абзац впервые включены в 4-е издание (1857 г.) вместо следующего первоначального текста (1848 г.): «Таким образом, с точки зрения налогообложения нет никакого различия между этими двумя составляющими элементами ренты за дом. Оба они в конечном итоге взимаются с нанимателя. И в том и в другом случае, если наниматель снижает свои запросы, удовлетворяясь худшим по качеству

ренту за строительные участки из расчета фиксированной ставки за квадратный фут их площади, когда с выгодно расположенной земли будет взиматься не больше, чем с участков, пользующихся наименьшим спросом, вся сумма фиксированного платежа в конечном итоге будет выплачиваться арендатором. Предположим, что самая низкая земельная рента равна 10 ф. ст., а самая высокая — 1 тыс. ф. ст. за акр. Тогда налог из расчета 1 ф. ст. за акр поднимет их величину до 11 ф. ст. и 1001 ф. ст. соответственно, и разница в стоимости этих двух участков останется неизменной. Поэтому ежегодная выплата в размере 1 ф. ст. будет выплачиваться арендатором. Однако предполагается, что налог на земельную ренту составляет часть налога на дом, который исчисляется не в виде фиксированной суммы, а в виде определенной доли выплачиваемой ренты. Поэтому если предположить, что с самого дешевого участка будет, как и прежде, взиматься 1 ф. ст., то с самого дорогого будет взиматься 100 ф. ст., из которых только 1 ф. ст. придется на долю арендатора, поскольку сумма ренты возрастет всего до 1001 ф. ст. Следовательно, 99 ф. ст. из 100, выплачиваемых в качестве налога на дорогой участок, придутся на долю землевладельца. Таким образом, налог на жилые дома следует рассматривать с двух точек зрения: как налог на всех арендаторов и как налог на ренту за участки, на которых находятся эти дома.

В подавляющем большинстве случаев такая рента составляет всего лишь небольшую часть общих ежегодных платежей за дом, и почти вся сумма налога падает на арендатора. Рента за участок становится основным элементом ренты за дом лишь в исключительных случаях, например при особо выгодном расположении участка в крупных городах. Среди очень немногих видов доходов, наиболее подходящих для специфического налогообложения, эта земельная рента занимает главное место, пред-

жилищем, т. е. если он предпочитает сэкономить на налоге с ренты за дом, а не за счет других видов своих расходов, он косвенно снижает земельную ренту или сдерживает ее рост, подобно тому как сокращение потребления сельскохозяйственной продукции ведет к уменьшению земледельческого производства и снижению обычной ренты».]

ставляя собой разительный пример быстрого и в большинстве случаев неожиданного накопления огромных богатств отдельными семьями без каких-либо усилий, затрат или риска с их стороны, а просто из-за случайного обладания какими-то участками земли. До тех пор пока налог на дома выплачивается владельцами земельных участков, против него вряд ли найдутся веские возражения.

В той мере, в которой этот налог падает на арендаторов, при условии установления справедливого соотношения между его величиной и стоимостью арендуемого дома, он представляет собой один из наиболее справедливых видов налогов, вызывающих меньше всего возражений. Ни одна другая категория расходов не может служить лучшим критерием оценки средств, имеющихся в распоряжении данного человека, и в целом самым непосредственным образом определяется размерами этих средств. Налог на жилые дома, пожалуй, гораздо полнее воплощает в себе принципы справедливости при определении подоходного налога, нежели налоги, исчисляемые непосредственно с суммы доходов. Он обладает огромным преимуществом, поскольку автоматически обеспечивает освобождение от обложения отдельных видов доходов, что очень трудно сделать, и притом невозможно сделать с достаточной точностью при определении размеров подоходного налога. То, что человек готов заплатить в виде арендной платы за жилье, свидетельствует об уровне всех его доходов, является не только показателем имеющихся в его распоряжении средств, но и того, какие затраты он позволяет себе совершить. Справедливость этого налога можно серьезно ставить под сомнение только в силу двух обстоятельств. Во-первых, скупые люди смогут уклониться от уплаты такого налога. Это положение сохраняет свою силу в отношении всех налогов, исчисляемых с суммы затрат. Только прямой налог на получаемые доходы окажется эффективным в этом случае. Но поскольку в наши дни скупые люди не занимаются накоплением сокровищ, а вкладывают их с целью производительного применения, происходит не только увеличение национального богатства и, следовательно, общего фонда, подлежащего налогообложению, но и осуществление платежа производится не за счет основной суммы, а полученного с нее дохода, который облагается налогом, как только его начинают тра-

тить. Второе возражение заключается в том, что человеку может понадобиться дом большей площади и более дорогой не потому, что он располагает большими средствами, а потому, что у него большая семья. Но на это он не имеет права жаловаться, поскольку создает эту большую семью сам, по своему усмотрению, в то время как с точки зрения общественных интересов создание таких семей следует скорее осуждать, нежели поощрять*.

Большую часть налоговых поступлений в Англии составляют средства, взимаемые в виде налога на жилые дома. Местные системы налогообложения — в городах целиком, а в сельской местности частично — основаны на выплате налогов с предполагаемой суммы арендной платы. Налог на окна, который представлял собой лишь ухудшенную разновидность налога на жилые дома и являлся, по сути дела, налогом на освещение, привел к возникнове-

* [1852 г.] Еще одно широко распространенное возражение заключается в том, что большое и дорогое помещение часто требуется не для жилья, а для осуществления коммерческой деятельности. Однако является общепризнанным, что здания или части зданий, используемые исключительно для деловых нужд под магазины, склады или фабрики, должны быть освобождены от обложения налогом на жилые строения. Ссылки на то, что предприниматели вынуждены жить в районах, скажем, основных лондонских магистралей, где рента с домов является монопольной, по моему мнению, не заслуживают внимания, поскольку делается это исключительно ради дополнительной прибыли, которую человек рассчитывает извлечь за счет выгодного расположения дома и которая с избытком компенсирует ему все дополнительные затраты. При этом в любом случае основная сумма налога на эту дополнительную ренту падет не на него, а на владельца земельного участка.

[1848 г.] Раздаются также возражения, что в сельской местности арендная плата за жилье дома гораздо ниже, чем в городах, и, кроме того, в одних городах и сельских районах ниже, чем в других, и поэтому пропорционально исчисленный налог будет несправедливым. Однако на это можно ответить, что там, где стоимость аренды низка, люди с одинаковыми доходами обычно живут в больших и более удобных домах и, вопреки тому что может показаться на первый взгляд, тратят на оплату жилья почти такую же часть своих доходов, как и в других местах. Если же это не так, то, по всей вероятности, многие из них живут именно в этих районах, потому что слишком бедны, чтобы жить где-то в ином месте, и поэтому имеют все основания уплачивать меньшие налоги. В ряде случаев арендная плата сохраняется низкой как раз из-за того, что люди бедны.

нию самых уродливых зданий. Он был заменен в 1851 г. прямым налогом на жилые строения, причем его ставка была значительно снижена по сравнению со ставкой, существовавшей до 1834 г. Приходится сожалеть, что в новом налоге сохранен несправедливый принцип, на основе которого исчислялся прежний налог и который в такой же степени, как и эгоизм средних классов, обусловил протесты против его введения. Общество справедливо возмущалась, что поместья типа Чатсуорт или Бельвуа облагались налогом исходя из предполагаемой арендной платы в 200 ф. ст. в год. Столь низкий уровень объяснялся тем, что при сдаче в аренду за них якобы невозможно было бы получить большую арендную плату в связи с огромными расходами на содержание. Вероятно, их действительно невозможно было бы сдать в аренду даже за эту сумму, и, если бы выдвинутый довод был справедлив, эти поместья не должны были бы облагаться налогом вообще. Но налог на жилые дома задуман не как налог на получаемые с этих домов доходы, а как налог на расходы в связи с их содержанием. Речь идет о том, чтобы установить, во что обходится дом проживающему в нем лицу, а не какой доход он может принести при сдаче в аренду кому-либо другому. Когда человек, проживающий в доме, не является его владельцем и не обязан заниматься ремонтом, мерилom его затрат является выплачиваемая арендная плата. Однако если в доме проживает его владелец, необходимо найти какой-то другой критерий. Следует исходить не из продажной цены дома, а вероятной стоимости его капитального ремонта, причем эту оценку следует периодически корректировать, учитывая падение стоимости дома в связи с амортизацией или ее рост в результате ремонта или перестройки. Полученная уточненная величина составит исходную оценку суммы затрат на содержание дома, проценты с которой по существующим для государственных ценных бумаг ставкам будут в свою очередь представлять собой основу для расчета взимаемого налога.

Подобно тому как доходы, не превышающие определенного уровня, подлежат освобождению от подоходного налога, жилые дома, оценка стоимости которых оказывается ниже определенного предела, не должны облагаться налогом в соответствии с общим принципом освобождения от налогообложения всего, что абсолютно необходимо для

нормального существования. Для того чтобы квартиросъемщики могли, как того требует справедливость, пользоваться выгодами такого освобождения от налога наравне с теми, кто снимает дома целиком, вероятно, можно было бы по усмотрению владельцев оценивать стоимость домов по частям, занимаемым отдельными жильцами, и соответственно рассчитывать ставку налога также по частям, как это обычно делается в отношении меблированных комнат.

ГЛАВА IV

О НАЛОГАХ НА ТОВАРЫ

§ 1. Под налогами на товары обычно имеют в виду налоги, которыми облагаются либо производители, либо перевозчики и торговцы, выступающие в качестве посредников между производителями и конечными покупателями, приобретающими товар с целью потребления. Налоги, взимаемые непосредственно с потребителей отдельных видов товаров, такие, как налоги с домов или существующие в Англии налоги на лошадей и экипажи, можно было бы также назвать налогами на товары, но они таковыми не являются. Налогами на товары принято называть только косвенные налоги, т. е. те, что выплачиваются одним лицом, которое предполагает или намеревается компенсировать их за счет другого лица. Налоги на товары распространяются на их производство внутри страны, на их импорт или транспортировку либо сбыт внутри страны и соответственно подразделяются на акцизы, таможенные пошлины и сборы и транзитные пошлины. К какому бы разряду они ни относились и на каком бы этапе развития общества ни вводились, они всегда приводят к повышению издержек производства, если употреблять этот термин в самом широком смысле, включая стоимость транспортировки и распределения или, выражаясь привычным языком, стоимость доставки товара на рынок.

Когда издержки производства искусственно увеличиваются за счет налога, результат оказывается точно таким же, как и при их росте в силу естественных причин. Если речь идет только об одном или нескольких товарах, происходит повышение их стоимости и цены до уровня, компенсирующего дополнительные затраты, которые несет производитель или торговец. Однако, если налог установлен для всех товаров строго пропорционально их стоимости, такая компенсация не будет иметь места, поскольку не произойдет ни общего роста стоимости, что абсурдно само по себе, ни роста цен, которые определяются совершенно иными факторами. Но при этом, как указывает Маккуллох, будет наблюдаться нарушение стоимостных пропорций. Стои-

мость одних товаров будет возрастать, других — падать в зависимости от обстоятельства, воздействие которого на стоимость и цену товаров мы уже рассматривали. Речь идет о продолжительности функционирования капитала, занятого в различных сферах деятельности. Валовой продукт промышленности состоит из двух частей, одна из которых идет на замещение израсходованного капитала, а другая представляет собой прибыль. Одинаковые капиталы, вложенные в две разные отрасли производства, должны принести и одинаковые ожидаемые прибыли, но, если в одном из них доля основного капитала больше или если этот основной капитал может дольше функционировать, его ежегодные затраты сократятся, понадобится меньше средств на его замещение, а следовательно, и прибыль — даже при одинаковых абсолютных показателях — будет составлять большую часть поступлений за год. Для получения прибыли в 100 ф. ст. с капитала в 1 тыс. ф. ст. одному производителю необходимо продать товаров стоимостью в 1,1 тыс. ф. ст., а другому — стоимостью всего в 500 ф. ст. Если обе эти отрасли промышленности обложить 5%-ным адвалерным налогом, второму придется уплатить только 25 ф. ст., а первому — 55 ф. ст. Значит, у одного останется в качестве прибыли 75 ф. ст., а у другого — только 45 ф. ст. Поэтому для уравнивания ожидаемых прибылей необходимо либо повысить цену одного из товаров, либо снизить цену другого, либо сделать и то и другое одновременно. Стоимость товаров, в производстве которых используется в основном непосредственный труд, должна возрасти в сравнении со стоимостью товаров, изготавливаемых в основном машинами. Однако нам нет необходимости глубже вдаваться в обсуждение этой проблемы.

§ 2. Налог на любой товар, независимо от того, облагается ли его производство, импорт, транспортировка или сбыт, а также независимо от того, устанавливается ли фиксированная сумма налога на определенное количество товара или его стоимость, вызовет, как правило, повышение стоимости и цены этого товара, по крайней мере на величину налога. Однако в ряде случаев повышение стоимости и цены не превышает величины налога. Прежде всего в связи с некоторыми налогами на производство нет необходимости или нецелесообразно применять ограничительные меры в отношении изготовителей или торговцев

для предотвращения уклонения от уплаты налога. Такие меры всегда являются источником неприятностей и затруднений, а обычно и затрат, которые рассматриваются производителями и торговцами как дополнительный ущерб, подлежащий компенсации за счет цены товара. Кроме того, подобные ограничения часто нарушают процесс производства, вынуждая производителя осуществлять свою деятельность наиболее удобным для налоговых органов образом, который с точки зрения производства может привести к повышению затрат и снижению его эффективности. Любые правила, установленные в законодательном порядке, затрудняют внедрение в производство новых и более совершенных процессов. Кроме того, необходимость выплаты налога вынуждает производителей и торговцев применять большие, чем следует, капиталы, с которых они должны получить обычную норму прибыли, несмотря на то что для покрытия расходов в связи с производством или импортом используется только часть этих капиталов. Для обеспечения прибыли цена товара должна превышать его естественную стоимость. Короче говоря, часть капитала не используется в производстве, а авансируется государству и впоследствии компенсируется за счет цены товаров, а потребителям приходится возмещать продавцам суммы, равные прибыли, которую эти продавцы могли бы получить, если бы изъятая в виде налога часть капитала была использована в сфере производства *. Не следует также забывать, что любая мера, вызывающая необходимость применения большего капитала в какой-либо области производственной или предпринимательской деятельности, ограничивает конкуренцию в этой области и, предоставляя некоторым торговцам своего рода монополию, может дать им возможность поддерживать цены на более высоком уровне, чем это необходимо для получения обычной нормы прибыли, либо получать обычную норму прибыли, при-

* [1865 г.] На первый взгляд может показаться, что это означает изъятие у населения больших средств, чем достается государству. Однако это не так, поскольку, если государству требуются деньги и оно получает их подобным образом, оно сможет обойтись без займа равнозначной суммы под ценные бумаги или казначейские обязательства. Вместе с тем представляется более экономичным, когда потребности государства покрываются за счет свободного капитала, имеющегося у класса кредиторов, а не с помощью искусственного увеличения расходов одного или нескольких классов производителей или торговцев.

лагая меньшие усилия для совершенствования и удешевления товара. В этих случаях налоги на товары часто вызывают такое повышение цен, которое приводит к затратам со стороны потребителя, в огромной мере превышающим поступления в государственную казну. Есть и еще одно соображение. Обусловленное налогом повышение цены почти всегда сдерживает спрос на товар, а поскольку для обеспечения практической осуществимости многих усовершенствований в сфере производства необходимо наличие определенного уровня спроса, внедрение этих усовершенствований затрудняется, а многие из них не могут быть осуществлены вообще. Хорошо известно, что меньше всего усовершенствований внедряется как раз в тех отраслях производства, где налицо вмешательство налоговых чиновников, и ничто, как правило, не дает столь мощного стимула к внедрению усовершенствований в производство товара, как отмена налога, ограничивавшего размеры рынка на этот товар.

§ 3. Таковы общие результаты введения налогов на товары. Но поскольку есть ряд товаров (составляющих предметы первой необходимости работника), стоимость которых влияет на распределение богатства среди различных классов общества, необходимо более подробно остановиться на последствиях установления налогов на эти товары. При введении налога, скажем, на зерно и соответственном росте цен пропорционально налогообложению повышение цены может сказаться двояко. Во-первых, оно может вызвать ухудшение условий жизни трудящихся классов, причем временное ухудшение произойдет почти обязательно. Если из-за этого уменьшится потребление ими земледельческой продукции или они вынуждены будут перейти на потребление продуктов, производимых земель в большем количестве, а следовательно, и более дешевых, это будет способствовать отказу от использования менее плодородных участков и применению менее дорогостоящих процессов, а также снижению стоимости и цены зерна таким образом, что установившаяся в конечном счете цена будет включать в себя не всю сумму налога, а только какую-то часть ее. Во-вторых, если случится так, что высокая цена обложенных налогом пищевых продуктов не вызовет снижения привычных запросов работника, то рано или поздно в результате воздействия заработной пла-

ты на численность населения произойдет ее повышение, которое компенсирует выплачиваемую работниками долю палого. Компенсация будет, естественно, осуществляться за счет прибылей. Таким образом, налоги на предметы первой необходимости неизбежно вызовут одно из двух возможных последствий. Либо они вызовут ухудшение условий существования трудящихся классов, либо приведут к изъятию у владельцев капитала в дополнение к средствам, идущим на удовлетворение потребностей государства, дополнительной суммы, которая пойдет на удовлетворение потребностей работников. В последнем случае налог на предметы первой необходимости, как и налог на заработную плату, равнозначен особому налогу на прибыли. А это, как всякое частичное налогообложение, несправедливо и наносит особенно сильный ущерб росту национального богатства.

Нам предстоит еще рассмотреть вопрос о влиянии налога на ренту. Предположим, это обычно соответствует действительности, что потребление продовольствия не сократится и для удовлетворения потребностей общества будет необходимо поддерживать земледелие на прежнем уровне. Тогда, пользуясь выражением д-ра Чалмерса, предельный уровень использования земельных угодий сохранится неизменным и те же самые земли и капитал, которые, будучи наименее продуктивными, определяли стоимость и цену всего сельскохозяйственного продукта, будут и дальше выступать в этой роли. Воздействие налога на сельскохозяйственные продукты на ренту зависит от того, затронет или не затронет его введение разницы между поступлениями от наименее продуктивных земли и капитала и поступлениями от остальной земли и капитала. А это в свою очередь зависит от способа исчисления налога. Если он исчисляется от стоимости, или — что одно и то же — в виде фиксированной доли продукта, например в форме десятины, это, очевидно, приведет к снижению зерновой ренты, поскольку с хороших земель он будет забирать больше хлеба, чем с плохих, причем сумма налога будет возрастать строго пропорционально качеству земли. С земли, обладающей вдвое большей продуктивностью, будет взиматься в виде десятины и вдвое больше продукции. В любом случае, когда из большего количества изымается больше, чем из меньшего, это приводит к уменьшению различий между ними. Введение десятины на зерно

означало бы введение десятины и на зерновую ренту, поскольку, если каждое из ряда чисел сократить на $\frac{1}{10}$, разница между ними также сократится на $\frac{1}{10}$.

Например, возьмем пять одинаковых по площади участков земли разного качества, которые при одинаковых затратах дают 100, 90, 80, 70 и 60 бушелей пшеницы соответственно. На последнем участке качество земли будет соответствовать наиболее низкому уровню, при котором обработка оправдывается спросом на продукты питания. С этих участков будет получена следующая рента:

Земля, произво- дящая	100 бушелей	даст ренту	100—60	т. е.	40 бушелей
»	90 »	»	90—60	т. е.	30 »
»	80 »	»	80—60	т. е.	20 »
»	70 »	»	70—60	т. е.	10 »
»	60 »	»	рента отсутствует		

А теперь введем десятину, в уплату которой с этих пяти участков будет взиматься 10, 9, 8, 7 и 6 бушелей соответственно. При этом пятый участок, который будет продолжать играть роль регулятора цены, даст фермеру после уплаты десятины всего 54 бушеля:

Земля, произво- дящая	100 бушелей	или за вычетом десяти- ны	даст ренту в	90—54,	т. е.	36 бушелей
»	90 »	81	»	81—54,	т. е.	27 »
»	80 »	72	»	72—54,	т. е.	18 »
»	70 »	63	»	63—54,	т. е.	9 »

Как и прежде, участок, производящий 60 бушелей, сократившихся до 54, не даст никакой ренты. Таким образом, из ренты с первого участка, где земля высшего качества, потеряно 4 бушеля, из ренты со второго участка — 3 бушеля, с третьего — 2 бушеля и с четвертого — 1 бушель, т. е. с каждого участка потеряно ровно $\frac{1}{10}$ часть ренты. Следовательно, налог в виде фиксированной доли продукции уменьшает зерновую ренту на равновеликую долю.

Но уменьшается только зерновая рента, а не рента в денежном выражении или выраженная в каких-либо товарах, поскольку в той же мере, в какой сокращается количество зерна, составляющего зерновую ренту, растет его стоимость. При введении десятины 54 бушеля будут стоить

на рынке столько же, сколько раньше стоили 60. Любые $\frac{9}{10}$ количества зерна будут продаваться по цене, за которую раньше продавалось его полное количество. Потери землевладельцев в количестве зерна будут, таким образом, компенсированы его стоимостью и ценой, и они понесут ущерб лишь в том случае, если потребляют ренту в натуре или если, получив ее деньгами, потратят их на приобретение продуктов сельского хозяйства. Другими словами, они пострадают только как потребители сельскохозяйственной продукции наравне со всеми прочими потребителями. Как землевладельцы, они будут иметь те же прибыли, что и раньше. Следовательно, десятина выплачивается за счет потребителя, а не землевладельца.

Точно так же сказался бы на ренте налог, взимаемый не в виде фиксированной доли продукта, а в виде фиксированной денежной ставки за каждую произведенную единицу его количества. Налог в размере 1 шилл. с каждого бушеля зерна, произведенного на данном участке, в сумме будет на столько шиллингов превышать налог с другого участка, насколько больше бушелей зерна будет произведено. Последствия такого налога полностью совпадают с последствиями введения десятины. Единственная разница заключается в том, что десятина будет представлять собой изъятие одинаковой доли урожая со всех участков, которая будет оставаться постоянной в любое время, тогда как фиксированный денежный сбор за каждый произведенный бушель будет составлять большую или меньшую часть в зависимости от цены на зерно.

Существуют и другие формы налогов на сельское хозяйство, по-разному сказывающиеся на ренте. Налог, пропорциональный ренте, выплачивался бы целиком за счет ее снижения и не вызывал бы повышения цены на зерно, определяемой частью продукта, не дающей ренты. Налог в виде фиксированной суммы на каждый акр обработанной земли без учета ее стоимости оказал бы прямо противоположное воздействие. Поскольку с лучших участков взималась такая же сумма, что и с худших, сохранялись бы все существующие различия, а следовательно, и прежние зерновые ренты. В результате землевладельцы целиком получали бы выгоды от увеличения цен. Иными словами, цена на зерно должна возрасти в такой мере, чтобы обеспечить уплату налога даже с худшего участка земли, в результате чего все участки, дающие больше продукта по

сравнению с ним, будут обеспечивать не только уплату налога, но и увеличение ренты для землевладельцев. Однако подобные налоги взимаются не столько с продукции, которую дает земля, сколько с самой земли. Налоги же, которыми непосредственно облагается продукция сельского хозяйства, рассчитываемые в виде определенной доли к ее количеству или стоимости, не затрагивают ренты, а выплачиваются за счет потребителя. Однако та доля налога, которая затрагивает уровень потребления трудящихся классов, целиком или частично выплачивается за счет уменьшения прибыли.

§ 4. Мне кажется, что все изложенное выше точно отражает действие налогов, впервые вводимых на продукцию сельского хозяйства. Когда же речь идет о давно существующих налогах, их последствия могут быть совершенно иными. На это впервые указал, если не ошибаюсь, Сениор. Как мы убедились, любое сокращение прибылей почти всегда неизбежно сопровождается снижением темпов накопления. Накопление, сопровождаемое его постоянным спутником — ростом населения, приводит к росту стоимости и цены продуктов питания, повышению ренты и снижению прибылей. Другими словами, его последствия полностью совпадают с последствиями налога на сельскохозяйственную продукцию, если не считать, что налог не вызывает повышения ренты. Следовательно, налог просто ускоряет рост цен и сокращение прибылей, которое в конечном итоге все равно произошло бы в результате процесса накопления, и одновременно приводит к прекращению или по крайней мере замедлению этого процесса. Если до введения десятины норма прибыли была столь незначительной, что после ее введения сократилась практически до минимума, введение десятины прервет процесс дальнейшего накопления или вынудит к его осуществлению за пределами страны. Единственное последствие, которое в этом случае возникает для потребителя, заключается в том, что ему придется раньше заплатить цену, которую все равно пришлось бы платить несколько позднее. Кстати, часть этой цены — с учетом постепенного роста богатства и населения — ему пришлось бы начать платить немедленно. По прошествии определенного времени, в тече-

ние которого увеличение цены на $\frac{1}{10}$ произошло бы в силу естественного процесса накопления богатства, потребитель стал бы платить не больше, чем он платил бы при отсутствии такого налога. Он не будет выплачивать какой-либо части налога, который будет целиком взиматься за счет землевладельца, что лишит его возможного прироста ренты. В каждый последующий момент этого периода потребитель будет возмещать все меньшую часть налога, а землевладелец — все большую. В конечном итоге будет достигнуто положение, когда минимально допустимый уровень прибыли будет достигнут при меньшем капитале и с меньшей численностью населения и более низком уровне ренты, чем в том случае, когда естественный процесс не был бы нарушен введением налога. С другой стороны, если десятина или какой-либо иной налог на сельскохозяйственную продукцию не сведет прибыли к минимуму, а оставят их на уровне несколько выше минимального, процесс накопления не прекратится, а только замедлится, и если одновременно будет продолжаться рост населения, то эти два процесса в совокупности будут постоянно вызывать повышение цены на хлеб и рост ренты. Однако эти последствия не будут проявляться столь же быстро, как при сохранении высокой нормы прибыли. По истечении 20 лет в стране будет меньше населения и меньше капитала, чем было бы при отсутствии налога. Ниже будет рента, получаемая землевладельцами, а увеличение цены на зерно, происходящее не столь быстро, как это могло бы иметь место, будет на $\frac{1}{10}$ часть ниже, чем при отсутствии налога. Таким образом, часть налога уже перестала выплачиваться за счет потребителя и взимается с землевладельца, причем с течением времени доля последнего становилась бы все больше и больше.

Сениор иллюстрирует подобную точку зрения на данный вопрос, уподобляя результаты введения десятины и других налогов на сельскохозяйственную продукцию последствиям природного бесплодия почвы. Если в стране, не имеющей возможности получать продовольствие из-за границы, неожиданно резко и навсегда ухудшится качество земли, так что для производства существующего объема продукции потребуется на $\frac{1}{10}$ больше труда, цена зерна, без сомнения, возрастет на $\frac{1}{10}$. Но из этого вовсе не следует, что, если бы земля в стране с самого начала была на $\frac{1}{10}$ хуже, чем в действительности, зерно стоило бы на

$\frac{1}{10}$ больше, чем в данное время. Гораздо более вероятно, что меньшие доходы от труда и капитала на протяжении всего времени с момента возникновения первого поселения в стране обусловили бы замедленные темпы роста численности населения в каждом последующем поколении, чем в действительности имело место, и в настоящее время страна располагала бы меньшим капиталом, а численность населения оставалась бы на более низком уровне, с тем чтобы, несмотря на худшее качество почвы, не происходило роста цены на зерно выше существующего уровня и снижения прибылей ниже современного уровня. Наверняка понизилась бы только рента. Представим себе два одинаковых по размеру, естественному плодородию почвы и промышленному развитию острова, которые до определенного времени располагали одинаковыми населением и капиталом, получали одинаковую ренту и на которых цена зерна была тоже одинаковой. А теперь представим себе, что на одном из этих островов ввели десятину. Между ними мгновенно возникнет разница в ценах на зерно, а отсюда, вероятно, и разница в прибылях. До тех пор пока прибыли ни в одной из двух стран не будут иметь тенденции к понижению, т. е. до тех пор пока усовершенствования в производстве предметов первой необходимости будут соответствовать росту населения, разница в уровнях цен и прибылей между островами может сохраниться. Но если на острове, где сельскохозяйственное производство не облагается десятиной, произойдет увеличение капитала и соответственно рост населения в масштабах, превышающих масштабы внедряемых усовершенствований, цена на зерно постепенно возрастет, прибыли упадут, а рента увеличится, в то время как на острове, где существует налог в виде десятины, капитал и численность населения либо не увеличатся (сверх пределов, компенсируемых внедрением усовершенствований), либо возрастут в гораздо меньшей степени, так что рента и цена хлеба либо не поднимутся вообще, либо будут расти гораздо медленнее. Следовательно, в скором времени рента на острове, где налог отсутствует, окажется выше, а вот доходы не намного больше и цена на зерно не намного ниже, чем в первый период после введения ее на другом острове. С течением времени эти последствия будут усиливаться. В конце каждого следующего десятилетия различия в сумме ренты, совокупного богатства и численности населения на этих двух

островах будут становиться все большими и большими, а различия в уровнях прибылей и цен на зерно — все меньшими и меньшими.

В какой момент эти последние различия исчезнут совсем и временные последствия введения налогов на сельскохозяйственную продукцию, выражающиеся в росте цен, будут заменены конечным результатом, состоящим в ограничении общего объема сельскохозяйственного производства? Хотя на острове, где налог отсутствует, цена продуктов питания постоянно стремится превысить соответствующую цену на другом острове, темпы ее движения в этом направлении, естественно, замедляются по мере приближения к предельному уровню, поскольку различия между островами в темпах накопления зависят от норм прибыли, по мере их пропорционального сближения силы, способствующие такому сближению, ослабевают. Цены на первом острове могут так и не обогнать цены на втором до тех пор, пока на каждом не будет достигнут минимальный уровень прибылей. До наступления этого момента цены на зерно там, где существует налог, будут в той или иной мере превышать цены на другом острове. Причем если прибыли значительно превышают минимально допустимый уровень и накопление продолжается быстрыми темпами, такой разрыв будет довольно большим; если же они близки к минимальному уровню и накопление замедлилось, разрыв будет очень незначительным.

То, что в нашем гипотетическом примере является справедливым в отношении островов, где существует или отсутствует налог, справедливо и для любой страны при выяснении изменений в ее развитии, обусловленных введением десятины.

Большой объем вывоза капитала из Англии и почти регулярно повторяющиеся торгово-промышленные кризисы, которые вызываются спекуляцией, порождаемой традиционно низкой нормой прибыли, указывают на то, что прибыль уже практически достигла, хотя и не абсолютного, минимума и все осуществляемые сбережения, за исключением связанных с усовершенствованиями, вызывающими удешевление предметов первой необходимости, либо направляются с целью инвестирования за границу, либо периодически уничтожаются кризисом. Поэтому мне кажется — это почти не вызывает сомнений, — что, если бы в Англии никогда не было десятины или любого другого

налога на сельскохозяйственную продукцию, современные цены на зерно все равно были бы такими же высокими, а норма прибыли — такой же низкой. Независимо от ускоренного накопления, которое имело бы место, не окажись прибыли преждевременно сниженными из-за этих налогов, аналогичные последствия возникли бы лишь за счет сбережения части капитала, растрачиваемого в неудачных спекуляциях, и сохранения внутри страны части средств, переводимых за рубеж. Поэтому я разделяю мнение Сениора о том, что десятина еще до своей замены перестала быть причиной повышения цен и снижения прибылей, превратившись в обычное удержание из ренты. Ее прочие последствия заключались в ограничении роста капитала, объема производства и численности населения в той мере, как если бы земля в стране была на $\frac{1}{10}$, а лучше сказать, на $\frac{1}{20}$ (учитывая, какая большая часть земель Великобритании была освобождена от уплаты десятины) менее плодородной.

Однако, хотя десятина и другие применяющиеся в течение длительного времени налоги на сельскохозяйственную продукцию либо вообще не вызывают повышения цен на продукты питания и снижения прибылей, либо результаты их воздействия не пропорциональны сумме налога, упразднение этих налогов там, где они существуют, никоим образом не приводит к снижению цен и общему росту нормы прибыли. Отмена десятины снизит издержки производства, а следовательно, и цену любой сельскохозяйственной продукции на $\frac{1}{10}$, и, если при этом не будет иметь места постоянное повышение запросов работников, снизятся издержки на оплату труда и возрастут прибыли. Рента в денежном или товарном выражении обычно остается без изменения, а в пересчете на продукты сельского хозяйства увеличивается. Отмена десятины в стране отодвигает границы достижения стационарного состояния в той же мере, в какой эти границы сужаются при введении такого налога. Темпы накопления резко возрастают, и, если при этом наблюдается и рост населения, цены на зерно начинают медленно повышаться, а рента расти, это приводит к постепенному перемещению выгод, связанных с освобождением от налога, от потребителя к землевладельцу.

Итак, цели, достигаемые в результате отмены десятины, совпадают с последствиями мероприятий, предусмотрен-

ных законом о превращении десятины в арендную плату. Когда налогом облагается не весь продукт земли, а только те его части, из которых выплачивается рента, и когда этот налог не распространяется на те участки земли, которые только что вовлечены в сельскохозяйственное производство, он перестает быть частью издержек производства доли продукта, определяющей цену всего продукта. Земля или капитал, не приносящие ренты, могут теперь поставлять свою продукцию на рынок по цене, сниженной на одну десятую часть. Отмена десятины должна была бы, следовательно, вызвать значительное падение средней цены на хлеб. Если бы эта замена не осуществлялась столь медленно и если бы на протяжении всего этого периода цена на хлеб не находилась под влиянием ряда других факторов, вызывающих ее изменение, то последствия, по всей вероятности, были бы весьма ощутимыми. Как бы там ни было, не может быть сомнений в том, что это обстоятельство способствовало имевшему место снижению издержек производства, а также снижению цены на отечественную сельскохозяйственную продукцию, хотя эффект от ряда крупных усовершенствований, внедрявшихся в то время в сельском хозяйстве, и последствия беспрепятственного доступа на внутренний рынок сельскохозяйственной продукции из других стран¹ не позволяли обнаружить воздействия остальных факторов. Само по себе снижение цен не нанесло бы ущерба землевладельцу, поскольку зерновая рента возрастает в той же пропорции, в какой падает цена на хлеб. Однако снижение это вовсе не сулит землевладельцу увеличения его доходов. Арендная плата, заменившая собой десятину, оборачивается для него чистыми потерями, как только истекают сроки существующей аренды, а ликвидация десятины означала просто замену одной формы налогообложения землевладельцев на другую с одновременным дополнительным изъятием средств. При этом для потребителя налоговое бремя облегчается за счет землевладельца, который, однако, начинает получать с потребителя все возрастающую компенсацию в результате ускоренного роста накоплений и увеличения численности населения.

¹ [Ссылка насчет «беспрепятственного допуска» и т. д. появилась в 4-м издании (1857 г.).]

§ 5. До сих пор мы рассматривали последствия воздействия налогов на товары, исходя из предположения, что налогообложение единообразно охватывает все способы производства товара и доставки его на рынок. Если предположить, что такое единообразие соблюдается не всегда и что налогом облагается не сам товар, а определенный способ его получения, то возникает целый ряд новых соображений.

Предположим, что один и тот же товар можно изготовлять с помощью двух различных процессов. Готовое изделие может быть произведено либо вручную, либо с помощью энергии пара; сахар можно получать либо из сахарного тростника, либо из свеклы; скот можно откармливать либо сеном и зелеными кормами, либо жмыхами и отходами пивоваренного производства. Общество заинтересовано в том, чтобы из двух способов производители выбрали такой, который обеспечивает изготовление лучшего товара по минимальной цене. Это и в интересах самих производителей, если только они не защищены от конкуренции и не ограждены от расплаты за праздность. Наиболее выгодным с точки зрения общества будет тот способ, который в конечном итоге окажется наиболее выгодным и для производителей, если не будет иметь места какое-либо вмешательство со стороны государственной власти. Предположим, однако, что производство одним из этих способов облагается налогом, а производство вторым способом либо свободно от налога, либо облагается по более низкой ставке. Если установлен налог на способ производства товара, который производители не стали бы применять у себя, налогообложение оказывается попросту бесполезным. Но если налог, как, безусловно, и предполагается, касается способа, который производители предпочли бы применить у себя, возникает искусственный стимул к применению не облагаемого налогом способа производства, несмотря на то что он является худшим. Поэтому, если указанный стимул играет решающую роль, это будет означать, что производимый товар отличается более низким качеством и выпускается с большими затратами труда; это будет означать, что значительная часть труда общества растрачивается впустую и что капитал, используемый для покупки и оплаты труда, тратится без всякой пользы, как будто он используется для найма людей, занимающихся выкапыванием и засыпкой канав. Эти неразумные затраты труда и

капитала увеличивают издержки производства товара, соответственно увеличивая его стоимость и цену, чтобы компенсировать таким образом расходы владельцев капитала. Все убытки погашаются за счет потребителей, хотя капитал в стране в конечном счете также уменьшается в связи с уменьшением у потребителей средств для осуществления сбережения и в некоторой степени из-за утрат стимула к сбережению.

Таким образом, налог, который в целом основан на дискриминационном принципе, противоречит положению, что в результате налогового обложения налогоплательщик должен нести наименее возможные потери сверх того, что поступает в казну государства. При дифференциальном обложении потребителю приходится платить два отдельных налога, из которых только один — причем, как правило, менее обременительный — поступает правительству. Если ввести налог на тростниковый сахар, не облагая налогом свекловичный, тогда до тех пор, пока будет осуществляться потребление тростникового сахара, налог на его производство будет выплачиваться казне и, возможно, как и большинство прочих налогов, он не вызовет возражений. Но если тростниковый сахар, который раньше был дешевле свекловичного, станет дороже и в значительной мере будет заменен свекловичным, вследствие чего появятся новые посадки свеклы и новые заводы по производству сахара из нее, причем правительство не получит от этого никаких дополнительных поступлений, а потребителям фактически придется выплачивать налог. Им придется оплачивать свекловичный сахар по более высокой цене по сравнению с тростниковым сахаром в прошлом, и разница в ценах попадает к производителям в качестве компенсации за часть трудовых затрат в стране, фактически произведенных совершенно бесполезно, когда трудом, скажем, 300 человек производится то, что при использовании другого способа можно было бы произвести трудом 200 человек.

Одним из самых типичных примеров дифференциального обложения является введение налога на импорт товара, который может производиться и внутри страны, без установления равнозначного налога на отечественные изделия. Импорт никогда не приобретает постоянного характера, если за границей товар нельзя приобрести при меньших в целом издержках труда и капитала, чем те, которые

необходимы для его производства внутри страны. Поэтому, если с учетом налога на импорт оказывается, что предмет торговли дешевле произвести на месте, чем импортировать, значит, дополнительные количества труда и капитала расходуются без достижения какого-либо дополнительного результата. Труд оказывается бесполезным, а капитал — растраченным на оплату усердного безделья. Таким образом, все таможенные пошлины, стимулирующие отечественное производство облагаемого налогом предмета торговли, представляют собой выдающийся по расточительности способ получения государственных доходов.

Эти же особенности в очень высокой степени присущи и таможенным пошлинам на продукты земледелия, если они не компенсированы введением акцизных сборов на продукты отечественного производства. По сравнению с другими налогами, которыми облагаются цивилизованные нации, подобные пошлины дают государственной казне меньше, чем отбирают у потребителей. Если в стране производится 20 млн. кварталов пшеницы при потреблении в 21 млн. и ежегодном импорте в 1 млн. и если этот миллион облагается пошлиной, повышающей цену на 10 шилл. за квартал, то повышение цены касается не только этого миллиона, а всех 21 млн. кварталов. Если принять наиболее благоприятное, но крайне невероятное допущение, что импорт ничем не ограничен и отечественное производство не расширяется, получается, что поступления государства составляют всего 0,5 млн. ф. ст., в то время как потребители выплачивают налог в 10,5 млн. ф. ст., из которых 10 млн. ф. ст. поступает отечественным производителям, вынужденным в силу конкуренции уступить всю эту сумму землевладельцам. Таким образом, потребитель выплачивает владельцам земли дополнительный налог, в 20 раз превышающий тот, что он платит государству. Теперь допустим, что налог этот действительно ограничивает импорт. Предположим, что в обычные годы импорт прекращается вообще, поскольку выясняется, что 1 млн. кварталов можно получить либо за счет совершенствования земледелия, либо за счет использования наименее плодородных участков при повышении ранее существовавшей цены не на 10 шилл. за квартал, а, скажем, всего на пять. В данном случае казна не получает ничего, за исключением обложения импорта налогом, который может иметь место лишь

как исключение в неурожайные годы. Но потребители ежегодно выплачивают налог в 5 шилл. за все 21 млн. кварталов, что составляет 5 $\frac{1}{4}$ млн. ф. ст. Из них 250 тыс. ф. ст. идут в качестве компенсации производителям последнего миллиона кварталов за труд и капитал, бесполезно растраченные в результате непреодолимого давления со стороны закона. Остальные 5 млн. ф. ст. идут, как и прежде, на обогащение землевладельцев.

Именно таким оказалось воздействие в начальный период после введения совокупности норм, формально имеваемой «хлебными законами», и это воздействие сохраняется до тех пор, пока они продолжают хотя бы как-то влиять на повышение цены на хлеб. Однако я никоим образом не разделяю мнения, что в конечном счете именно они обуславливают либо рост цен, либо увеличение ренты в той мере, как это можно предположить исходя из приводимых здесь соображений. Все, что мы говорили о результатах воздействия десятины и прочих налогов на сельскохозяйственную продукцию, в огромной мере применимо и к хлебным законам. Они искусственно вызывают рост цены и ренты, который в любом случае произошел бы в связи с увеличением населения и расширением производства. Отличие страны, не имеющей хлебных законов, от страны, где эти законы действуют давно, не столько в том, что в последней выше уровень цен и ренты, сколько в том, что равный уровень цены и ренты достигнут в ней при меньшем совокупном капитале и меньшей численности населения. Введение хлебных законов способствует увеличению ренты, но замедляет процесс накопления, который с течением времени все равно поднял бы ее до такого же уровня. Отмена хлебных законов способствует снижению ренты, но высвобождает силы, которые вызовут ее увеличение в тех же или даже в больших размерах по мере роста капитала и численности населения. Есть все основания ожидать, что в условиях практически свободного импорта сельскохозяйственной продукции, право на который было наконец вырвано у правящих классов Англии, при дальнейшем росте населения цена пищевых продуктов будет постепенно, но неуклонно повышаться, хотя это повышение может быть несколько отсрочено благодаря господствующему у нас (и распространяющемуся на другие страны) сильному стремлению к развитию сельскохозяйственной науки и ее широкому практическому применению.

Все сказанное в целом о пошлинах на импорт товаров в равной мере применимо и к дифференциальным пошлинам, которые благоприятствуют импорту из определенного района или осуществляемому особым образом, как, например, обстоит дело в отношении преференций, предоставляемых товарам из колонии или из страны, с которой подписан торговый договор, или повышенных пошлин, которыми наши законы о мореплавании в прошлом облагали товары, ввозимые не на британских судах. О подобных разграничениях можно, пожалуй, сказать еще, что там, где они не просто бесполезны, они наносят ущерб с экономической точки зрения. Подобные меры вынуждают прибегать к более дорогостоящей процедуре приобретения товара вместо более дешевой и приводят к безвозвратной потере части труда, который страна использует для обеспечения заграничными товарами.

§ 6. Следует отметить еще одно обстоятельство, связанное с результатами воздействия налогов на товары, доставляемые из одной страны в другую. Речь идет о влиянии, которое эти налоги оказывают на международную торговлю. Любой налог на товар способствует росту цены на этот товар, а следовательно, снижению спроса на рынке, где этот товар продают. Поэтому все налоги на международную торговлю обычно вызывают нарушение и перестройку процесса, названного нами процессом «выравнивания международного спроса». Это соображение влечет за собой ряд довольно любопытных выводов, изложенных в отдельном очерке о международной торговле, на который уже не раз делались ссылки в данном труде.

Существует два вида налогов на внешнюю торговлю: на импорт и на экспорт. На первый взгляд может показаться, что и те и другие выплачиваются за счет потребителей товара и в результате налоги на экспорт полностью падают на иностранцев, а налоги на импорт — целиком на английского потребителя. Однако истинное положение вещей гораздо сложнее.

«Устанавливая налог на экспортные товары, мы можем при определенных обстоятельствах обеспечить для себя получение больших выгод от торговли. В некоторых случаях, возможно, удастся за счет иностранцев добиться поступления в казну средств, превышающих сумму налога.

В других случаях доходы будут равны сумме налога, а иногда — меньше. В последнем случае мы принимаем выплату части налога на себя, а может быть, и всего налога или, как мы покажем, возможно даже, потерю большего количества средств, чем весь налог».

Возвращаясь к приводимому в очерке условному примеру с торговлей сукном и полотном между Германией и Англией, «предположим, что Англия облагает свой экспорт сукна налогом, но не таким высоким, чтобы вынудить Германию начать производство сукна у себя. Цена, по которой можно продать сукно в Германии, под действием налога возрастает. Вероятно, это приведет к уменьшению его потребления. Снижение потребления может оказаться настолько значительным, что даже при возросшей цене общая величина спроса в денежном выражении уменьшается. Потребление может и не снизиться вообще или снизиться так незначительно, что вследствие возросшей цены денежная стоимость закупок окажется гораздо выше, чем раньше. В последнем случае Англия получит за счет Германии не только полную сумму налога, но и дополнительные средства, поскольку при возрастании денежной стоимости ее экспорта в Германию и сохранении импорта на прежнем уровне из Германии в Англию устремится поток денег. Цена сукна повысится в Англии, а следовательно, и в Германии, а вот цена полотна упадет и в Германии, и, следовательно, в Англии. Мы будем экспортировать все меньше сукна и импортировать все больше полотна до тех пор, пока равновесие не восстановится. Таким образом, создается впечатление (вначале это вызывает некоторое удивление), что, обложив налогом свой экспорт, Англия при определенных обстоятельствах не только получит за счет импортеров своих товаров всю сумму налога, но и обеспечит себе более дешевый импорт. Импортируемые товары будут обходиться ей дешевле по двум причинам: она будет приобретать их за меньшую сумму и у нее будет больше денег на покупку этих товаров. С другой стороны, Германия пострадает вдвойне: ей придется расплачиваться за сукно по цене, возросшей не только из-за введения налога, но и в связи с наплывом денег в Англию, в то время как вышеупомянутое изменение в распределении средств обращения оставит в ее распоряжении меньше средств для покупки этого сукна.

Однако это только один из трех возможных случаев.

Если после введения налога потребность Германии в сукне уменьшится настолько, что его общая стоимость останется точно такой же, как раньше, торговый баланс не будет нарушен. Англия получит средства, равные сумме налога, а Германия потеряет их — и больше ничего не произойдет. С другой стороны, если введение пошлины вызовет такое падение спроса, что импорт Германии в денежном выражении уменьшится, английский экспорт перестанет покрывать стоимость импорта; деньги должны будут поступать из Англии в Германию, и доля выгод последней от торговли возрастет. В связи с изменением в распределении денег стоимость сукна в Англии упадет, как неизбежно упадет она и в Германии. Таким образом, налог не будет целиком покрываться за счет Германии. По этой же причине стоимость полотна в Германии, а следовательно, и в Англии возрастет. Когда это изменение цен приведет к такому изменению спроса, что стоимость вывозимого сукна и ввозимого полотна вновь окажется одинаковой, выяснится, что Германия выплатила только часть налога, а остальная сумма, поступившая в нашу казну, была косвенным образом изъята из карманов наших же собственных потребителей полотна, которые вследствие налога на экспорт платят более высокую цену за импортируемый товар и в то же время — вследствие оттока денег и падения цен — располагают меньшими денежными доходами для оплаты полотна по повышенной цене.

Весьма возможно, что, установив налог на свой экспорт, мы не только ничего не получим с иностранцев, выплатив налог из собственного кармана, но еще и заставим свое население платить им дополнительный налог. Как и раньше, предположим, что с введением налога спрос на сукно в Германии снизится настолько, что для его удовлетворения потребуется меньше, чем прежде, денежных средств. В Англии же дело будет обстоять иначе, и после повышения цены спрос либо не уменьшится вообще, либо уменьшится столь незначительно, что для его удовлетворения потребуется больше денег, чем раньше. Первым следствием введения пошлины, как и в предыдущих примерах, будет то, что экспорт сукна перестанет компенсировать стоимость импортируемого полотна. Поэтому деньги будут поступать из Англии в Германию. В результате повысятся цены на полотно в Германии, а следовательно, и в Англии. Но это, можно предполагать, вместо прекращения оттока денег

только усилит его, поскольку, чем выше цена, тем выше денежная стоимость потребляемого полотна. Поэтому равновесие может быть восстановлено только за счет воздействия другого, одновременно происходящего процесса, а именно за счет снижения цены на сукно на английском и, следовательно, на немецком рынке. Даже при падении цены на сукно до столь низкого уровня, что его нынешняя цена оказывается равной его первоначальной цене до введения палого, следствием этого не обязательно будет прекращение ее падения; поскольку прежнего объема экспорта будет уже недостаточно для оплаты возросшей денежной стоимости импорта, и, хотя немецкие потребители не только получают сукно по старой цене, но и одновременно увеличат свои денежные доходы, нет уверенности, что они окажутся склонными использовать прирост доходов на увеличение закупок сукна. Поэтому для восстановления равновесия, вероятно, необходимо падение цен на сукно в размерах, превышающих общую сумму пошлины. У Германии может появиться возможность импортировать сукно, обложенное налогом по более низким ценам, чем раньше, когда налога еще не было, и выгоды она будет получать за счет английских потребителей полотна, которые, помимо всего прочего, окажутся фактическими плательщиками всей суммы, собранной их собственной таможей в виде пошлины на экспорт сукна».

Вряд ли есть необходимость говорить о том, что сукно и полотно приведены здесь лишь в качестве примера экспортируемых и импортируемых товаров и что возможные последствия налога на экспорт в виде повышения стоимости импорта затронут предметы ввоза из всех стран, а не только товары, которые могут импортироваться из конкретной страны, куда вывозятся обложенные налогом товары.

«Последствия, которыми может обернуться для нас и для наших покупателей введение налогов на наши экспортные товары, столь разнообразны, а имеющие решающее значение условия настолько трудно поддаются оценке, что, должно быть, почти невозможно — даже после введения налога — более или менее достоверно установить, остаемся ли мы в выигрыше или в проигрыше». Однако в целом вряд ли можно сомневаться в том, что стране, которая ввела подобные налоги, удастся обеспечить поступление части ее государственных доходов за счет других

стран, за исключением случаев, когда существует крайне острая потребность в обложенном налогом товаре, эти страны редко будут полностью покрывать сумму сбора от налога *. «Во всяком случае, то, что выручено нами, потеряно кем-то другим, и, кроме того, приходится еще нести расходы по сбору налогов. Поэтому если бы моральные нормы международных отношений были правильно поняты и надлежащим образом использовались, подобные налоги прекратили бы свое существование как противоречащие целям всеобщего благоденствия».

До сих пор речь шла о пошлинах на экспорт. А сейчас мы переходим к более типичному случаю налогообложения — к пошлинам на импорт. «Мы уже рассмотрели пример с налогом на экспорт, т. е. налогом на иностранцев, который мы частично выплачиваем сами. Поэтому мы не удивимся, если окажется, что налог на импорт, т. е. налог на нас самих, частично выплачивается за счет иностранцев.

Представим себе, что вместо обложения налогом сукна, которое мы экспортируем, мы взимаем налог с полотна, которое импортируем. Пошлина, существование которой мы допускаем, не должна быть так называемой покровительственной, т. е. столь высокой, чтобы стимулировать нас на организацию производства товара у себя в стране. Если бы последствия оказались именно такими, торговля и сукном и полотном была бы окончательно расстроена и обе страны потеряли бы все выгоды, которые они в прошлом имели от взаимного обмена этими товарами. Предположим, что введен налог, который может сократить потребление, но не воспрепятствует продолжению импорта того количества полотна, которое продолжает потребляться.

Торговый баланс был бы нарушен, если бы после введения налога количество потребляемого полотна уменьшилось хотя бы в самой незначительной степени. Поскольку налог взимается нашей собственной таможней, немецкий экспортер получает ту же самую цену, что и прежде, хотя

* Вероятно, самым ярким из известных примеров того, как налог на экспорт помогает получать огромные доходы за счет иностранцев, является опиумная торговля с Китаем. Высокая цена товара, находящегося в монополии правительства (что равнозначно высокой экспортной пошлине), оказывает такое незначительное воздействие на потребление, что утверждают, будто иногда опиум продается в Китае на вес по такой же цене, как и серебро.

английский потребитель платит за товар дороже. Поэтому при любом уменьшении количества покупаемого товара Англия должна будет заплатить Германии меньше, хотя в действительности за товар может быть уплачено больше, чем раньше. Эта сумма уже не будет равнозначна той, которая причитается Германии за сукно, в связи с чем разницу придется покрывать деньгами. В Германии цены упадут, а в Англии повысятся; на немецком рынке упадет цена полотна, а на английском — повысится цена сукна. Немцы будут платить дороже за сукно, а их денежные доходы, на которые можно совершать покупки, снизятся, в то время как англичане смогут покупать полотно дешевле, т. е. цена его превысит ранее существовавшую на сумму, которая меньше размеров пошлины, тогда как средств для покупки полотна у них будет больше в связи с ростом денежных доходов.

Если введение налога не снизит спроса, состояние торговли останется прежним. Мы будем импортировать и экспортировать столько же; и вся сумма налога будет выплачиваться из нашего собственного кармана.

Но введение налога на товар почти всегда в той или иной мере снижает спрос и никогда — или почти никогда — не может повысить его. Таким образом, можно вывести следующее правило: налог на импортируемые товары, действующий как налог, а не как полная или частичная запретительная мера, почти всегда частично падает на иностранцев, потребляющих наши товары; и благодаря этому нация может присвоить себе за счет иностранцев большую, чем пришлось бы на ее долю в иных случаях, часть прироста общей производительности труда и капитала в мире — прироста, являющегося результатом взаимного обмена на товарами между нациями».

Поэтому правы те, кто утверждает, что налоги на импорт частично оплачиваются иностранцами, но они ошибаются, когда говорят, что эти налоги оплачиваются иностранными производителями. Часть наших таможенных пошлин падает вовсе не на лицо, у которого мы покупаем, а на всех тех, кто покупает у нас. Иностранный потребитель — вот лицо, которому приходится платить дороже за наши экспортные товары, потому что мы взимаем фискальную пошлину с иностранных товаров.

Однако существуют два случая, когда пошлины на товары могут в большей или меньшей степени, так или иначе

падать на производителя. Первый случай — когда товар составляет безусловную монополию и он продается по цене дефицитного изделия. В этом случае цена ограничивается лишь желанием покупателя; сумма, получаемая за товар, предлагаемый в ограниченном количестве, будет пределом того, что покупатели готовы заплатить, лишь бы не остаться без товара. Если казна перехватывает часть этой суммы, то компенсировать налог за счет дальнейшего повышения цены невозможно, и выплачивать его придется из монопольной прибыли. Налог на редкие и дорогие вина целиком будет падать на производителей, а точнее, на владельцев виноградников. Второй случай — когда производитель несет иногда на себе часть налога, более важен: речь пойдет о налогах на продукт земли или рудников. Эти налоги могут быть настолько высоки, что они вызовут значительное сокращение спроса на соответствующий продукт и вынудят отказаться от разработки некоторых земель или рудников низкого качества. Если предположить, что результат окажется именно таким, то у потребителей как в самой стране, так и в странах, ведущих с ней торговлю, появится возможность приобретать продукцию по более низкой цене и на покупателя придется не весь налог, а только часть его. Компенсирование расходов покупателя произойдет в основном за счет землевладельцев и владельцев рудников страны-производителя.

Пошлины на импорт можно, таким образом, разделить «на два класса: те, в результате введения которых стимулируется развитие какой-либо конкретной отрасли отечественной промышленности, и те, в результате введения которых этого стимулирования не происходит. Первые наносят явный вред как самой стране, которая ввела их, так и тем, кто с ней торгует. Они препятствуют сбережению труда и капитала, которое, имея оно возможность осуществиться, было бы поделено в той или иной пропорции между страной-импортером и странами, покупающими то, что она экспортирует или может экспортировать.

Другой класс пошлин — это те, которые не поощряют какого-то одного способа приобретения товара в ущерб другому, а позволяют взаимному обмену осуществляться, как будто никаких пошлин не существует, позволяют добиться сбережения труда, являющегося стимулом развития как международной, так и любой другой торговли. К этому типу относятся пошлины на импорт любого то-

вара, который совершенно невозможно произвести у себя в стране, а также пошлины, недостаточно высокие для того, чтобы уравновесить разницу между издержками производства товара в стране и расходами на его импорт. Из денег, поступающих в казну любого государства от такого рода налогов, лишь часть выплачивается населением этого государства, остальные выплачиваются иностранными потребителями его товаров.

Тем не менее в принципе налоги последнего вида так же нежелательны, как и налоги первого, хотя и совершенно по другим причинам. Покровительственная пошлина никогда не может быть прибыльной, а всегда и неизбежно бывает убыточной для страны, устанавливающей ее, и именно тем убыточнее, чем сильнее эта пошлина удовлетворяет своему назначению. С другой стороны, пошлина, не имеющая покровительственной цели, в большинстве случаев служит источником выигрыша для страны, практикующей ее, поскольку перекладывание части бремени налогов на население другой страны есть выигрыш; но этим средством рекомендуется пользоваться как можно реже, ибо его действие можно легко свести на нет принятием другой стороной точно таких же мер.

Если в рассмотренном нами случае Англия попытается получить для себя больше естественной доли выгод от торговли с Германией, обложив пошлиной полотно, Германии нужно будет всего лишь обложить пошлиной сукно в таком размере, чтобы уменьшить спрос на этот товар примерно до того же уровня, до которого в Англии после введения налога упал спрос на полотно. Все возвратится на свои места, и каждая страна будет сама выплачивать свой налог, правда если сумма этих двух пошлин не превысит всех выгод от торговли. В последнем случае и торговля, и выгоды от нее просто перестанут существовать.

Поэтому введение подобных пошлин, имея в виду с их помощью извлечение прибыли описанным выше способом, не принесет никаких выгод. Когда же часть доходов получают от налогов на товары, то эти налоги часто не вызывают никаких особых возражений в сравнении с другими видами налогов. Очевидно также, что соображения взаимности, несущественные, когда речь идет о покровительственной пошлине, приобретают важное значение при обсуждении вопроса об отмене пошлин второго вида. Не следует рассчитывать на то, что страна откажется от своих

прав облагать налогами иностранцев, если иностранцы не откажутся в ответ от своих прав применительно к ней. Единственным способом самозащиты страны от потерь при введении другими странами пошлин на ее товары является введение аналогичных пошлин на их товары. При этом следует позаботиться, чтобы пошлины не оказались слишком высокими. Иначе они превзойдут все оставшиеся выгоды от торговли и вообще положат конец импорту, заставив либо производить товар в стране, либо импортировать его с другого, более дорогого рынка».

ГЛАВА V

О НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ НАЛОГАХ

§ 1. Помимо прямых налогов на доходы и налогов на потребление, в состав финансовых систем многих стран входят самые разнообразные налоги, не относящиеся, строго говоря, ни к тому, ни к другому классу. В современных европейских системах сохранилось множество таких налогов, хотя своим числом и разнообразием они значительно уступают налогам полуварварских государств, на которые еще не распространилось европейское влияние. В некоторых из этих государств едва ли найдется хоть одна жизненная ситуация, признаваемая уважительной причиной для освобождения от того или иного вида фискального обложения; никто не может совершить почти ни одного действия, выходящего за рамки повседневности, не получив на это разрешения со стороны соответствующего правительственного агента, которое дается лишь за деньги, особенно в тех случаях, когда дело требует помощи или специальной гарантии какого-либо органа государственной власти. В настоящем труде мы сосредоточим внимание на налогах, которые до недавнего времени существовали или до сих пор существуют в странах, обычно считающихся цивилизованными.

Почти все страны извлекают значительную часть доходов от налогов на договоры. Взимание этих налогов принимает самые разнообразные формы. Одним из приемов является взимание налогов с юридического документа, служащего подтверждением договора и обычно являющегося единственным доказательством, признаваемым законом. В Англии почти не существует договоров, которые имели бы обязательную силу, если они не заключены на гербовой бумаге, с которой уже выплачена пошлина правительству; и до самого последнего времени договоры, касающиеся собственности, облагались пропорционально более тяжелым налогом при совершении мелких, а не крупных сделок; это до сих пор справедливо в отношении некото-

рых из подобных налогов¹. Существуют и гербовые сборы с юридических документов, подтверждающих выполнение договора, как, например, свидетельства об уплате и документы об освобождении от обязательств. Налоги на договоры не всегда взимаются посредством гербового сбора. Одним из таких примеров был аннулированный Робертом Пилем сбор за продажу с аукциона. В качестве другого примера можно назвать налоги с передачи прав на земельную собственность во Франции, в Англии в этом случае взимают гербовые сборы. В некоторых странах многие виды договоров недействительны без регистрации, а процедура регистрации дает повод для взимания налога.

Из всех налогов на договоры самое важное значение имеют налоги на передачу собственности главным образом на покупку и продажу. Налоги на продажу товаров, предназначенных для потребления, являются просто налогами на эти товары. Если они затрагивают только какие-то конкретные товары, то вызывают повышение цен на них и выплачиваются потребителем. При попытке обложить налогом все покупки и продажи, что, несмотря на явную абсурдность, в течение веков было законом в Испании, такой налог, если бы его возможно было осуществить, был бы равносителен налогу на все товары и не отразился бы на уровне цен: при взимании с продавцов он оказался бы обычным налогом на прибыли, а при взимании с покупателей — налогом на потребителей, и ни один из этих классов не смог бы переложить свое бремя на другой. Затрагивая только определенный способ продажи, например с аукциона, он препятствует использованию этого способа, а будучи сколь-нибудь существенных размеров, вообще не допускает применения данного способа, за исключением случаев крайней необходимости. Но так как в этих случаях продавец испытывает настоятельную потребность продать, тогда как покупатель не испытывает необходимости купить, налог падает на продавца. Это было самым веским возражением против налога на продажу с аукциона, так как налог почти всегда падал на человека, находящегося в нужде, и к тому же в момент его самого критического состояния.

¹ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). В первоначальном тексте было сказано: «...при этом в отношении договоров, касающихся собственности, налог увеличивался, хотя и неравномерно, по мере увеличения денежной стоимости собственности».]

То же возражение можно привести и против налогов на покупку и продажу земли во многих странах. В старых странах с земельной собственностью расстаются редко, не считая случаев разорения или крайней необходимости. Поэтому продавец должен брать то, что ему удастся получить, тогда как покупатель, целью которого является помещение своего капитала, рассчитывает, сколько процентов он может получить при ином использовании денег, и не совершит покупки, если ему придется платить правительственный налог на эту сделку *.

Правда, выдвигается возражение, будто аргумент этот не будет иметь никакого значения, если все виды долгосрочного помещения капитала, такие, как приобретение государственных ценных бумаг, акций акционерных компаний, закладных и т. п., будут подвергнуты одинаковому налогу. Но даже и в таком случае этот налог при условии уплаты его покупателем будет равнозначен налогу на проценты. И если такой сбор достаточно велик, то он нарушает установившиеся соотношения между процентом и прибылью, и их восстановление произойдет только после увеличения нормы процента и падения цен на землю и все виды ценных бумаг. Поэтому мне кажется, что — за исключением особых обстоятельств — подобные налоги будут обычно уплачиваться не кем иным, как продавцом.

Следует осуждать все налоги, ставящие преграды продаже земли или других средств производства. Такие сделки обычно имеют тенденцию придавать собственности более производительный характер. Продавец — независимо от того, продает ли он по необходимости или по доброй воле, — вероятно, является лицом, либо не имеющим средств, либо не обладающим способностью с наибольшей выгодой использовать собственность в производительных целях; тогда как, с другой стороны, покупатель по крайней мере не находится в стесненных обстоятельствах и

* [1865 г.] Сказанное в тексте требует некоторого уточнения, когда речь идет о странах, в которых размер земельной собственности невелик. Эти небольшие клочки земли не представляют собой ценности и в целом не являются объектом привязанности к определенному месту, с ними легко расстаются, получив небольшую приплату к сумме первоначальной стоимости и с намерением совершить покупку в другом месте, а желание приобрести землю — даже на невыгодных условиях — столь велико, что почти не сдерживается даже высокими пошлинами.

зачастую склонен и способен улучшать свою собственность; а поэтому, учитывая, что она является для него более ценной, чем для других, он, вероятнее всего, готов будет предложить за нее самую высокую цену. Вследствие этого все налоги, все затруднения и расходы, связанные с подобными договорами, бесспорно, вредны, особенно касающиеся договоров относительно земли, которая служит источником существования и изначальной основой всех богатств и, следовательно, от улучшения которой так много зависит. Никакие льготы не должны считаться чрезмерными, когда речь идет о передаче земли из одних рук в другие с целью соединения или разделения ее, способствующих наиболее полному раскрытию ее производительных возможностей. Если земельные имения слишком велики, отчуждение должно быть свободно от налогов, чтобы можно было делить землю на более мелкие участки, а если участки слишком малы, то же самое необходимо для того, чтобы можно было объединить их. Все налоги на передачу земельной собственности следует отменить, но поскольку у землевладельцев нет оснований для освобождения от уплаты части ренты в пользу государства, как это делалось до сих пор, то следует установить ежегодный сбор, равный среднему доходу от этих налогов, и распределять его в форме поземельного налога между всеми землями вообще².

Некоторые из налогов на договоры оказываются чрезвычайно вредными, так как они, по сути дела, налагают штраф на сделки, поощрение которых должно входить в систему государственного управления. К подобным налогам относится гербовый сбор с договоров об аренде земли, хотя такая аренда в странах с крупной земельной собственностью является существенным условием хорошего сельского хозяйства; а налогообложение страхования является прямым противодействием стремлению к бережливости и предусмотрительности³.

² [Начиная с 3-го издания (1852 г.). Из первоначального текста исключена пространная сноска, иллюстрировавшая мысль о повышенных ставках гербовых сборов с договоров небольшого объема.]

³ [В этом месте в первых шести изданиях сохранялся с незначительными изменениями формулировок следующий отрывок, исключенный в 1871 г.: «В случае страхования от пожара налог удваивает сумму премии по страхованию от обычных рисков, так

§ 2. С налогами на договоры почти сходны налоги на связь. Главным среди них является почтовый сбор, к которому можно прибавить сборы с объявлений и газет, представляющие собой налоги на передачу информации.

Обычный способ взимания налога за доставку писем состоит в том, что правительство присваивает себе исключительное право пересылки их и устанавливает на эти услуги монопольную цену. Если эта цена так же умеренна, как в Англии, с единым тарифом в один пенс за письмо, едва ли превышающим размер оплаты, который был бы установлен любой частной компанией в условиях самой сильной конкуренции, то эта цена почти не воспринимается как налог, а скорее рассматривается в качестве прибыли коммерческого предприятия; превышение же уровня обычных прибылей с капитала является справедливым следствием сокращения издержек благодаря наличию в стране одного учреждения с системой подчиненных отделений вместо существования множества конкурирующих учреждений. К тому же это дело, в силу того что оно может и должно вестись на основе твердых и четких правил, принадлежит к тем немногим предприятиям, заниматься которыми вполне приличествует правительству. Поэтому в настоящее время в Англии почта представляет собой один из лучших источников получения государственных доходов. Однако почтовый сбор, значительно превышающий размер платы, которая взималась бы за ту же услугу при свободной конкуренции, представлял бы собой совершенно нежелательный налог. Главная его тяжесть падает в основном на деловую переписку и увеличивает расходы по поддержанию коммерческих отношений между отдаленными друг от друга местами. Это равносильно попытке собирать большие доходы посредством тяжелых дорожных пошлин, которые затрудняют все операции по перевозке товаров из одного места в другое и отбивают охоту произ-

что правительство заставляет страхующегося выплачивать премию, превышающую стоимость риска в три раза. Если бы такой налог существовал во Франции, мы не увидели бы, как это имеет место сегодня в ряде провинций, табличек страховых компаний почти на каждом коттедже или лачуге. Это, несомненно, следует приписать привычкам к предусмотрительности и расчетливости, являющимся следствием распространения собственности в среде трудящегося класса; но налог столь необычных размеров был бы тяжелой обузой для любой предусмотрительности.]

водить товары, предназначенные для потребления в другом месте. А между тем такое производство не только само по себе служит одним из главных источников экономики труда, но и является неперменным условием почти всех улучшений в производстве и одним из самых сильных средств стимулирования промышленности и содействия прогрессу цивилизации.

Налог на объявления вызывал⁴ такие же возражения, поскольку в той мере, в какой объявления полезны для предпринимательства, облегчая сближение торговца или производителя с потребителем, в такой же степени налог, если он настолько велик, что служит серьезным препятствием для публикации объявлений, увеличивает тот период, в течение которого товары остаются непроданными, а затраченный капитал бездействует⁵.

Налог на газеты вызывает порицания не столько в том случае, когда он уплачивается, сколько в тех случаях, когда он не уплачивается, т. е. когда он мешает пользоваться газетами. Для большинства тех, кто их покупает, газеты являются предметом роскоши, за который можно, пожалуй, позволить себе заплатить, как за любую другую прихоть, и который рассматривают поэтому как безупречный источник государственных доходов. Однако для той значительной части общества, которую научили читать, но которая получила ничтожное образование, газеты служат источником почти всех общих познаний, которыми они располагают, и почти всего объема информации об идеях и вопросах, интересующих человечество. При этом интерес к газетам возбуждается легче, чем к книгам или другим более сложным для восприятия источникам знаний. Непосредственно газеты так мало содействуют возникновению полезных идей, что многие недооценивают их важную роль в распространении этих идей. Газеты исправляют многие предрассудки и суеверия и поддерживают привычку рассуждать и интерес к общественным делам, отсутствие которого является основной причиной

⁴ [До 7-го издания (1871 г.) было «вызывает».]

⁵ [Начиная с 3-го издания (1852 г.) исключено следующее предложение первоначального текста: «В Англии сумма сбора умеренна, а злоупотребления публикацией объявлений, столь же бросающиеся в глаза, как и сама публикация, делают справедливую в принципе необходимость отмены налога не такой актуальной, как могло бы быть».]

умственной косности, обычно характерной для низших, средних, а то и всех остальных слоев населения в странах, где нет солидных и интересных газет. Не должно быть никаких налогов (как нет их сейчас в Англии) ⁶, из-за которых этот великий распространитель информации, источник умственного возбуждения и умственного упражнения, стал бы менее доступным для той части общества, которую особенно необходимо вовлечь в мир идей и интересов, выходящих за пределы ее ограниченного кругозора.

§ 3. При перечислении вредных налогов видное место необходимо отвести налогам на судопроизводство, с помощью которых государство извлекает для себя доходы из разного рода действий, связанных с обращением в органы правосудия. Подобно всем прочим бесполезным затратам в связи с судебными процессами, они являются налогами на справедливость и, следовательно, премией за несправедливость. Хотя в Англии подобные налоги как главный источник поступления государственных доходов уже упразднены, они все еще существуют в виде пошлин, взимаемых в судах на покрытие издержек по судопроизводству. Очевидно, при этом руководствуются той мыслью, что расходы по отправлению правосудия должны нести те лица, которые получают выгоду от него. Ошибочность этого мнения была убедительно доказана Бентамом. Как он отметил, те, у кого есть настоятельная необходимость обратиться в суд, получают от суда и судопроизводства наименьшие, а не наибольшие выгоды. Для них защита, предоставляемая законом, не была полной, поскольку им пришлось обратиться в суд, чтобы установить свои права или защитить их от посягательства других, в то время как остальная часть общества пользуется защитой от насилий, предоставляемой законом и судебными органами, и не испытывает неудобств, связанных с обращением в эти органы.

§ 4. Помимо общегосударственных налогов, во всех или в большинстве стран существуют местные налоги, идущие на покрытие общественных расходов, которые признается целесообразным передать под контроль или в

⁶ [Вставка в скобках впервые появилась в 7-м издании (1871 г.).]

распоряжение местной власти. Некоторые из этих расходов идут на цели, полностью или главным образом представляющие интерес для конкретной местности, как, например, мощение, уборка и освещение улиц или строительство и ремонт дорог и мостов, которые могут иметь важное значение для жителей какой бы то ни было части страны, но лишь постольку, поскольку эти жители или необходимые для них товары проходят по этим дорогам или перевозятся через эти мосты. В других же случаях расходы, имеющие такое же общенациональное значение, как и всякие другие, покрываются из местных средств, поскольку считается, что местные органы сумеют лучше распорядиться ими. Так, например, в Англии на местные органы возложены расходы на помощь бедным и содержание тюрем, а в ряде других стран и на содержание школ. Решение вопросов о том, какие проблемы общественного характера лучше всего передать под местный контроль, какие следует оставить в непосредственном ведении центрального правительства, а какие — под смешанным контролем при местном управлении и централизованном надзоре, относится не к политической экономии, а к сфере администрирования. Однако при введении органом местной власти налогов, получающих по сравнению с действиями правительства меньше гласности и вызывающих более ограниченное обсуждение, следует придерживаться важного принципа, который гласит, что налоги эти должны быть всегда конкретными, т. е. учреждаться для какой-то определенной цели и не превышать расходов, действительно необходимых для достижения этой цели. Желательно, чтобы с учетом изложенных ограничений бремя налогов во всех случаях, когда это возможно, падало на тех, кому приносят выгоду такие расходы: так, например, расходы на строительство мостов и дорог должны покрываться за счет дорожной пошлины с перевозимых по ним пассажиров и товаров, распределяя, таким образом, издержки между теми, кто пользуется ими ради удовольствия или удобства, и потребителями товаров, которые эти мосты и дороги позволяют доставлять на рынок и увозить с него с меньшими затратами. Однако, когда с помощью сборов полная сумма затрат возвратится с процентами, дороги или мосты должны быть освобождены от пошлины, дабы ими могли воспользоваться и те, для кого они, не будучи бесплатными, были бы бесполезными. Сред-

ства на их ремонт должны поступать либо из государственной казны, либо посредством сбора определенного налога с местностей, получающих наибольшую выгоду.

Почти все местные налоги в Англии (за исключением городской пошлины на уголь в лондонском сити и ряда аналогичных сборов) — прямые, тогда как значительная часть общегосударственных налогов — косвенные. Наоборот, во Франции, Австрии и других странах, где государство гораздо шире пользуется прямыми налогами, местные городские расходы покрываются главным образом за счет налогов, взимаемых с товаров, которые ввозятся в город. Такое взимание косвенных налогов в городах гораздо вреднее, чем на границах, поскольку вещи, которыми страна снабжает города, являются в основном предметами первой необходимости и материалами для производства, тогда как большая часть импорта страны из-за рубежа состоит обычно [1848 г.] из предметов роскоши. Городские сборы (*octroi*) не в состоянии обеспечить крупных поступлений без жесткого притеснения трудящихся классов города, если только их заработная плата не увеличивается в пропорциональном размере. В этом случае большая часть налога падает на потребителей продукции города, живущих как в нем самом, так и в сельской местности, поскольку капитал не останется в городе, если прибыли там упадут ниже обычного уровня в сравнении с сельскими районами⁷.

⁷ [См. Приложение GG. «Распределение налогового бремени».]

СРАВНЕНИЕ ПРЯМЫХ НАЛОГОВ С КОСВЕННЫМИ

§ 1. Какие налоги предпочтительнее — прямые или косвенные? Этот вопрос, всегда представлявший интерес, в последнее время породил большое количество споров. В Англии широко распространено давно укоренившееся настроение в пользу косвенных налогов, а вернее сказать, против прямых налогов. Основывается оно не на признании достоинств одного вида перед другим, а на соображениях легкомысленного свойства. Англичанин питает антипатию не столько к необходимости, сколько к самому процессу платежа. Его раздражает вид сборщика налогов, раздражают предъявляемые им категорические требования. Возможно также, что деньги, которые приходится платить прямо из кармана, кажутся ему вообще единственным выплачиваемым налогом. Нельзя отрицать, что налог в 1 шилл. на фунт чая или в 2 шилл. на бутылку вина увеличивают цену каждого потребляемого им фунта чая и каждой бутылки вина на сумму налога, а то и на большую сумму. Это истина, такой она и мыслится, и временами англичанин сам четко осознает ее, но это никак не отражается на его практических устремлениях и представлениях, что наглядно иллюстрирует различие между простым знанием истины и ее внутренним прочувствованием. Непопулярность прямых налогов в отличие от легкости, с которой общество позволяет обирать себя с помощью цен на товары, привела многих приверженцев прогресса к убеждению, прямо противоположному вышеизложенному. По их утверждению, основная причина неприятия прямых налогов говорит как раз об их предпочтительности. При прямом налоге каждый знает, сколько он действительно платит, и если уж и голосует за войну или любую другую расточительную национальную роскошь, то делает это с полным сознанием того, во что это ему обойдется. Если бы все налоги были прямыми, в системе налогообложения разбирались бы гораздо лучше, чем сейчас, и существовало бы отсутствующее ныне стремление в экономном подходе к государственным расходам.

Хотя этот аргумент и имеет определенную силу, он наверняка будет постоянно терять свое значение. Действительное значение косвенных налогов с каждым днем лучше понимается и сильнее усваивается большей частью населения. И что бы ни говорили о переменах, происходящих в человеческих умонастроениях, вряд ли, по-моему, можно отрицать, что вещи все чаще и чаще оцениваются по их действительной стоимости и все реже — по их несущественным второстепенным признакам. Уже не только от простой разницы между уплатой денег непосредственно сборщику налогов и выплатой такой же суммы через посредничество торговца чаем или вином зависит неприязнь или оппозиция по отношению к первому виду уплаты и пассивное согласие по отношению ко второму. Кроме того, до тех пор пока существует подобная неопределенность в общественном мнении, доводы, основанные на ней, говорят отчасти и в пользу косвенных налогов. Если бы все наши нынешние государственные доходы порядка 70 млн. ф. ст. [1862 г.] были получены с помощью прямых налогов, наверняка возникло бы сильное недовольство по поводу необходимости платить так много; но пока в своих убеждениях люди настолько мало руководствуются здравым смыслом, о чем свидетельствует подобная перемена, вызываемая явно несущественной причиной, столь огромная неприязнь к налогам не может являться безоговорочным благом. Из 70 млн. ф. ст., о которых идет речь, около 30 млн. ф. ст. идет на уплату по самым настоятельным обязательствам людям, капиталы которых были взяты займы и израсходованы государством, и, пока этот долг остается непогашенным, растущая нетерпимость к налогообложению сулит немалую опасность подрыва доверия, подобного тому, какое произошло по той же причине в нарушивших свои обязательства американских штатах и еще до сих пор продолжается в некоторых из них. Кстати, та часть государственных расходов, которая предназначена для содержания гражданских и военных учреждений (т. е. все расходы, за исключением процентов по государственному долгу), действительно открывает большие возможности для экономии средств¹. Но в то время как большая часть государственных доходов растратыва-

¹ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). Согласно первоначальному тексту, расходы на содержание гражданских и военных учреждений были «во многих случаях излишне щедрыми, однако,

ется впустую под предлогом общественной пользы, такая масса самых настоятельных правительственных задач остается невыполненной, хотя все, что может быть спасено от бесполезного растрачивания, крайне необходимо для расходов на полезные цели. Идет ли речь о развитии просвещения, об устройстве более эффективного и доступного правосудия, о проведении всевозможных реформ, требующих, подобно освобождению рабов, вознаграждения отдельных лиц, или, что не менее важно, о содержании достаточного штата способных и образованных государственных должностных лиц, дабы покончить с нынешней неуклюжей манерой ведения законодательных и административных дел, — каждое из этих мероприятий предполагает значительные затраты, и многие из них уже не раз оказывались неосуществленными из-за существующего нежелания обратиться к парламенту с просьбой об увеличении правительственных ассигнований, хотя (не говоря о том, что уже имеющихся средств, если применять их должным образом, было бы, вероятно, достаточно) издержки оказались бы возмещенными — зачастую во сто крат — одними только финансовыми выгодами для общества в целом. Если бы общественная неприязнь к налогам возросла в столь огромной мере, какая возможна только при прямых налогах, то и тогда классы, наживающиеся на неправильном использовании правительственных денежных средств, вероятно, сумеют отстоять то, за счет чего они наживаются, в ущерб тому, что было бы полезно для всего общества.

Тем не менее в поддержку косвенных налогов часто раздается такой призыв, который, однако, необходимо сразу и полностью отвергнуть как основанный на ложном аргументе. Часто говорят, что налоги на товары по сравнению с другими менее обременительны, поскольку плательщик может избежать их, перестав пользоваться товаром, обложенным налогом. Конечно, он может, наметив себе такую цель, не давать правительству своих денег, но при этом он жертвует собственными потребностями, а такое пожертвование (если он решается на него) сбережет

хотя многие их статьи и выдержат большое сокращение, другие, несомненно, требуют увеличения». При этом автор не выражал надежды, как следует из фразы в скобках в конце абзаца, также появившейся в 3-м издании, что экономия обеспечит достаточно средств для их использования в других целях.]

ему равную сумму и при прямых налогах. Предположим, что налог, взимаемый с вина, увеличивает цену ежегодно потребляемого человеком количества этого вина на 5 ф. ст. Человеку (утверждают) нужно просто сократить потребление вина на 5 ф. ст., и он избежит налога. Правильно. Но если эти же 5 ф. ст., вместо того чтобы взиматься с вина, будут изъяты у него в виде подоходного налога, он сможет, истратив на вино на 5 ф. ст. меньше, также сэкономить соответствующую часть налога, и поэтому разница между двумя видами налога оказывается в действительности чисто иллюзорной. Если правительство тем или иным способом забирает у плательщика 5 ф. ст. в год, то для сохранения материального положения на прежнем уровне он должен будет сэкономить точно такую же сумму за счет своего потребления, так что в любом случае на него налагается одинаковое пожертвование, ни больше ни меньше.

С другой стороны, определенная выгода косвенных налогов заключается в том, что взимаемые с плательщиков суммы, вероятнее всего, берутся в удобное для него время и наиболее удобным способом. Налог уплачивается в тот момент, когда ему, во всяком случае, необходимо произвести платеж; так что это не вызывает никаких дополнительных забот, никаких (если только это не налог на предметы первой необходимости) неудобств, кроме тех, что неразрывно связаны с самим фактом платежа. За исключением случаев, когда речь идет о скоропортящихся товарах, он может самостоятельно выбрать время для создания запаса товара, а значит, и время для уплаты налога. Производитель или торговец, выплачивающий эти налоги авансом, иногда испытывает, правда, при этом затруднения, но для импортных товаров эти затруднения сводятся к минимуму благодаря так называемой системе приписного складирования (*warehousing system*), при которой от него требуется уплата пошлины не в момент ввоза, а только при вывозе товаров со склада для сбыта, что делается в большинстве случаев только тогда, когда торговец уже нашел или надеется незамедлительно найти покупателя.

² Однако самое сильное возражение против получения

² [Приводимая здесь редакция двух первых предложений абзаца впервые появилась в 3-м издании (1852 г.). В первоначальном тексте (1848 г.) было сказано:

больших сумм государственных доходов полностью или в основном за счет прямых налогов заключается в невозможности справедливого определения их размеров без добросовестного сотрудничества со стороны плательщиков, на что при современном низком уровне общественной нравственности надеяться не приходится. Применительно к подоходному налогу мы уже установили, что, до тех пор пока не будет найдено способа вообще освободить сбережения от обложения налогом, не удастся с достаточной степенью беспристрастности пропорционально обложить налогом тех, чьи доходы извлекаются из предпринимательской деятельности или занятий свободными профессиями. И это, кстати, признается большинством приверженцев прямого налогообложения, которые, к моему удивлению, обычно преодолевают эту трудность, предлагая освободить соответствующие классы от налогового обложения и рекомендуя в своих проектах взимать подоходный налог только с «реальной собственности», в результате чего основным достоинством налога становится легкость, с какой его можно украсть. Об осуждении этого способа говорилось уже много. Мы видели, однако, что налог на дома, являющийся одной из форм прямого налогообложения, не вызывает таких возражений, как подоходный налог, и вообще против него выдвигается так же мало возражений, как и против любого из наших косвенных налогов. Но с помощью налога на дома невозможно было бы получить большую часть государственных доходов Великобритании, не вызывая при этом нежелательной скученности населения, ибо у всех появится сильное стремление уклониться от налога путем сокращения размеров своих жилищ. Кроме того, даже и в налоге на дома есть неравномерность, а следовательно, и несправедливость; ни один налог не свободен от них; и будет неправильно и неблагоприятно сосредоточивать все случаи несправедливости на одних и тех же лицах, рассчитывая на возмещение всех или основной части государственных расходов за счет

«Однако решающее возражение против получения больших сумм государственных доходов в основном за счет прямых налогов заключается в невозможности справедливого определения их размеров. Я уже указывал, что применительно к подоходному налогу никогда не удастся с достаточной степенью беспристрастности пропорционально обложить налогом тех, чьи доходы извлекаются из коммерческого предприятия или занятий свободными профессиями.»]

одного налога. В Англии уже взимается на местные нужды в форме налога на дома такая сумма, что, вероятно, для общегосударственных целей с пользой можно взимать этим способом миллионов десять фунтов.

Как мы видели, определенную часть государственных доходов можно получать посредством особого налога на ренту, не допуская при этом никакой несправедливости. Я уже доказывал, что, помимо существующего поземельного налога и налога, равного получаемому теперь доходу с помощью гербовых сборов за передачу прав на землю, можно будет через некоторое время ввести новый налог, позволяющий государству участвовать в прогрессивном увеличении в силу естественных причин доходов землевладельцев. Завещания и наследства должны также, как мы видели, подвергаться налогообложению, размеры которого были бы достаточными для получения значительных сумм государственных доходов. Мне кажется, что, установив эти налоги и налог на дома, взимаемый в соответствующих размерах, мы достигли бы благоразумного предела в деле прямого налогообложения, который должен соблюдаться всегда, за исключением случаев чрезвычайного положения в стране, когда у правительства будут основания не принимать во внимание степень несправедливости и пристрастности, которые в конечном счете окажутся неразрывно связанными с подоходным налогом³. Остальную часть государственных доходов пришлось бы получать с помощью налогов на потребление, и весь вопрос в том, какие из этих налогов наименее вредны.

§ 2. Существуют некоторые виды косвенного налогообложения, с которыми должно быть покончено раз и навсегда. Введенные ради сбора государственных доходов налоги на товары не должны действовать как покровительственные пошлины, а должны беспристрастно взиматься со всех возможных способов приобретения товара независимо от того, производится он в стране или импортируется. Следует также уничтожить все налоги на предметы первой необходимости или материалы и орудия, при-

³ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). В первоначальном тексте было сказано: «...не принимать во внимание несправедливость и пристрастность, неразрывно связанные с любой практикуемой формой подоходного налога».]

меняемые при производстве этих предметов. Такие налоги всегда предрасположены к посягательству на то, что следует оставить свободным от налогообложения — на доходы, которых едва хватает для поддержания здорового существования, и даже в самом благоприятном случае, когда изъятие налога у работников компенсируется повышением заработной платы, налог этот выступает в виде особого налога на прибыли, становящегося тотчас несправедливым и пагубным для национального богатства *. Остаются еще налоги на предметы роскоши. У этих налогов есть некоторые черты, решительно говорящие в их пользу. Во-первых, они никогда, никоим образом не смогут затронуть тех, чей доход целиком тратится на предметы первой необходимости, и в то же время распространяются на лиц, тратящих средства, необходимые для приобретения предметов первой необходимости, на удовлетворение прихотей. Кроме того, в ряде случаев они действуют как полезный — причем единственно полезный — вид закона против роскоши. Я отвергаю всякий аскетизм и никоим образом не хочу, чтобы с помощью закона или общественного мнения чинились препятствия любой прихоти (сообразно со средствами и обязанностями подверженного ей лица), к удовлетворению которой стремятся в силу искреннего влечения к вещи и наслаждения ею; но большая часть расходов средних и высших классов в большинстве стран — и самая большая доля в Англии — делается не ради получения удовольствия от вещей, на которые затрачены деньги, а в угоду общественному мнению и исходя из понятия, будто определенное общественное положение обязательно предполагает производство людей

* Некоторые утверждают, что от налогообложения следует освободить материалы и орудия, применяемые в любом производстве; однако, если эти материалы и орудия не участвуют в производстве предметов первой необходимости, они представляются, по моему мнению, такими же подходящими объектами для налогообложения, как и готовые изделия. Подобные налоги рассматриваются как вредные главным образом применительно к сфере внешней торговли. С международной точки зрения они должны восприниматься как пошлины на экспорт и сопровождаться равнозначной возвратной пошлиной на импорт, за исключением случаев, когда пошлина на экспорт является целесообразной. Но нет никаких достаточных оснований возражать против обложения налогом материалов и орудий, применяемых в производстве того, что само по себе является достойным объектом налогообложения.

ми тех или иных конкретных расходов; и я не могу не считать затраты подобного рода наиболее желательным объектом для налогообложения. Если налог помешает производству таких расходов, он сделает доброе дело, если нет — не будет никакого вреда, поскольку до тех пор, пока налоги взимаются с вещей, стремление к которым и обладание которыми диктуются описанными мотивами, никому от этого хуже не станет. Когда вещь покупают не для пользования ею, а из-за ее дороговизны, дешевизна не считается достоинством. Как заметил Сисмонди, следствием удешевления атрибутов тщеславия является не сокращение расходов на эти вещи, а замена покупателями подешевевшего изделия другим, более дорогим, или тем же изделием, но только высшего качества, а поскольку вещь низкого качества также удовлетворяла тщеславным целям, пока была достаточно дорога, налог на товар фактически не выплачивается никем, так что при этом способе сбора государственных доходов никто ничего не теряет*.

* «Если предположить, что алмазы можно получать только из какой-то одной конкретной, к тому же отдаленной страны, а жемчуг — из другой и что по естественным причинам продукцию шахт в одной стране и продукцию жемчужных полей в другой стало вдвое труднее добывать, результат подобного положения выразится в том, что с течением времени признаком несомненного богатства или принадлежности к определенному общественному сословию будет служить всего половина необходимого ранее для этой цели количества алмазов и жемчуга. Производство этого ныне сократившегося по сравнению с прошлым количества потребует того же самого количества золота или какого-либо другого продукта, сводимого в конечном счете к труду, которое требовалось ранее для производства большей массы алмазов и жемчуга. Даже при создании помех постановлениями законодателей... в пригодности этих товаров для удовлетворения тщеславия не может произойти никаких перемен». Предположим, что обнаружено средство, с помощью которого физиологический процесс образования жемчуга можно вызывать *ab libitum* (по желанию), в результате чего для получения каждой жемчужины требуется всего лишь пятисотая часть прежнего количества труда. «Конечный результат этой перемены будет зависеть от того, свободны жемчужные поля или нет. Если они доступны для каждого, так что вся добыча жемчуга сводится только к труду отыскания его в воде, нитку жемчужин можно будет, пожалуй, купить за несколько пенсов. Следовательно, даже беднейший класс общества мог бы позволить себе иметь жемчуг в качестве украшения. Таким образом, вскоре жемчуг стал бы чем-то чрезвычайно вульгарным и немодным и, наконец, потерял бы всякую ценность. Однако, если предположить, что вместо свободных жемчужных полей есть территория, находящаяся под полным

§ 3. С целью максимально возможного устранения неудобств и умножения выгод, связанных с налогами на товары, необходимо руководствоваться следующими очевидными практическими правилами. Во-первых, следует извлекать максимально возможный доход с тех предметов роскоши, которые имеют наибольшую связь с тщеславием и наименьшую с положительным использованием, таких, как наиболее дорогие сорта всех личных принадлежностей и украшений. Во-вторых, следует всегда, когда только возможно, брать налог не с производителя, а непосредственно с потребителя, поскольку от взимания налога с производителя цена товара неизбежно поднимается больше — и зачастую намного больше, — чем на всю сумму самого налога. Большая часть второстепенных налогов на роскошь в Англии основана на этих двух правилах. Что же касается лошадей и экипажей, то, поскольку для многих людей по причине здоровья или телосложения они являются не столько предметами роскоши, сколько предметами первой необходимости, налог, выплачиваемый владельцами всего одной верховой лошади или одного экипажа, особенно из разряда недорогих, должен быть низким; и в то же время налог должен стремительно расти по мере увеличения числа лошадей и экипажей, а также по мере увеличения их стоимости. В-третьих, поскольку единственными косвенными налогами, дающими крупные поступления, являются налоги на изделия всеобщего или очень широкого потребления и поскольку вследствие этого необходимо иметь ряд налогов на подлинные предметы роскоши, т. е. на вещи, которые приносят удовольствие сами по себе и ценятся скорее именно за это, а не за свою стоимость, налоги

контролем правительства, и что жемчуг можно добывать только на этой территории, то по мере появления новых открытий правительство могло бы вводить на жемчуг пошлину, равнозначную сокращению количества труда, необходимого для его добычи. В этом случае жемчуг будет цениться так же высоко, как и прежде. Его природная красота останется неизменной. Изменится характер трудностей, которые придется преодолевать для приобретения жемчуга; однако они останутся такими же большими, а поэтому жемчуг будет соответственно служить признаком богатства тех, кто им обладает». Чистый доход, получаемый с помощью подобного налога, «не будет стоить обществу ничего. При отсутствии злоупотреблений в его применении, он, несомненно, составит в размере всей своей суммы чистую прибавку к общественным средствам». — R a e. *New Principles of Political Economy*, p. 369—371 [*Sociological Theory of Capital*], p. 286—288].

эти должны быть рассчитаны таким образом, чтобы возлагать по возможности одинаковое бремя на небольшие, умеренные и крупные доходы. А это непросто, ибо вещи, доставляющие самую большую сумму налога, соразмерно с доходами гораздо больше потребляются не богатыми, а бедными членами общества. Чай, кофе, сахар, табак, спиртные напитки едва ли удастся обложить налогом таким образом, чтобы бедным не пришлось нести бóльшую, чем им положено, долю бремени. Кое-чего можно было бы добиться, установив на товары высшего качества, используемые богатыми потребителями, налог в гораздо большем процентном отношении к стоимости товара (а не в гораздо меньшем, как это почти всюду имеет место при нынешней [1848 г.] английской системе налогообложения); однако не знаю, насколько верно, но утверждают, что в некоторых случаях трудности установления суммы налога по отношению к стоимости с таким расчетом, чтобы не допустить уклонения от его уплаты, непреодолимы, и поэтому считают необходимым введение единого фиксированного налога на товары любого качества, что является вопиющей несправедливостью по отношению к беднейшему классу плательщиков, если только она не компенсируется наличием прочих налогов, как, например, нынешнего подоходного налога, от которых эти классы были бы совершенно освобождены. В-четвертых, в меру совместимости с предыдущими положениями налоги должны скорее сосредоточиваться на небольшом количестве товаров, нежели охватывать многие, дабы сократить издержки по сбору налогов и свести к минимуму виды занятий, которым будут создаваться обременительные и досадные помехи. В-пятых, среди предметов роскоши всеобщего потребления предпочтительнее облагать налогом алкогольные напитки, ибо хотя они сами по себе и доставляют настолько же законное удовольствие, как и всякий другой предмет роскоши, тем не менее употребление их чаще доходит до излишества, так что ограничение потребления, естественно возникающее в связи с налогом, в общем и целом применимо к ним с большей пользой, чем к другим вещам. В-шестых, насколько позволяют другие соображения, взимание налогов должно ограничиваться импортируемыми товарами, поскольку их можно обложить налогом, создавая при этом гораздо меньше досадных помех и вызывая меньше случайных неблагоприятных последствий, чем это имеет

место при обложении налогом поля или мастерской. Таможенные пошлины вызывают *caeteris paribus* (при прочих равных условиях) значительно меньше возражений, чем акциз, но ими следует облагать только те вещи, которые или не могут, или по крайней мере не будут производить внутри страны; производство их там должно быть или запрещено (как табак в Англии), или обложено акцизным сбором, равным таможенной пошлине. В-седьмых, ни один налог не должен быть столь высоким, чтобы давать слишком веский повод для уклонения от уплаты, повод, с которым невозможно бороться при помощи обычных предупредительных мер, и, главное, ни один товар не должен быть обложен столь высоким налогом, чтобы породить к жизни класс не подчиняющихся законам личностей, контрабандистов, тайных винокуров и им подобных.

Из акцизных сборов и таможенных пошлин, существовавших до последнего времени в Англии, все, которые по существу своему не соответствовали хорошей системе налогообложения, были отменены после недавних реформ Гладстона⁴. Среди отмененных оказались все пошлины на обычные продукты питания⁵ как для людей, так и для скота; пошлины на строевой лес, ввиду того что они падают на материалы для строительства жилья, являющиеся одним из предметов первой необходимости; пошлины на все металлы и орудия из них; налог на мыло как на предмет первой необходимости для поддержания чистоты и на жир, входящий в состав мыла и ряда других предметов первой необходимости; налог на бумагу как незаменимое средство при ведении практически любых дел и почти всех видов обучения. Налоги, дающие в настоящее время почти половину таможенной и акцизной выручки, а именно налоги на сахар, кофе, чай, вино, пиво, спиртные напитки и табак, сами по себе в высшей степени удобны там, где требуется большая сумма доходов. Однако сегодня они чудовищно несправедливы из-за той несоразмерной тяже-

⁴ [Так начиная с 5-го издания (1862 г.). В первоначальном тексте (1848 г.) было сказано: «Если исходить из изложенных нами положений, некоторые из существующих ныне в Англии акцизных сборов и таможенных пошлин должны быть вообще ликвидированы».]

⁵ [Следующая сноска, добавленная в 6-м издании (1865 г.), была опущена из 7-го издания (1871 г.): «За исключением пошлины в 1 шилл., взимаемой с каждого квартера зерна, служащей явно целям учета и едва ли хоть сколько-нибудь обременительной».]

сти, с какой они ложатся на бедные классы, а некоторые из них (как, например, пошлины на спиртные напитки и табак) так высоки, что вызывают к жизни значительный⁶ поток контрабанды. Весьма вероятно, что большинство этих налогов можно было бы резко сократить без каких-либо существенных потерь в сумме доходов. Решение вопроса о том, каким образом с наибольшей выгодой облагать налогом изделия высшего качества, потребляемые богатыми, я должен оставить на усмотрение лиц, обладающих необходимыми практическими знаниями. Основная трудность состоит в том, чтобы достигнуть этой цели, не создавая недопустимо больших помех для производства. В странах, которые, подобно Соединенным Штатам Америки, импортируют основную долю потребляемых ими фабричных изделий высшего качества, проблема решается без особого труда; и даже в тех странах, которые импортируют только сырье, последнее можно обложить налогом, а для высших сортов этого сырья, идущих исключительно на изготовление товаров, употребляемых богатыми классами, может быть установлен повышенный налог. Таким образом, введение Англией высокой таможенной пошлины на шелк-сырец было бы с этой точки зрения логичным. Вероятно, было бы полезно также обложить налогом высококачественную хлопчатобумажную и льняную пряжу независимо от того, производится она в стране или импортируется.

⁶ [Так начиная с 5-го издания (1862 г.). В первоначальном тексте сказано «огромный».]

ГЛАВА VII

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ДОЛГЕ

§ 1. Теперь необходимо нам рассмотреть вопрос о том, насколько справедливо или целесообразно получать деньги для нужд государства не путем введения налогов, позволяющих собрать требуемую сумму, а путем изъятия части капитала страны в форме займа, причем за счет государственных доходов должны уплачиваться лишь проценты. Не стоит говорить здесь о займе денег для удовлетворения временных потребностей, например посредством выпуска казначейских векселей, погашаемых самое позднее через год или два за счет поступлений от существующих налогов. Это удобное, а если у правительства отсутствуют какие-либо резервы и запасы, то зачастую и необходимое средство при возникновении чрезвычайных расходов или при временном истощении обычных источников дохода. Мы же намереваемся рассмотреть уместность существования постоянного государственного долга; покрытия расходов, связанных с войной или возникновением определенных трудностей, за счет размещения займов, погашение которых будет осуществляться постепенно и в течение продолжительного периода времени или которые вовсе не будут погашаться.

Этот вопрос уже затрагивался в кн. I*. Мы отмечали, что если капитал берется в форме займа из фондов, либо задействованных в производстве, либо предназначенных для этого, то подобное отвлечение его разнозначно изъятию всей этой суммы из заработной платы трудящихся классов. В этом случае заем не избавляет от необходимости собрать данную сумму в течение года. Правительство, размещающее заем, на самом деле берет данную сумму в течение года, и притом через налог, падающий исключительно на трудящиеся классы; а это отнюдь не лучше того, как если бы оно удовлетворило свои потребности за счет традиционных налогов; и в таком случае вся операция со всеми ее пороками окончилась бы с исчезновением затруд-

* См. ранее, т. I, с. 176—177.

нительных для государства обстоятельств, тогда как при использовании окольного пути денежный эквивалент, изымаемый у работников, получает не государство, а наниматели труда; государство же остается на века обремененным долгом и процентами на него. При таких обстоятельствах систему государственных займов можно признать наихудшей из тех, что при нынешнем состоянии цивилизации все еще числятся в арсенале финансовых мер.

Вместе с тем мы отмечали, что существуют обстоятельства, при которых займы не влекут за собой такие пагубные последствия, а именно когда, во-первых, займы берет иностранный капитал, представляющий собой избыток всемирного накопления, и когда, во-вторых, капитал невозможно было бы сберечь, не оказись для него открытым данный способ вложения, либо, будучи сбережен, он был бы растрочен впустую на непроизводительные предприятия или ушел бы за границу в поисках своего применения. Когда прогресс в накоплении сводит прибыли к окончательному или практическому минимуму, т. е. до той величины, при дальнейшем уменьшении которой прекратился бы рост капитала или все новые накопления отправлялись бы за границу, правительство может каждый год забирать эти новые накопления, не уменьшая при этом ни занятости, ни заработной платы трудящихся классов своей собственной, а возможно, и любой другой страны. Следовательно, в этих пределах система займов может функционировать, не подвергаясь тому решительному и безусловному осуждению, которое имеет место, когда она выходит за эти пределы. Важно только найти показатель, позволявший установить, вышла ли эта система за данные пределы в течение какого-либо определенного периода времени, как, например, в последнюю большую войну (т. е. 1793—1815 гг.), или нет.

И такой показатель — вполне определенный и достоверный — существует. Вызвали ли операции правительства с займами увеличение ставки процента? Если оно всего лишь открыло новый путь помещения капитала, который без того не был бы накоплен или же, будучи накоплен, не нашел бы себе применения внутри страны, то это означает, что капитал, взятый и израсходованный правительством, не смог бы найти применения при существующей ставке процента. До тех пор пока займы только поглощают этот излишек, они препятствуют формированию

тенденций к понижению ставки процента, не способствуя к тому же и ее росту. Когда же они повышают ставку процента, как это случилось в исключительных масштабах во время Французской войны *, это служит явным доказательством, что правительство выступает в роли конкурента в борьбе за получение капитала, располагающего обычными путями производительного вложения, и забирает не только те фонды, которые не нашли бы производительного применения в самой стране, но и те, которые нашли бы его. Следовательно, вся та часть государственных займов, которая во время войны явилась причиной роста ставки процента по сравнению с ее уровнем, существовавшим до и после войны, принесла все те вредные последствия, которые были указаны нами выше. Если возразят, что процент рос якобы только по причине роста прибылей, то я отвечу, что это не ослабляет, а, наоборот, укрепляет мой аргумент. Если государственные займы вызвали рост прибылей за счет поглощения огромных сумм капитала, то каким иным способом, как не снижением заработной платы работников, они могли оказать подобное влияние? Возможно, скажут, что поддержание высокого уровня прибылей во время войны объясняется не отвлечением национального капитала с помощью займов, а стремительным прогрессом усовершенствований в промышленности. В значительной степени так и было, и это, несомненно, облегчило бремя трудящихся классов, а также сделало существующую финансовую систему менее вредной, но не менее противоречащей самому принципу. Эти усовершенствования в промышленности открывали простор для приложения большей суммы капитала; а правительство, забирая значительную часть ежегодных накоплений, если и не могло помешать образованию капитала вообще (поскольку формирование капитала после заключения мира шло чрезвычайно высокими темпами), то мешало его своевременному образованию. И пока шла война, оно уменьшало на всю эту величину суммы, распределявшиеся между производительными работниками. Если бы правительство не брало этого капитала взам и позволяло ему перейти в руки работников, а получало бы необходимые суммы путем прямого налогообложения трудящихся классов, то оно породило бы (во всех отношениях, кроме рас-

* То есть войны Англии против Франции. — *Прим. ред.*

ходов и неудобства собирания налогов) тот же самый экономический эффект, какой вызвали они, с той лишь разницей, что у нас не было бы сейчас долга. Поэтому взятый правительством в действительности курс был хуже самого плохого из всех возможных путей получения этой суммы в течение года; и единственным извинением и оправданием (насколько такое извинение тут необходимо и применимо) была настоятельная необходимость, невозможность собрать за год столь огромную сумму посредством налогов, не устанавливая таких налогов, которые нельзя было бы навязать обществу в силу их одиозности или наличия многочисленных лазеек для их утаивания¹.

Когда государственные займы затрагивают только излишки национального капитала или те накопления, которые осуществлялись бы лишь в интересах перемещения капитала за границу, по их адресу не раздается по меньшей мере один серьезный упрек: они никому не приносят лишений, разве что в случае выплаты процентов; и даже при последующем расходовании полученных сумм займы могут принести пользу трудящимся классам, если не прямую покупку труда — к примеру, на наем солдат, матросов и т. д., станут направляться те средства, которые, по-видимому, иначе вообще ушли бы за пределы страны. Таким образом, в данном случае вопрос, по сути дела, заключается в том, что наиболее допустимо во всех случаях, а именно в выборе между крупной жертвой, приносимой сразу, или небольшими пожертвованиями, растянутыми на неопределенно длительный срок. Здесь, как кажется, справедливо считать, что благоразумие нации в целом укажет те же правила поведения, что и расчетливость отдельного лица: следует взять на себя ту жертву, которую можно вынести без особого труда; и только в том случае, если дальнейшее увеличение бремени окажется чересчур тягостным, недостающие средства можно будет получать, делая долги в счет своих будущих доходов. Стремиться к тому, чтобы нынешние средства удовлетворяли нынешние же потребности, разумеется, неплохое правило: будущему придется самому заботиться о своих

¹ [Заключительная часть данного абзаца впервые появилась в 4-м издании (1857 г.). Тогда же появилась и стоящая выше вставка в скобках «(во всех отношениях...)», а после слов «поэтому взятый правительством в действительности курс был хуже» исключены слова «и намного хуже».]

потребностях. Вместе с тем следует с полным основанием брать в расчет тот факт, что в стране, богатство которой растет, необходимые расходы государства увеличиваются не так быстро, как капитал или численность населения, и поэтому любое бремя с течением времени ощущается все меньше и меньше; а поскольку чрезвычайные расходы, которые государство считает необходимыми, бывают в большинстве случаев полезными и для будущих поколений, нет никакой несправедливости заставлять потомство нести часть этих расходов, если чересчур трудно окажется взять их все на себя поколению, осуществившему эти расходы.

§ 2. Когда же страна благоразумно или неблагоразумно уже обременила себя долгом, целесообразно ли принимать меры к его погашению? В принципе на этот вопрос невозможно не ответить утвердительно. Правда, выплата процентов кредиторам, являющимся членами того же общества, не означает потерь для нации, а представляет собой обычное перемещение средств. Однако это перемещение принудительное, поэтому оно приносит серьезный вред, а взимание огромного дополнительного дохода посредством какой бы то ни было системы налогообложения, помимо и наряду с уплатой необходимых для правительства денег, влечет за собой такую массу расходов, стеснений и неудобств для промышленности, прочих обременений, что для избавления от необходимости прибегать к подобному налогообложению не следует жалеть значительных усилий. Ту жертву, которую необходимо было бы принести во избежание появления долга, стоило бы принести и в последующее время для его погашения.

Для погашения государственного долга предлагались два способа: либо путем разового, единовременного взноса, либо посредством постоянного отчисления бюджетных излишков. Первый способ был бы несравненно лучше, если бы оказался практичным, а он был бы таковым, если бы считалось справедливым для получения нужной суммы облагать налогом лишь одну собственность. Если бы собственность была обязана выплачивать все проценты по долгу, она могла бы с огромной выгодой для себя погасить весь долг, потому что это означало простой возврат кредитору всей суммы долга, доход с которой уже принадлежит ему по закону. И это равносильно тому, что делает земле-

владелец, продавая часть своего имения для освобождения его остальной части от ипотеки. Но стоит ли еще раз говорить о том, что собственность не должна выплачивать полностью проценты по долгу и по справедливости от нее нельзя требовать этого. Некоторые, правда, утверждают, что этого требовать от нее можно на том основании, что нынешнее поколение обязано погашать долги своих предшественников только из полученных от них средств, но не из продукта своего собственного усердия. Но разве никто, кроме лиц, получивших собственность в наследство, ничего не получил от предшествующих поколений? Разве вся разница между нынешней землей, расчищенной и улучшенной, с ее каналами и дорогами, городами и фабриками, и той землей, какой она была, когда на нее впервые ступила нога человека, приносит пользу только тем, кого имеют земельными собственниками? Разве капитал, накопленный трудом и воздержанием всех прежних поколений, не приносит пользы никому, кроме лиц, унаследовавших по закону право собственности на часть его? И разве не унаследовали мы массу научных и эмпирических знаний, приобретенных благодаря проницательности и усердию наших предшественников, — знаний, польза от которых составляет наше общее богатство? Лица, рожденные владельцами собственности, помимо этих общих выгод, получают еще и отдельное наследство, и в процессе регулирования налогообложения следует справедливо учитывать это различие. Брать в расчет изложенный принцип должна общая финансовая система, и, как я уже указывал, наиболее подходящий способ принимать его в расчет — это, по-моему, взимание значительного налога с наследства по завещанию и без такового. Определяйте ясно и открыто, что именно приходится с собственности государству и с государства собственности, и устраивайте соответственно тому государственные институты. На уплату процентов и в погашение долга собственность должна давать лишь пропорционально тому, что считается справедливым платежом на покрытие государственных расходов.

Однако, будучи признанным, этот взгляд окажется фатальным для любого проекта погашения долга путем обложения налогом общества в целом. Лица, имеющие собственность, могли бы уплатить приходящуюся на них долю или часть долга, пожертвовав часть собственности, и сохранить прежний чистый доход. Но если от лиц, не имею-

щих накоплений и располагающих одним доходом, требуется вместо ежегодной уплаты налогов, установленных для выплаты процентов по долгу, внести единовременную сумму, соответствующую этим последним, то они могли бы добиться этого, только сделав личный долг, равный их доле в государственном долге. Между тем из-за недостаточности обеспечения, которое они могут в большинстве случаев предоставить, проценты этого личного долга достигли бы суммы гораздо больше той, какую им теперь приходится платить государству. Кроме того, коллективный долг, погашаемый за счет налогов, имеет перед таким же долгом, поделенным между отдельными лицами, то огромное преимущество, что налогоплательщики являются как бы участниками системы взаимного страхования. При уменьшении состояния плательщика уменьшается и размер налогов; если он разорится, налоги перестанут взимать вообще, а его часть долга полностью переносится на платежеспособных членов общества. Если бы она выступала для плательщика в качестве личного обязательства, он отвечал бы за этот долг, даже потеряв все.

Когда государство владеет собственностью, земельной или какой-либо другой, и с точки зрения общественной пользы нет никаких веских оснований для сохранения этой собственности в его распоряжении, ее следует, насколько это возможно, использовать для погашения долга. Любой случайный доход или результат счастливого стечения обстоятельств, разумеется, должны обращаться на те же цели. Кроме изложенного выше, единственным справедливым и практически пригодным способом погашения или сокращения государственного долга является его уплата за счет излишков государственных доходов.

§ 3. Как мне представляется, желательность постоянно-го получения излишков для этой цели не вызывает *per se* (сама по себе) никаких сомнений. Правда, иногда приходится слышать, что эту сумму лучше бы оставить «принести плоды в карманах народа». В той степени, в какой данное мнение справедливо, оно — хороший довод против введения ненужных налогов для удовлетворения непроизводительных расходов, но не против погашения государственного долга. И кстати, что означает понятие «принести плоды»? Конечно, не что иное, как «производительное использование», и в качестве аргумента против налогов

его следует понимать в том смысле, что, если указанная сумма будет оставлена людям, они ее сберегут и обратят в капитал. В самом деле они, возможно, и сберегут часть этой суммы, но весьма маловероятно, что они сберегут ее целиком; но, если она будет изъята в форме налога и использована для уплаты долга, она окажется сбереженной полностью и к тому же производительной. Для держателя государственных ценных бумаг, получающего по ним платежи, это уже не доход, а капитал, и он заставит его «приносить плоды», с тем чтобы продолжать извлекать доход. Следовательно, возражение не только беспочвенно, но и совершенно неправильно по сути своей, ибо сумма эта наверняка принесет плоды как раз в том случае, если не «оставлять ее в карманах народа».

Однако не всегда благоразумно оставлять излишек дохода на погашение долга. Так, например, выгода от уплаты государственного долга Великобритании состояла бы в том, что мы смогли бы избавиться от худшей половины существующих налогов. Но и в этой худшей половине некоторые части должны быть хуже других, и избавление от них принесет гораздо большую пользу, чем избавление от остальных. Если, отказавшись от излишка доходов, мы смогли бы обойтись без какого-либо налога, то оказалось бы, что мы оставляем именно худший из всех наших налогов ради того, чтобы в конечном счете отменить налоги не столь плохие, как он сам. В стране с увеличивающимся богатством, постоянно растущие доходы которой позволяют ей время от времени избавляться от наиболее несовершенных частей системы налогообложения, до тех пор пока существуют крайне нежелательные налоги, рост доходов следует, по моему мнению, направлять скорее на их отмену, чем на ликвидацию долга. Поэтому я считаю, что при нынешнем [1848 г.] положении Англии правильная политика правительства должна состоять в том, чтобы использовать излишки, имеющие явно долговременный характер, для отмены налогов, при условии правильного выбора последних. Даже в том случае, если не останется ни одного такого налога, который оказался бы неподходящим для постоянной системы налогообложения, целесообразно придерживаться прежней политики и осуществлять экспериментальное уменьшение этих налогов до тех пор, пока не будет найден предел, при котором данная сумма доходов может быть собрана с наи-

меньшим обременением плательщиков. После этого любой излишек дохода, могущий возникнуть в связи с увеличением налоговых поступлений, мне кажется, следует использовать уже не на освобождение от налогов, а на погашение долга. Иногда, быть может, будет целесообразно весь доход от того или иного налога использовать для подобной цели, поскольку выкуп будет обеспечен в большей степени, если предназначенные для него суммы будут выделяться, а не смешиваться с общегосударственными доходами. В качестве такого источника поступлений особенно пригодны налоги на наследство, поскольку сборы, уплачиваемые, подобно этим налогам, из капитала, лучше всего обратить на выкуп капитала, а не на покрытие текущих расходов. Если выделить отдельные налоги для подобного выкупа, то любой излишек, возникающий в результате увеличения поступлений от других налогов и от сбережения процентов при погашении последующих частей долга, может создать основу для дальнейшего уменьшения налогов.

Утверждают, что определенная сумма государственного долга желательна и даже почти необходима как средство инвестирования сбережений бедной или неопытной части общества. В этом отношении удобство его неоспоримо; однако (помимо того что прогресс промышленности постепенно открывает другие, почти столь же надежные и нехлопотные формы инвестирования, как, например, акции или облигации крупных государственных акционерных компаний) единственным преимуществом инвестирования в государственные ценные бумаги является государственная гарантия, а ее можно предоставить и за счет других средств, а не государственного долга, влекущего за собой установление обременительного налогообложения. Одним из удобных для этого способов было бы учреждение национального депозитно-учетного банка с отделениями по всей стране, который мог бы принимать на хранение деньги в форме долгосрочных вкладов под определенный процент или, подобно акционерным банкам, выплачивать проценты по текущим счетам. Выплачиваемый им процент, конечно, будет ниже той ставки процента, по которой занимают деньги частные лица, соразмерно тому, что государственный банк дает более надежное обеспечение. Расходы же такого банка покрывались бы за счет разницы между выплачиваемыми банком процентами и процен-

тами, которые он получал бы, ссужая хранящиеся в нем вклады под товарное, земельное и прочее обеспечение. Нет никаких непреодолимых возражений как в принципе, так, по-моему, и на практике против такого института, который предоставлял бы столь же удобные возможности для помещения капитала, как и государственные ценные бумаги. При этом государство стало бы гигантской страховой компанией, обеспечивающей страхование части общества, живущей на проценты со своей собственности, от риска потерять ее в результате банкротства тех, кому она в противном случае была бы вынуждена доверить свои капиталы.

ОТНОСИТЕЛЬНО ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ИСПОЛНЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СВОИХ ОБЫЧНЫХ ФУНКЦИЙ

§ 1. Прежде чем мы начнем обсуждать демаркационную линию между задачами, в решение которых правительство должно, и теми, в решение которых оно прямо не должно вмешиваться, нам необходимо рассмотреть экономические последствия — как положительного, так и отрицательного свойства, — являющиеся результатом образа действий правительства при исполнении им обязанностей, поручаемых ему в любом обществе и по всеобщему согласию относящихся к его компетенции.

Первая из этих обязанностей — защита интересов личности и собственности. Нет никакой необходимости распространяться о том влиянии, которое оказывает на экономические интересы общества эта сторона деятельности правительства в зависимости от степени ее совершенства. Ненадежность защиты интересов личности и собственности идентична ненадежности связи между усилиями людей или приносимыми ими жертвами и достижением тех целей, ради которых эти усилия прилагаются или приносятся эти жертвы. А это равносильно наличию полной неопределенности относительно того, пожнет ли сеющий, потребит ли производящий и воспользуется ли человек завтра тем, что сберегает сегодня. При таких условиях это означает, что приобретение обеспечивает не труд и бережливость, а насилие. Когда личность или собственность недостаточно защищены, все принадлежащее слабому находится во власти сильного. Никто не может сохранить того, что он произвел, если не в состоянии защитить плоды своего труда надежней, чем те, кто вовсе не посвящает ни своего времени, ни своих усилий полезной деятельности и готов отнять у него это имущество. Поэтому в случаях, когда уровень ненадежности защиты переходит определенную границу, производительные классы, будучи не в состоянии охранить себя от хищнической части населения, вынуждены становиться в зависимое положение от того или иного члена хищнического класса в расчете на заинтересованность последнего в защите их от любого иного

грабежа, кроме как собственного. Именно так в средние века свободная от ленных повинностей собственность обычно становилась феодальной и свободные люди бедных классов добровольно делали себя и свое потомство крепостными какого-либо воинствующего повелителя.

Однако, придавая этой огромной потребности в защите личности и собственности всю ту важность, какую она по справедливости заслуживает, мы не должны забывать, что даже и для экономических целей столь же необходимы и другие условия, наличие которых часто компенсирует значительное несовершенство оградительных мер, осуществляемых государственной властью. Как отмечалось в одной из предыдущих глав *, свободные города Италии, Фландрии и Ганзейского союза обычно находились в состоянии таких внутренних неурядиц, перемежавшихся со столь разрушительными внешними войнами, что защита личности и собственности была крайне несовершенной; и тем не менее на протяжении нескольких столетий они стремительно увеличивали свои богатства и процветали, достигли больших высот в совершенствовании многих ремесел. Эти города с необыкновенным успехом предпринимали далекие и опасные морские путешествия для открытий и торговли, сделались могущественнее самых сильных феодальных владык и могли защитить себя даже от посягательств европейских государей в силу того, что среди волнений и насилий граждане этих городов пользовались определенной грубой свободой в условиях единства и взаимопомощи; и все это, взятое вместе, делало их население смелым, энергичным и предприимчивым, а также способствовало утверждению в них сильного общественного духа и патриотизма. Процветание этих и других свободных государств в век беззакония свидетельствует о том, что при определенном стечении обстоятельств известная степень ненадежности защиты имеет как благоприятные, так и неблагоприятные последствия, что делает энергию и практическую сноровку условием безопасности. Ненадежность защиты парализует человека лишь в том случае, если ее характер и размеры не позволяют той энергии, какую вообще способен проявить человек, обеспечить ему сколько-нибудь удовлетворительную самозащиту. В этом-то и кроется главная причина, почему притеснение со сто-

* См. ранее, т. I, с. 220.

роны правительства, могущество которого вообще не могут преодолеть никакие усилия отдельных лиц, оказывается намного губительнее для источников общественного благосостояния, чем практически любое беззаконие и смута в системе свободных институтов. Определенного богатства и прогресса народы достигали даже при таком несовершенном общественном устройстве, которое граничило с анархией; но ни одна страна, в которой народ безгранично подвергался произвольным поборам со стороны правительственных чиновников, не смогла сохранить ни промышленности, ни богатства. Подобное правление в течение нескольких поколений неизбежно приводило к уничтожению и промышленности и богатства. Исключительно по этой причине некоторые из самых прекрасных и некогда самых процветавших стран земли превратились в пустыню при римском, а затем турецком владычестве. Я говорю «исключительно», ибо от разрушений войны или любых других временных бедствий они оправились бы — как это всегда бывает — чрезвычайно быстро. Трудности и лишения зачастую служат лишь фактором, побуждающим к труду. Гибельна для труда только уверенность, что ему не позволят припести свои плоды.

§ 2. Простая чрезмерность государственных налогов, хотя и представляет собой большое зло, но по своим вредным экономическим последствиям она несравнима с поборами, которые гораздо скромнее по своим размерам, но которые либо ставят плательщика в зависимость от произвола правительственных чиновников, либо распределяются таким образом, что мастерство, трудолюбие и бережливость становятся невыгодными. В нашей стране бремя налогообложения чрезвычайно велико, и тем не менее, поскольку каждый знает его пределы и редко кому приходится платить больше, чем он ожидал и рассчитывал, и поскольку методы обложения налогами таковы, что они не ослабляли побуждений к трудолюбию и бережливости, источники благосостояния истощаются лишь незначительно от тяжести налогов, по мнению некоторых, они могут даже расшириться за счет дополнительных усилий, затрачиваемых человеком, с тем чтобы вознаградить себя за бремя налогов. Но в условиях варварского деспотизма многих стран Востока, где обложение заключается в опутывании тех, кому удалось кое-что приобрести, с тем чтобы

конфисковать это имущество, если только владелец не откупится, обязавшись выплатить в качестве отступного крупную сумму, мы не можем рассчитывать встретить добровольное трудолюбие или богатство, приобретенное каким-либо иным способом, кроме грабежа. Даже в сравнительно цивилизованных странах порочные методы сбора государственного дохода приводят, хотя и в меньшей степени, к аналогичным последствиям. До революции французские авторы указывали на *taille* (подушную подать) как на главную причину отсталости земледелия и бедственного положения сельского населения, но не с точки зрения ее величины, а потому что, будучи соразмеряемой с видимым капиталом земледельца, она побуждала последнего казаться бедным, а этого было достаточно, чтобы склонить чашу весов в пользу лени. Произвол фискальных чиновников — интендантов и субделегатов — оказывался более пагубным для благосостояния, чем самые высокие поборы, ибо он ликвидировал безопасность. Заметно лучше было положение *pays d'état* (избавленных от этого бича). Всеобщая продажность, приписываемая [1848 г.] русским чиновникам, должна быть громадным препятствием на пути экономического развития, для которого Российская империя обладает столь богатыми возможностями, ибо доходы государственных чиновников зависят от того, в какой степени они способствуют бремени притеснений, позволяющему затем брать взятки.

И тем не менее сама чрезмерность налогообложения, даже не усугубляемая неопределенностью, не говоря уже о его несправедливости, представляет собой серьезное экономическое зло. Она может зайти столь далеко, что отобьет охоту к трудолюбию из-за недостаточности вознаграждения. Но задолго до того, как будет достигнут этот уровень, она создает препятствия этому накоплению или начинает сильно тормозить его и вынуждает накопленный капитал искать место своего приложения за границей. Налоги, падающие на прибыли, даже если бы этот вид дохода платил не более своей справедливой доли, неизбежно ослабляют мотивы, побуждающие к сбережению, за исключением случаев, когда средства предназначаются для последующего вложения в других странах, где прибыли выше. Голландия, например, кажется, давным-давно достигла практического минимума прибыли: уже в прошлом столетии большая часть состояний богатых капиталистов

была помещена в займы и спекулятивные операции с акционерным капиталом в других странах; и эта низкая норма прибыли приписывается влиянию тяжелого налогового обложения, которое в известной мере было навязано Голландии особенностями ее географического положения и исторического развития. Правда, многие из этих налогов, не говоря уж о том, что они были весьма велики, взимались с предметов первой необходимости, а этот вид налогов наносит особенно большой ущерб трудолюбию и накоплению. Но когда общая сумма налогов исключительно велика, часть их неизбежно приходится на нежелательные налоги. А любые налоги на потребление, даже если они не затрагивают прибыли, раз они велики, производят аналогичный эффект, заставляя лиц, располагающих умеренными средствами, жить за границей и нередко увозить с собой за границу и свой капитал. Хотя я никоим образом не согласен с экономистами, считающими желательным только то состояние общества, при котором богатство быстро растет, тем не менее я не могу не видеть многих невыгод для независимой нации от преждевременного достижения состояния застоя в то время, как соседние страны продолжают развиваться.

§ 3. Проблема защиты личности и собственности применительно к мерам, принимаемым органами государственной власти, затрагивает широкий круг побочных вопросов. Сюда относится, например, вопрос о совершенстве или несовершенстве существующих способов установления прав и возмещения ущерба. Личность и собственность нельзя считать надежно защищенными там, где отправление правосудия неудовлетворительно либо из-за нехватки честных или способных людей в органах правосудия, либо по той причине, что проволочки, притеснения и расходы, связанные с делопроизводством, ложатся тяжелым бременем на всех тех, кто обращается в суды, вынуждают людей до последнего терпеть несправедливость, исправлять которую должны эти органы. Что касается неподкупности, то система отправления правосудия в Англии безупречна; и можно предполагать, что благодаря прогрессу в социальном развитии аналогичных результатов добились и некоторые другие страны Европы. Но у них полностью других изъянов в области законодательства и права, причем в Англии эти недостатки сильно уменьшают

ценность услуг, которые правительство оказывает народу взамен огромных налогов. Во-первых, непознаваемость (как говорит Бентам) закона и его крайняя неопределенность даже в глазах тех, кто знает его лучше других, вынуждают часто обращаться к судам за справедливым решением даже в случаях, когда фактическая сторона дела бесспорна и, в сущности, никакой тяжбы могло и не быть. Во-вторых, судебная процедура преисполнена в такой степени проволочками, крючкотворством и требует таких расходов, что та цена, за какую в конечном счете получают справедливое решение, оборачивается злом более тяжелым, чем очень большая несправедливость; и неправая сторона, даже если она и по закону оказывается таковой, имеет много шансов выиграть дело либо ввиду прекращения процесса другой стороной из-за недостатка средств, либо посредством сделки, в которой приносятся в жертву законные права ради прекращения процесса, либо с помощью технической увертки, обеспечивающей принятие решения без учета существа дела. Последнее происходит зачастую без всякой вины со стороны судьи, а в силу того, что существует система законов, значительная часть которых не имеет под собой никакой рациональной основы, соответствующей современному состоянию общества, и которая первоначально покоилась отчасти на разного рода причудах и фантазиях, а отчасти на принципах и казусах феодальных отношений (сохранившихся до сих пор как юридические фикции) и только по мере надобности и крайне плохо приспособлялась к изменениям, происходившим в обществе. Из всех звеньев английской правовой системы суд лорда-канцлера, действующий на основе самых совершенных по сути своей законов, был самым худшим из английских судов с точки зрения проволочек, крючкотворства и судебных издержек, а ведь это единственный суд, в котором разбирается большинство наиболее сложных по своей природе дел, таких, как дела о товариществах, а также огромное количество самых разнообразных дел, связанных с договором поручения. Недавние реформы, проведенные в отношении этого суда, уменьшили, но далеко не устранили это зло¹.

¹ [Последняя фраза абзаца впервые включена в 4-е издание (1857 г.).]

К счастью для благосостояния Англии, большая часть ее торговых законов появилась сравнительно недавно, и при их составлении суды просто признавали и давали силу закона торговым обычаям, которые сложились в среде самих купцов в силу стремления к удобству; так что по крайней мере эта часть закона создана, по существу, теми людьми, которые были больше всего заинтересованы в том, чтобы он был хорошим. Кроме того, применительно к коммерческим делам недостатки судебных органов были менее вредными, поскольку важность кредита, зависящего от репутации, делает сдерживающее влияние общественного мнения весьма сильной (хотя, как показывает повседневный опыт, недостаточной) гарантией защиты от всех тех видов коммерческой недобросовестности, которые обыкновенно признаются таковыми.

Несовершенство законодательства и судопроизводства наиболее тяжелым бременем ложатся на интересы лиц, связанные с так называемой *реальной* или в соответствии с общепринятой терминологией европейской юриспруденции недвижимой собственностью. По отношению ко всей этой части богатства общества взятая на себя законом обязанность предоставления защиты выполняется крайне неудовлетворительно. Неудовлетворительно, во-первых, потому, что закон неопределен и крайне запутан в отношении всех технических тонкостей, из-за чего никто и ни с какими издержками не в состоянии приобрести такого права на землю, относительно которого можно было бы быть уверенным, что оно неоспоримо. Неудовлетворительно, во-вторых, потому, что закон не обеспечивает точных доказательств сделки посредством надлежащей регистрации юридических документов. Неудовлетворительно, в-третьих, потому, что закон создает необходимость оформления хлопотливых и дорогостоящих документов и соблюдения формальностей (независимо от казенных сборов) при купле-продаже и даже при сдаче в аренду или в залог недвижимой собственности. Неудовлетворительно, в-четвертых, из-за непомерных издержек и исключительной затяжки разбирательства дел почти во всех делах, затрагивающих недвижимость. Нет сомнения в том, что более всего от недостатков, присущих высшим гражданским судам, страдают землевладельцы. Судебные издержки на ведение самого судебного процесса, или издержки, связанные с составлением юридических документов, со-

ставляют, насколько я понимаю, немалую сумму в годовом расходе большинства крупных землевладельцев. Продажная же стоимость их земли сильно уменьшается из-за трудностей в предоставлении покупателю гарантии полной неоспоримости правового титула, не говоря уже о судебных издержках, которыми сопровождается процесс его передачи. И тем не менее землевладельцы, несмотря на то что они были хозяевами английского законодательства по крайней мере с 1688 г., никогда не предпринимали ни единой попытки в направлении его реформы и всегда были рьяными противниками даже тех отдельных улучшений, от которых они сами получили бы большую выгоду. В особенности противились землевладельцы тому крупному улучшению в системе регистрации договоров, касающихся земли, которое, будучи предложено комиссией видных юристов-специалистов по недвижимости и внесено на рассмотрение палаты общин лордом Кэмпбеллом, оказалось оскорбительным для основной массы землевладельцев и было отвергнуто столь подавляющим большинством, что уже ни у кого более не возникало охоты повторить попытку*. Эту нелогичную враждебность землевладельцев к улучшению, которое было бы наиболее полезно для их же собственных интересов, следует приписать чрезмерной боязни за свои права на имущество, порождаемой недостатками того самого закона, в который они отказываются внести изменения, и сознания своего невежества и неспособности к здравым суждениям по каким бы то ни было юридическим вопросам, что заставляет их беспрекословно полагаться на мнения своих поверенных, забывая о том, что любое несовершенство закона будет доставлять адвокату тем большую выгоду, чем обременительнее оно для клиента.

Поскольку недостатки судебных органов оборачиваются бременем лишь для землевладельцев, они почти не отражаются на источниках производства; но неопределенность права на владение землей должна зачастую отбивать охоту затрачивать капитал на улучшение этой земли; а расходы в связи с передачей прав на нее должны мешать

* [1865 г.] Недавно принятый Закон лорда Вестебри в значительной степени устраняет этот прискорбный недостаток английского законодательства и, по всей вероятности, приведет к дальнейшим положительным сдвигам.

переходу ее в руки тех лиц, которые пользовались бы ею с наибольшей выгодой; при небольших объемах покупки эти расходы часто превышают цену самой земли и поэтому — за исключением случайных обстоятельств — равносильны запрещению купли-продажи мелких земельных участков. И все же такие покупки весьма желательны почти повсеместно, так как вряд ли найдется такая страна, где не было бы либо чересчур сильной, либо слишком незначительной раздробленности земельной собственности и где бы не ощущалась бы потребность в том, чтобы крупные участки дробились или мелкие скупались и укрупнялись. Сделать процесс передачи земли столь же легким, как процесс передачи всякого другого имущества, означало бы одно из величайших экономических улучшений, возможных в стране. Уже неоднократно было доказано, что это не связано ни с какими непреодолимыми трудностями.

Если не касаться достоинств и недостатков, присущих законодательству и судопроизводству страны как системе мероприятий, рассчитанных на достижение очевидных практических целей, то с экономической точки зрения большое значение имеет и влияние законов в нравственном отношении. Ранее * мы уже достаточно подробно рассказывали, в какой мере успех промышленной и других видов совместной деятельности людей зависит от возможности доверять друг другу в том, что касается честности и верности исполнения принятых обязательств, из чего следует, что даже экономическое благосостояние страны может в огромной мере зависеть от того, существует ли в ее институтах что-нибудь такое, что поощряет честность и надежность во взаимных отношениях, или существуют противоположные качества. Формально закон, по-видимому, повсюду благоприятствует по меньшей мере честности в денежных делах и верности в исполнении обязательств, но если он предоставляет возможность легко уклоняться от этих обязательств посредством обмана или крючкотворства, или допускает беспринципное использование богатства в целях потворства несправедливому или противодействия справедливому отправлению правосудия, или оставляет открытыми пути и средства достижения людьми желаемых результатов с помощью явно санкцио-

* См. ранее, т. I, с. 217—219.

нированного жульничества, то он подрывает моральные устои даже в вопросах денежной добропорядочности. А при существующей в Англии системе законодательства таких примеров, к сожалению, очень много. Если к тому же закон с неуместным потворством охраняет праздность и расточительность от их естественных последствий или карает преступления легким наказанием, влияние подобного закона на благоразумие и социальные добродетели людей неблагоприятно. Когда же закон своими собственными решениями и предписаниями утверждает несправедливости в отношениях между людьми, как это делают все законы, признающие любую форму рабства, как это делают, хотя и по-разному, законы, касающиеся семейных отношений, и, наконец, как это делают, хотя с еще большими различиями, законы многих стран, касающиеся отношений между богатыми и бедными, то влияние закона на моральные устои общества оказывается еще более губительным. Однако все это наводит на размышления более масштабные и глубокие, чем выводы политической экономии, и я касался их только затем, чтобы не оставить без внимания проблемы, превосходящие по своему значению те, о которых здесь говорится.

ГЛАВА IX

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТОЙ ЖЕ ТЕМЫ

§ 1. Закончив рассмотрение последствий, к которым приводят достоинства или недостатки системы законодательства в целом, я коснусь теперь последствий, проистекающих из особого характера отдельных разделов этого законодательства. Ввиду того что здесь приходится ограничиться рассмотрением лишь немногих вопросов, я выберу самые главные из них. Наиболее важными с экономической точки зрения (после законов, определяющих *статус* работника как раба, крепостного или свободного человека) являются разделы гражданского права страны, связанные с двумя вопросами: наследства и договоров. Из законов, относящихся к договорам, нет более важных в экономическом плане, чем законы о товариществах и законы о несостоятельности. И оказывается, что по всем этим трем разделам имеются веские основания для осуждения некоторых положений английского законодательства.

Что касается вопроса о наследстве, то в одной из предыдущих глав я уже рассмотрел общие принципы его и указал, как мне кажется, если отбросить предубеждения, самые подходящие положения, которые можно было бы включить в законодательство. Свобода завещания должна быть общим правилом, но с двумя ограничениями: во-первых, при наличии наследников, которые, будучи не в состоянии обеспечить себя средствами к существованию, окажутся обременением для государства, из собственности следует удерживать в их пользу сумму, равнозначную той, которую предоставило бы им само государство, и, во-вторых, никому не должно быть разрешено получать в виде наследства суммы, превышающие размеры умеренного независимого состояния. При отсутствии завещания вся собственность должна отходить государству, которое обязано будет предоставить наследникам справедливое и разумное обеспечение, т. е. такое, какое должен был бы предоставить им родитель или предшествующий владелец собственности с учетом их положения, способностей и характера полученного воспитания.

Однако законам о наследстве еще, вероятно, предстоит пройти через множество этапов улучшений, прежде чем понятия столь далекие от пынешнего образа мыслей станут серьезно приниматься во внимание; а поскольку среди общепризнанных способов определения порядка наследования собственности одни наверняка лучше, а другие — хуже, необходимо решить, какие из них заслуживают предпочтения. Поэтому в качестве промежуточной меры я рекомендовал бы распространить действие существующего в Англии закона о наследовании движимого имущества (т. е. свобода завещания и раздел на равные доли при отсутствии завещания) на все виды собственности; при этом за родственниками по боковой линии не должно признаваться никаких прав, а имущество лиц, не имеющих родственников ни по восходящей, ни по нисходящей линии и не оставивших завещания, должно отходить государству.

Существующие у разных народов законы отклоняются от этих принципов в двух противоположных направлениях. В Англии и большинстве стран, где в законодательстве еще чувствуется влияние феодализма, одной из целей законов о земле и прочем недвижимом имуществе является сохранение этой собственности в неразделенном виде, т. е. большой массой, соответственно при отсутствии завещания она, в общем (ибо в ряде мест существуют иные традиции), полностью переходит к старшему сыну. И хотя соблюдение правила первородства не является обязательным для завещателей, которые в Англии номинально имеют право распорядиться собственностью по своему усмотрению, любой собственник может так использовать это право, что лишит наследства прямого правопреемника, закрепив собственность за одной конкретной линией своих потомков как заповедное имущество, что не только препятствует ее дальнейшей передаче по наследству каким-либо иным способом, кроме предписанного, но и сопровождается побочным следствием, заключающимся в невозможности продать ее, поскольку каждый последующий владелец, имея на нее только пожизненное право, не может отчуждать ее на срок, превышающий срок его собственной жизни. В некоторых странах, таких, как Франция, закон, наоборот, не только предусматривает обязательный раздел наследства при отсутствии завещания, когда вся собственность и недвижимая и движимая равными долями распре-

деляется между всеми детьми или (если детей нет) среди всех родственников, находящихся в одной степени кровного родства, по и не признает права завещательного отказа либо признает его действительным только в отношении ограниченной части собственности, тогда как вся оставшаяся часть подлежит принудительному разделу на равные доли.

Мне кажется, что в странах, где существуют подобные системы законодательства, ни одна из них не была введена и, возможно, ни одна из них не сохраняется по соображениям справедливости или по причине предвидения экономических последствий. Продиктовано это главным образом политическими мотивами: в одном случае стремлением сохранить крупные наследственные состояния и землевладельческую аристократию, а в другом — стремлением уничтожить и то и другое и не дать им возродиться вновь. Первая цель мне кажется в высшей степени нежелательной в государственной политике; что же касается второй, то я уже излагал лучший, на мой взгляд, способ достижения ее. Однако рассмотрение достоинств и недостатков каждой из этих двух установок относится к политической науке вообще, а не к тому ограниченному разделу ее, о котором здесь идет речь. Каждая из упомянутых двух систем является реальным и эффективным средством достижения стоящих перед ней целей, и каждая, как мне представляется, обеспечивает достижение этих целей ценой большого зла.

§ 2. В защиту права первородства приводят два довода экономического порядка. В первом из них указывается на то возбуждение, какое дается усердию и честолюбию младших детей, которым предоставляется быть творцами своей судьбы. Этот аргумент — скорее в виде удара, а не комплимента — был преподнесен наследственной аристократии д-ром Джонсоном, когда, положительно характеризуя право первородства, он заявил, что оно «превращает в дурака только одного члена семьи». Любопытно, что именно защитник аристократических институтов говорит о роковых последствиях, которые обычно оказывает на активность и силу воли получение по наследству состояния, делающего ненужным приложение каких-либо усилий со стороны человека. Однако при нынешнем состоянии воспитания это утверждение можно признать справедли-

вым, несмотря на то что в нем есть некоторая доля преувеличения. Но как бы ни был силен или слаб этот довод, он, во всяком случае, говорит о том, что пределом для наследства старших сыновей, так же как и всех остальных детей, служило бы лишь простое обеспечение, благодаря чему можно было бы избавиться даже и от того «одного дурака», которого готов терпеть д-р Джонсон.

Если незаработанные богатства столь вредны для человеческой природы, непонятно, почему для избавления младших членов семьи от действия этого яда не нашли ничего лучшего, как слить воедино их маленькие порции и преподнести получившуюся огромную дозу зелья одной избранной жертве. Вряд ли необходимо причинять столь большое зло старшему сыну просто потому, что не знаешь, как еще можно распорядиться крупным состоянием.

Однако некоторые авторы считают, что право первородства возбуждает усердие не столько в силу бедности младших детей, сколько в силу контраста между их бедностью и богатством старшего, находя, что для деятельности и энергии пчелиной семьи в улье обязательно должны присутствовать несколько огромных трутней, чтобы в рабочих пчелах укоренилось надлежащее значение пользы меда. «Их неравноправное положение с точки зрения богатства, — замечает Маккуллох, рассуждая о младших детях, — и их стремление вырваться из этого низшего положения и подняться на один уровень со старшими братьями вселяет в них энергию и решимость, которые они вряд ли почувствовали бы в других условиях. Но выгоды сохранения больших поместий от раздробления на мелкие части путем равного раздела не ограничиваются одним лишь влиянием на младших детей хозяев этих поместий. Этот обычай повсюду повышает норму необходимых средств к жизни и придает новые силы источникам, питающим усердие. Образ жизни крупных землевладельцев для каждого кажется желанным и льстит гордости тех, кто может им пользоваться; а их привычка тратить, хотя иногда и приносит вред им самим, служит мощным стимулом изобретательности и предприимчивости для других классов, которые не считают свои состояния достаточно большими до тех пор, пока эти состояния не позволят им соперничать в роскоши с самыми богатыми землевладельцами; таким образом, обычай первородства, кажется, повышает

степень усердия всех классов и в то же время увеличивает массу богатства и масштабы пользования им» *.

Мне кажется, доля истины, которую не заключают, а на которую скорее намекают эти соображения, состоит в том, что полное равенство состояний оказалось бы неблагоприятным для приложения активных усилий к увеличению богатства. Если мы будем говорить о всех людях вообще, то мы можем с полной справедливостью сказать, как относительно богатства, так и относительно всяких других отличий: таланта, знаний, добродетели, — что те, кто ими обладает или считает, что обладает наравне с соседями, редко когда приложат дополнительные усилия для приобретения большего. Но из этого вовсе не следует, что обществу необходимо обеспечить группу лиц огромными богатствами, чтобы они играли в обществе роль центров притяжения внимания, на которых взирала бы с завистью и восторгом честолюбивая беднота. Состояния, приобретенные людьми для себя, столь же хорошо — и даже гораздо лучше — отвечают этой цели, поскольку человек получает более мощный стимул, имея перед глазами пример того, кто заработал себе состояние, а не просто лицезрея владельца состояния. Ведь в первом случае у него перед глазами неизбежно оказывается пример расчетливости, бережливости и трудолюбия, тогда как во втором — чаще всего пример расточительности, вредно сказывающийся на том самом классе, на который один вид богатства должен был бы производить благотворное воздействие, т. е. на тех, кого по слабости духа и склонности к тщеславию наиболее сильно дурманит «блеск роскоши самых богатых землевладельцев». В Америке очень мало или почти нет наследственных состояний, и тем не менее старания, активность и страсть к накоплению в этой части света таковы, что их никак не назовешь слабыми. Когда страпа прочно встает на путь промышленного развития, что в современном мире стало таким же основным занятием, каким в древности и в средние века была война, стремление к накоплению за счет промышленности не нуждается в искусственном возбуждении: естественные преимущества, присущие богатству, и приобретаемая им роль привычного

* «Principles of Political Economy», 1843, p. 264. Более подробно о том же вопросе можно прочитать в позднейшем произведении того же автора: «On the Succession to Property vacant by Death».

критерия оценки способностей и успеха в жизни надежно гарантируют, что к получению этих преимуществ будут стремиться с достаточной силой и рвением. Что касается более глубокого соображения о желательности рассредоточения, а не концентрации богатства и о том, что общество чувствует себя более здоровым не тогда, когда немногие владеют огромными состояниями, а остальные жаждут их приобретения, а тогда, когда возможно большее число людей обладают и довольствуются умеренным достатком, который все могут надеяться приобрести, то я упоминаю здесь об этом только для того, чтобы показать, как далек в социальных вопросах весь ход мыслей защитников права первородства от подхода, отчасти изложенного в настоящем труде.

Второй довод экономического порядка, приводимый в защиту права первородства, имеет особое отношение к земельной собственности. Утверждают, что обычай делить наследство поровну — или почти поровну — между детьми способствует дроблению земли на столь мелкие участки, что не приходится и говорить о выгодности их возделывания. Этот вечно повторяемый довод уже не раз опровергали английские и континентальные авторы. Он выводится из предположения, в корне отличного от тех, на которых основываются все теоремы политической экономии. В нем утверждается, что все люди в целом будут, как правило, действовать вразрез со своими непосредственными и очевидными денежными интересами. Ведь раздел наследства не обязательно предполагает раздел земли, которая может оставаться в общем пользовании, как это зачастую бывает во Франции и Бельгии, либо может стать собственностью одного из сонаследников с обязательством выплатить доли остальных, либо может быть немедленно продана с последующим распределением выручки. Если раздел земли ведет к снижению ее производительной силы, в интересах наследников воспользоваться одним из изложенных способов действий. Однако, если предположить, как допускают авторы довода, что либо в связи с юридическими трудностями, либо в силу собственной глупости и невежества сонаследники, будучи предоставленными самим себе, не подчинятся велениям своих очевидных интересов, а настоят на разделе всей земли на равные небольшие участки, обеднив тем самым себя, это будет проявлением недостатка существующего во Франции закона об обяза-

тельном разделе, но не будет причиной, препятствующей завещателям в осуществлении права завещательного отказа в полном соответствии с принципом равноправия, ибо в их власти распорядиться таким образом, чтобы раздел наследства не сопровождался разделом земли. Ранее мы уже показали тщетность попыток сторонников права первородства представить факты, свидетельствующие против традиции равного раздела. Во всех странах или частях стран, где раздел наследства сопровождается появлением небольших земельных участков, это происходит потому, что система мелких хозяйств характерна для страны в целом и охватывает даже поместья крупных землевладельцев.

Если нельзя доказать за первородством самой несомненной общественной пользы, то оно оказывается достаточно осужденным с точки зрения общих принципов справедливости, так как оно устанавливает различие между людьми, основанное единственно на случайном обстоятельстве. Поэтому нет никакой необходимости подробно излагать доводы, свидетельствующие об экономическом вреде права первородства. Однако такие доводы — причем очень веские — можно было бы привести. Естественным последствием действия права первородства является превращение землевладельцев в бедствующий класс. Цель этого института или обычая заключается в сохранении неделимыми больших масс земли, что, как правило, и достигается, но законный владелец крупного поместья не обязательно является *bona fides* (по доброй совести) хозяином всего получаемого с него дохода. В каждом поколении поместье оказывается, как правило, обремененным обязательствами в пользу других детей. Зачастую оно обременяется еще большими долгами из-за совершаемых владельцем неразумных затрат. Крупные землевладельцы обычно расточительны в своих тратах, они живут с размахом, возможным только при наивысшем уровне доходов, и, когда перемена в обстоятельствах уменьшает их средства к жизни, им требуется определенное время, чтобы осознать необходимость сократить свои расходы. Расточители из числа представителей других классов разоряются и исчезают из общества, но расточительный землевладелец обычно крепко держится за землю даже тогда, когда превращается в простого сборщика ренты с нее для своих кредиторов. То же самое желание сохранить «блеск» фа-

милли, которое порождает обычай первородства, лишает владельца решимости продать часть земли ради освобождения от долгов остальной ее части, и поэтому его кажущиеся средства обычно гораздо больше действительных; при этом его постоянно влечет соизмерять свои расходы не с тем, что есть, а скорее с тем, что кажется. По этим причинам почти во всех странах, где есть крупные землевладельцы, большая часть земельной собственности обременена долгами и не только нет капитала для проведения усовершенствований, но и требуется вся сумма постоянно увеличивающейся в связи с быстрым ростом богатства и населения стоимости земли для ограждения класса землевладельцев от обеднения.

§ 3. Чтобы предотвратить это обеднение, стали прибегать к учреждению заповедного имущества, когда порядок наследования устанавливали раз и навсегда, и ни один из владельцев, имеющих только пожизненное право на собственность, не мог обременить долгами своего преемника. Таким образом земля переходила к наследнику свободной от долгов и семья не могла разориться из-за расточительности своего ныне живущего представителя. Экономическое зло, проистекающее из подобного распоряжения собственностью, частично совпадало, частично имело отличный характер, а в целом превышало зло, проистекающее из одного лишь права первородства. Теперь владелец уже не мог разорить своих преемников, но все еще мог разориться сам: у него вряд ли было больше, чем в первом случае, средств для улучшения собственности, и в то же время, если бы они у него и были, он был бы еще меньше расположен использовать их для этих целей, раз все выгоды должны были достаться лицу, в силу заповедности имущества от него не зависящему, в то время как нынешнему владельцу, возможно, необходимо было заботиться о младших детях, в пользу которых он уже не мог обременить поместье долгами. А между тем землевладелец, лишенный таким образом возможности улучшать свое поместье, не может и продать его тому, кто был бы в состоянии улучшить его, ибо заповедное имущество не допускает отчуждения. И вообще, он не может даже отдать эту землю в аренду на срок, превышающий срок его собственной жизни, «так как, — замечает Блэкстон, — если бы подобная аренда имела законную силу, то под предлогом ее долго-

срочности потомки могли бы практически лишиться наследства». В Великобритании сочли необходимым в законодательном порядке смягчить суровость регламентирования заповедного имущества, с тем чтобы либо разрешить сдачу его в долгосрочную аренду, либо позволить проведение улучшений за счет самого поместья. К этому можно добавить, что наследник заповедного имущества, уверенный в получении фамильной собственности, даже если он ее не заслуживает, и с юных лет знающий о своих правах на нее, имеет гораздо больше шансов вырасти праздным, беспутным и расточительным.

В Англии права заповедного имущества ограничены законом в большей степени, нежели в Шотландии и большинстве других стран, где оно существует. Землевладелец может распорядиться своей собственностью последовательно в пользу любого из числа ныне живущих лиц, а также в пользу одного, еще не родившегося лица, для которого ограничения прав на собственность прекращаются по достижении им 21 года, после чего земля переходит в его полное владение. Таким образом, поместье может через сына или сына и внука, живущих в момент оформления документа, перейти к еще не родившемуся ребенку этого внука. Утверждают, что в таком виде право заповедной собственности не столь всеобъемлюще, чтобы причинить какой-либо вред; однако на самом деле область его действия гораздо шире, чем кажется. Ограничения, присущие заповедной собственности, очень редко теряют силу; достигнув определенного возраста, первый наследник заповедного имущества делает совместно с нынешним владельцем новую запись на поместье для того, чтобы сохранить ограничения еще на один срок. Поэтому крупная собственность редко бывает свободной сколь-нибудь значительный период времени от ограничений, характерных для семейной собственности, переходящей по наследству по мужской линии; ¹ хотя в одном отношении вредные последствия несколько смягчаются, поскольку при возобновлении акта распоряжения имуществом в пользу еще одного поколения наследник обычно обязывается выплатить известные доли младшим детям.

¹ [Заключительные слова этого абзаца заменили в 5-м издании (1862 г.) следующие слова первоначального текста: «...и заповедное имущество в Англии на деле ничуть не менее вредоносно, чем в других странах».]

С экономической точки зрения лучшая система земельной собственности та, при которой земля целиком и полностью является предметом торговли, свободно переходящим из рук в руки при появлении покупателя, который сочтет выгодным для себя предложить за нее сумму, превышающую размеры дохода, получаемого с этой земли ее нынешним владельцем. Конечно, здесь говорится не о земле, служащей для жизни и удовольствий, которая является источником расходов, а не доходов, — речь идет только о земле, используемой для промышленных целей, которой владеют ради приносимого ею дохода. Все, что облегчает продажу земли, способствует превращению ее в более производительное орудие для общества в целом; все, что препятствует или ограничивает продажу земли, снижает ее полезность. А такое влияние оказывает не только право заповедного имущества, но и право первородства. Желание сохранить землю неделимой, большими массами, если оно продиктовано не стремлением к повышению ее производительности, а другими мотивами, часто препятствует переменам и отчуждению, которые повысили бы ее производительность как орудия производства.

§ 4. С другой стороны, закон, который, подобно французскому, ограничивает право завещания самыми узкими рамками и принуждает делить всю собственность или большую ее часть поровну между всеми детьми, представляется мне — хотя и по другим соображениям — также вызывающим серьезные возражения. Единственным основанием для признания за детьми каких-либо прав на нечто большее, чем простое обеспечение, достаточное для того, чтобы помочь им начать самостоятельную жизнь и находить собственные средства к существованию, является выраженное или предполагаемое желание родителя, чье право распорядиться тем, что действительно ему принадлежит, не может быть уничтожено под предлогом каких бы то ни было притязаний со стороны других лиц, стремящихся получить то, что им не принадлежит. Поставить под контроль право законного владельца на свободу дарения, предоставив детям преобладающие права, — значит ущемить законное право в пользу воображаемого. Помимо этого важного и главного возражения против подобного закона, можно привести и массу не столь существенных. И хотя желательно, чтобы родители подходили к детям

беспристрастно, не выделяя среди них ни старших сыновей, ни любимцев, тем не менее беспристрастный раздел не всегда бывает синонимом равного раздела. Кто-то из детей может не по своей вине оказаться менее способным обеспечить себя; кто-то может оказаться уже обеспеченным не за счет собственных усилий, а за счет каких-то иных средств, так что беспристрастность может потребовать соблюдения не принципа равенства, а принципа уравнивания. Даже в том случае, когда целью является обеспечение равенства, для достижения его иногда лучше пользоваться иными средствами, нежели непоколебимыми правилами, которым обязательно должен следовать закон. Если один из сонаследников, будучи по натуре человеком вздорным или склонным к сутяжничеству, настаивает на полнейшем удовлетворении своих прав, закон не в состоянии обеспечить справедливое решение этого дела; закон не может наилучшим способом разделить собственность соразмерно общим интересам всех участвующих сторон; если есть несколько участков земли и наследники не могут прийти к соглашению относительно их стоимости, закон не может просто дать каждому по участку, а обязан предусмотреть либо продажу, либо раздел каждого отдельного участка; при наличии в усадьбе дома, парка или площадки для игр и развлечений, которые в случае раздела оказались бы непригодными для своих первоначальных целей, собственность надлежит продать, возможно даже с большим убытком и большими нравственными переживаниями. Но то, чего не смог бы сделать закон, сумел бы сделать родитель. Располагая свободой завещания, можно было бы разумно учесть все эти моменты и общие интересы всех имеющих отношение к делу лиц, и при этом, может быть, удалось бы лучше сохранить дух закона о равном разделе, поскольку завещатель будет освобожден от буквы его. И наконец, отпала бы существующая при принудительной системе необходимость в том, чтобы закон своей властью вмешивался в дела частных лиц не только в случае смерти, но и в течение всей их жизни для того, чтобы не дать родителям возможности под видом дарственных и других отчуждений *inter vivos* (при жизни) нарушать законные права наследников.

В заключение хочу подчеркнуть, что, по моему мнению, любой владелец собственности имеет право распорядиться в своем завещании любой ее частью, но не имеет права

определять лицо, которое должно будет унаследовать эту собственность после смерти всех, кто был жив в момент совершения завещания. С какими ограничениями должно допускаться завещание собственности в пожизненное владение одному лицу с условием перехода ее затем к другому, уже жившему при совершении завещания, — это вопросы, относящиеся к общему законодательству, а не к политической экономии. Подобные завещания служили бы не более значительным препятствием к отчуждению, чем всякое совместное владение, поскольку для любого нового распоряжения относительно этой собственности нужно было бы всего лишь согласие уже живущих лиц.

§ 5. От вопроса о наследстве я теперь перехожу к вопросу о договорах, и в частности к очень важному вопросу относительно законов о товариществах. Для всех, кто видит в распространении принципа сотрудничества — в самом широком смысле слова — великую экономическую потребность современной промышленности, очевидно, как много добра или зла зависит от этих законов и как важно, чтобы они были по возможности наиболее совершенными. Прогресс отраслей производства требует, чтобы многие виды промышленной деятельности осуществлялись с применением все более и более крупных капиталов. Все, что сдерживает образование крупных капиталов посредством соединения мелких, должно неизбежно наносить ущерб производительной силе промышленности. Нельзя сказать, что капиталы необходимого размера, принадлежащие единоличным владельцам, встречаются в большинстве стран в нужном количестве, а там, где законы поощряют распыление, а не сосредоточение собственности, их еще меньше; в то же время крайне нежелательно, чтобы все усовершенствованные процессы и способы достижения эффективности и экономии в производстве, наличие которых связано с обладанием большим капиталом, становились монополией в руках нескольких богачей из-за трудностей, испытываемых лицами с умеренными или небольшими средствами при соединении своих капиталов. И наконец, я должен еще раз выразить свое убеждение, что промышленное устройство, которое четко делит общество на две стороны: плательщиков заработной платы и людей, ее получающих, из которых первые насчитываются тысячами, а вторые — миллионами, не должно и не способно суще-

ствовать вечно; а возможность замены этой системы формой объединения, не знающего зависимости и характеризующегося единством интересов, а не организованной вражды, целиком и полностью зависит от результатов развития в будущем принципа товарищества.

И тем не менее вряд ли есть хоть одна страна, законы которой не возводили бы огромных и в большинстве случаев преднамеренных препятствий на пути образования сколько-нибудь многочисленного товарищества. В Англии серьезной помехой стало то, что споры между членами товарищества могут решаться практически только в суде лорда-канцлера, что зачастую хуже, чем если бы эти вопросы находились вне всякого закона, ибо любая из спорящих сторон, будучи нечестной или склонной к сутяжничеству, может по своему желанию вовлечь остальных в расходы, хлопоты и неприятности, неизбежно связанные с разбирательством в суде лорда-канцлера, от которых они будут лишены права освободиться, даже уничтожив объединение*. Кроме того, до недавнего времени для законного учреждения любого акционерного общества и облечения его полномочиями юридического лица требовалось принятие особого постановления законодательной власти. Зако-

* [1852 г.] Свидетельствуя перед комиссией по закону о товариществах, член суда по делам о несостоятельности Сесиль Фейн сказал: «Недавно, как я припоминаю, мне пришлось прочесть письменный отчет двух известных поверенных, в котором они говорят, что им известно о множестве дел о товариществах, поступивших на рассмотрение суда лорда-канцлера, но не известно ни об одном деле, вышедшем оттуда... Очень немногие из тех, кто был бы склонен вступить в товарищества подобного рода» (кооперативные ассоциации рабочих людей), «хоть сколько-нибудь понимают, что решение проблем, возникающих между членами товарищества, в сущности, невозможно».

Знают ли они о том, что один член товарищества может ограбить другого, и ограбленный не будет иметь ни малейшей возможности получить возмещение? Таково истинное положение дел, но я не берусь утверждать, известно ли оно им».

По мнению Фейна, эту вопиющую несправедливость необходимо целиком отнести за счет недостатков упомянутого органа правосудия. «По моему мнению, нет ничего более легкого, чем решение споров в делах о товариществах, по одной простой причине, что все, что делается в товариществе, регистрируется в конторских книгах, следовательно, фактический материал всегда под рукой. Так что, если когда-нибудь будет введена разумная процедура рассмотрения дел, трудности исчезнут вообще». — Протоколы свидетельских показаний, приложенные к «Report of the Select Committee on the Law of Partnership» (1851), p. 85—87.

нодательным актом, принятым несколько лет назад, эта необходимость была устранена, но, по мнению компетентных людей, этот акт представляет «массу путаницы», от которой, по их словам, «никогда еще не было так плохо» лицам, вступающим в члены товариществ *². Когда группа лиц — большая или малая — добровольно решает объединить свои средства ради общего дела, не испрашивая при этом для себя никаких особых привилегий, никаких прав на лишение кого бы то ни было его собственности, у закона не должно быть веских оснований для создания трудностей на пути осуществления такого проекта. С соблюдением нескольких простых условий гласности любая группа лиц должна иметь право, объединившись, учредить акционерную компанию, или *société en nom collectif*, не спрашивая на то разрешения ни у правительственных чиновников, ни у парламента ³. В связи с тем что объединение многих членов товарищества должно фактически находиться под управлением нескольких лиц, организация обязана располагать всеми возможностями для осуществления необходимого контроля и проверки деятельности этих немногих независимо от того, являются ли они членами объединения или просто наемными служащими, — а в этом отношении английская система все еще находится на достойном сожаления расстоянии от совершенства ⁴.

§ 6. Однако, какие бы возможности ни предоставлялись английским законодательством для объединений, учреждаемых на принципах обычного товарищества, до 1855 г. один вид акционерного общества пребывал под полным запретом, и для учреждения общества этого вида требова-

* См. «Report...», p. 167.

² [Так начиная с 3-го издания (1852). В первоначальном тексте было сказано: «Эта необходимость была устранена, а заменившие ее формальности не столь тягостны, чтобы существенно мешать подобным предприятиям».]

³ [Комментарий «и нельзя с полным основанием утверждать, что в Англии они совсем не обладают подобной свободой» («хотя обрели ее всего каких-нибудь три с небольшим года назад» — опущено во 2-м издании, 1849 г.), исключен из 3-го издания.]

⁴ [Слова «хотя, как мне кажется, происходит это не столько из-за изъянов законодательства, сколько из-за недостатков, присущих органам отправления правосудия», исключены из 3-го издания.]

лось специальное постановление либо законодательных органов, либо королевской власти⁵. Я имею в виду общества с ограниченной ответственностью.

Общества с ограниченной ответственностью бывают двух видов: в одном ограниченная ответственность распространяется на всех его членов, в другом — только на некоторых. Общество первого вида, именуемое во французском законодательстве *société anonyme* (анонимное общество), до недавних пор было известно в Англии исключительно как «компания, существующая на основе королевской грамоты или акта парламента». Под этим имелась в виду акционерная компания, пайщики которой на основании королевской грамоты или особого постановления законодательной власти освобождались от ответственности за долги предприятия сверх той суммы, на какую они подписались. Другая разновидность товарищества с ограниченной ответственностью известна во французском законодательстве под именем *commandite* (коммандитное товарищество); о товариществах этого вида, которые в Англии до сих пор не признают и считают противозаконными, я и буду сейчас говорить.

Если группа лиц решает объединиться для ведения какого-либо коммерческого или промышленного предприятия, достигнув согласия между собой и объявив всем, с кем они ведут дело, что члены общества не принимают на себя ответственности сверх суммы собранного по подписке акционерного капитала, то имеет ли закон какие-либо основания для возражений против подобных действий и возложения на членов общества неограниченной ответственности, которую они не желают взять на себя? Ради кого это делается? Уж конечно, не ради членов товарищества, так как им выгоду и защиту несет именно ограничение ответственности. Следовательно, это должно делаться ради третьих лиц, т. е. тех, кто будет иметь дело с обществом и кому оно может задолжать сумму, для уплаты которой выпущенного по подписке акционерного капитала окажется недостаточно. Но никого не обязывают иметь дело с обществом и уж тем более никого не обязывают пре-

⁵ [Так начиная с 4-го издания (1857 г.). В первоначальном тексте было сказано: «Один вид акционерного общества пребывает под полным запретом, и для учреждения общества этого вида обязательно требуется» и т. д. В 3-м издании в следующий абзац были добавлены слова «до недавних пор».]

доставлять ему неограниченный кредит. Лица того класса, с которым имеют деловые отношения подобные товарищества, как правило, в состоянии прекрасно позаботиться о себе, и нет никаких оснований для того, чтобы закон оберегал их интересы в большей степени, чем это делают они сами, при условии что их не вводят в заблуждение и что они с самого начала осведомлены обо всем, чему должны довериться. Закон вправе требовать от всех акционерных обществ с ограниченной ответственностью, чтобы они не только в обязательном порядке располагали полной внесенной суммой капитала, с помощью которого они, по их собственному заявлению, собираются вести дела, или (если и при полной гласности это требование окажется необходимым) могли предоставить обеспечение под этот капитал, но и вели отчетность таким образом, чтобы она была доступна для ознакомления отдельных лиц, а в случае нужды могла быть обнародована, дабы в любое время можно было точно установить положение дел компании и узнать, действительно ли капитал, служащий единственной гарантией выполнения принимаемых на себя компанией обязательств, сохраняется нетронутым. За искажения отчетности предусмотрены соответствующие наказания. После того как закон предоставил в распоряжение отдельных лиц все возможности для практического ознакомления с обстоятельствами, которые следует учитывать при разумном подходе к ведению дел с компанией, кажется, нет никакой особой необходимости вмешиваться в индивидуальные оценки сделок подобного рода, равно как и в любую другую область частного предпринимательства.

Оправдывают же подобное вмешательство тем, что управляющие общества с ограниченной ответственностью, не рискующие в случае убытков потерять все свое состояние и в то же время имеющие возможность получить большую прибыль в случае успеха, недостаточно заинтересованы в соблюдении надлежащей осторожности и подвержены соблазну неосмотрительно ставить под удар средства общества. Однако хорошо известно, что общества с неограниченной ответственностью, даже и при заведомо опрометчивом ведении дел, могут, имея богатых пайщиков, незаслуженно получить кредит, намного превышающий то, что получили бы при одинаково дурном ведении дел компании, кредиторы которых вынуждены полагаться

только на выпущенный по подписке акционерный капитал*⁶. В какую бы сторону ни склонился баланс неудач, это прежде всего касается самих акционеров, а не третьих лиц, ибо при надлежащем обеспечении гласности капитал общества с ограниченной ответственностью не может быть подвергнут риску, превышающему обычный для данной сферы деятельности риск, без огласки подобных фактов и их последующего критического обсуждения, что, вероятнее всего, скажется на кредите организации, и скажется в той мере, в какой это оправдывается обстоятельствами. Если при наличии гарантий гласности будет со всей очевидностью установлено, что компании, учреждаемые на основе принципа неограниченной ответственности, ведут дело более искусно и осмотрительно, компании с ограниченной ответственностью окажутся неспособными конкурировать с ними на равных, и поэтому их будут учреждать крайне редко, за исключением тех ситуаций, когда ограничение ответственности является единственным условием, без которого невозможно собрать необходимое количество капитала, — и в этом случае было бы неразумно утверждать, что их образованию следует всячески препятствовать.

Можно также отметить, что, хотя при равенстве капиталов компания с ограниченной ответственностью представляет несколько меньшую гарантию тем, кто имеет с ней дело, по сравнению с компанией, в которой каждый пайщик отвечает всем своим состоянием, тем не менее даже слабейшая из этих двух гарантий в некоторых отношениях все же надежнее гарантии отдельного капиталиста. При ведении дела одним лицом есть только гарантия, основанная на его неограниченной ответственности, а не на ответственности, являющейся следствием гласности сделок или осведомленности о том, что в дело вложена большая сумма капитала. Эта тема хорошо освещена в талантливой

* См. «Report...», p. 145—158.

⁶ [Так начиная с 5-го издания (1862 г.). Дополнение, сделанное в 3-м издании (1852 г.), начиналось словами: «Однако из показаний нескольких опытных свидетелей перед одной из последних комиссий палаты общин было установлено, что общества...» и т. д. В первоначальном тексте после слов «неосмотрительно ставить под удар средства общества» говорилось: «Признавая это одним из недостатков подобных обществ, гораздо важнее принять во внимание то, что» и т. д.]

статье месяе Коклена, опубликованной в июле 1843 г. в журнале «Ревью де дё Монд» *.

«В то время как людям, ведущим дело с частными лицами, — пишет автор, — почти никогда не известны — разве что в самом смутном и сомнительном приближении — размеры капитала, обеспечивающего выполнение заключенных с ними контрактов, те, кто торгует с *société anonyme*, могут при желании получить полную информацию и совершать операции с чувством уверенности, которого просто не может быть в первом случае. Кроме того, нет ничего проще для частного торговца скрыть объем своих обязательств, ибо достоверно об этом не известно никому, кроме него самого. Об этом может ничего не знать даже его доверенный клерк, поскольку займы, которые ему приходится брать, могут быть такого характера, что о них не делается никаких отметок в счетной книге. Это тайна, которую частный торговец носит в себе, тайна, которая раскрывается редко и всегда с опозданием, тайна, которая становится общеизвестной только после катастрофы. И наоборот, *société anonyme* не может и не имеет права брать займы без того, чтобы факт этот не стал известен всему свету: директорам, служащим, акционерам и общественности. Его операции в некоторых аспектах схожи по своему характеру с действиями правительства. Дневной свет освещает их со всех сторон, и от тех, кто ищет информацию, не может быть никаких секретов. Таким образом, все, что имеет отношение к капиталу и долгам *société anonyme*, строго определено, зарегистрировано и известно, тогда как у частного торговца все сомнительно и не установлено. Кто же из этих двоих, спросим мы читателя, находится в наиболее благоприятном положении или является наиболее твердым гарантом в глазах тех, кто торгует с ними?

Кроме того, до тех пор пока его предприятие кажется преуспевающим, частный торговец, пользуясь мраком, окутывающим его дела, и стремясь еще больше сгустить этот мрак, получает возможность создавать впечатление, будто располагает средствами, значительно превышающими фактическую сумму, и получать кредиты, несоразмерные с его

* Цитата из перевода, опубликованного Г. К. Кэри в майском и июньском номерах американского журнала *Hunt's Merchant's Magazine* за 1845 г.

состоянием. В случае убытков, когда он уже видит, что ему грозит банкротство, мир все еще ничего не подозревает о его истинном положении, и торговец получает возможность взять в долг гораздо больше, чем в состоянии выплатить. Наступает роковой день, и кредиторы обнаруживают, что долгов гораздо больше, а средств для их погашения гораздо меньше, чем ожидали. Но и это еще не все. Тот же мрак, так хорошо служивший ему до сих пор в стремлении преувеличить размеры капитала и получить большой кредит, теперь предоставляет торговцу возможность скрыть часть этого капитала от своих кредиторов. Таким образом, капитал уменьшается, если и вовсе не уничтожается, он прячется, и никакая помощь закона или активность кредиторов не в силах выволить его из тех темных углов, где он находится... Наши читатели могут без труда сделать для себя вывод, возможно ли столь же легко проводить операции подобного рода в *société anonyme*. Мы не сомневаемся, что подобные вещи возможны и в нем, но думаем, с нами согласятся, что с учетом характера общества, его организационной структуры и неизбежной гласности, сопровождающей все его действия, вероятность таких происшествий резко сокращается».

Законы большинства стран, в том числе и Англии, допускали двойную ошибку относительно акционерных компаний. В то время как они с самой необоснованной подозрительностью препятствовали самому существованию такого рода обществ, особенно обществ с ограниченной ответственностью, они обыкновенно не заботились о том, чтобы принуждать их к гласности, являющейся лучшей защитой собственности от любой опасности, которая может быть связана с данным видом товариществ, защитой столь же необходимой и в тех обществах с ограниченной ответственностью, которым — в порядке исключения из общего правила — законы позволяли существовать. Даже Английский банк, получивший от законодательной власти монополию и управлявший отчасти столь важным в общественном отношении делом, как состояние денежного обращения, только в последние годы был принужден соблюдать некоторую гласность: причем на первых порах гласность эта была крайне ограниченной по своему характеру, хотя сейчас с точки зрения большинства практических целей она, вероятно, является вполне достаточной.

§ 7. Другим видом товарищества с ограниченной ответственностью, заслуживающим нашего внимания, является товарищество, в котором один или несколько ведущих дело товарищей отвечают за обязательства предприятия всем своим имуществом, тогда как другие товарищи вносят только определенные суммы денег и свыше этих последних не отвечают ничем, хотя и участвуют в прибылях в соответствии с установленным правилом. Такое товарищество называют *en commandite* (коммандитным товариществом), а пайщики с ограниченной ответственностью (которым по французским законам запрещено всякое вмешательство в управление предприятием) известны под названием *commanditaires* (коммандитист). Английское законодательство не признает подобных товариществ⁷: во всех частных товариществах любой член, участвующий в прибылях, несет такую же безоговорочную ответственность за долги, как и управляющий предприятием.

Насколько мне известно, для подобного запрета никогда не было каких-либо удовлетворительных оправданий. Даже недостаточно обоснованный довод, выдвигаемый против ограничения ответственности пайщиков в акционерном обществе, в данном случае неприменим, ибо в таком обществе вовсе не ослабляются побуждения к осторожному ведению дел, так как всякий, принимающий участие в управлении предприятием, отвечает всем своим имуществом. Кроме того, существование коммандита повышает гарантии для третьих лиц, так как вся сумма, внесенная коммандиторами, в случае разорения идет в уплату кредиторам и коммандиторы полностью теряют свои вклады, прежде чем может лишиться чего бы то ни было любой кредитор; в то же время, если они выступают не в качестве пайщиков, а в качестве вкладчиков, ссудивших деньги под проценты, равные полученной с суммы вклада прибыли, они вместе с другими кредиторами будут участвовать в разделе состояния, оставшегося после уплаты долгов и удовлетворения прочих обязательств компании, уменьшая *pro rata* (соответственно) долю каждого. Таким образом, практика коммандитного товарищества не только выгодна для кредиторов, зачастую ее использование крайне желательно и для самих членов. Учредители

⁷ [Они разрешены с 1908 г. См. Приложение НН. «Закон об акционерных обществах и товариществах».]

получают возможность прибегнуть к помощи гораздо большего капитала, чем они могли бы занять под свое собственное обеспечение, а отдельные лица более склонны помогать полезным начинаниям, вкладывая в них ограниченную часть своего капитала, когда не хотят — и часто по соображениям благоразумия не могут — рисковать всем своим состоянием в расчете на удачу предприятия.

Некоторые могут подумать, что там, где надлежащим образом облегчено создание акционерных обществ, коммандитные товарищества не нужны. Однако есть целый ряд ситуаций, в которых коммандитный принцип всегда оказывается более целесообразным для интересов дела, нежели акционерный. «Предположим, — говорит Коклен, — что изобретатель ищет капитал, необходимый для внедрения в практику своего изобретения. Чтобы получить помощь от капиталистов, он должен предложить им долю в ожидаемых прибылях; они должны разделить с ним и шансы на успех. Какую из форм объединения выберет он в данном случае? Конечно же, не форму простого товарищества», что объясняется различными причинами, и прежде всего крайней трудностью найти располагающего капиталом компаньона, готового рискнуть всем своим состоянием ради успеха изобретения*. «Не выберет он и

* [1852 г.] «Высказываются многочисленные соболезнования в адрес бедняги изобретателя, — говорит поверенный Дункап. — Его угнетает высокая стоимость патента, но главная трудность для него — закон о товариществах, мешающий ему найти кого-нибудь, кто помог бы ему осуществить свое изобретение. Он беден и поэтому не в состоянии дать кредитору никаких гарантий; никто не будет ссужать его деньгами, и даже предлагаемая им норма процента, какой бы высокой она ни была, не привлекает кредиторов. Но если изменить закон таким образом, чтобы капиталисты могли вступать с изобретателем в долю и участвовать в прибылях, рискуя только вложенным в дело капиталом, вряд ли можно сомневаться в том, что он будет часто получать от капиталистов необходимую помощь, тогда как в настоящее время, при существующем законодательстве изобретатель совершенно выбивается из сил и изобретение не приносит ему никакой пользы; в течение многих месяцев он ведет борьбу, снова и снова обращается к капиталистам — и все безрезультатно. Я встречался с этим на практике в случае двух или трех запатентованных изобретений, причем в одном случае лица, располагающие капиталом, стремились войти в важное по своему значению дело в Ливерпуле, но пять или шесть разных джентльменов вынуждены были воздержаться, испытывая при этом решительную неприязнь к злосчастному, как они выразились, закону о товариществах». — «Report...», p. 155.

société anonyme (анонимного общества)», равно как и любой другой формы акционерного общества, «в котором он может быть отстранен от управления делом. В таком обществе его положение окажется не лучше положения любого другого акционера и он может просто затеряться в толпе, тогда как в объединении, существующем благодаря ему и ради него, руководство, по всей вероятности, по праву принадлежало бы ему самому. В ряде случаев торговец или фабрикант, не будучи собственно изобретателем, имеет неоспоримые права на руководство предприятием, поскольку обладает качествами, особенно отвечающими интересам успешного ведения дела. Во многих случаях, — продолжает Коклен, — потребность в товариществах с ограниченной ответственностью столь велика, что трудно представить себе, как могли бы мы обойтись без них или заменить их чем-то другим». И в отношении своей собственной страны он, вероятно, совершенно прав.

Там, где, как в Англии, налицо огромная готовность общественности учреждать акционерные общества даже и без сопутствующего поощрения, заключающегося в ограничении ответственности, — там командитные товарищества, хотя их запрещение и не является в принципе оправданным, не могут, с чисто экономической точки зрения, рассматриваться абсолютно необходимыми, как утверждает Коклен. И тем не менее положения закона, гласящие, что каждый участвующий в прибылях предприятия обязан нести неограниченную ответственность полного товарищества, создают немалые косвенные неудобства. Невозможно сказать, сколько и какие именно полезные формы объединения оказываются практически неприемлемыми при наличии подобного законодательства. Для его осуждения достаточно сказать, что, не будь в нем некоторых смягчений, оно бы не допускало выплаты части заработной платы в виде процента с прибылей; другими словами, не до-

Фейн говорит: «В течение моей служебной деятельности в качестве члена комиссии при суде по делам о несостоятельности я убедился, что самым несчастным человеком в мире является изобретатель. Трудности, которые испытывает изобретатель при изыскании капитала, сопряжены для него со всевозможными неприятностями, и в конце концов в большинстве случаев он оказывается разоренным, а его изобретением завладевает кто-то другой». — «Report...», p. 82.

пускало бы объединения рабочих, как настоящих товарищей, с капиталистами *.

Полная свобода совершенно необходима для товариществ прежде всего с точки зрения улучшения положения и повышения роли трудящихся классов. Союзы типа рабочих ассоциаций, описанные в одной из предыдущих глав, являются наиболее мощным средством достижения социальной эмансипации рабочих посредством их собственных нравственных качеств. Свобода объединения исключительно важна не только в случаях его успеха, она в равной мере важна и в случаях неудачных попыток, ибо поучительное воздействие неудач окажется более впечатляющим, нежели любые наставления, не имеющие под собой практического опыта. Любую теорию социального улучшения, достоинства которой можно проверить лишь путем испытаний на опыте, следует не только допускать к таким испытаниям, но и поощрять их. Из таких опытов активная часть трудящихся классов извлекала бы уроки, которые с трудом воспринимаются со слов людей, чьи интересы и предубеждения представляются противными интересам благополучия класса рабочих, обретала бы возможность исправления без каких бы то ни было издержек для общества любых ныне существующих у этого класса ошибочных представлений о способах достижения ими самостоятельности, а также возможность открытия для себя условий: нравственных, интеллектуальных и производственных, — наличие которых абсолютно необходимо для достижения без нанесения ущерба справедливости или для достижения вообще целей общественного преобразования, к которому эти классы стремятся **.

* [1865 г.] Думают, что это можно осуществить с помощью закона об ограниченной ответственности, согласно которому капиталист и его рабочие могут объединяться в акционерную компанию с ограниченной ответственностью, как это предложили Бригтсы (см. выше, с. 109).

** [1862.] По закону от 1852 г., известному под названием закона о промышленных и снабженческих обществах, принятию которого нация обязана усилиям Слэни, движимого заботой об интересах общества, промышленные ассоциации рабочих получают право пользоваться установленными законом привилегиями обществ взаимопомощи. Это не только освобождает их от формальностей, распространяющихся на акционерные компании, но и предусматривает разрешение споров между пайщиками без обращения в суд лорда-канцлера. В положениях этого закона все еще есть ряд

Французское законодательство о товариществах превосходит английское в том смысле, что разрешает коммандит и не предусматривает необходимость обращаться в такой неуправляемый орган, как суд лорда-канцлера, а позволяет решать все споры в связи с коммерческими сделками путем сравнительно недорогой и быстрой процедуры в коммерческих судах. В других отношениях французская система законодательства была и, по моему убеждению, до сих пор остается значительно хуже английской. Учреждение акционерной компании с ограниченной ответственностью невозможно без получения специального разрешения правительственного органа, называемого *Conseil d'Etat* (Государственный совет) и состоящего из группы администраторов, как правило совершенно незнакомых с промышленными сделками, не проявляющих никакого интереса к поощрению предприятий и склонных усматривать основную задачу своего учреждения в ограничении их свободы. Так или иначе, согласие этих администраторов невозможно получить без большой затраты времени и труда, что служит очень серьезным препятствием образования предприятий, в то время как крайняя неуверенность в получении согласия вообще в огромной мере расхолаживает капиталистов, которые готовы были бы внести в дело свою долю. Что касается акционерных компаний без ограничения ответственности, существующих в Англии в больших количествах и учреждаемых без всякого труда, во Франции эти объединения не могут существовать вообще, поскольку в случаях полного товарищества французский закон не допускает разделения капитала на акции, которые могли бы переходить из рук в руки.

Лучшими из существующих ныне [1848 г.] законов о товариществах являются, по всей видимости, законы штатов Новой Англии. По утверждению Кэри*, «нигде объединения не являются столь свободными от пут регламентирования, как в Новой Англии, в результате чего они распространены там, и особенно в Массачусетсе и Род-Айленде, в гораздо большей степени, чем в какой-либо другой части света. Территории этих штатов буквально

изъянов, в некоторых отношениях затрудняющих деятельность обществ, на что было указано в «*Almanac of the Rochdale Equitable Pioneers*» за 1861 г.

* В примечании к его переводу статьи Коклена,

покрыты *compagnies anonymes* — компаниями, созданными для самых разнообразных целей на основании правительственной концессии. Каждый город представляет корпорацию по управлению своими дорогами, мостами и школами, находящимися, таким образом, под непосредственным контролем тех, кто за них платит, и управляемыми отменно. Высшие учебные заведения и церкви, читальни и библиотеки, сберегательные общества и синдикаты существуют в количествах, соразмерных с потребностями людей, и все устроены на корпоративных началах. В каждом округе есть свой местный банк, размеры которого соответствуют местным потребностям, а акционерный капитал принадлежит мелким местным капиталистам, которые сами и управляют этим банком, в результате чего ни в одной части света нет столь совершенной банковской системы, почти не подверженной колебаниям в размере займов. В результате этого ни в одной части света стоимость собственности не зависит в такой малой степени от изменения количества или стоимости денежных знаков, потому что эти последние выпускаются самими жителями через свои банки. В двух штатах, на которые мы ссылались особо, число таких банков почти достигает 200. В одном только Массачусетсе насчитывается 53 страховых общества разного рода, разбросанных по всему штату и зарегистрированных в качестве корпораций. В качестве корпораций зарегистрированы фабрики, представляющие собой собственность на акции, и всякий принимающий какое-либо участие в управлении предприятием — от закупки сырья до сбыта готовых изделий — является отчасти его совладельцем, в то время как всякий занятый на предприятии имеет надежду стать участником в собственности посредством благоразумия, трудолюбия и бережливости. Существует большое количество благотворительных обществ, и все они основаны на тех же началах. Рыболовные суда принадлежат на паях тем, кто на них плавает, а вознаграждение матросов китобойного судна в огромной мере, если не целиком, зависит от успеха плавания. Любой капитан торгового судна в южном океане является в то же время и пайщиком в этом деле, и его личная заинтересованность служит мощным стимулом к трудолюбию и бережливости, с помощью которых жители Новой Англии быстро устраняют в этой части света торговых конкурентов из других стран. Где бы они ни поселились, они про-

являют одно и то же стремление к проведению совместных действий. В Нью-Йорке они главные хозяева почтовых кораблей, которыми владеют на паях совместно с судостроителями, купцами, капитанами и шкиперами, причем последние сами обычно получают возможность стать капитанами, чем и объясняется большой успех дела. Эта система — самая демократичная из всех существующих в мире. Она открывает каждому рабочему, каждому матросу, каждому ремесленнику, мужчине или женщине, возможность продвижения вперед, и результаты ее действия именно такие, какими мы имеем все основания их ожидать. Ни в одной другой части света дарование, усердие и благоразумие не могут так уверенно рассчитывать на широкое вознаграждение».

В той части Соединенных Штатов, о которой идет речь, случаи неплатежеспособности и мошенничества среди подобных компаний, наносящие такой большой ущерб и вызывающие столь многочисленные скандалы в Европе, не имеют места, зато наблюдаются в других штатах, где право на объединение в гораздо большей степени опутано законодательными ограничениями и где численность и разнообразие акционерных обществ не идут соответственно ни в какое сравнение с Новой Англией. Кэри добавляет: «Тщательное исследование систем законодательства нескольких штатов не может, по нашему мнению, не убедить читателя в выгодах предоставления людям свободы самим определять условия, на которых они вступают в товарищество, а обществам, которые могут быть образованы, самим оговаривать с общественностью условия их совместной торговли независимо от ограниченной или неограниченной ответственности пайщиков»⁸. Этот принцип был положен в основу всех недавно принятых в Англии законов, касающихся данной проблемы.

§ 8. Теперь я перехожу к рассмотрению законов о несостоятельности.

В этом отношении хорошие законы важны прежде всего и главным образом для поддержания общественной нравственности, хорошее или плохое направление которой

⁸ [Это предложение заменило собой в 6-м издании (1865 г.) следующий первоначальный текст: «...и я согласен с мнением, что к этому же выводу в конце концов должны прийти и наука, и законодательство».]

зависит от закона в данном случае сильнее, чем в каком бы то ни было другом, так как тут дело идет о денежной честности, охрана которой представляет чрезвычайно важную задачу закона. Однако вопрос этот имеет громадное значение и в чисто экономическом плане. Во-первых, в связи с тем что экономическое благополучие как отдельного народа, так и человечества в целом в большой мере зависит от возможности доверять заключаемым обязательствам. Во-вторых, в связи с тем что одним из рисков или расходов промышленных операций является риск или расход, относящийся к так называемым безнадежным долгам, и всякое полученное здесь сбережение способствует уменьшению издержек производства, поскольку сокращает статью расходов, которая ни в каком случае не ведет к желаемой цели и должна быть покрыта либо за счет потребителя товара, либо за счет общих прибылей на капитал — в зависимости от того, носят ли эти расходы общий или частный характер.

В этом отношении законы и обычаи разных народов почти всегда впадали в какую-нибудь крайность. Старинные законы в большинстве стран сурово карали должника. Они наделяли кредитора более или менее тираническим правом принуждения, которым он мог воспользоваться против своего несостоятельного должника, чтобы добиться выдачи укрываемого имущества или получить удовлетворение посредством мести в качестве возможного утешения за неуплату долга. В ряде стран деспотичное право принуждения давало возможность превращать несостоятельного должника в раба, обязанного служить кредитору, — в этом правиле, однако, была по крайней мере крупица здравого смысла, поскольку оно могло восприниматься как способ заставить должника отработать долг собственным трудом. В Англии принуждение приняло более мягкую форму — форму обычного тюремного заключения. Но как то, так и другое были варварскими обычаями грубого века, несовместимыми с понятиями справедливости и человечности. К сожалению, реформа этих законов, равно как и уголовного законодательства в целом, проводилась с учетом только человечности, но не справедливости, и новомодная человечность — понятие, по существу, одностороннее⁹, —

⁹ [Имевшаяся в первоначальном тексте вставка в скобках «(сходное с боязнью причинить что-либо, напоминающее боль и родственное трусости, стремящейся избежать излишнего ее воздействия)» была опущена в 3-м издании (1852 г.).]

как и в других случаях, вступила в яростную схватку с древней жестокостью и добилась такого положения, что потеря или растрата чужой собственности считаются ныне едва ли не заслуживающими особого снисхождения. Любые положения закона, предусматривавшие неприятные последствия за совершение таких деяний, либо смягчались, либо исключались вообще; и в конце концов деморализующий эффект попустительства стал настолько очевидным, что в законах последнего времени наметился благотворный, но еще крайне недостаточный сдвиг в обратном направлении ¹⁰.

В оправдание снисходительности законодательства к тем, кто не в состоянии расплатиться со своими не вызывающими сомнения долгами, обычно приводят аргумент, гласящий, что в случае неплатежеспособности единственной целью закона должно быть не принятие мер принуждения в отношении личности должника, а изъятие его собственности и справедливое распределение ее между кредиторами. Если предположить, что это является и должно являться единственной целью закона, то его первоначальное смягчение зашло так далеко, что цель оказалась принесенной в жертву. Заключение в тюрьму по усмотрению кредитора было действительно мощным средством изъятия у должника собственности, которую он утаил или устранил из поля зрения каким-либо иным путем; и практика покажет, предоставил ли закон — в свете последних изменений — кредиторам равнозначную замену отобранному у них праву ¹¹. Однако теория, утверждающая, будто

¹⁰ [Так начиная с 5-го издания (1862 г.). В первоначальном тексте было сказано: «Любые положения закона... постепенно смягчались, а многие исключались вообще. Так как раньше несостоятельность неизменно рассматривали как своего рода преступление, то теперь делают все, чтобы по возможности не считать ее даже несчастьем». Имеющаяся ныне ссылка на сдвиг в обратном направлении «благодаря недавно принятым законам» была включена в 3-е издание (1852 г.), где этот сдвиг характеризовался как «частичный, но весьма благотворный».]

¹¹ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). В первоначальном тексте было сказано: «Лишив кредиторов этого права, закон не дал им достаточно равнозначной замены». И далее: «Для недобросовестного должника не составляет в большинстве случаев труда исходя из буквы закона и по договоренности с одним или несколькими кредиторами или с помощью специально подобранных мнимых кредиторов отделить часть, и, возможно, большую часть, своих средств от общей массы. Легкость и частота совершения подобных мошен-

закон сделал все, что следует от него ожидать, передав кредиторам право распоряжаться собственностью должника, сама по себе является совершенно недопустимым примером превратно понимаемой человечности. Задача закона — предотвращать правонарушения, а не сглаживать последствия уже совершенных правонарушений. Закон обязан позаботиться о том, чтобы несостоятельность не стала выгодной финансовой спекуляцией и чтобы ни у кого не было привилегии подвергать риску собственность других людей без их ведома и согласия, привилегии забирать себе прибыль предприятия в случае успеха, а в случае неудачи перекладывать все убытки на плечи тех, кто вверил им свой капитал, а также о том, чтобы должники не находили выгодным объявлять себя несостоятельными к уплате своих долгов, растрачивая деньги, полученные от кредиторов на удовлетворение личных потребностей. Все признают, что так называемое злостное банкротство, т. е. ложное объявление себя несостоятельным, при обнаружении должно подлежать наказанию¹². Но разве из этого следует, что несостоятельность не может быть результатом дурного поведения и тогда, когда неспособность к уплате оказывается реальной? Если человек промотал или проиграл собственность, на которую его кредиторы имели преимущественные права, позволительно ли будет оставлять его безнаказанным, поскольку зло уже свершилось и денег больше нет? Есть ли с точки зрения нравственности какая-нибудь существенная разница между подобным поведением и другими видами бесчестности, называемыми обманом и растратой?

Подобных случаев среди дел о несостоятельности не меньшинство, а подавляющее большинство. Это доказано и статистикой банкротств. «Подавляющая часть дел о несостоятельности является результатом заведомо дурного поведения, что подтверждается всей практикой суда по делам несостоятельных должников и суда по делам о несо-

ничеств вызывают множество жалоб, а их предотвращение требует решительных действий со стороны законодательной власти, принимаемых под руководством здравомыслящих лиц, разбирающихся в предмете с практической точки зрения».]

¹² [Так начиная с 3-го издания, в первоначальном тексте было сказано: «Филантропы не отрицают, что так называемая... неплатежеспособность при обнаружении таковой должна в разумных пределах подлежать наказанию».]

стоятельности. Чрезмерное и неоправданное расширение торговли без учета имеющихся средств, нелепые спекуляции товарами, предпринимаемые просто потому, что бедный спекулянт «думал, что они поднимутся в цене», а почему он так думал, объяснить не может, спекуляции хмелем, чаем, шелком, хлебом, т. е. товарами, с которыми он совершенно незнаком; сумасбродные, нелепые капиталовложения в иностранные ценные бумаги или акции — таковы самые невинные причины банкротств» *. Опытный и знающий автор, которого я цитирую, подкрепляет свое утверждение свидетельствами ряда официальных уполномоченных суда по делам о несостоятельности. Один из них заявил: «По данным учетных книг и других документов, представляемых банкротами, у меня создалось впечатление», что в целом ряде дел, рассмотренных в течение определенного отрезка времени судом, где он служил, «14 человек разорились на спекуляциях товарами, с которыми были совершенно незнакомы; три человека — из-за небрежного ведения учетных книг; 10 — из-за расширения торговли без учета имеющегося капитала и средств с последующей потерей дружеских векселей и возникновением необходимости их оплаты; 49 — из-за того что тратили больше, чем могли, в расчете на ожидаемую прибыль, хотя их дело приносило порядочный доход и ни один не разорился по причине какого-либо всеобщего бедствия или упадка конкретной отрасли торговли». Другой чиновник заявил: «...за 18 месяцев через мои руки прошло 52 дела о банкротстве. Я считаю, что в 32 случаях причиной разорения послужили неблагоприятные расходы; в 5 случаях — отчасти расходы, а отчасти трудные обстоятельства в делах, которыми занимались банкроты. 15 дел я отношу на счет неблагоприятных спекуляций, сочетающихся во многих случаях с расточительным образом жизни».

Эти цитаты автор дополняет следующими замечаниями из своих личных наблюдений: «Во многих случаях несостоятельность является результатом нерадивости торговцев: они не ведут учетных книг или ведут их так неудовлетворительно, что никогда не подводят баланса, они никогда не производят переучета товаров; при обширных торговых операциях они нанимают служащих, которых не

* Из опубликованной в 1845 г. кн.: I. H. Elliott. *Credit the Life of Commerce*.

дают себе труда даже контролировать, а потом оказываются несостоятельными должниками. Не будет преувеличением сказать, что половина лиц, занимающихся торговлей даже в Лондоне, вообще никогда не занимаются переучетом товаров: на протяжении многих лет они ведут свое дело, не представляя, в каком положении оно находится, и в конце концов, как школьники, вдруг с удивлением обнаруживают, что в кармане осталось всего полпенса. Смело можно сказать, что в провинции из всех людей, занимающихся фабричным производством, торговлей или земледелием, даже и четвертая часть вряд ли когда-нибудь проводила переучет своих товаров и что едва ли половина из них когда-либо вела учетные книги, которые можно было бы назвать как-нибудь иначе, а не сборниками памятных записок. Я достаточно хорошо знаком с делами 500 мелких провинциальных торговцев, чтобы с уверенностью заявить, что едва ли пятая их часть когда-либо занималась переучетом товаров или вела хотя бы самый обычный бухгалтерский учет. На основе тщательно подготовленных таблиц, при составлении которых относились самым снисходительным образом к тем случаям, где возникало какое-либо сомнение в причинах несостоятельности, я могу сказать, что на каждые 9 банкротств, явившихся результатом расточительности или мошенничества, «максимум» одно можно отнести исключительно за счет неудачи» *.

Разумно ли рассчитывать на наличие у торговых классов какого-либо высокого чувства справедливости, чести и честности, если закон позволяет людям, поступающим подобным образом, перекладывать последствия своего дурного ведения дел на тех, кто так неосмотрительно доверился им, и фактически провозглашает, что смотрит на вызванную их поступками несостоятельность как на «несчастье», а не как на преступление?

Конечно, нельзя отрицать, что несостоятельность может явиться следствием причин, независящих от должника, и что во многих случаях его виновность не так уж велика; и закон должен проявлять снисхождение в подобных ситуациях, но только после проведения тщательного расследования; ни одно дело не должно рассматриваться без всестороннего — насколько это осуществимо прак-

* Там же, с. 50—51.

тически — выяснения не только самого факта несостоятельности, но и причин, ее вызвавших. Получить деньги или вещи, имеющие денежную стоимость, и потерять или растратить их — значит *prima facie* (прежде всего) показать, что что-то неладно; и не дело кредитора доказывать наличие преступного умысла, чего он в одном случае из десяти сделать не в состоянии, а задача должника опровергнуть это подозрение, раскрыв истинное положение своих дел и показав, что ведение их было безупречно или заключало в себе лишь извинительные ошибки. Если он не сумеет сделать этого, то ни под каким предлогом не должен уйти от наказания, соизмеримого со степенью его вины, какая ему, по-видимому, справедливо приписывается; причем наказание это может быть сокращено или смягчено, если создается впечатление, что он готов приложить усилия для возмещения нанесенного ущерба.

Сторонники смягченного законодательства о несостоятельности обычно приводят тот аргумент, что, за исключением случаев крупных торговых операций, кредит вреден и что лишение кредиторов законного права на удовлетворение явилось бы разумной предупредительной мерой против выдачи кредитов. Кредит, выдаваемый розничными торговцами непроизводительным потребителям, в том чрезмерном виде, как это имеет место ныне, вне всякого сомнения, является значительным злом. Однако утверждение это справедливо только в отношении крупных и особенно долгосрочных кредитов, поскольку кредитование имеет место всегда, когда товар не оплачен до того, как он покинет пределы магазина или по крайней мере выйдет из-под опеки продавца, и прекращение подобного кредитования вызвало бы массу неудобств. Но значительная часть задолженностей, подпадающих под действие законов о несостоятельности, складывается из долгов мелких торговцев посредникам, поставляющим им товары, и именно на этом виде долгов наиболее пагубно сказывается разлагающий эффект неудовлетворительного состояния законодательства. Эти долги относятся к коммерческому кредиту, сокращения которого никто не желает, ибо его существование крайне важно для экономики страны, равно как и для большинства честных, порядочных людей с небольшими средствами, которым невозможность получения необходимой ссуды нанесла бы большой урон и которые не встанут на путь злоупотреблений, воспользовавшись тем, что за-

кон не обеспечил соответствующих санкций против недобросовестных и безответственных заемщиков.

Даже если допустить, что розничные операции, совершаемые на любой другой основе, кроме прямой денежной оплаты, являются злом и одной из приличествующих законодательству целей должно стать их полное искоренение, вряд ли можно отыскать более скверный способ решения проблемы, чем позволить тем, кому было оказано доверие, безнаказанно обманывать и обкрадывать своих доверителей. Закон, как правило, не избирает пороки человечества в качестве подходящего орудия для наказания сравнительно невинных. Пытаясь воспрепятствовать каким-либо поступкам, он прибегает к собственным средствам, не ставя вне закона тех, чьи поступки представляются предосудительными, и не давая хищническим инстинктам ничемной части человечества паразитировать за их счет. Если человек совершает убийство, закон приговаривает его к смерти, и в то же время закон не обещает безнаказанности тому, кто может лишить жизни убийцу, дабы завладеть его кошельком. Доверие, даже опрометчивое, одного человека к слову другого не такое уж преступление, чтобы для устранения его необходимо было выставять для всеобщего обозрения случаи торжествующей подлости, осмеивающей свои жертвы под прикрытием закона. После смягчения законов о несостоятельности подобных пагубных примеров стало предостаточно. Тщетно полагать, что, даже полностью лишив кредиторов всех прав на возмещение, удастся сильно сократить тот вид кредита, который представляется нежелательным. Жулики и мошенники все еще являются исключениями из рода человеческого, и люди и впредь будут продолжать верить обещаниям друг друга. Крупные оптовые торговцы в прибыльных предприятиях не стали бы предоставлять кредита, что многие из них делают уже сегодня; но разве в условиях острой конкуренции большого города или при зависимом положении, в каком находятся деревенские лавочники, можно ожидать того же от торговца, для которого важен каждый отдельный покупатель, или от лица, начинающего торговлю и старающегося привлечь клиентов? Он пойдет на риск, даже если этот риск будет больше нынешнего, — ведь он, безусловно, разорится, если не сможет продать товар, и лишь может оказаться разоренным, если его обманут. Не стоит говорить, что ему следует навести соответствующ-

щие справки и удостовериться в репутации тех, кому он поставляет товары в кредит. Хотя в ряде наиболее скандальных историй должников-расточителей, разбивавшихся судом по делам о несостоятельности, мошенники сумели достать и представить отличные рекомендации*.

* Приводимые ниже выдержки из французского Code de Commerce (Коммерческий кодекс) (в переводе Фейна) дают представление о том, сколь большие и справедливые различия в подходе к делам допускает французское законодательство и сколь тщательное расследование оно предусматривает. Слово «*banqueroute*» (банкротство) употребляется во Франции только в смысле несостоятельности, происшедшей *по вине* обанкротившегося лица, и подразделяется на *простое* банкротство и *злостное*. Ниже приводятся случаи простого банкротства.

«Любой несостоятельный должник должен обвиняться как простой банкрот, если при расследовании дела он окажется виновным в одном или нескольких ниже перечисленных преступлениях:

Если его домашние расходы, которые он обязан регулярно заносить в книгу, окажутся чрезмерными.

Если он тратил значительные суммы на игру или операции слишком рискованного характера.

Если окажется, что он взял большой заем либо перепродал товар с убытком или по цене, ниже существующей, после того как в ходе последней проверки счетов было установлено, что его задолженность наполовину превышает стоимость его имущества, из которого могут быть выплачены долги.

Если он выпустил акций на сумму, в три раза превышающую стоимость его имущества согласно последней проверке.

Следующие лица *могут* привлекаться к суду в качестве *простых* банкротов:

Тот, кто не заявил о своей несостоятельности в соответствии с узаконенным порядком.

Тот, кто в течение определенного срока не явился в суд без уважительных на то причин для признания себя несостоятельным должником.

Тот, кто либо вообще не вел учетных книг, либо вел их неправильно, даже если эти нарушения не свидетельствуют о наличии обмана».

В качестве наказания за «простое банкротство» предусмотрено тюремное заключение на срок не менее одного месяца и не более двух лет. Ниже приводятся случаи злостного банкротства, в качестве наказания за которое предусмотрены *travaux forcés* (каторжные работы):

«Если торговец в опись своего имущества заносил фиктивные расходы или потери или если он не вписывал в нее всех своих поступлений.

Если он мошенническим образом скрыл известную сумму денег, или причитающийся ему долг, или какой-нибудь товар, или другое движимое имущество.

Если он с целью сокрытия продал или подарил свое имущество.

Если он допустил признание на свое имущество фиктивных долгов.

Если он присвоил для собственного пользования имущество, которое было доверено ему либо просто на сохранение, либо с особыми указаниями относительно его использования.

Если он приобрел недвижимость на чье-либо чужое имя.

Если он утаил учетные книги.

В следующих случаях торговец также *может* обвиняться в злостном банкротстве:

Если он либо не вел учетных книг, либо книги эти не отражают его действительного положения в отношении долгов и кредитов.

Если он, получив охранное свидетельство (*sauf-conduit*), не исполняет должным образом содержащихся в нем условий».

Все эти статьи относятся только к случаям торговой несостоятельности. Законы же, касающиеся обычных долгов, значительно суровее по отношению к должнику.

О ГОСУДАРСТВЕННОМ ВМЕШАТЕЛЬСТВЕ, ОСНОВЫВАЮЩЕМСЯ НА ОШИБОЧНЫХ ТЕОРИЯХ

§ 1. От рассмотрения обязательных функций правительства и последствий, которые оказывает их умелое или неумелое осуществление на экономические интересы общества, переходим к исследованию функций, которые я — за неимением лучшего определения — отнес к разряду необязательных, т. е. функций, иногда принимаемых на себя правительствами, а иногда — нет. В отношении этих функций не все единодушно признают, что правительство должно обязательно исполнять их.

Прежде чем приступить к рассмотрению общих принципов данной проблемы, разумно будет устранить с нашего пути все те случаи, когда вмешательство правительства сказывается неблагоприятным образом в силу того, что оно основывается на ложных взглядах на объект вмешательства. Подобные случаи вовсе не имеют никакого отношения ни к одной из теорий, определяющих надлежащие границы такого рода вмешательства. Есть вещи, в которые правительства не должны вмешиваться, как и другие, вмешательство в которые просто необходимо; но независимо от того, правомерно оно или неправомерно само по себе, вмешательство скажется пагубным образом, если правительство, не понимая существа предмета, в которое вмешивается, вызывает своими действиями результат, который оказывается вредным. Поэтому мы начнем с обзора различных ложных теорий, которые время от времени служили правительству основой для действий более или менее вредных с экономической точки зрения.

При рассмотрении проблем политической экономии предшествующие авторы считали необходимым посвятить немалый труд и уделить значительное место освещению этой стороны проблемы. Теперь, к счастью, удалось, по крайней мере в Англии, в значительной мере ограничить этот сугубо негативный раздел дискуссии. Ложные теории политической экономии, принесшие в прошлом так много вреда, полностью дискредитировали себя в глазах тех, кто не отстал от прогресса общественной мысли, и лишь не-

значительное число законодательных актов, порожденных в свое время этими теориями, продолжают до сих пор омрачать своим существованием законодательство в целом. Поскольку мотивы, лежащие в основе их осуждения, подробно изложены в других частях настоящего труда, здесь мы можем ограничиться лишь несколькими краткими указаниями.

Самой известной среди ложных теорий является учение о защите отечественной промышленности, что означает полное запрещение или сокращение с помощью высоких пошлин ввоза тех иностранных товаров, которые могут производиться внутри страны. Если бы теория, лежащая в основе этой системы, была справедлива, то и базирующиеся на ней практические выводы нельзя было бы не признать разумными. Теория гласила, что покупка вещей, изготовленных внутри страны, выгодна для нации, а импорт зарубежных товаров вообще убыточен для нее. В то же время очевидно, что для потребителя выгоднее покупать иностранные товары во всех случаях, когда они дешевле или лучше отечественных; таким образом, создавалась видимость, что интерес потребителя противоположен интересу общества, ибо, предоставленный лишь своим собственным желаниям, он делал бы то, что, по теории, признается вредным для общества.

Однако в нашем анализе значения международной торговли мы показали, как, впрочем, часто говорили об этом и предшествующие авторы, что в условиях обычной торговли импорт зарубежных товаров осуществляется только в том случае, если он выгоден для нации с экономической точки зрения, т. е. позволяет стране получать то же количество товара с меньшими затратами труда и капитала. Следовательно, запрещать импорт или устанавливать пошлины, препятствующие ввозу, — значит снижать эффективность труда и капитала страны в производстве по сравнению с той, какой она могла бы быть в иных условиях, и наносить ущерб, величина которого равна разнице между количеством труда и капитала, необходимым для производства товара внутри страны, и количеством труда и капитала, необходимым для изготовления вещей, за которые этот товар может быть куплен за границей. Размер ущерба, наносимого нации таким образом, измеряется превышением цены, по которой этот товар производится внутри страны, над ценой, по которой его можно импортировать.

Применительно к промышленным товарам вся эта разница между двумя ценами поглощается производителями в качестве вознаграждения, которое они получают за растрату впустую труда или капитала, используемого для оплаты этого труда. При этом те, кто, казалось бы, должен быть в выигрыше от этой системы, а именно производители находящихся под защитой товаров, не получают больших по сравнению с другими предпринимателями прибылей (если только данные производители не учреждают единственной в своем роде компании и не располагают монополией как по отношению к соотечественникам, так и к иностранцам). Таким образом, налицо явные убытки и для страны в целом, и для потребителя. Когда же находящийся под защитой товар оказывается продуктом сельского хозяйства и потери труда распространяются не на весь объем производства, а лишь на ту его часть, которая может быть названа последней партией товара, то только часть существующего превышения цены идет на возмещение потерь; остальное представляет собой налог, выплачиваемый землевладельцам.

Первоначально политика ограничений и запретов основывалась на так называемой системе меркантилизма, которая, усматривая пользу внешней торговли исключительно во ввозе денег в страну, искусственно поощряла экспорт товаров и противодействовала импорту. Отдельными исключениями из общего правила были только те, которых требовала сама система. Противоположная, но служившая, в сущности, тем же целям политика имела место в отношении материалов и орудий производства; их беспрепятственно ввозили и не разрешали вывозить, с тем чтобы промышленники, получая все необходимое для производства по более низкой цене, могли продавать товары дешевле, а следовательно, и экспортировать их в больших количествах. По той же причине был разрешен и даже поощрялся импорт, но только из государств, которые предположительно должны были закупать у страны больше, чем она у них, и, следовательно, обогащать ее за счет активного торгового баланса. В ту же систему входило создание колоний, из которых рассчитывали извлекать выгоду, заставляя их приобретать наши товары и, уж во всяком случае, не покупать товаров других стран, причем в обмен на это ограничение мы, как правило, были готовы принять на себя равносильное обязательство в отношении

основных колониальных товаров. Следование положениям этой теории заходило так далеко, что не было ничего необычного даже в предоставлении экспортных премий и поощрении иностранцев покупать у нас, а не у других стран за счет искусственно создаваемой дешевизны, когда часть цены мы платили за них из собственных налогов. До этой крайности еще не доходил ни один частный торговец под влиянием конкуренции между предпринимателями. Я полагаю, что ни один лавочник еще никогда не прибегал к практике подкупа своих клиентов, постоянно продавая им товары с убытком для себя и компенсируя потери за счет других имеющих в его распоряжении средств.

От принципов теории меркантилизма отказались теперь даже те авторы и правительства, которые все еще придерживаются системы ограничений. Какую бы власть эта система ни имела над человеческими умами независимо от частных интересов, которым грозят реальные или мнимые убытки от изменения политики, ее источник — не старое представление о выгоде накопления денег в стране, а другие заблуждения. Одним из самых расхожих заблуждений является благовидная ссылка на необходимость предоставлять занятие собственным соотечественникам и загружать отечественную промышленность вместо того, чтобы поддерживать и финансировать промышленность иностранцев. Возражение на этот довод со всей очевидностью вытекает из принципов, изложенных в предыдущих главах. Не возвращаясь к изложенной здесь ранее основополагающей теореме * о существе и источниках занятости труда, достаточно привести традиционную точку зрения сторонников свободной торговли, по которой альтернатива заключается не в том, давать ли занятие собственному народу или иностранцам, а в том, давать ли занятие одному или другому классу своего народа. Импортируемый товар всегда прямо или косвенно оплачивается продуктами нашей собственной промышленности; при этом последняя становится более производительной, поскольку при неизменных затратах труда и капитала мы имеем возможность получать большее количество товаров. Те, кто недостаточно глубоко разобрался в проблеме, склонны считать, что экспорт нашей продукции, равнозначный по стоимости поставкам потребляемых нами иностранных товаров, зави-

* См. ранее, т. I, с. 179 и след.

сит от ряда обстоятельств: от согласия иностранных государств осуществить соответствующее ослабление существующих на их стороне ограничений или от того, в какой мере данные обстоятельства будут побуждать тех, у кого мы покупаем, больше покупать у нас, и что, если не будет этих или равнозначных им обстоятельств, платеж нужно будет производить деньгами. Но, во-первых, платеж деньгами отнюдь не хуже платежа каким-либо иным средством обращения, если состояние рынка делает этот вид оплаты наиболее выгодным, да и сами деньги были первоначально приобретены и будут снова восполнены за счет экспорта наших собственных товаров на ту же сумму. Во-вторых, даже кратковременные платежи деньгами вызвали бы такое понижение цен, что либо уменьшился бы импорт, либо спрос на наши товары за рубежом расширился бы в такой степени, что оплатил бы наш импорт. Я допускаю, что подобное нарушение процесса выравнивания международного спроса было бы в известной мере невыгодно нам, а именно при покупке других импортируемых товаров, и что страна, налагающая запрет на ввоз отдельных иностранных товаров, получает *caeteris paribus* те товары, импорт которых не запрещен, по более низкой цене, чем та, которую пришлось бы платить в ином случае. Другими словами, страна, отказывающаяся вовсе от отдельных отраслей внешней торговли или запрещающая их, уничтожает тем самым общую выгоду всего мира, которая была бы поделена в определенной пропорции между нею самой и другими странами, но зато при определенных обстоятельствах получает за счет иностранцев большую, чем пришлось бы на ее долю в ином случае, часть выгод, получаемых от отраслей своей внешней торговли, существование которых она допускает. Но и это ей удастся только в том случае, если иностранцы не наложат аналогичных запретов или ограничений на ее собственные товары. Во всяком случае, нетрудно понять, насколько справедливо или целесообразно уничтожить одну из двух выгод, чтобы заполучить в свои руки несколько большую часть другой: дело в том, что уничтожаемая выгода соответствует по своим размерам объему торговли и должна быть большей из двух, ибо предполагается, что капитал, предоставленный самому себе, предпочтительнее обратился бы к ней.

Опровергнутое в качестве общей теории учение о протекционизме в отдельных частных случаях находит под-

держку в силу соображений, которые, если бы они в самом деле соответствовали действительности, представляли бы гораздо большие интересы, нежели простая эконопия труда, а именно интересы обеспечения средств существования нации и национальной обороны. В ходе дискуссии о хлебных законах широкое распространение получил довод относительно того, что мы не должны зависеть от иностранцев в снабжении народа продовольствием, а законы о навигации теоретически и практически основывались на необходимости содержать «питомник моряков» для флота. Что касается последнего случая, то я сразу признаю: цель стоит приносимых ради нее жертв, и если страна, открытая для вторжения с моря, не в состоянии иным способом обеспечить себя достаточным количеством кораблей и матросов для развертывания в случае чрезвычайных обстоятельств соответствующего флота, то она вправе изыскивать подходящий для себя способ даже в ущерб такому экономическому показателю, как дешевизна перевозок. После принятия английских законов о навигации голландцы благодаря своему практическому опыту морского судоходства и низкой норме прибыли внутри страны имели возможность перевозить товары для других стран, в том числе и для Англии, дешевле, чем эти страны могли перевозить сами для себя, что ставило все эти страны в сравнении с Голландией в более невыгодное положение при наборе опытных моряков для своих военных кораблей. Законы о навигации, исправившие этот недостаток и одновременно нанешие удар по морскому могуществу нации, с которой в то время Англия постоянно находилась во враждебных отношениях, были, по всей вероятности, целесообразными с политической точки зрения, хотя и были невыгодны в экономическом отношении. Зато сейчас английские корабли и матросы могут перевозить товары так же дешево, как корабли и матросы любой другой страны, и по крайней мере могут на равных конкурировать с остальными морскими нациями даже в сфере собственной торговли этих последних. Цели, которые, быть может, некогда оправдывали существование законов о навигации, уже не нуждаются в этих законах, и нет никаких оснований для сохранения этого ненавистного исключения из общих правил свободной торговли.

Что касается средств существования нации, то этот довод протекционистов так часто и успешно опровергался,

что здесь незачем о нем много распространяться. Наиболее устойчиво и обильно снабжает население продовольствием страна, которая получает его с большей площади земель. Нелепо строить свою общеполитическую систему на невероятном допущении, будто бы страна может оказаться в состоянии войны со всеми государствами мира сразу, либо полагать, что, даже малозащищенная с моря, вся страна может быть блокирована, подобно отдельно взятому городу, или что производители продуктов в других странах не будут заинтересованы в сохранении за собой выгодного рынка столь же остро, как мы в том, чтобы не лишиться их поставок зерна. Однако, касаясь проблемы средств существования, следует особо остановиться на одном из ее аспектов. В случаях реальной или ожидаемой нехватки продовольствия многие страны Европы, как правило, прекращают экспортировать его. Основательна или неосновательна такая политика? Не может быть никаких сомнений, что при нынешнем состоянии международной нравственности нельзя порицать народ, равно как и отдельное лицо, за то, что он не голодает ради того, чтобы накормить других. Но если бы конечной целью принципов международных отношений было достижение наибольшего блага для человечества в целом, подобная коллективная скаредность, наверное, встретила бы осуждение. Допустим, что в обычных условиях торговля продовольствием свободна от каких бы то ни было ограничений, в силу чего цена на зерно в одной стране обычно не может быть выше цены в любой другой больше чем на стоимость перевозки с добавлением умеренной прибыли для импортера. Предположим, что всеобщий неурожай охватывает все страны, правда в неодинаковой степени. Если в одной стране цена повысилась больше, чем в других, это доказывает, что в этой стране неурожай ощущается особенно остро и что если будет разрешено ей свободно ввозить продовольствие из любой другой страны, то его возьмут там, где существует менее настоятельная необходимость в нем, для удовлетворения более настоятельной. Таким образом, если учитывать интересы всех стран, то свободный импорт представляется желательным. Для отдельно взятой страны-экспортера он может, по крайней мере в определенной ситуации, оказаться невыгодным, но следует принять во внимание, что страна, которая сегодня дает зерно, когда-нибудь в будущем может его ввозить и получать, таким образом,

выгоду от свободы торговли. Я уверен, что даже участникам голодных бунтов можно доказать необходимость в подобных случаях поступать по отношению к другим точно так, как они хотели бы, чтобы поступали по отношению к ним самим.

В странах, где теория протекционизма сдает [1848 г.] свои позиции, но с ней еще окончательно не покончено, таких, как Соединенные Штаты, сформировалось учение, представляющее собой своего рода компромисс между политикой свободной торговли и политикой ограничений, а именно учение, утверждающее, что протекционизм ради протекционизма непригоден; однако нет ничего предосудительного в таком протекционизме, который может стать результатом введения тарифа, предназначенного исключительно для пополнения государственных доходов. Даже в Англии порой выражается сожаление по поводу того, что не сохранена «умеренная фиксированная пошлина» на зерно ради того дохода, который она приносила бы казне. Однако независимо от общей неуместности обложения налогами предметов первой необходимости это учение упускает из виду то обстоятельство, что доход поступает только с импортируемого количества зерна, в то время как налог вносится со всего потребляемого количества. Заставлять общество платить много, для того чтобы казна могла получать немного, отнюдь не удобный способ получения дохода. В том, что касается промышленных товаров, это учение содержит в себе очевидную несообразность. Цель пошлины, как источника получения государственного дохода, находится в противоречии с осуществлением, даже случайным, мер протекционизма. Пошлина выступает в качестве протекционистской меры лишь постольку, поскольку она препятствует импорту, а в той мере, в какой она препятствует ввозу, она не дает дохода.

Тем единственным случаем, когда покровительственные пошлины можно признать справедливыми на основе одних лишь принципов политической экономии, является тот, когда они устанавливаются временно (особенно в молодом развивающемся государстве) в надежде на натурализацию иностранной промышленности, которая сама по себе прекрасно подходила бы к существующим в стране условиям. Превосходство одной страны над другой в той или иной отрасли промышленности часто объясняется только тем, что одна из них начала освоение этой отрасли

раньше другой. Может и не быть каких-либо естественных преимуществ с одной стороны или особо неблагоприятных естественных условий — с другой; одна из них будет обладать лишь превосходством в приобретенных умениях и опыте. Страна, которой только еще предстоит приобрести эти умения и опыт, в других отношениях может оказаться лучше приспособленной к данному виду производства, чем те, которые развернули его раньше; и, кроме того, по справедливому замечанию Рэя, ничто так сильно не содействует усовершенствованиям в любой отрасли промышленности, как опробование соответствующего производства в новых условиях. Но нельзя ожидать, чтобы отдельные лица развертывали бы на свой страх и риск, а вернее, себе в убыток, новое производство и несли бы на себе бремя по обеспечению его до тех пор, пока производители не достигнут того уровня искусства, каким обладают люди, для которых производственные процессы знакомы издавна. Покровительственная пошлина, сохраняемая в течение разумного периода времени, иногда может¹ оказаться самым необременительным способом, посредством которого нация может облагать себя налогом для осуществления подобного эксперимента. Однако к протекционизму следует — и это важно — прибегать только в тех случаях, когда существует вполне обоснованная уверенность, что опекаемая отрасль промышленности сможет через определенное время обходиться без него и ни один местный производитель не смеет рассчитывать на покровительство сверх времени, необходимого для беспристрастной проверки его возможностей².

Единственный более или менее известный автор, специалист в области политической экономии, еще стоящий [1865 г.] на позициях протекционизма, — Г. К. Кэри защищает это учение с экономической точки зрения, опираясь главным образом на два аргумента. Первый из них — большая экономия издержек по перевозке при производстве товаров на месте их потребления или вблизи от этого места. Вся стоимость перевозки, как импортируемых товаров, так и товаров, экспортируемых в обмен на них, он

¹ [Стоявшее в оригинале (1848 г.) слово «окажется» заменено в 7-м издании (1871 г.) словами «может оказаться», а в следующее предложение вставлены слова «и это важно».]

² [Три следующих абзаца добавлены в 6-м издании (1865 г.).]

рассматривает в качестве прямого обременения, падающего на производителей, а не на потребителей, как это, очевидно, и имеет место в действительности. Но на кого бы бремя ни приходилось, оно, вне всякого сомнения, обременяет всю мировую промышленность. Впрочем, совершенно очевидно (и тот факт, что Кэри не замечает этого, представляет собой одну из многих содержащихся в его книге удивительных вещей), что такого рода обременения несут исключительно ради той выгоды, которая вознаграждает с излишком. Если, несмотря на двойную стоимость перевозки, товар покупают за границей в обмен на отечественные изделия, то данное обстоятельство показывает, что, какой бы высокой эта стоимость ни была, все же экономия издержек производства более весома и в целом совокупный общественный труд вознаграждается лучше, чем если бы товар производился внутри страны. Стоимость перевозки служит естественной покровительственной пошлой, уничтожить которую свободная торговля не может, и если бы Америка от получения промышленной продукции в обмен на свое зерно и свой хлопок не выигрывала больше, чем теряет на стоимости перевозки, то капитал, ежегодно затрачиваемый на производство всевозрастающего количества зерна и хлопка для зарубежного рынка, был бы направлен в промышленное производство. Естественные преимущества, сопутствующие организации производства, при которой стоимость перевозки ниже, могут служить оправданием в лучшем случае временной и сугубо пробной протекционистской защиты. Поскольку начальный период производства характеризуется самыми высокими издержками, может случиться, что отечественное производство, хотя оно в действительности находится в самых благоприятных условиях, станет выгодным только по прошествии определенного периода финансовых убытков; между тем нельзя рассчитывать на то, чтобы частные спекулянты оказались готовыми нести эти убытки ради того, чтобы благодаря их разорению могли получать выгоду последующие предприниматели. Поэтому я допускаю, что в новой стране введение временной покровительственной пошлины может оказаться иногда полезной в экономическом отношении, однако при условии, что время ее действия будет строго ограничено и будут предусмотрены меры ее постепенного сокращения к концу установленного срока. Подобная временная защита по сути своей ана-

логична действию патента и должна предоставляться на тех же условиях, что и патент.

Второй аргумент Кэри в защиту экономических выгод протекционизма касается только стран, экспорт которых состоит из продуктов сельского хозяйства. Он утверждает, что подобного рода торговлей страны, по сути дела, истощают свою почву, поскольку далекие потребители в отличие от местных не возвращают земле извлекаемые ими из нее те или иные компоненты удобрений. Этот аргумент заслуживает внимания в силу заложенной в нем физической истины — истины, к пониманию которой подошли только в последнее время и которой отныне суждено стать одним из постоянных элементов тех или иных соображений государственных деятелей так же, как она составляла его всегда в судьбах наций. Но к проблеме протекционизма она не имеет никакого отношения. Даже без всяких доказательств само по себе очевидно, что выращивание в Америке в огромных масштабах сырья для потребления в Европе постепенно истощает почву восточных и даже старых западных штатов и что почвы в обоих этих регионах уже далеко не так производительны, как раньше. Но то, что я уже говорил относительно стоимости перевозок, справедливо и в отношении стоимости удобрения. Свобода торговли не вынуждает Америку экспортировать зерно, и она перестала бы этим заниматься, как только это сделалось бы для нее невыгодным. Раньше мы говорили, что Америка перестала бы заниматься экспортом сырья и импортом промышленной продукции, если бы соответствующая экономия труда не стала бы превышать стоимости перевозок, на том же основании, когда возникает необходимость возвращать почве взятые из нее элементы плодородия, страна будет импортировать удобрения, если только при этом экономия издержек производства окажется больше, чем стоимость перевозки вместе со стоимостью самих удобрений, а если нет, то экспорт зерна прекратится. Очевидно, что одно из этих двух явлений уже обнаружилось бы, если бы тут же поблизости не было постоянного резерва новых земель, плодородие которых еще не истощено и обработка которых позволяет стране продуманно или непродуманно откладывать вопрос об удобрениях. Как только окажется, что распахивать новые земли менее выгодно, чем удобрять старые, Америка либо начнет постоянно импортировать удобрения, либо, не вводя

покровительственных пошлин, будет выращивать зерно только для себя и, ведя промышленное производство для своих нужд, будет иметь и собственные удобрения, как того желает Кэри *.

В силу этих очевидных соображений я считаю экономические аргументы Кэри в защиту протекционизма полностью несостоятельными. Но экономическая сторона играет далеко не главную роль в его рассуждениях по данному вопросу. Американские протекционисты зачастую плохо обосновывают свою позицию, но было бы несправедливо по отношению к ним предполагать, что кредо их протекционизма покоится исключительно на экономических заблуждениях, а не на чем-то более высоком. Многие из них пришли к такой точке зрения на основании скорее соображений о высших интересах человечества, чем просто экономических доводов. Они, с Кэри во главе, считают необходимым условием развития человеческого общества, чтобы городов было много, чтобы люди комбинировали свой труд посредством обмена с ближайшими соседями, т. е. с людьми, занятия, способности и умственное развитие которых отличаются от их собственных и которые вместе с тем находятся достаточно близко, что позволяло бы на взаимной основе совершенствовать человеческую мысль и способствовать широкому распространению идей, а не с людьми, живущими на противоположной стороне земного

* На это Кэри возразил бы (кстати, именно это он уже и сделал заранее), что из всех товаров удобрения меньше всего пригодны для перевозки на значительные расстояния. Это справедливо в отношении удобрений из сточных вод и стойлового навоза, но несправедливо в отношении тех ингредиентов, от которых зависит эффективность этих удобрений. Эти же ингредиенты представляют собой главным образом вещества, малый объем которых заключает в себе большой эффект, вещества, которые нужны человеку в небольшом количестве и потому особенно пригодны для ввоза, такие, например, как минеральные щелочи и фосфаты. Конечно, речь идет здесь в первую очередь о фосфатах, поскольку из щелочей можно получать соду практически всюду, а поташ, будучи одним из компонентов гранита и других шпатосодержащих пород, встречается во многих подпочвах, постепенное разложение которых служит пополнению его запасов; кроме того, большое количество поташа содержится в речных отложениях. Что же касается фосфатов, то они в очень удобной форме, а именно в форме костяной муки, издавна являются постоянным предметом торговли, в больших количествах ввозимым в Англию. С таким же успехом они могут ввозиться и в любую другую страну, состояние промышленности которой диктует выгодность их приобретения.

шара. Они думают, что нация, занятая одним или почти одним делом, например земледелием, не сможет достичь высот цивилизации и культуры. И этот довод покоится на достаточно прочном основании. Если эту трудность и возможно преодолеть, то именно Соединенные Штаты с их свободными институтами, системой всеобщего школьного образования и вездесущей прессой лучше других способны на это; а вот в какой мере удастся им сделать это, остается до сих пор неясным. Однако если с помощью протекционизма намереваются сдержать чрезмерное рассеяние населения, то Уэйкфилд указал для этого наилучший путь: изменить существующую ныне систему распределения и использования незанятых земель, повысив цену на землю, вместо того чтобы понижать ее или отдавать землю безвозмездно, как это широко практиковалось после принятия закона о земельных участках поселенцев. Для того чтобы разрубить этот узел посредством протекционизма, действуя в духе Кэри, было бы необходимо, чтобы Огайо и Мичиган охранялись от Массачусетса так же, как и от Англии, поскольку фабрики Новой Англии не больше, чем фабрики самой Англии, удовлетворяют его желания поселить фабричное население рядом с фермерами западных штатов. Бостон и Нью-Йорк удовлетворяют потребности Западных прерий в городах не лучше, чем Манчестер; и перевозить удобрения из первых двух столь же трудно, как и из Манчестера.

После всего сказанного в системе протекционизма остается лишь одна часть, требующая определенного замечания, а именно ее политика по отношению к колониям и зависимым территориям, — политика, принуждающая эти последние вести торговлю исключительно с метрополией. Страна, обеспечившая себе таким образом дополнительный спрос на свои товары за рубежом, несомненно, получает определенные преимущества при распределении общих выгод торгового мира. Но этим она вынуждает промышленность и капитал колоний свернуть с путей, без сомнения наиболее производительных в силу того, что к ним спонтанно стремятся промышленность и капитал. Следовательно, налицо ущерб, наносимый производительным силам мира, а метрополия выигрывает меньше того, что по ее вине теряет колония. Поэтому если метрополия отказывается от признания какой бы то ни было взаимности обязательств, то она облагает колонию косвенной

данью, более тягостной и несправедливой, чем прямая дань. Но если она, в большей мере руководствуясь духом справедливости, налагает на себя соответствующие ограничения к выгоде колонии, то из всего этого получается тот странный результат, что каждая из сторон теряет много ради того, чтобы другая могла выиграть самую малость³.

§ 2. Помимо системы протекционизма, среди различных видов вредного вмешательства в естественный ход промышленных сделок можно отметить определенное вмешательство в сферу договорных обязательств. Одним из примеров такого вмешательства являются законы о ростовщичестве. Они возникли из религиозного предубеждения против получения процентов с денег, из предубеждения, которое в современной Европе получило свое начало из источника, обильного вредными последствиями, а именно из стремления согласовать христианское учение с доктринами и заповедями иудейского закона. У магометан существует формальный запрет на взимание процентов, которого строго придерживаются. Сисмонди также указывает как на одну из причин промышленной отсталости католических районов Европы от протестантских на то, что католическая церковь в средние века санкционировала тот же предубеждение, который ослаблен, но до сих пор не уничтожен там, где признают католицизм. Там, где закон или внутренние убеждения не позволяют ссужать деньги под проценты, капитал лиц, не занятых в сфере предпринимательства, оказывается потерянным для производительного использования или может быть применен только в исключительных обстоятельствах, связанных с наличием личных связей, или посредством различного рода уверток. Таким образом, промышленность должна ограничиваться только капиталом самих предпринимателей и тем, что им удастся занять у лиц, не связанных теми же законами или той же религией, как они. В мусульманских странах банкирами и денежными маклерами бывают либо индусы и армяне, либо евреи.

В более просвещенных странах законодательство больше не порицает получения определенного вознаграждения за предоставление денег в долг; но оно повсеместно вмешивается в свободную волю займодавца и заемщика, уста-

³ [См. Приложение II. «Протекционизм».]

навливая узаконенный предел ставки процента и признавая получение сумм, превышающих установленный максимум, уголовно наказуемым деянием. Это ограничение, хотя и одобренное Адамом Смитом, осуждалось всеми просвещенными мужами уже со времени блистательных выступлений Бентама против подобных ограничений в «Письмах о ростовщичестве», которые можно считать лучшей из существующих на сегодняшний день работ по данному вопросу.

Законодатели могут принимать и сохранять в силе законы о ростовщичестве по двум причинам: по соображениям либо государственной политики, либо защиты интересов договаривающихся сторон; впрочем, в этом последнем случае — только одной стороны, а именно заемщика. С точки зрения государственной политики может существовать убеждение, что в интересах общего блага ставка процента должна быть низкой. Но, только не понимая причин, влияющих на коммерческие операции, можно предполагать, что закон действительно понижает ставку процента ниже той величины, которой бы он достигал при свободной игре спроса и предложения. Если конкуренция заемщиков, будучи ничем не ограниченной, поднимает ставку процента до 6%, то это свидетельствует о том, что при 5% спрос на ссуды был бы больше того. Если в подобной ситуации закон запретит брать более 5%, то найдутся займодавцы, которые, не желая нарушать закон и не имея возможности применить свои капиталы иным способом, будут довольствоваться этой узаконенной ставкой процента; зато другие, убедившись, что в период возросшего спроса можно другими способами получить от своего капитала больше того, что дозволено брать при его ссужении, во все не станут отдавать его взаймы, и ссудный капитал, которого и так не хватает для удовлетворения спроса, еще более сократится. В такие периоды среди тех, кто желал получить капитал в ссуду и не получил его, найдутся лица, кому необходимо будет удовлетворить свои настоятельные потребности в ссудном капитале любой ценой и кто без труда отыщет займодавцев третьего типа, которые не прочь нарушить закон либо посредством окольных сделок мошеннического характера, либо полагаясь на честность заемщика. Дополнительные расходы на осуществление обходных операций и вознаграждение за риск кредитора, связанный с неполучением платежа или уплатой

штрафных санкций, предусмотренных законом, заемщик должен нести сверх того дополнительного процента, который потребовался бы от него в силу общего состояния рынка. Таким образом, законы, устанавливаемые с целью понижения цены, которую заемщик платит за денежные ссуды, обычно способствуют существенному повышению ее. Кроме того, эти законы оказывают деморализующее влияние. Осознавая трудность выявления незаконной денежной сделки между двумя лицами, в которой не принимает участие третье, пока в интересах их обоих эта сделка сохраняется в тайне, законодатели избрали средство, склоняющее заемщика стать доносчиком, сделав отказ от признания долга частью уголовно ненаказуемого деяния. Таким образом, закон как бы вознаграждает людей за то, что они сначала с помощью ложных обещаний заполучили в свои руки чужую собственность, а затем не только отказались платить, но и навлекли наказание по закону на тех, кто помог им в нужде. Руководствуясь своими нравственными нормами, человечество по праву клеймит позором тех, кто отказывается удовлетворить справедливое требование под тем предлогом, что с них якобы взимается ростовщический процент, и терпимо относится к подобным заявлениям только тогда, когда к ним прибегают как к лучшему средству правовой защиты от действий, по своему характеру действительно считающихся мошенничеством или вымогательством. Однако именно эта строгость общественного мнения делает исполнение этих законов настолько затруднительным, а применение наказаний настолько редким, что в тех случаях, когда это все же происходит, оно просто приносит в жертву отдельное лицо, не оказывая никакого влияния на общее положение дел.

В тех случаях когда причиной ограничений, как можно предположить, служат не соображения государственной политики, а забота об интересах заемщика, вряд ли можно найти какую-либо другую ситуацию, в которой подобная заботливость со стороны законодателя была бы более неуместной. Человек в здравом уме и в том возрасте, когда он уже правомочен с точки зрения закона самостоятельно вести свои дела, должен считаться достаточно надежным блюстителем своих денежных интересов. Если он может продать имение, или сдать его в аренду, или уступить свои права на собственность без контроля со стороны закона, то представляется совершенно излишним существо-

вание такого положения, когда единственной сделкой, которую он не может совершать без вмешательства закона, является получение денежной ссуды. Закон, по-видимому, предполагает, что кредитор, имея дело с лицами, находящимися в стесненных обстоятельствах, может воспользоваться их нуждой и навязать им любые удобные ему условия. Это могло бы быть именно так, если бы в распоряжении находились услуги одного-единственного займодавца. Но когда в ссуду предлагается весь денежный капитал богатого общества, ни один заемщик не оказывается на рынке в невыгодном положении только в силу насущности его потребностей. Если он не может занять деньги под процент, выплачиваемый другими людьми, то это, должно быть, потому, что он не в состоянии предоставить такое же надежное обеспечение; и конкуренция уменьшит то, что дополнительно запрашивается с него, до справедливой величины, соразмерной вознаграждению за риск, связанный с возможной несостоятельностью заемщика. Хотя закон желает покровительствовать заемщику, именно по отношению к нему он оказывается в данном случае особенно несправедливым. Что может быть более несправедливым, нежели создание человеку, который не в состоянии предоставить надежного обеспечения, препятствий при получении ссуд у лиц, которые готовы были бы дать ему деньги, если бы им позволили брать процент, представляющий собой справедливое вознаграждение за их риск? Из-за ошибочной заботливости закона он должен либо обходиться без денег, которые, по всей вероятности, нужны ему для предотвращения больших потерь, либо прибегать к средствам гораздо более разорительным, которые закон либо не считал возможным, либо упустил из виду запретить.

Адам Смит слишком поспешно выразил мнение, будто только двум категориям людей: «расточителям и прожектерам» — может потребоваться занимать деньги под ставку процента, превышающую рыночную. Ему следовало бы включить сюда и всех тех, кто испытывает денежные затруднения, какими бы кратковременными ни были вызвавшие их потребности. Не исключено, что деловой человек может обмануться в тех средствах, с помощью которых он рассчитывал удовлетворить то или иное обязательство, невыполнение которого в предусмотренный срок означало бы для него банкротство. В период торговых затруднений в подобном положении оказываются многие процветающие

коммерческие фирмы, становящиеся конкурентами в борьбе за тот небольшой по своим размерам свободный капитал, с которым его собственники выражают готовность расстаться в период всеобщего недоверия. Английские законы о ростовщичестве, к счастью уже отмененные, налагали ограничения, которые еще более углубляли любой торговый кризис. Торговцы, которые могли бы получить требующуюся им краткосрочную помощь по ставке 7—8%, должны были платить 20—30% или прибегать к поспешной распродаже товаров с еще большими потерями. Опыт вынудил парламент обратить внимание на это зло, в результате чего появился на свет тот тип компромисса, который весьма характерен для английского законодательства, — компромисс, который способствует тому, что наши законы и политика представляют собой массу несообразностей. Реформа законодательства напоминала переделку человеком тесного ботинка, когда в нем прорезают дыру в том месте, где сильнее всего жмет, и продолжают его носить. Сохраняя ошибочный принцип в качестве общего правила, парламент допустил исключение в том случае, когда зло на практике оказывалось наиболее очевидным. Он не отменил законов о ростовщичестве, но вывел из-под их юрисдикции переводные векселя со сроком платежа не более трех месяцев. Несколько лет спустя эти законы были отменены в отношении всех прочих договоров, но оставлены в силе применительно к договорам, касающимся земли; в установлении этого странного различия в подходе нельзя найти ни капли смысла, но умы «землевладельческого класса» придерживались того мнения, что проценты по закладным на землю, хотя они едва ли когда-либо достигали установленного законом уровня, поднялись бы существенно выше этого уровня; и законы о ростовщичестве были сохранены для того, чтобы землевладельцы, как они сами думали, могли брать займы по более низкой, чем рыночная, ставке процента, подобно тому как хлебные законы сохранялись в силе, для того чтобы тот же класс имел возможность продавать зерно по цене выше рыночной. Скромность этих притязаний вполне отвечала уму тех, кто мог думать, будто достижение намеченной цели можно ускорить с помощью применяемых средств.

Что же касается «расточителей и прожектеров», о которых говорил Адам Смит, то ни один закон не в силах помешать расточителю разориться, если не наложит на

него самого и его собственность действительных ограничений в соответствии с не заслуживающей никакого оправдания практикой римского права и правовыми установлениями некоторых законодательных систем Европейского континента. Единственное следствие влияния законов о ростовщичестве на расточителя состоит в том, что они ускоряют его разорение, вынуждая его обращаться к бесчестным кредиторам и делая условия более обременительными вследствие дополнительного риска, порождаемого законом. Что же касается прожектеров (выражение, несправедливо применяемое в его неодобрительном значении ко всякому лицу, имеющему какой-либо проект), то подобные законы могут налагать вето на осуществление в высшей степени многообещающего предприятия, когда оно замыслено, как это обычно и бывает, лицом, не располагающим капиталом, достаточным для его успешного завершения. На многие из величайших усовершенствований капиталисты поначалу взирали с недоверием, и изобретениям приходилось долго ждать, пока находился достаточно смелый и предприимчивый человек, готовый первым прокладывать новые пути; прошло немало лет, прежде чем Стефенсону удалось убедить даже предприимчивые коммерческие круги Ливерпуля и Манчестера в выгоде замены шоссейных дорог железными; а проекты, потребовавшие больших затрат труда и денежных средств с незначительными видимыми результатами (т. е. в тот момент их осуществления, когда наиболее многочисленны предсказания неудачи), могут быть отложены на неопределенное время или вообще заброшены и все издержки безвозвратно потеряны, если при истощении первоначальных фондов закон запретит собирать дополнительные средства на таких условиях, на которых люди готовы рискнуть последним ради предприятия, успех которого еще не обеспечен⁴.

§ 3. Займы — не единственный вид договоров, условия которых правительства считают себя компетентными регулировать с большим знанием дела, чем сами заинтересованные стороны. Едва ли найдется хоть один товар, который правительства в то или иное время, в том или ином месте не старались бы сделать дороже или дешевле того, чего бы он стоил, будучи предоставленным сам себе.

⁴ [См. Приложение II. «Законы о ростовщичестве».]

Самым благовидным примером искусственного удешевления товара является снижение цены на продовольствие. Желательность достижения этой цели в данном случае не вызывает никаких сомнений. Но поскольку средняя цена на продовольствие, как и цена на другие предметы, соотносится с издержками производства с добавлением обычной прибыли, то в случае, если фермер не рассчитывает получить эту цену, он без принуждения со стороны закона не будет производить больше того, что необходимо для его собственного потребления, и, следовательно, закон, если он решительно намерен снизить цены на продукты питания, должен заменить традиционные мотивы, побуждающие производить продовольствие, системой наказаний. Если же закон не решится на это, то ему не останется ничего другого, как обложить налогом всю нацию для того, чтобы выдавать поощрительные премии производителю или импортеру зерна, обеспечивая таким образом дешевый хлеб каждому за счет всех. Фактически это означает, что щедрый дар преподносится тем, кто не платит налогов, за счет тех, кто их платит, а это — одна из наиболее дурных форм превращения трудящихся классов в праздные путем преподнесения им в дар средств существования.

Однако правительства старались снижать не столько общую, или среднюю, цену на продовольственные товары, сколько высокие цены, существование которых в том или ином случае было обусловлено нехваткой продовольствия. В некоторых случаях, как, например, широкоизвестный «максимум» революционного правительства 1793 г., принудительное регулирование представляло собой попытку правительства нейтрализовать неизбежные последствия своих собственных действий, когда пытались одной рукой распространять в неограниченных количествах средства обращения, а другой — сдерживать рост цен. Но этого, очевидно, невозможно добиться ни при каком другом режиме, кроме необузданного террора. В случае действительной нехватки продовольствия правительства часто вынуждены, как это было во время чрезвычайного положения в Ирландии в 1847 г., принимать соответствующие меры для сдерживания цен на продовольствие. Но недостаточность предложения не может поднять цену товара выше уровня, обеспечивающего соответствующее сокращение потребления; и, если правительство стремится воспрепятствовать этому сокращению, происходящему из-за роста цены, у не-

го не остается никакого другого способа обеспечить это, кроме как взять в свое распоряжение все продовольствие и распределять его по нормам, как в осажденном городе. При действительно острой нехватке ничто не может принести всеобщего облегчения, кроме решения более богатых классов ограничить свое потребление. Если они покупают и потребляют привычное для них количество продовольствия и ограничиваются лишь раздачей денег, то этим они не приносят никакой пользы. Цена повышается до тех пор, пока у самых бедных конкурентов уже не остается средств для продолжения борьбы, и все лишения, связанные с нехваткой продовольствия, ложатся исключительно на остро нуждающихся в нем, другие же классы испытывают только финансовые неудобства. Когда предложение оказывается недостаточным, кто-то должен потреблять меньше, и если каждый богач решит не быть этим «кто-то», то, помогая деньгами беднейшим конкурентам, они будут способствовать дальнейшему взвинчиванию цен, единственным следствием чего станет обогащение торговцев зерном, т. е. эффект окажется совершенно противоположным тому, которого желают лица, рекомендуя подобные меры. Все, что могут сделать в таких чрезвычайных обстоятельствах правительства, — это рекомендовать всем умеренность в потреблении и запрещать те виды потребления, которые не имеют первостепенного значения. Проведение в жизнь прямых мероприятий по доставке продовольствия издалека за счет государства целесообразно только в том случае, если в силу исключительных причин маловероятно, что это будет сделано частными спекулянтами. В любом же другом случае эти мероприятия представят собой огромную ошибку. В такой ситуации частные спекулянты не рискнут конкурировать с правительством; хотя правительство и может сделать больше любого отдельно взятого торговца, оно, однако, не в состоянии сделать приблизительно столько, сколько все купцы, вместе взятые.

§ 4. Однако правительства чаще обвиняются в попытках, и притом весьма успешных, повышать цену на те или иные вещи, чем в стремлении с помощью ошибочных средств делать их более дешевыми. Обычным средством создания искусственной дороговизны служит монополия. Предоставлять монополию одному производителю или торговцу или определенной группе производителей или тор-

говцев, не настолько многочисленной, чтобы они не могли договориться между собой, — значит, предоставить им право облагать общество любым налогом в свою пользу, лишь бы только его размер не вынудил общество отказаться от использования товаров. Когда же участников монополии так много и они находятся так далеко друг от друга, что не могут войти в соглашение между собой, это зло значительно меньше; но даже и в этом случае конкуренция в ограниченной среде не столь активна, как среди неограниченного числа участников. Те, кто уверен в получении справедливой средней доли из общего дела, редко стремятся захватить большую за счет отказа от части своей прибыли. Даже частичное ограничение конкуренции может вызвать пагубные последствия, совершенно несоизмеримые с их видимой причиной. Известно, что одно лишь исключение иностранцев из отрасли промышленности, открытой для свободной конкуренции между всеми жителями данной страны, даже в Англии делало эту отрасль бросающимся в глаза исключением из общего промышленного потенциала страны. Производство шелка в Англии сильно отставало от его производства в других странах Европы до тех пор, пока существовал запрет на ввоз иностранных шелковых тканей. Таким образом, помимо налога, взимавшегося ради обеспечения реальных или воображаемых прибылей монополистов, потребитель платит еще и дополнительный налог за их лень и неспособность. Лишенные побудительных мотивов, обусловливаемых конкуренцией, производители и торговцы становятся равнодушными к тому, что настоятельно требует их собственная денежная выгода, предпочитая самым обнадёживающим перспективам то спокойствие, которым они пользуются, придерживаясь установившейся практики. Человек, достигший преуспевания, редко сходит с проторенного пути даже ради того, чтобы ввести выгодное усовершенствование, если только у него не появится дополнительный побудительный мотив в виде опасения, как бы кто-нибудь из конкурентов не опередил его, введя это усовершенствование несколько раньше.

Осуждение монополий не должно распространяться на патенты, благодаря которым изобретатель более совершенного процесса получает возможность в течение ограниченного периода времени пользоваться исключительной привилегией на применение своего усовершенствования. Это

означает не удорожание товара к его выгоде, а всего лишь отсрочку того удешевления, которым общество обязано изобретателю, — отсрочку, необходимую для того, чтобы возместить ему расходы и вознаградить его за оказанную услугу. Нельзя отрицать, что изобретатель должен все затраченное им получить обратно и получить вознаграждение, равно как нельзя также отрицать того, что если бы всем сразу же было дозволено воспользоваться плодами его изобретательности без соответствующего распределения трудовых и прочих затрат, на которые ему пришлось пойти, чтобы реализовать свою идею на практике, то либо никто, кроме очень богатых и очень самоотверженных людей, не стал бы предпринимать подобных усилий и брать на себя подобных расходов, либо государству пришлось бы определять стоимость оказанной изобретателем услуги и предоставлять ему денежное вознаграждение. В некоторых случаях это делалось и может делаться без каких-либо неудобств всегда, когда польза для общества от этого усовершенствования весьма и весьма очевидна; но вообще предпочтительнее краткосрочная исключительная привилегия, потому что она не оставляет места для чьего-либо произвола, так как даваемое ею вознаграждение зависит от того, насколько полезным окажется изобретение, и, чем полезнее оно, тем выше будет вознаграждение, а также потому, что оно выплачивается именно теми людьми, которым оказана услуга, т. е. потребителями товара. Изложенные соображения настолько важны, что если бы система патентов была бы заменена системой вознаграждений, предоставляемых государством, то наилучшей формой предоставления подобного вознаграждения было бы обложение всех пользующихся изобретением небольшим временным налогом в пользу изобретателя⁵. Однако возражения против этой или любой другой системы, дающей государству право решать, будет ли изобретатель извлекать определенную денежную выгоду из принесенной им обществу пользы или нет, явно весомее и основательнее самых убедительных возражений из тех, какие можно выдвинуть против патентов. Повсеместно считается, что нынешние законы о патентах требуют многочисленных усовершенствований, но в данном случае, так же как и в почти аналогичном ему случае с авторским правом, законодательство

⁵ [Конец этого абзаца был включен в 5-е издание (1862 г.).]

допустило бы вопиющую несправедливость, позволив каждому свободно пользоваться трудом другого без согласия на то последнего и не давая ему никакого вознаграждения. С искренней тревогой смотрел я на ряд недавних попыток, временами имевших некоторый успех, полностью опровергнуть патентный принцип; если бы эти попытки достигли реального успеха, то это означало бы установление свободы воровства под обещанным именем свободной торговли и в большей степени, чем теперь, сделало бы способного человека неимушим слугой и подчиненным толстосумов.

§ 5. Теперь я перехожу к другому виду правительственного вмешательства, в котором цель и средства одинаково отвратительны, но который существовал в Англии не более как одно поколение назад, а во Франции — до 1864 г.⁶ Я имею в виду законы, направленные против объединения мастеровых, стремившихся этим путем добиться повышения заработной платы; законы, издаваемые и сохраняемые с одной-единственной, и при этом открытой, целью — сохранять заработную плату на низком уровне, подобно тому как знаменитый закон о рабочих был проведен законодательной властью работодателей, с тем чтобы не дать возможности трудящимся классам, когда их численность в результате эпидемии чумы уменьшилась, воспользоваться смягчением конкуренции для получения более высокой заработной платы. В подобных законах обнаруживается дьявольский дух рабовладельчества, когда сделалось уже невозможным удерживать трудящиеся классы в состоянии открытого рабства.

Если бы трудящиеся классы, достигнув соглашения между собой, могли поднимать или поддерживать общий уровень заработной платы, то вряд ли стоило бы говорить о том, что это было бы таким явлением, за которое не только не следовало бы наказывать, а, напротив, нужно было бы приветствовать его и радоваться ему. К сожалению, получение такого результата указанными средствами совершенно невозможно. Численность людей, составляющих трудящиеся классы, слишком велика, и они слишком разбросаны, чтобы иметь возможность хотя бы просто объ-

⁶ [Так начиная с 7-го издания (1871 г.). В оригинале (1848 г.) было сказано: «...еще немногим более 20 лет назад, а в ряде стран активно практикуется на законном основании и по сей день».]

единиться, не говоря уже о действительном объединении. Если бы они смогли сделать это, им, несомненно, удалось бы сократить продолжительность рабочего дня и получать ту же заработную плату за меньшую работу. Объединившись, они получили бы ограниченное право требовать увеличения общего уровня заработной платы за счет прибылей. Однако право это ограничено узкими рамками, и любые попытки расширить эти рамки оказались бы успешными только в том случае, если бы постоянно определенная часть работников была незанятой⁷. Но поскольку людям, имеющим возможность получить работу, но отказавшимся от нее, без сомнения, будет отказано в пособии за счет общественных благотворительных фондов, то забота об этих людях легла бы на профсоюзы, членами которых они являются, и по сравнению с прошлым положение трудового люда в целом не улучшилось бы, так как было бы необходимо обеспечивать существование того же числа рабочих на прежнюю сумму заработной платы. Однако при этом внимание трудящихся классов было бы в силу обстоятельств обращено на излишек рабочих рук и на необходимость соразмерять предложения труда со спросом на него, если только они хотят иметь более высокую заработную плату.

Объединение рабочих в союзы, имеющие своей целью повышение заработной платы, иногда имеет успех в тех отраслях, где работающих немного и они сосредоточены всего в нескольких местных центрах производства. Сомнительно, чтобы союзы когда-либо оказывали хотя бы малейшее влияние на постоянное вознаграждение труда прядильщиков или ткачей; однако, как говорят, благодаря тесному сплочению поденщикам-литографам удается поддерживать ставку своей заработной платы существенно выше той, какая обычно выплачивается за другие работы, равные по трудности и требующие такого же опыта и мастерства; говорят, что даже портным, классу гораздо более

⁷ [Это и предыдущие предложения заменили собой начиная с 7-го издания (1871 г.) следующее предложение оригинала (1848 г.): «Но если бы они стали добиваться получения заработной платы действительно выше той ставки, определяемой спросом и предложением, т. е. ставки, при которой весь оборотный капитал страны распределяется между всем занятым населением, то достичь этого удалось бы только за счет сохранения части работников постоянно незанятой».]

многочисленному, в определенной мере удавалось достигать такого же успеха. Повышение заработной платы, ограничивающееся работниками отдельных профессий, не покрывается за счет прибылей (как при общем росте заработной платы), оно повышает стоимость и цену конкретного товара и падает на потребителя; капиталист же, производящий товар, несет убытки только в той мере, в какой высокая цена способствует сокращению рынка. Но даже при таких условиях он терпит убытки только тогда, когда сокращение рынка происходит в большей пропорции, чем повышение цены. Ибо хотя при более высокой заработной плате с данным объемом капитала он занимает меньшее число работников и получает меньше товара, тем не менее если он может продать все это уменьшенное количество товаров по повышенной цене, то прибыль его останется такой же, как и прежде.

Это частичное повышение заработной платы, если только оно достигается не за счет остальной части трудящихся классов, не следует рассматривать как зло⁸. Правда, расплачиваться за это приходится потребителю, но удешевление товаров желательно только в том случае, если на их производство затрачивается меньше труда, а не тогда, когда оно достигается за счет недостаточного вознаграждения труда. Правда, на первый взгляд может показаться, что высокая заработная плата литографов (к примеру) обеспечивается в ущерб трудящимся классам в целом. Это высокое вознаграждение приводит к тому, что либо в данной отрасли оказывается занятым меньшее число работников, либо в данную отрасль неизбежно привлекается больше капитала за счет других отраслей. В первом случае на общий рынок труда выбрасывается дополнительное количество работников, во втором — рынок лишается части спроса на труд, но как одно, так и другое пагубно для трудящихся классов. Таково в действительности и будет реальное влияние успешного союза в течение определенного времени после того, как он сформировался в какой-то одной конкретной отрасли или в нескольких отраслях. Тогда же, когда подобный союз становится постоянным делом, то, как видно из принципов, на которые часто обращалось внимание в данном труде, он не может

⁸ [Так начиная с 3-го издания (1852 г.). В оригинале было сказано: «...следует рассматривать как благо».]

иметь подобного влияния. На привычные заработки трудящихся классов в целом ничто не может влиять, кроме обычных потребностей трудового люда. Эти последние, конечно, могут изменяться, но, пока они остаются прежними, заработная плата никогда не падает надолго ниже того уровня, который определяется этими потребностями, и никогда не остается долго выше этого уровня. Если бы в отдельных отраслях не было подобных объединений и заработная плата здесь никогда не поддерживалась выше обычного среднего уровня, нет никаких оснований полагать, что этот общий уровень ее был бы выше, чем сейчас. Просто было бы больше общее число занятых и меньше исключений из привычно низких ставок заработной платы.

⁹ Поэтому если бы нельзя было ожидать никакого улучшения в общем положении трудящихся классов, то успех любой их части, какой бы малочисленной она ни была в деле поддержания — с помощью союза — своей заработной платы выше рыночной ставки, был бы желателен. Но теперь, когда улучшение нравов и положения всего сословия рабочих стало наконец вещью, достижимой с помощью рациональных усилий, лучше оплачиваемым классам квалифицированных мастеровых пора добиваться своей собственной выгоды не отдельно, а вместе с прочими рабочими. Продолжая надеяться, что им удастся отгородиться от конкуренции и охранить свою заработную плату, закрыв доступ для других к их занятиям, они оказываются полностью лишенными каких бы то ни было значительных и благородных целей и проявляют почти открытое равнодушие ко всем иным интересам, кроме высокой заработной платы и сокращения объема работ для их небольшой группы, что с прискорбной очевидностью проявилось в действиях и манифестах Объединенного общества машиностроителей (*Amalgamated Society of Engineers*) в период их тяжбы с работодателями. Если бы даже и можно было с успехом улучшить положение какого-либо привилегированного класса рабочих, то это было

⁹ [Этот и следующий абзацы были добавлены в 3-е издание (1852 г.). Одновременно исключено следующее предложение оригинала: «Поэтому союзы, имеющие своей целью поддержание уровня заработной платы, не только допустимы, но и полезны во всех случаях, когда они действительно ставят перед собой именно эту цель».]

бы не помощью, а препятствием на пути эмансипации трудящихся классов в целом.

Но хотя объединения рабочих, имеющие целью поддержание уровня заработной платы, редко оказываются эффективными, а в тех случаях, когда их эффективность вполне очевидна, они редко бывают желательны в силу только что изложенных мною причин, тем не менее в праве на попытку создания таких союзов нельзя отказать никакой части занятого населения без совершения большой несправедливости, а возможно, и без неизбежного создания у этой части населения ложного представления о факторах, определяющих условия ее положения. Пока союзы, добивающиеся повышения заработной платы, были запрещены законом, именно закон казался мастеровым подлинной причиной низкой заработной платы, которую он, бесспорно, всеми силами стремился сохранить. Опыт забастовок оказался лучшим учителем для трудящихся классов в вопросах, касавшихся зависимостей между заработной платой, спросом на труд и его предложением, и очень важно, чтобы этот метод обучения не предавался забвению.

¹⁰ Осуждать *per se* (по существу) и окончательно профсоюзы или коллективные выступления путем забастовок — значит совершать большую ошибку. Даже если предположить, что забастовка, в ходе которой пытаются поднять заработную плату выше того рыночного уровня, который определяется спросом и предложением, должна неизбежно потерпеть поражение, необходимо учитывать, что спрос и предложение не представляют собой естественных сил, навязывающих рабочему данную сумму заработной платы вопреки его воле, а также определенных действий с его стороны. Рыночная ставка вовсе не определяется для него какой-то самодействующей силой, но является результатом торга между людьми, результатом того, что Адам Смит называл «рыночным уторговыванием», и тот, кто не торгуется, совершая обычные покупки, будет еще

¹⁰ [Этот абзац был добавлен в 5-е издание (1862 г.). Однако в то время его второе предложение имело следующую формулировку: «Я допускаю, что забастовка вредна, когда она неразумна, а неразумна она всегда, когда с ее помощью пытаются поднять заработную плату выше того рыночного уровня, который бывает возможен по условиям спроса и предложения. Но спрос и предложение не представляют собой естественных сил...» и т. д. Текст в его нынешнем виде появился в 7-м издании (1871 г.).]

долго продолжать платить за все выше рыночной цены. Тем более бедные рабочие, которым приходится иметь дело с богатыми хозяевами, могут долго оставаться без той заработной платы, которая обуславливалась бы существующим спросом на их труд, если только они, как говорят в народе, не выбьют ее для себя. А как могут они выбить ее для себя без организованных совместных выступлений? Какие шансы на успех мог бы иметь рабочий, в одиночку добивающийся повышения заработной платы? Да и откуда мог бы он узнать, допускает ли состояние рынка повышение заработной платы, кроме как посоветовавшись со своими товарищами, что, естественно, ведет к совместным действиям? Я не колеблясь заявляю, что ассоциации рабочих, аналогичные по своей природе профсоюзам, вовсе не представляют собой помехи свободному рынку труда, а, напротив, являются необходимым элементом такого рынка, тем незаменимым средством, которое позволяет продавцам труда проявлять надлежащую заботу о своих собственных интересах в условиях конкуренции. Есть еще одно важное соображение, на которое впервые обратил внимание профессор Фосетт в своей статье, напечатанной в журнале «Вестминстер ревью». Опыт, наконец, дал возможность наиболее умелым и развитым ремесленникам довольно точно оценивать обстоятельства, от которых зависит успех забастовки, в ходе которой пытаются добиться повышения заработной платы. Теперь рабочие осведомлены о состоянии рынка производимых ими товаров почти так же хорошо, как и хозяин предприятия; они в состоянии подсчитать его выручку и расходы; знают, когда его дела идут хорошо, а когда — нет, и, скорее всего, будут бастовать, требуя повышения заработной платы, именно когда дела идут хорошо; а их готовность к забастовке заставляет их хозяина в таких случаях большей частью добровольно соглашаться на такое повышение заработной платы. Таким образом, это положение вещей ведет к тому, чтобы сделать повышение заработной платы в каждой конкретной отрасли обычным следствием роста прибылей, что, по замечанию Фосетта, кладет начало тому постоянному участию рабочих в прибылях, создаваемых их трудом, любое стремление к которому в силу причин, указанных в одной из предыдущих глав*, необходимо всячески поощрять, по-

* См. т. III, кн. V, гл. VII.

тому что от такого участия рабочих в прибылях мы можем ожидать какого-нибудь радикального улучшения социально-экономических отношений между трудом и капиталом. Поэтому в силу всех этих разнообразных причин забастовки и профессиональные союзы, делающие возможными забастовки, представляют собой не вредную, а, напротив, весьма полезную часть механизма современного общества.

Однако необходимым условием допустимости существования союзов является их добровольность. В этом отношении не будет чрезмерной никакая строгость, необходимая при пресечении попыток угрозами или насилием поуждаться рабочим вступать в члены союза или принимать участие в забастовке. В простое нравственное принуждение, заключающееся в выражении мнения, закону не следует вмешиваться; с подобным принуждением просвещенные люди должны бороться путем совершенствования нравственных воззрений народа. Другие проблемы возникают, когда добровольный по своему характеру союз ставит перед собой цели, действительно идущие вразрез с общественным благом. В общем, высокая заработная плата и сокращение продолжительности рабочего дня — цели хорошие или, во всяком случае, могущие быть хорошими¹¹. Но во многих профсоюзах считается почти правилом, что не должно быть урочной работы и различий в оплате труда самого искусного и самого неискусного рабочего и что ни один член союза не должен зарабатывать сверх определенной суммы в неделю, для того чтобы обеспечить более высокую занятость для остальных¹²; а заметное место среди требований Объединенного общества машиностроителей занимало требование — с большими или меньшими модификациями — о ликвидации сдельной работы. Подобные союзы преследуют вредные цели. Даже

¹¹ [В этом месте, начиная с 3-го издания (1852 г.), опущен следующий отрывок текста оригинала: «...а необходимым условием соблюдения всех этих требований может оказаться ограничение численности занятых. Поэтому существование союзов, добивающихся установления определенной заработной платы за труд, определенной продолжительности рабочего дня или запрещения работать у хозяина, держащего большее, чем положено, число подмастерьев, не только не вызывает возражений в тех случаях, когда они состоят из членов, вступивших и участвующих в них добровольно, но оно даже приветствовалось бы, если бы не то обстоятельство, что они почти никогда не достигают своей цели.»]

¹² [Это предложение было включено в 3-е издание.]

только частичный успех таких объединений наносит определенный вред обществу, а полный успех по своим последствиям был бы равнозначен наибольшему злу, являющемуся результатом дурного экономического законодательства. Вряд ли можно сказать что-либо худшее о самых плохих законах, касающихся труда и вознаграждения за него, если только эти законы признают личную свободу рабочего так, что они ставят на одну доску энергичного и ленивого, умелого и неумелого; а это в той мере, в какой оно возможно само по себе, является непосредственной целью¹³, преследуемой уставами подобных союзов¹⁴. Однако из сказанного выше вовсе не следует, что закон вправе считать учреждение подобных ассоциаций делом противоправным и наказуемым. Независимо от всех соображений относительно конституционных свобод наи-

¹³ [Так начиная с 5-го издания (1862 г.). В предшествующих изданиях было сказано «открыто провозглашенной».]

¹⁴ [Конец этого параграфа появился в 3-м издании. В 1-м издании (1848 г.) было сказано: «Всякое общество, требующее от своих членов соблюдения подобных предписаний и стремящееся добиться их выполнения работодателями путем наложения запрета на ведение работ, является не чем иным, как нарушением общественного порядка. Решение вопроса о том, следует ли закону предоставлять право считать учреждение подобных ассоциаций делом противозаконным и наказуемым, связано со сложной проблемой допустимости законодательного ограничения конституционных свобод. Какими рамками следует ограничить право на образование союзов? Естественно, что ни одно правительство не допустило бы осуществления этого права с целью нарушения закона. Однако разве среди множества действий, которые, хотя и являются сами по себе вредными, закон не должен запрещать, если они осуществляются отдельными лицами, едва ли найдутся такие, ущерб от которых при совершении их группами объединившихся лиц возрастает до такой степени, что законодательным путем следовало бы запретить учреждение союза, но не осуществление самого этого действия? Когда на подобные вопросы отвечают с философским подходом, с позиций раздела социальной философии, далекого от предмета данного обсуждения, тогда появляется возможность установить, могут ли ассоциации, о которых идет речь, быть объектами, подлежащими не только обычному моральному осуждению».]

Однако уже во 2-м издании (1849 г.) этот отрывок был заменен следующим: «Любое общество, требующее от своих членов соблюдения подобных предписаний и стремящееся добиться их выполнения работодателями путем наложения для части предпринимателей запрета на ведение работ, приносит неудобства коммунизма, не избавившись при этом ни от одного из неудобств частной собственности. Однако из этого вовсе не следует, что закону необходимо предоставить право...» и т. д., как выше.]

высшие интересы человечества настоятельно требуют, чтобы все экономические эксперименты, предпринимаемые на добровольной основе, пользовались полнейшей свободой и чтобы насилие и обман были единственными запрещенными для менее удачливых классов общества способами улучшать свое положение *.

§ 6. Из способов неподобающего использования власти правительства, разбираемых в данной главе, я остановился только на тех, которые покоятся на теориях, более или менее распространенных в наиболее просвещенных странах. Я ничего не говорил о других видах использования правительственной власти, которые еще недавно причиняли и более значительный вред, но которые, по крайней мере в теории, повсюду уже отвергнуты, хотя на практике многие из них еще сохранились, в силу чего их нельзя еще отнести к разряду упраздненных заблуждений.

К примеру, представление о том, что правительство должно выбирать взгляды, которых следует придерживаться народу, и не должно допускать распространения в печатном виде или публичного изложения никаких политических, нравственных, правовых или религиозных учений, кроме одобренных им, можно сказать, полностью отвергнуто в качестве общепринятого тезиса. Сейчас хорошо понимают, что подобного рода режим пагубен для всякого развития, даже экономического, что человеческий ум, будучи из-за страха перед законом или из-за боязни общественного мнения лишенным возможности свободно про-

* [1862 г.] Всякому, кто пожелает разобраться в вопросе о рабочих союзах с точки зрения самих трудящихся людей, следует ознакомиться с брошюрой секретаря Объединенного общества переплетчиков города Лондона («London Consolidated Society of Bookbinders») Т. Дж. Даннинга, опубликованной в 1860 г. под названием «Профсоюзы и забастовки — концепции и цели» («Trade Unions and Strikes — their Philosophy and Intention»). В этой со знанием дела написанной работе содержится немало утверждений, с которыми я согласен лишь отчасти, а есть и такие, с которыми я вовсе не согласен. Но в ней приводится множество убедительных доводов и содержится поучительное изложение ошибочности широко распространенных утверждений оппонентов. Читатели, принадлежащие к другим классам, с удивлением обнаружат, что профсоюзы не только во многом правы, но что даже допускаемые ими ошибки кажутся менее возмутительными и не заслуживающими столь строгого осуждения, если рассматривать их с точки зрения, естественной для взглядов трудящихся классов.

явить свои способности в отношении наиболее важных проблем, впадает в общую апатию и бессилие, которые, достигнув определенного уровня, делают его неспособным к достижению сколь-нибудь значительного прогресса даже в обычных житейских делах, а при более высоком уровне они приводят к тому, что постепенно им теряется то, что было достигнуто раньше. Нельзя привести более убедительного примера, чем пример Испании и Португалии через два века после реформации. Упадок национального могущества этих стран и даже их материальной культуры в то время, как почти все остальные нации Европы непрерывно развивались, приписывался различным причинам, но в основе их всех лежит одна — святая инквизиция и та система духовного рабства, символом которой она служит.

Однако, несмотря на то что эти истины получили самое широкое признание, а свобода убеждений и слова воспринимается как аксиома во всех свободных странах, тем не менее этот видимый либерализм и терпимость приобрели еще столь незначительную принципиальную значимость, что в любой момент готовы уступить перед страхом или ужасом, внушаемым определенным рода воззрениями. В последние 15—20 лет¹⁵ несколько человек подверглись тюремному заключению за публичное — и в ряде случаев очень сдержанное — исповедание религиозного неверия; и возможно, что и общество, и правительство при первой же панике перед чартизмом или коммунизмом прибегнут к аналогичным мерам, чтобы сдержать распространение демократических, направленных против устоев собственности учений. Однако в Англии сильное ограничение духовной свободы исходит не столько от закона или правительства, сколько от нетерпимости, присущей нашему национальному сознанию, причем источником этой нетерпимости являются уже не слепая вера и фанатизм, а привычки и в мыслях, и в поведении следовать обычным житейским правилам и обеспечивать их соблюдение посредством общественного преследования всех тех, кто, не имея за собой поддержки в лице целой партии, решается защитить свою личную независимость.

¹⁵ [Так в 7-м издании (1871 г.). В 1-м издании (1848 г.): «два-три года».]

ГЛАВА XI

ОСНОВАНИЯ И ГРАНИЦЫ СИСТЕМЫ LAISSEZ-FAIRE, ИЛИ ПРИНЦИПА НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА

§ 1. И вот мы подошли к последней части нашего труда, к обсуждению в той мере, в какой это отвечает задачам данной работы (т. е. в той мере, в какой проблема эта носит принципиальный, а не частный характер), проблемы пределов функций правительства, к рассмотрению вопроса, на какие именно аспекты жизни общества может или должно распространяться вмешательство правительства, помимо тех, которые неизбежно входят в рамки его компетенции. Ни один другой вопрос не вызывал в наш век столь жарких споров; однако споры эти касались в основном отдельных избранных положений и лишь слегка затрагивали остальную часть проблемы. И действительно, те, кто обсуждал какой-либо конкретный аспект государственного вмешательства, как, например, вопрос о государственной системе образования (духовного или светского), проблема регулирования продолжительности рабочего дня, вопросы оказания обществом помощи бедным и т. п., зачастую приводили множество аргументов общего порядка, чрезмерно раздвигая рамки их конкретного применения, и проявляли достаточно сильную склонность в пользу либо принципа *laissez-faire*, либо вмешательства; но редко кто из них открыто высказывал и, видимо, даже редко решал для себя в уме, как далеко следует заходить в применении того или другого принципа. Сторонники вмешательства довольствовались отстаиванием принципиального права и доказательством обязанности правительства вмешиваться всегда, когда это вмешательство могло бы оказаться полезным; а когда приверженцы так называемой школы *laissez-faire* пытались установить определенные рамки государственного вмешательства, то они обычно ограничивали его необходимостью защиты личности и собственности от насилия и обмана. При этом ни они сами, ни кто-либо другой не могут обдуманно согласиться с подобным определением, поскольку, как было показано в одной из предыдущих глав *, оно исключает некоторые

* См. т. III, кн. V, гл. I.

сугубо обязательные и всеми признаваемые обязанности правительства.

Не претендуя на окончательное заполнение пробела в общей теории по вопросу, который, по моему мнению, не допускает универсального решения, я постараюсь немного помочь в решении такого рода вопросов, рассмотрев в самых общих чертах, допустимых при исследовании данной проблемы, каковы те преимущества, пороки или неудобства, которые присущи государственному вмешательству.

Прежде всего нам следует установить различия между двумя видами вмешательства правительства, которые, хотя и могут относиться к одному и тому же предмету, резко отличаются друг от друга по своему характеру и последствиям и требуют для своего оправдания аргументов различной степени необходимости в них. Вмешательство может простираться вплоть до установления контроля за свободными действиями частных лиц. Правительство может запрещать всем и каждому делать определенные вещи вообще или делать их без его разрешения; либо может предписывать им делать определенные вещи или делать определенными способами вещи, предоставляя им одновременно право делать или не делать их.

Все это — директивное вмешательство правительства. Существует и другой вид вмешательства, не являющийся директивным: когда правительство вместо того, чтобы издавать предписания и принуждать к их исполнению под угрозой применения мер наказания, избирает довольно редкий для правительств, но могущий оказаться чрезвычайно важным образ действий, а именно тот, когда оно выдает рекомендации и предоставляет обширную информацию или когда оно предоставляет отдельным лицам свободу действий в достижении полезной для общества цели собственными средствами и, не вмешиваясь в их дело, но и не полностью вверяя их заботам это дело, создает наряду с их учреждениями и свой собственный орган для тех же самых целей. Таким образом, не одно и то же, например, поддерживать официальную церковь и проявлять известную нетерпимость к другим религиям или лицам, вообще не исповедующим никакой религии. Содержать школы и колледжи вовсе не одно и то же, что и требовать, чтобы никто не занимался воспитанием молодежи без официального на то разрешения со стороны государства. Может существовать национальный банк или государст-

венная фабрика, не обладающие монополией по отношению к частным банкам и фабрикам. Может существовать почтовое ведомство без системы наказаний за доставку корреспонденции иными способами. При правительстве может находиться служба государственных инженеров для нужд общества в целом, и в то же время профессию свободного инженера может выбрать любое лицо. Могут существовать государственные больницы и отсутствовать какие бы то ни было ограничения на частную врачебную или хирургическую практику.

§ 2. Даже с первого взгляда очевидно, что для директивной формы вмешательства правительства налицо значительно более ограниченная сфера целесообразного применения, чем для другой. Во всяком случае, для оправдания ее в каждом конкретном случае нужны более веские мотивы, и в то же время из целого ряда обширных областей человеческой жизни такого рода вмешательство должно быть настоятельно и безоговорочно исключено раз и навсегда. Какой бы теорией в отношении основ общественного союза мы ни руководствовались и какими бы политическими институтами ни располагали, каждый отдельный человек находится как бы в центре круга, границы которого не должно переступать никакое правительство независимо от того, кем оно представлено: одним лицом, несколькими лицами или множеством лиц. В жизни всякого человека, достигшего того возраста, с которого он считается полностью ответственным за свои поступки, есть область, в пределах которой он волен безраздельно распоряжаться сам без какого бы то ни было контроля как со стороны любого другого лица, так и со стороны общества. Тот факт, что в жизни человека должна, таким образом, быть своего рода заповедная область, обязательно огражденная и недоступная для директивного вмешательства, не должен вызывать ни малейшего сомнения у тех, кто чувствует хотя бы малейшее уважение к свободе и достоинству личности; вопрос заключается только в том, где должна проходить граница, иными словами, насколько широкую область жизни человека должна охватывать эта заповедная территория. По моему мнению, она должна охватывать только то, что непосредственно касается внутренней жизни человека или ее внешних проявлений и что не затрагивает интересов других лиц

или же затрагивает их только в силу подаваемого нравственного примера. Что касается области внутреннего самосознания, мыслей и чувств, равно как и внешних поступков, относящихся лишь к самому лицу и не влекущих за собой никаких или по крайней мере тяжелых и вредных последствий для других людей, то я считаю, что все могут, а наиболее способные и развитые часто даже обязаны, не жалея усилий, утверждать и пропагандировать свои понятия добра и зла, возвышенного и презренного; не следует только принуждать других людей соотнобразовываться с этими мнениями, независимо от того, какое принуждение будет использоваться при этом — противозаконное или основанное на законе.

Даже в тех сферах поведения, которые затрагивают интересы других людей, на сторонниках законного запрещения всегда лежит обязанность доказательства необходимости последнего. Одной только возможной, или предполагаемой, несправедливости по отношению к другим лицам еще недостаточно для оправдания вмешательства закона в личную свободу человека. Воспрепятствование человеку делать то, к чему он предрасположен, или поступить так, как он считает желательным, не только всегда бывает досадливо, но также ведет *pro tanto* к замедлению и прекращению развития чувственной или деятельной стороны его физических или умственных способностей; и если убеждения человека добровольно не согласуются с устанавливаемыми законом ограничениями, то оно в большей или меньшей степени несет на себе клеймо унижающего чувства рабства. Какой бы ни была степень полезности, не считая абсолютной необходимости, она едва ли оправдывает запретительное постановление, если оно, по общему убеждению, не может считаться необходимым, т. е. если лица с обычными добрыми намерениями еще не прониклись — сами по себе или под воздействием извне — уверенностью в том, что запрещенная вещь есть то, чего они не должны ни желать, ни делать.

Совершенно иным представляется правительственное вмешательство, не стесняющее личной свободы действий. Когда правительство предоставляет средства для достижения какой-либо определенной цели и в то же время никому не препятствует использовать иные средства, которые считаются более удобными, то тут нет ни ущемления свободы, ни тягостного или унижительного принуждения.

При этом отпадает одно из основных возражений, выдвигаемых против государственного вмешательства. Однако почти во всех формах правительственной деятельности присутствует нечто такое, что совершается принудительно, а именно получение денежных средств. Получают их за счет налогов или постоянных доходов с государственной собственности, хотя даже и в этом случае они являются причиной такого принудительного налога, который мог бы быть обеспечен продажей этой собственности или поступлением ежегодных доходов с нее *. И возражения, неизбежно сопутствующие принудительным сборам, почти всегда значительно усиливаются дорогостоящими мерами предосторожности и обременительными ограничениями, которые необходимы для того, чтобы предотвратить уклонения от уплаты обязательного налога.

§ 3. Второе общее возражение против государственного вмешательства заключается в том, что возложение на правительство любых дополнительных функций увеличивает его могущество. Последнее касается как его полномочий, так и особенно косвенного влияния. Важность этого соображения с точки зрения политической свободы в общем в достаточной степени осознавалась, по крайней мере в Англии. Но в последнее время многие были склонны считать, что ограничение полномочий правительства нужно лишь там, где само правительство плохо устроено, где оно не является представителем народа, а представляет собой орган одного или нескольких классов, и что правительству, сформированному на достаточно демократической основе, можно верить любую власть над народом, ибо его власть была бы властью народа над самим собой. Это было бы именно так, если бы на деле в подобных случаях под народом понималось не просто его большинство и если бы

* Единственными случаями, в которых исполнение правительством своих функций не заключает в себе ничего принудительного, служат те редкие случаи, когда правительство без всякой искусственной монополии самостоятельно несет свои собственные расходы. Один из таких случаев — мост, построенный на государственных средствах, причем получаемый на нем мостовой сбор оказывается достаточным для покрытия не только текущих расходов, но и для выплаты процентов на первоначальные затраты. Другой пример — государственные железные дороги Бельгии и Германии. Сюда же можно было бы отнести и почту, если бы при отмене монополии она продолжала самостоятельно покрывать свои издержки.

меньшинство могло выступать только в роли угнетателя, но не быть жертвой угнетения. И тем не менее опыт доказывает, что носители власти, являющиеся простыми представителями народа, т. е. большинства (когда они думают, что могут рассчитывать на поддержку народа), готовы присвоить неограниченную власть и незаконно нарушать свободу частной жизни, совершенно так же, как и органы олигархии. Общество в целом весьма склонно навязать отдельным лицам, не только свои, как правило, ограниченные взгляды, касающиеся своих собственных практических интересов, но и свои абстрактные понятия и даже свои вкусы в качестве законов, ограничивающих индивидуальную свободу. А современная цивилизация столь энергично стремится сделать власть людей, действующих в массе, единственной реальной силой в обществе, что еще никогда не было необходимости так или иначе оградить индивидуальную независимость мысли, слова и поступков, чтобы сохранить ту оригинальность мышления и индивидуальность характера, которые составляют единственный источник всякого подлинного прогресса и большинства качеств, ставящих род человеческий гораздо выше стада животных. Поэтому при демократическом правительстве не менее, чем при всяком другом, необходимо, чтобы ко всякому стремлению со стороны органов государственной власти расширять свое вмешательство и брать на себя полномочия, без которых легко можно было бы обойтись, относились с постоянным недоверием. Быть может, это даже более необходимо при демократической, чем при любой другой форме общественного устройства, ибо там, где властвует общественное мнение, притесняемое им отдельное лицо не найдет, как при другом положении дел, соперничающей силы, у которой оно могло бы получить поддержку или по крайней мере вызвать симпатию.

§ 4. Третье общее возражение против государственного вмешательства основывается на принципе разделения труда. Каждая дополнительная функция, принимаемая на себя правительством, является новой нагрузкой на орган, уже и без того чрезмерно обремененный обязанностями. Естественным следствием этого является неудовлетворительное исполнение большинства этих обязанностей; многие не исполняются вообще, поскольку правительство не

в состоянии выполнять их без проволочек, губительных для намечаемых мероприятий; более хлопотные и менее эффективные обязанности либо откладываются, либо им не уделяется должного внимания, причем для оправдания забвения всегда готова соответствующая отговорка, а так как мысли лиц, возглавляющих администрацию, заняты в основном деталями официальных дел, как бы небрежно последние ни исполнялись, то они не имеют ни времени, ни намерения заниматься высшими интересами государства и разработкой всеобъемлющих мер социального развития.

Но все эти неудобства, несмотря на их реальность и серьезность, обуславливаются в гораздо большей степени неудовлетворительной организацией правительств, нежели широтой и разнообразием взятых им на себя функций. Правительство не представляет собой одного или нескольких должностных лиц: в самом исполнительном органе может существовать практически любое разделение труда. Зло, о котором идет речь, с большой силой ощущается в тех правительствах стран континентальной Европы, где шесть или восемь лиц, живущих в столице и известных под именем министров, требуют, чтобы все государственные дела страны в обязательном порядке осуществлялись или должны были бы осуществляться под их непосредственным наблюдением. Но это неудобство было бы в высшей степени сведено на нет в стране, где имелось бы надлежащее распределение функций между должностными лицами центральных и местных органов государственного управления, в стране, где центральный орган был бы подразделен на достаточное количество ведомств. Когда парламент счел целесообразным предоставить правительству право инспектировать железные дороги и частично осуществлять контроль за их деятельностью, то он передал железные дороги в ведение не министерству внутренних дел, а специально созданному для этой цели Управлению железных дорог (*Railway Board*). Когда тот же парламент принял решение о необходимости иметь центральный орган, осуществлявший бы надзор за администрацией по делам бедных, он учредил Комиссию по делам закона о бедных (*Poor Law Commission*). Найдется немного стран, в которых на государственных чиновников возлагалось бы так много обязанностей, как это имеет место в некоторых штатах Американского союза, и особенно в

штатах Новой Англии. Вместе с тем разделение труда в государственных делах здесь доведено до крайности — большинство этих чиновников даже не подчинено никакому общему начальнику, а свободно выполняют свои обязанности под бременем двойственной ответственности: с одной стороны, перед своими согражданами, избравшими их, с другой — перед судом, в последнем случае ответственности гражданской и уголовной.

Для обеспечения хорошего управления, без сомнения, необходимо, чтобы главы административных органов, независимо от того, будут ли они постоянными или временными, осуществляли хотя бы общий высший надзор за комплексом всех задач, до известной степени вверенных органам центральной власти. Но умелая внутренняя организация административного механизма должна предоставлять подчиненным и по возможности подчиненным на местах не только исполнение дела, но в значительной степени осуществление контроля за деталями этих дел; она должна делать эти лица ответственными за результаты их деятельности, а не за саму их деятельность, за исключением случаев, когда последняя преследуется в судебном порядке; она должна принимать самые эффективные меры, которые обеспечивали бы назначение на посты честных и знающих людей, создавали бы широкие возможности для их продвижения с низших ступеней административной лестницы на высшие и предоставляли бы на каждой очередной ступени служащему все больший простор для деловой инициативы, так чтобы на высшей ступени власти он мог бы сконцентрировать свое внимание и мысли на самых насущных общегосударственных интересах, находящихся в его ведении. Если бы все это было сделано, то правительство, вероятно, не было бы чрезмерно обременено никакой обязанностью, которую в каких бы то ни было отношениях ему удобно было бы взять на себя, хотя перегруженность все равно останется серьезным дополнением к неудобствам, вытекающим из принятия на себя правительством не свойственных ему обязанностей.

§ 5. Однако, несмотря на то что улучшение организации правительств в значительной мере сняло бы остроту возражений против простого расширения их обязанностей, тем не менее остается справедливым утверждение о том,

что во всех наиболее просвещенных обществах подавляющее большинство дел исполняется при вмешательстве правительства хуже, чем если бы они исполнялись прямо или косвенно лицами, наиболее заинтересованными в этих делах и предоставленными самим себе. Основания, на которых покоится данная истина, довольно точно выражены в популярном изречении, гласящем, что люди лучше разбираются в своих собственных делах и интересах и лучше заботятся о них, чем может это, по всей видимости, делать правительство. Это изречение справедливо для большей части житейских дел, и во всех случаях, когда оно оказывается справедливым, нам следует осуждать любой вид правительственного вмешательства, противоречащего ему. О несовершенстве деятельности правительства во всех обычных промышленных и коммерческих операциях говорит, например, тот факт, что ему редко удается конкурировать на равных с отдельно взятыми предпринимателями там, где частное лицо обладает необходимой деловой предприимчивостью и может располагать необходимыми средствами. Всех тех возможностей, которыми располагает правительство для получения необходимой информации, всех тех средств, которые оно имеет для выплаты вознаграждения, а следовательно, и для привлечения в свое распоряжение самых лучших сил общества, оказывается недостаточно для возмещения одного огромного недостатка — меньшей заинтересованности в конечном результате деятельности.

Кроме того, необходимо помнить, что даже если бы правительство по своим способностям и знаниям и превосходило каждого отдельно взятого человека в стране, оно все равно должно быть в этом отношении ниже всех отдельных лиц страны, вместе взятых. Оно может заключать в самом себе или привлекать к себе на службу не больше определенной части имеющихся в стране знающих и способных людей, труд которых желательно использовать для данной цели. В стране, вероятно, есть много лиц, столь же способных к работе, как и те, которым предоставляет работу правительство, даже в том случае, если оно подбирает своих служащих, руководствуясь исключительно соображениями их профессиональной пригодности. Между тем именно на этих лиц частное предпринимательство в большинстве случаев, естественно, возлагает всю работу, потому что они способны выполнить ее луч-

ше или¹ с меньшими затратами, чем кто-либо другой. Очевидно (разумеется, пока существует такая ситуация), что, исключая или заменяя частную инициативу, правительство либо заменяет более способных исполнителей менее способными, либо, во всяком случае, вводит свой собственный способ выполнения работы вместо тех разнообразных способов, которые были бы испробованы многими лицами, не уступающими ему в способностях и стремящимися к той же цели, иными словами, оно устраняет конкуренцию, которая в гораздо большей степени благоприятствует прогрессу усовершенствований, чем любое единообразие системы.

§ 6. Напоследок я приберег один из самых сильных аргументов против расширения деятельности правительства. Даже если бы правительство и могло собрать у себя в каждом из своих ведомств самые выдающиеся умы и самые энергичные силы нации, все же было бы не менее желательно, чтобы большая часть дел общества оставалась в руках лиц, непосредственно заинтересованных в них. Деловая жизнь представляет собой существенную часть практического воспитания народа, без которой ни книжного, ни школьного образования, хотя и чрезвычайно необходимых и благотворных, будет недостаточно, чтобы сделать человека способным к ведению дел и приспособлению средств к цели. Обучение является всего лишь одним из желательных элементов умственного развития; другой, почти столь же необходимый элемент — это целеустремленная тренировка активных сил, т. е. труда, смекалки, рассудительности, умения владеть собой, причем житейские трудности служат естественным стимулом развития этих качеств. Это мнение не следует путать с тем благодушным оптимизмом, который считает житейские невзгоды желательными, так как пробуждают в человеке качества, необходимые для борьбы с ними. Только наличие всякого рода трудностей придает определенную ценность качествам, необходимым для преодоления этих трудностей. Будучи людьми практического склада, мы должны по возможности больше освобождать жизнь от подоб-

¹ [Так начиная с 5-го издания (1862 г.). В оригинале «и».]

ного рода трудностей, а не сохранять их, подобно тому как охотники берегут дичь, чтобы иметь возможность охотиться на нее. Но поскольку потребности в деятельных и рассудительных — в житейских делах — умах даже в самом благоприятном случае можно только уменьшить, но не устранить полностью, важно, чтобы эти способности развивались не только у немногих избранных, а у всех и чтобы это развитие было более разносторонне и полно, чем то, которого может достичь большинство людей в узких рамках их сугубо личных интересов. У народа, не привыкшего к самостоятельной деятельности во имя общего интереса, у народа, который обычно ожидает от своего правительства соответствующих указаний и распоряжений по всем вопросам, представляющим общий интерес, способности развиты лишь наполовину, а его образование неполно в одной из главных своих сторон.

Помимо того, что развитие активных способностей посредством упражнений, охватывающее все общество, само по себе является одним из ценнейших достояний нации, оно еще становится не менее, а более необходимым, когда в руководителях и должностных лицах государства систематически поддерживается высокая степень этого необходимого развития. Для человеческого благосостояния нет более опасного стечения обстоятельств, нежели то, когда ум и дарования поддерживаются на высоком уровне в рамках правящей группы, но умерщвляются и не поощряются у тех, кто не является ее членом. Подобная система более, чем любая другая, воплощает в себе идею деспотизма, вооружая как бы дополнительным оружием умственным превосходством тех, кто уже располагает юридической властью, и приближается в той мере, в какой органическое различие между людьми и животными делает возможным приближение, к тому, как управляет пастух своими овцами. Но эта система не проявляет при этом и подобия той сильной заинтересованности, какую испытывает пастух к поддержанию хорошего состояния своего стада. Единственной защитой от политического рабства является сдерживание (обуздание) правящих лиц путем распространения образования, активности и общественного духа среди управляемых. Опыт доказывает, что постоянно поддерживать эти качества на достаточно высоком уровне крайне трудно и что эта трудность возрастает по мере того, как прогресс цивилизации и безопасности

устраняет одну за другой те тяготы, тревоги и опасности, защиту от которых люди находили прежде только в своей силе, ловкости и храбрости. Поэтому в высшей степени важно, чтобы все классы общества, до самого низшего включительно, многое делали сами для себя; чтобы к их уму и добродетелям предъявлялись бы требования, в известной степени соответствующие им; чтобы правительство не только предоставляло отдельным лицам возможность вести собственные дела, опираясь на свои способности, но и позволяло бы им или, скорее, поощряло бы их как можно больше дел вести совместно на основе добровольного сотрудничества, так как обсуждение и ведение общего дела представляют собой великую школу того общественного духа и великий источник того понимания общественных интересов, которые всегда считались отличительной чертой общества свободных стран.

Демократическое государственное устройство, не поддерживаемое демократическими институтами во всех сферах жизни и проявляющееся лишь в центральных органах государственного управления, не только не обеспечивает политической свободы, но зачастую порождает прямо противоположный ей дух, распространяя вплоть до самых низших ступеней общества желание и честолюбивое стремление к политическому господству. В одних странах народ желает, чтобы его не угнетали, в других же он добивается просто равной для всех возможности угнетать. К несчастью, это последнее желание столь же естественно для рода человеческого, как и первое, и во многих случаях даже в цивилизованных странах оно обнаруживается гораздо чаще, чем первое. По мере того как люди станут привыкать вести свои дела, прилагая на то свои собственные усилия, а не перекладывая их на правительство, их желания будут направлены скорее на устранение тирании, чем на проявление склонностей к угнетению. Но в той мере, в какой всей реальной инициативой обладает правительство и оно же осуществляет управление, а люди привыкают чувствовать себя и действовать, словно находясь под его постоянной опекой, демократические учреждения развивают в них не желание свободы, но необузданное стремление к должностям и власти, отвращая ум, энергию, присущие стране, от их главного предназначения к жалкому соперничеству в корыстных целях и из-за мелкого служебного тщеславия.

§ 7. Положения, изложенные выше, являются в общих чертах главными доводами, говорящими в пользу максимального ограничения вмешательства государственной власти в дела общества; и лишь немногие станут оспаривать то, что данные аргументы более чем достаточны для того, чтобы признать: в каждом конкретном случае бремя доказательства правоты своего мнения должно лежать не на противниках, а на защитниках подобного вмешательства. Короче говоря, *laissez-faire* * должно быть общим правилом, и всякое отступление от него, правда если подобное отступление не вынуждается какой-либо громадной пользой, будет очевидным злом.

Будущим поколениям, вероятно, будет трудно поверить в то, до какой степени до сих пор нарушалось это правило правительствами даже в тех случаях, в которых его применимость вполне очевидна. Некоторое представление об этом можно себе составить из данного Дюнуайе описания тех ограничений, которые налагал на фабричную деятельность при прежнем правительстве Франции ** дух во все вмешивавшегося и все регламентировавшего законодательства Франции.

«Государство имело самую неограниченную и произвольную власть над фабричной промышленностью. Оно бесцеремонно распоряжалось средствами фабрикантов: правительство решало, кто может работать, какие вещи он может производить, какие материалы надлежит использовать, какой технологии следует придерживаться и какие формы надлежит придавать продуктам. Работать хорошо или работать лучше — этого было недостаточно; следовало работать в соответствии с установленными правилами. Каждому известно постановление 1670 г., предписывавшее конфисковывать и прибивать к позорному столбу — с указанием имен фабрикантов — товары, которые не соответствовали установленным правилам, а при повторном нарушении предписывавшее к позорному столбу вместе с товарами выставлять самих фабрикантов. Приходилось руководствоваться не вкусами потребителей, а предписаниями закона. Следить за их выполнением обязаны были целые легионы инспекторов, комиссаров, контролеров,

* В данном случае — отсутствие вмешательства правительства. — *Прим. ред.*

** De la Liberté du Travail, vol. I, p. 353—354.

присяжных и сторожей. Станки ломались, продукты, если они не соответствовали правилам, сжигались; за усовершенствования наказывали, изобретателей штрафовали. Для товаров, предназначенных для внутреннего потребления, и товаров, производившихся на экспорт, существовали отдельные правила. Ремесленник не мог ни выбрать место своего жительства и работы, ни работать во все времена года или на всех потребителей. Существует декрет от 30 марта 1700 г., который ограничивает число мест, где можно было изготовлять чулки, 18 городами. Декрет от 18 июня 1723 г. предписывал руанским фабрикантам прекращать работу в период с 1 июля по 15 сентября для того, чтобы облегчить жатву хлебов. Людовик XIV, приступая к сооружению луврской колоннады, запретил всем частным лицам, под угрозой штрафа в 10 000 ливров, нанимать без его разрешения рабочих, а рабочим — работать у частных лиц под страхом тюремного заключения за первое нарушение и отправки на ка-торгу — за второе».

О том, что эти и подобные им постановления не были мертвой буквой и что это назойливое и беспокоящее вмешательство продолжалось вплоть до французской революции, мы имеем свидетельство жирондистского министра Ролана *. «Я видел, — говорит он, — как резалось и уничтожалось по 80, 90 и 100 кусков хлопчатобумажной или шерстяной ткани. Я был очевидцем подобных сцен, происходивших еженедельно на протяжении многих лет. Я видел, как конфисковывались фабричные товары, как налагались тяжелые штрафы на фабрикантов, как одни куски тканей сжигались в публичных местах и в рыночные часы, а другие прикреплялись к позорному столбу, куски с начертанными именами фабрикантов, которым грозил позорный столб в случае повторного нарушения. Все это делалось на моих глазах в Руане в соответствии с существующими распоряжениями или министерскими приказами. В чем же состояло преступление, заслуживавшее столь жестокого наказания? Достаточно было какого-нибудь дефекта в использованном материале, или в самой фактуре материи, или даже отсутствия нескольких нитей основы.

* Цитата получена из вторых рук. Это место цитируется по работе: *Caréy. Essay on the Rate of Wages*, p. 195—196.

Я часто видел, как фабрикантов посещали банды надсмотрщиков, приводя все в смятение на их фабрике, наводя ужас на их семьи, как они срезали ткани с рам, срывали основу с ткацких станков и уносили их в качестве доказательства нарушения закона, после чего фабриканты вызывались в суд, допрашивались и осуждались; их имущество конфисковывалось, а копии судебных решений о конфискации расклеивались во всех публичных местах. Репутация, состояние, доверие — все было утрачено и уничтожено. И за какое преступление? За то, что они изготовляли сорт ткани, известный под названием плис, из такой шерстяной пряжи, из которой ее обычно изготовляют англичане и даже продают ее во Франции, тогда как по французским законам этот сорт ткани должен изготовляться из ангорской шерсти. Я видел, как с другими фабрикантами поступали таким же образом за то, что они делали камлот такой ширины, которая традиционна для Англии и Германии и на которую имеется огромный спрос в Испании, Португалии и других странах, а также в некоторых районах Франции, тогда как французские правила предписывали иную ширину камлота».

Прошло то время, когда возможны были попытки применять таким образом принцип «отеческого управления» даже в наименее просвещенных странах Европы. Для случаев, подобных приведенным выше, обоснованны все общие возражения против правительственного вмешательства, а обоснованность некоторых из них является максимальной. Но теперь нам следует перейти ко второй части нашей задачи и обратить внимание на те случаи, в которых одни из этих общих возражений совершенно неприменимы, а другие, от которых никогда нельзя избавиться полностью, утрачивают силу из-за еще большей важности противоположных соображений.

Мы уже отмечали, что по общему правилу житейские дела исполняются лучше тогда, когда людям, прямо заинтересованным в них, предоставляется свобода их выполнения, свобода, не стесняемая ни предписаниями закона, ни вмешательством какого-либо должностного лица. Все лица, занимающиеся тем или иным делом, или часть их, по-видимому, могут лучше, чем правительство, судить о средствах достижения той конкретной цели, к которой они стремятся. Если даже предположить — а это, однако, весьма маловероятно, — что само правительство обладает

самыми обширными знаниями, какие только были до настоящего времени приобретены наиболее опытными в этом деле людьми, то и тогда индивидуальные предприниматели, проявляя большую и более непосредственную заинтересованность в результате дела, по всей видимости, усовершенствуют средства достижения поставленной цели гораздо быстрее, чем тогда, когда бесконтрольный выбор их будет предоставлен самим хозяевам. Но если рабочий лучше всех умеет выбрать способ производства, то можно ли утверждать, придавая такому утверждению всеобщий характер, что потребитель или клиент — самый компетентный судья в результате производства? Всегда ли покупатель способен оценить товар? Если нет, то слепой довод в пользу рыночной конкуренции в данном случае неуместен; а если данный товар таков, что хорошее качество его очень важно для общества, то баланс достоинств и недостатков может сложиться в пользу определенного вмешательства, осуществляемого полномочными представителями общегосударственных интересов.

§ 8. Мнение же, что потребитель — компетентный судья товара, можно принять только с многочисленными оговорками и исключениями. Покупатель вообще является наилучшим судьей материальных предметов, производимых для удовлетворения его потребностей (хотя это нельзя считать универсальной истиной). Такие предметы предназначены для удовлетворения определенных физических потребностей или определенных вкусов и склонностей, и в отношении этих вкусов и/или склонностей лицо, испытывающее их, является единственным судьей. Эти предметы могут быть также принадлежностью и средством, применяемым в соответствующем ремесле и имеющим значение для занятого в этом ремесле лица, которое поэтому можно считать знатоком вещей, необходимых в его обычном занятии. Но существуют и другие вещи, достоинство которых никоим образом не может оцениваться рыночным спросом, — вещи, полезность которых заключается не в удовлетворении склонностей, а также не в удовлетворении каждодневных жизненных потребностей, вещи, потребность в которых менее всего ощущается там, где они наиболее нужны. Сказанное в первую очередь справедливо в отношении тех вещей, которые полезны главным образом в силу того, что способствуют возвы-

шению характера человека. Необразованный человек не может быть компетентным судьей в вопросах образования. Те люди, в которых более всего сказывается недостаток умственной и нравственной культуры, обычно менее всего желают ее, а если бы и желали, то были бы неспособны найти путь к ней с помощью собственных знаний. При свободной системе, когда цель нежелательна, средства к достижению ее часто вовсе не будут предоставляться, или, когда лица, нуждающиеся в развитии, имеют неудовлетворительное или совершенно ошибочное представление о том, что им нужно, предложение, порожденное рыночным спросом, зачастую вовсе не будет соответствовать действительным потребностям. Между тем любое благонамеренное и достаточно просвещенное правительство, не проявляя самонадеянности, может считать, что оно достигло или должно достичь уровня развития, превышающего уровень развития общества, которым оно управляет, и что поэтому оно способно предложить людям образование и воспитание более совершенные, чем те, какие добровольно потребовала бы большая часть их. Следовательно, образование является одной из тех вещей, относительно которых в принципе допустимо, чтобы правительство доставляло их народу. Это тот случай, на который доводы, выведенные из принципа невмешательства, не всегда и не обязательно распространяются *.

* В противоположность этому Дюнуайе, автор, с которым я согласен во многих вопросах, но враждебность которого к правительственному вмешательству кажется мне слишком безусловной и неосновательной, замечает, что образование, как бы хорошо оно ни было само по себе, бесполезно для общества лишь постольку, поскольку это последнее желает получить знания, и что лучшим доказательством соответствия образования потребностям служит успешная деятельность учреждений системы образования как предприятий, учреждаемых для получения денежной прибыли. В отношении умственного воспитания этот довод представляется не более убедительным, чем он был бы в отношении лечения. Ни одно лекарство не принесет никакой пользы больному, если его нельзя заставить принимать это лекарство; но мы не обязаны считать как вывод из сказанного, что этот больной обязательно выберет нужное лекарство без посторонней помощи. Разве человек, которого он уважает, не побудит его выбрать лекарство лучшее, чем то, которое он выбрал бы самостоятельно? Именно этот момент и является спорным при обсуждении вопроса об образовании. Несомненно, образование, которое настолько превосходит уровень развития людей, что их нельзя будет заставить приобщиться к нему, станет иметь для них не больше значения, как если бы его не было бы

Что касается начального образования, то здесь исключения из обычных правил, по моему мнению, могут вполне резонно идти еще дальше. Есть определенные элементы знаний и средства их достижения, приобретение которых в детском возрасте каждым человеком, принадлежащим к обществу, было бы в высшей степени желательно. Если его родители или лица, от которых он зависит, имеют возможность дать ему это образование, но не делают этого, то они дважды нарушают свой долг: перед самим ребенком и перед членами общества вообще, которые все будут серьезно страдать из-за невежества и недостатка воспитания своих сограждан. Поэтому правительство правомерно будет использовать свою власть, возлагая на родителей правовую обязанность давать детям начальное образование. Это, однако, не может быть надлежащим образом сделано, если не принять мер, которые обеспечивали бы получение детьми такого образования безвозмездно или с незначительными расходами.

Правда, могут возразить, что воспитание детей представляет собой один из тех расходов, которые должны нести даже родители, принадлежащие к трудящимся классам; что желательно, чтобы они чувствовали себя обязанными заботиться о выполнении своего долга за счет своих собственных средств; что при безвозмездном образовании, совершенно так же, как и при безвозмезд-

вовсе. Но между тем, что люди избирают добровольно, и тем, что они отказываются принять, когда им предлагают, существует интервал, величина которого пропорциональна уважению, питаемому людьми к рекомендуемому лицу. Кроме того, иногда нужно, чтобы вещь, в которой общество разбирается плохо, демонстрировалась и навязывалась его вниманию в течение длительного времени и чтобы ее достоинства были доказаны долгим опытом, прежде чем общество научится ценить эту вещь. В конце концов, оно может научиться, чего могло бы никогда не случиться, если бы вещь рекомендовалась ему только в теории, а не навязывалась бы таким образом на деле. Прибыльное же предприятие не может ждать успеха годы, а быть может, и поколения. Оно должно иметь успех сейчас же, или оно не будет иметь успеха вовсе. Другое соображение, опущенное Дюнуайе, состоит в том, что учебные заведения и способы обучения, которые никогда не удавалось сделать достаточно популярными, для того чтобы с прибылью возместить понесенные на них расходы, могут быть неоцененными для многих в силу того, что они дают немногим образование самого высокого качества и обеспечивают систематическое появление выдающихся умов, которые способствуют прогрессу знаний и заставляют общество двигаться по пути цивилизации.

ном пропитании, соответственно понижается норма необходимой заработной платы и настолько же ослабляется побуждение к трудолюбию и самоограничению. Этот довод мог бы иметь силу только в том случае, если бы вопрос шел о предоставлении за счет общества того, что без этого сделали бы для себя отдельные лица, — если бы все родители, принадлежащие к трудящимся классам, признавали обязанность давать образование своим детям за свой собственный счет и исполняли бы этот долг на практике. Но так как родители не исполняют этого долга и не включают образование в число тех необходимых расходов, которые должны покрываться из их заработков, то, следовательно, общая величина заработной платы недостаточно высока, чтобы родители смогли покрывать эти расходы, и их следует оплатить из какого-нибудь другого источника. Данный случай не является одним из тех, в которых предложение помощи увековечивает положение вещей, делающее помощь необходимой. Образование, когда оно правильно поставлено, не уменьшает, а укрепляет и расширяет деятельные способности. Каким бы способом оно ни было получено, воздействие, оказываемое им на ум, благоприятствует духу независимости; и когда положение таково, что люди не имели бы образования вовсе, не будь оно безвозмездно, то помощь, оказанная в этой форме, имела бы совсем не то влияние, какое делает ее вредной во многих других случаях; это была бы помощь, ведущая людей к тому, чтобы обходиться без помощи.

В Англии и большинстве европейских стран начальное образование не может быть полностью оплачено из заработной платы неквалифицированного рабочего. Но даже если бы это было возможно, оно все равно не оплачивалось бы. Альтернативой, таким образом, является не правительственное или частное предприятие, а предоставление средств правительством или добровольная благотворительность — правительственное вмешательство или вмешательство ассоциаций частных лиц, собирающих, подобно двум крупным университетским ассоциациям, по подписке средства на цели образования. Конечно, вовсе не желательно, чтобы то, что уже достаточно хорошо выполняется за счет щедрости отдельных лиц, делалось бы на средства, получаемые за счет принудительного налогообложения. Насколько этого соображения следует придерживаться в школьном обучении, в каждом случае опреде-

ляется конкретной ситуацией. В последнее время говорится так много об образовании, обеспечиваемом в Англии за счет частной благотворительности, что здесь нет необходимости разбирать его подробно. И я только выскажу свое убеждение, что даже в количественном отношении оно является [1848 г.] и, вероятно, останется совершенно недостаточным, тогда как в качественном отношении, несмотря на незначительную тенденцию к улучшению, оно никогда не бывает хорошо, за редким исключением, а в общем настолько скверно, что может считаться почти номинальным. Поэтому я считаю обязанностью правительства восполнять этот пробел, предоставляя начальным школам такую материальную поддержку, при которой эти школы были бы доступными для всех детей бедняков бесплатно или с платой до того незначительной, чтобы ее могли ощущать ².

Но на одном моменте следует настаивать со всем упорством, а именно на том, чтобы правительство не монополизировало образования на каких бы то ни было уровнях, низших или высших; чтобы оно не употребляло ни власти, ни влияния, вынуждая людей обращаться прежде всего к учителям, которые назначены им; чтобы оно не предоставляло никаких особых преимуществ тем, кто получил воспитание и образование в государственных школах. Хотя назначаемые правительством учителя будут, возможно, в среднем превосходить частных наставников, все же они не будут обладать всеми знаниями и всей проницательностью, которые можно найти у всей совокупности учителей. Кроме того, желательно оставить открытыми как можно больше путей к намеченной цели. Положение, при котором правительство имело бы *de jure* (юридически) или *de facto* (фактически) неограниченную власть над народным образованием, нетерпимо. Обладать такой властью и реально пользоваться ею — значит быть деспотичным. Правительство, которое может формировать убеж-

² [Этот абзац первоначально «...но требовать которую можно было бы как должное, просто в силу признания принципа; остальную часть стоимости обучения следовало бы оплачивать, как это делают в Шотландии, средствами, собираемыми из местного налога, с тем чтобы жители данной местности были бы больше заинтересованы в контроле за управлением и в предотвращении небрежности и злоупотреблений». Эти слова были опущены в 4-м издании (1857 г.).]

дения и чувства людей сызмала, в состоянии делать с ними все, что ему угодно. Поэтому, хотя правительство может, а во многих случаях и должно учреждать школы и колледжи, оно не должно никого ни принуждать поступать в них, ни подкупать кого-либо с той же целью. Ни в коей мере не должно также зависеть от разрешения правительства и право частных лиц учреждать соперничающие заведения, требовать от всех людей, чтобы они обладали тем или иным образованием, но нельзя предписывать им, как и у кого они должны получать его.

§ 9. В деле образования вмешательство правительства оправдывается потому, что в данном случае интересы и суждения потребителя не являются достаточной гарантией доброкачества товара. Рассмотрим теперь другую группу случаев, в которых никто не выступает в роли потребителя и в которых приходится полагаться на интересы и суждения самого действующего лица; возьмем, например, ведение любого дела, в котором это лицо исключительно заинтересовано, или заключение какого-либо договора, может быть принятие обязательства, которым данное лицо связывает только себя.

Здесь основой для практического применения принципа невмешательства должно быть то, что большинство людей составляет более верное и более здравое суждение о своем собственном интересе и о средствах его обеспечения, чем то, которое может быть либо предписано им носящим общий характер постановлением законодательного органа, либо указано в конкретном случае государственным чиновником. Как общее правило, этот принцип, несомненно, верен. Но не трудно заметить несколько весьма обширных и бросающихся в глаза исключений из него. Исключения эти можно сгруппировать под несколькими рубриками.

Первое. Лицо, в отношении которого предполагается, что оно лучший судья собственных интересов, может оказаться неспособным выносить суждения или действовать самостоятельно; оно может быть помешанным, слабоумным или малым ребенком или может быть если и не полностью неспособным, то все же незрелым по своим летам и суждению. В этом случае все основание принципа невмешательства полностью разрушается. Тут наиболее заинтересованное лицо не будет не только наилучшим, но и вооб-

ще компетентным судьей в деле. Душевнобольных повсеместно считают надлежащим объектом забот государства *. В отношении детей и несовершеннолетних обычно говорится, что, хотя они и не могут сами составлять собственные мнения, у них есть родители или другие родственники, которые заботятся о них. Но это переводит данный вопрос в другую область; тут речь идет уже не о том, следует ли правительству вмешиваться в направление образа действий и интересов частных лиц, а о том, должно ли правительство предоставлять власти одних частных лиц контроль за поведением и интересами других. Родительская власть также дает повод к злоупотреблениям, как и любая другая власть, и ею постоянно злоупотребляют в действительности. Если законам не удастся

* 1852 г. Установившаяся в английском праве практика в отношении душевнобольных и особенно по исключительно важному вопросу установления факта душевной болезни, требует самых настоятельных реформ. В настоящее время ни один человек, собственность которого вызывает зависть, близкие родственники которого не страдают щепетильностью или находятся в плохих отношениях с ним, не гарантирован от того, что принудительно подвергнется освидетельствованию комиссией, устанавливающей наличие душевной болезни. По настоянию людей, которым выгодно признание его душевнобольным, может быть составлен список присяжных и произведено расследование с оплатой издержек из собственности исследуемого лица. При этом в доверчивые уши 12 мелких лавочников, не имеющих понятия ни о каком ином образе жизни, кроме принятого в их собственном классе, и считающих любую индивидуальную черту в характере или вкусах странностью, всякую странность либо умопомешательством, либо безнравственностью, нашептываются сведения обо всех особенностях владельца собственности, дополняемые лживой болтовней подлых слуг. Если этот мудрый суд выносит желательное для инициаторов дела решение, то имущество человека, признанного душевнобольным, переходит в руки такого лица, которого собственник, по-видимому, менее всего хотел бы видеть своим правопреемником. Несколько недавних случаев такого рода следствий стали позором для английского правосудия. Какие бы изменения ни делались в этой отрасли права, по меньшей мере два из них безусловно необходимы: во-первых, чтобы, подобно тому как и в других процессах, судебные издержки возлагались не на лицо, находящееся под следствием, а на лиц, возбудивших это следствие с обязательством возвращения этих издержек в случае положительного решения возбужденного ими дела; и, во-вторых, чтобы собственность лица, признанного душевнобольным, ни в коем случае не переходила к наследникам при жизни собственника, а управлялась бы государственным чиновником до смерти или выздоровления душевнобольного.

предотвратить бесчеловечное обращение родителей со своими детьми и даже убийства детей родителями, то в гораздо меньшей степени следует предполагать, чтобы интересы детей никогда не приносились в жертву эгоизму или невежеству их родителей более обыденными и менее возмутительными способами. Закон вправе, насколько возможно, принуждать родителей делать все, что требуют интересы детей, и не делать ничего, что идет вразрез с этими интересами. Возьмем пример из специфической области политической экономии; несомненно, что государство должно — разумеется, в силу его возможностей — охранять детей и подростков от непосильной работы. Не следует допускать, чтобы дети и подростки трудились слишком много часов в день или выполняли непосильную работу, ибо если это не будет запрещено, то их всегда могут принуждать к этому. В отношении детей свобода договора не что иное, как свобода притеснения. Очень важно, чтобы дети получали по возможности лучшее для их положения образование, а поэтому нельзя допускать, чтобы родители или родственники имели право по равнодушию, зависти или скупости отказывать им в этом.

Доводы в пользу вмешательства закона в защиту детей в не меньшей степени приложимы к вопросу о защите животных, этих несчастных рабов и жертв самой жестокой части человечества. То, что примерное наказание, налагаемое за жестокое обращение с этими беззащитными существами, считается вмешательством правительства в дела, лежащие вне сферы его деятельности, вмешательством в домашнюю жизнь, происходит по причине грубейшего непонимания принципов свободы. Домашняя жизнь домашних тиранов как раз и есть одна из тех вещей, в которые настоятельнее всего должен вмешиваться закон; и следует сожалеть, что метафизические сомнения относительно природы и источников власти правительства побуждают многих горячих сторонников законов, направленных против жестокого обращения с животными, искать оправдание таким законам в тех случайных последствиях для интересов людей, которые влечет за собой потакание жестоким привычкам, нежели в действительной справедливости самих законов. Если долг отдельного лица, обладающего достаточной физической силой, состоит в том, чтобы пресекать любой возмутительный поступок, совершаемый в его присутствии, то общество в целом тем более

должно пресекать подобные деяния. Существующие сейчас в Англии законы по этому вопросу неудовлетворительны главным образом потому, что максимум, которым ограничивается наказание даже в самых тяжких случаях, оказывается незначительным, а зачастую почти номинальным.

В число тех членов общества, свободу заключения договоров которых надлежит контролировать государственной власти по причине (как говорят) зависимого положения и в интересах их собственной защиты, часто предлагают включать женщин; и в ныне действующих фабричных законах³ их труд наравне с трудом подростков находится под особыми ограничениями. Но ставить с этой или с иными целями женщин наравне с детьми представляется мне несправедливым в принципе и вредным в практическом отношении. Дети, не достигшие определенного возраста, не могут рассуждать или действовать самостоятельно; да и по достижении его они довольно длительное время бывают в большей или меньшей степени неспособны к самостоятельным поступкам. Но женщины, так же как и мужчины, способны судить о своих делах и вести их, и единственное препятствие, мешающее им в этом, обусловлено несправедливостью их нынешнего положения в обществе. Пока закон все приобретенное женой будет признавать собственностью мужа, пока закон, заставляя ее жить с ним, принуждает жену подчиняться почти неограниченному моральному и физическому угнетению, какое только вздумает муж проявить по отношению к ней, до тех пор есть определенное основание считать любой поступок женщины совершенным как бы по принуждению. Но современные реформаторы и филантропы совершают громадную ошибку, нападая на последствия несправедливой власти, вместо того чтобы исправлять саму несправедливость. Если бы женщина обладала такой же неограниченной властью над своею личностью и доставшимся ей по наследству или приобретенным имуществом, как и мужчины, то не было бы никакого основания ограничивать часы ее работы, для того чтобы она могла иметь время работать на своего мужа, на его домашний очаг, как это именуют сторонники ограничений. В трудящихся классах только женщины, работающие на фабри-

³ [«Законы» — начиная с 7-го издания (1871 г.). В первоначальном виде (1848 г.) — «недавно принятый фабричный закон».]

ках, не находятся на положении рабынь и слуг, и объясняется это как раз тем, что их трудно заставить против их воли работать на фабриках и добывать заработок. Для улучшения положения женщин, напротив, следовало бы стремиться к тому, чтобы предоставить им самый широкий доступ к независимым промышленным занятиям, а не закрывать, полностью или частично, те, которые уже открыты для них ⁴.

§ 10. Второе исключение из теории, согласно которой человек — наилучший судья своих собственных интересов, относится к тем случаям, когда человек пытается именно в настоящий момент и непременно решить, что будет наилучшим образом соответствовать его интересам когда-то в отдаленном будущем. Предполагать безошибочность личного суждения правильно только тогда, когда это суждение основано на действительном личном опыте, в особенности на опыте, относящемся к настоящему времени, а не тогда, когда оно составлено априорно и не допускает изменений даже после того, как было опровергнуто опытом. Когда люди тем или иным договором связали себя обязательством не просто сделать конкретную вещь, а заниматься чем-то вечно или в течение длительного периода времени без всякой возможности отказаться от этого обязательства, то тут не имеет силы предположение о том, что они поступают так, потому что это выгодно им; и всякое предположение, которое можно обосновать тем, что эти люди вступили в данное соглашение по доброй воле, быть может, находясь в юном возрасте или действительно не ведая того, что делают, обычно не имеет почти никакого значения. Практический принцип свободы договоров может применяться с большими ограничениями к случаям вечных обязательств, и закон должен относиться к подобным обязательствам с крайней осторожностью. Ему не следует санкционировать эти договоры в тех случаях, когда налагаемые ими обязательства таковы, что договаривающаяся сторона не может компетентно судить о них. Если же закон дает свое согласие на это, то он должен принимать все возможные предосторожности к тому, чтобы стороны вступали в эти соглашения обдуманно и предусмотрительно, и не позволять им самостоятель-

⁴ [См. Приложение КК. «Фабричные законы».]

но отказываться от взятых на себя обязательств. Вместо этого закону надлежит освобождать их от обязательств при представлении беспристрастному судье достаточно убедительных оснований. Эти соображения в высшей степени приложимы к браку — важнейшему из всех пожизненных обязательств⁵.

§ 11. Отмечу и третье исключение из теории, утверждающей, что правительство не может вести дела частных лиц так же хорошо, как они сами. Исключение это относится к весьма большой группе случаев, в которых частные лица могут вести свое дело только через уполномоченного и в которых так называемое частное ведение дела в действительности мало чем отличается от действий государственного чиновника и к тому же едва ли может называться ведением дела заинтересованным лицом. Все, что при частной инициативе может быть выполнено только акционерными компаниями, все это в отношении действительных достоинств работы может быть также хорошо, а порой и лучше, выполнено государством. Правда, в поговорку вошла недобросовестность, небрежность и неэффективность ведения дел правительством; но, говоря вообще, тем же страдает и управление акционерных предприятий. Известно, что директора акционерной компании всегда являются и ее акционерами; но и члены правительства неизменно являются плательщиками налогов; и у частных директоров так же, как и у государственных чиновников, причитающаяся им доля выгоды от хорошего ведения дела не равняется выгоде, какую они могут иметь от плохого ведения, даже если не принимать во внимание, что последнее не столь хлопотно. Могут возразить, что акционеры в их совокупности осуществляют определенный контроль за деятельностью директоров и почти всегда обладают полным правом смещать директоров. Однако на практике обнаруживается, что осуществление этого права настолько затруднено, что к нему вообще едва ли прибегают, за исключением случаев такого вопиюще неумелого или по крайней мере неуспешного ведения дела, которое повлекло бы за собой снятие с должностей и директоров, назначенных правительством. Весьма неудовлетворительной защите интересов, обеспечиваемой собра-

⁵ [Это последнее предложение внесено в 3-е издание (1852 г.)].

нием акционеров, их личным контролем и проверками, можно противопоставить большую гласность и более оживленные дискуссии и замечания, которых следует ожидать в свободных странах в отношении дел, где принимает участие общее правительство. Таким образом, ведению дел, осуществляемому правительством, по-видимому, свойственны недостатки, которые не бывают обязательно крупнее недостатков управления акционерного общества, а может быть, они вовсе и не больше.

Справедливые доводы в пользу предоставления добровольным ассоциациям всех тех дел, вести которые они в состоянии, обладали бы равной силой и тогда, когда было бы известно, что само дело будет вестись государственными чиновниками столь же хорошо или даже лучше. Доводы эти уже были указаны нами: вред от чрезмерного обременения главных должностных лиц правительства делами, требующими внимания и отвлекающими их от тех обязанностей, исполнять которые могут только они, на цели, которые вполне могут быть достигнуты и без них; опасность бесполезного расширения прямой власти и косвенного влияния правительства и увеличения числа случаев столкновений между его должностными лицами и частными гражданами; нецелесообразность сосредоточения в господствующей бюрократии всех навыков и всего опыта ведения крупных дел, а также всего имеющегося в обществе потенциала организованных действий. Такая политика устанавливает такие взаимоотношения между гражданами и правительством, какие существуют между детьми и их опекунами, и служит основной причиной недостатка способностей к политической жизни, — недостатка, составляющего отличительную черту стран Европейского континента, страдающих от чрезмерности управления как при представительной, так и единоличной форме правления *.

* Сходный пример можно видеть в том отвращении к политике и в том отсутствии общественного духа, которые при нынешнем состоянии общества составляют отличительную черту всех женщин вообще; политические реформаторы нередко замечают эту особенность женского характера и сетуют на нее, не выражая, однако, желания найти причину зла и устранить ее. Очевидно, эта черта обусловлена тем, что как учебные заведения, так и воспитание женщин в целом приучили их считать самих себя стоящими совершенно в стороне от политики. Во всех тех случаях, когда женщины занимались политикой, они демонстрировали столь же большой

Итак, в силу этих причин как раз и следует, вообще говоря, предоставлять добровольным ассоциациям большинство дел, в отношении которых можно предположить, что они будут выполняться последними хотя бы удовлетворительно; однако отсюда все же не следует, что правительство должно полностью отказаться от контроля за способом, посредством которого эти ассоциации будут вести свое дело. Есть множество случаев, в которых учреждение, занимающееся определенной деятельностью, независимо от того, что оно представляет собой, по самому характеру этой деятельности окажется единственным в своем роде, т. е. множество случаев, в которых нельзя устранить существование монополии со всей принадлежащей ей властью облагать общество поборами. Я уже не раз ссылался на газовые и водопроводные компании, между которыми в действительности нет никакой конкуренции, хотя допускается абсолютная свобода конкуренции, и которые, как показывает опыт, менее досягаемы для частных жалоб и несут меньшую ответственность, чем правительство. Здесь на величину расходов не оказывает соответствующего влияния существование нескольких предприятий; и плата за услуги, без которых невозможно обойтись, явится, в сущности, таким же налогом, как если бы она устанавливалась законом; найдется не так много домовладельцев, которые проводили бы различие между уплачиваемой ими платой за пользование водой и другими местными налогами. В отношении этих особых услуг большая часть доводов говорит за то, чтобы они исполнялись, подобно мощению и уборке улиц, конечно же, не органами общегосударственного управления, а муниципальными властями городов и чтобы расходы на оказание этих услуг покрывались, как это и делается теперь, местным налогом. Но во многих аналогичных случаях, когда ведение дел лучше предоставить частной предприимчивости, общество нуждается еще в иной гарантии надлежащего исполнения услуги, чем выгоды предпринимате-

интерес к политике и столь же большие способности к ней, как и мужчины — их современники. Так, например, в тот период истории, когда жили Изабелла Кастильская и Елизавета Английская, они были не редким исключением, но всего лишь блестящими примерами духа и способностей, весьма широко распространенных в Европе среди занимавших высокое положение и образованных женщин.

ля; и правительство должно либо подчинить частное предпринимательство разумным условиям деятельности, обеспечивающим общую выгоду, либо сохранять за собой такую власть над частным предпринимательством, чтобы по крайней мере выгоды от монополии могли доставаться обществу. Это относится к шоссейным и железным дорогам или к каналам. Такие предприятия на практике являются в значительной степени монопольными; и правительство, предоставляющее такую монополию частной компании без каких-либо условий и оговорок, поступает в значительной степени так же, как если бы оно разрешило частному лицу или какому-нибудь товариществу взимать в свою пользу какой им заблагорассудится налог на весь производимый в стране солод или на весь импортируемый в страну хлопок. Предоставление концессии на ограниченное время в общем оправдано на основании того же принципа, как и выдача патента на изобретения. Но в подобных случаях государству следует либо сохранять за собой право на определенных условиях получить назад столь важное для общества предприятие, либо удерживать за собой и осуществлять право устанавливать максимальный размер платы за проезд и провоз грузов и время от времени изменять этот максимум. Необходимо, по-видимому, заметить, что государство может быть собственником каналов и железных дорог, не занимаясь непосредственно их эксплуатацией, и что почти всегда компании, арендующие у государства железную дорогу или канал на определенное время, будут лучше эксплуатировать их.

§ 12. На четвертое исключение я прошу обратить особое внимание, потому что, как мне представляется, этот случай до сих пор еще не привлек к себе достаточного внимания политэкономов. Есть вещи, вмешательство закона в которые необходимо не для того, чтобы вообще отвергать суждение отдельных лиц относительно их собственных интересов, но чтобы придать этому суждению реальную силу, ибо сами лица не могут сделать это иначе, чем по соглашению между собой, ну а это соглашение не будет действительным, если не получит правового признания и не будет санкционировано законом. Для иллюстрации и ничего не предрешая в данном конкретном случае, я могу упомянуть вопрос о сокращении продол-

жительности рабочего дня. Предположим — как это мы всегда можем сделать независимо от того, бывает ли так в действительности или нет, — что сокращение общей продолжительности рабочего дня у фабричных рабочих — скажем, с 10 до 9 часов⁶, — было бы выгодно рабочим, т. е. что они за 9 часов работы получали бы такую же или почти такую же заработную плату, какую получают за 10-часовой рабочий день. Если бы сокращение рабочего дня имело именно такой результат и если бы фабричные рабочие вообще были уверены в нем, то, пожалуй, можно сказать, что подобное сокращение было бы воспринято ими стихийно. Я же возражу, что оно не будет принято, если рабочие не дадут друг другу обязательства соблюдать его. Рабочий, отказывающийся трудиться более 9 часов, тогда как другие работают по 10 часов, либо вообще останется без работы, либо вынужден будет согласиться с уменьшением своего заработка на $\frac{1}{10}$. Поэтому, как бы он ни был убежден в том, что трудящимся классам выгоднее работать меньше, все же подавать пример в этом деле будет противно его собственным интересам, если у него не будет твердой уверенности в том, что все или большинство других рабочих последуют его примеру. Но представим себе, что весь класс рабочих вступил в такое соглашение: будет ли иметь успех оно без соответствующей санкции закона? Нет, если общественное мнение не станет поддерживать это соглашение со строгостью, равной строгости закона. Ибо, как бы ни было выгодно соблюдение данного постановления для всего класса вообще, непосредственный интерес каждого отдельного лица требует его нарушения: и чем многочисленнее те, кто соблюдает это правило, тем больше будут выигрывать отдельные лица от его несоблюдения. Если бы почти все рабочие ограничили свой рабочий день 9 часами, то те, кто решил бы работать 10 часов в день, получили бы всю выгоду от ограничения вместе с выгодой от нарушения его; за 9 часов труда они получили бы десятичасовую заработную плату и, кроме того, еще заработную плату за 1 час труда. Я допускаю, что если бы огромное большинство придерживалось 9-часового рабочего дня, то от этого уклонения не

⁶ [Первоначальный вариант: «с 12 до 10» (1848 г.) был изменен на нынешний и в остальном тексте параграфа были сделаны соответствующие изменения в 5-м издании (1862 г.).]

было бы никакого вреда: выгода подобного сокращения была бы обеспечена для всего класса, тогда как те отдельные лица, которые предпочли бы трудиться больше и больше зарабатывать, имели бы возможность делать это. Разумеется, такого положения вещей следует желать и если предположить, что сокращение рабочего дня без какого-либо уменьшения заработной платы может произойти, не сопровождаясь вытеснением производимого товара с некоторых рынков — что в каждом конкретном случае явится вопросом факта, а не принципа, — то следует желать, чтобы этот результат был достигнут путем тихого изменения обычая, существующего в той или иной отрасли производства; чтобы сокращенный рабочий день стал — в силу свободного соглашения — общей практикой, но чтобы те, кто предпочтет уклониться от такого обычая, имели бы полнейшую свободу делать это. Но, вероятно, трудиться 10 часов в день на лучших условиях захочет такое большое число рабочих, что ограничение рабочего дня нельзя будет поддерживать в качестве общей практики: то, что одни стали бы делать по доброй воле, другие вскоре были бы вынуждены делать по необходимости, и те, кто пожелал бы работать больше часов ради больших заработков, в конце концов оказались бы принуждены трудиться в течение более продолжительного периода времени, получая за это плату не больше прежней. Итак, если мы предположим, что каждый действительно заинтересован работать только по 9 часов в день, и если он будет уверен в том, что все остальные станут поступать так же, то и тогда рабочие смогут достигнуть этого не иначе, как договорившись превратить свое взаимное согласие в обязательство под угрозой установленного законом наказания. Здесь я отнюдь не высказываюсь в пользу подобного закона, которого в Англии никто никогда не требовал и который я при нынешних обстоятельствах, разумеется, не стал бы рекомендовать⁷; но такая мера служит иллюстрацией того, каким образом отдельные

⁷ [Слова «которого в Англии никто никогда... не стал бы рекомендовать» были внесены в 5-е издание (1862 г.). Движение за установление девятичасового рабочего дня возникло в 70-х годах XIX в. Продолжительность рабочей недели для женщин, подростков и детей, работавших на текстильных фабриках, была сокращена законом 1874 г. до 56,5 час., а законом 1901 г. — до 55,5 час. В 1908 г. был принят закон о 8-часовом рабочем дне для горняков.]

классы людей могут нуждаться в помощи закона для реализации общего продуманного мнения относительно их собственной выгоды, — реализации, направленной на то, чтобы предоставить каждому отдельному лицу гарантии того, что его соперники будут вести себя так же, как и он сам, без чего отдельное лицо не может без ущерба для себя придерживаться определенной линии поведения.

Другим пояснением действия того же принципа служит так называемая уэйкфилдова система колонизации. Система эта основана на том важном соображении, что степень производительности земли и труда зависит от существования между ними надлежащей пропорции; что если узкий круг лиц пытается занять и присвоить большой участок во вновь заселяемой стране или если каждый работник слишком быстро становится владельцем земельного участка и земледельцем, то происходит потеря производительной силы и значительное замедление прогресса богатства и цивилизации колонии; что, несмотря на это, инстинкт присвоения (если можно так выразиться) и чувства, связанные в старых странах с земельной собственностью, побуждают почти каждого эмигранта приобретать такое количество, какое позволяют ему его средства, и заставляют каждого работника сразу же превращаться в собственника, обрабатывающего свою землю лишь с помощью членов своей семьи. Если бы это стремление к обладанию землей можно было в какой-то мере ослабить, а каждого работника побудить проработать определенное число лет по найму, прежде чем он станет землевладельцем, то благодаря этому можно было бы постоянно иметь в наличии определенное число наемных работников для строительства дорог, каналов, производства ирригационных работ и т. п., а также для организации различных отраслей городской промышленности и ведения соответствующих производств. По этой причине работник, становясь в конце концов собственником земли, нашел бы, что его земля стала гораздо более ценной благодаря наличию доступа к рынкам и легкости получения наемной рабочей силы. Поэтому Уэйкфилд предлагает сдерживать преждевременное занятие земли и рассредоточение населения посредством установления более высокой цены на все незанятые земли, выручку от продажи которых следует расходовать на перевозку работников, эмигрирующих из метрополии.

Однако против этой полезной меры выдвигали возражения во имя и на основе той точки зрения, выдаваемой за великий принцип политической экономии, что лучшим судьей своих собственных интересов является сам человек. Утверждалось, что в тех случаях, когда вещи предоставлены самим себе, люди по собственному усмотрению присваивают и занимают землю в таких количествах и в такое время, которые наиболее удобны для каждого отдельно взятого лица, а следовательно, и для общества в целом; и что воздвигать искусственные препятствия к приобретению поселенцами земли — значит мешать их избирать тот путь, который, по их собственному суждению, наиболее выгоден для них, исходя при этом из самонадеянного убеждения законодателя в том, что он лучше, чем сами люди, знает, какой путь более всего отвечает их интересам. Но это совершенно полное непонимание либо самой системы Уэйкфилда, либо того принципа, с которым, как утверждают, эта система вступает в противоречие. В данном случае совершают ошибку, сходную с той, существование которой мы только что показали на примере с сокращением продолжительности рабочего дня. Как бы ни было полезно для колонии в целом и для каждого ее отдельного члена, чтобы никто не занимал земли больше, чем в состоянии должным образом обработать, и не становился землевладельцем до тех пор, пока не появятся другие работники, готовые занять его место среди работающих по найму, отдельное лицо никогда не будет заинтересовано в соблюдении подобного воздержания, если оно не будет уверено в том, что и другие будут поступать таким же образом. Когда это лицо окружено поселенцами, каждый из которых владеет 1000 акров земли, какая выгода ему ограничивать свою собственность 50 акрами земли? Или что выиграет работник, откладывающий приобретение земли вообще на несколько лет, если все другие работники спешат обратить свои первые заработки в покупку земель в пустынной местности на расстоянии нескольких миль друг от друга? Если они, захватывая земли, препятствуют образованию класса наемных рабочих, то и этот отдельный работник, откладывая время приобретения земли в свою собственность, окажется не в состоянии использовать землю, когда он ее наконец получит с большой для себя выгодой. Следовательно, зачем же ему, оставаясь наемным рабочим, ставить себя в положение,

которое и для него самого и для других кажется низким, когда все вокруг него становятся собственниками? Каждому выгодно делать то, что хорошо для всех, но только тогда, когда и другие поступают подобным же образом.

Принцип, гласящий, что каждый — наилучший судья своих собственных интересов, как понимают его люди, возражавшие против вышеуказанной меры, служил бы доказательством того, что правительства не должны исполнять ни одной из их общепризнанных обязанностей, и, пожалуй, в действительности их не должно быть вообще. Как общество в целом, так и его члены весьма заинтересованы в том, чтобы в нем никто друг друга не грабил и не обманывал, но тем не менее необходимо, чтобы грабеж и обман наказывались законом. Ведь хотя каждому выгодно, чтобы его никто не грабил и не обманывал, все же никто не будет заинтересован в том, чтобы воздерживаться от грабежа и обмана других, когда всем другим дозволено грабить и обманывать его самого. Главным образом по этой причине и существует уголовное законодательство, потому что даже при единодушном убеждении в том, что определенная линия поведения выгодна с точки зрения общего интереса, отдельные лица не всегда проявляют заинтересованность в соблюдении этой линии поведения.

§ 13. В-пятых, довод, приводимый против правительственного вмешательства и основанный на принципе, согласно которому наилучшим судьей своих собственных интересов является сам человек, неприложим к весьма большой категории тех случаев, когда действия отдельных лиц, на вмешательство в которые правительство оставляет за собой право, совершаются не ради их собственных интересов, а ради выгоды других людей. Сюда относятся, помимо прочего, важный и вызывавший большие споры вопрос об общественной благотворительности. Хотя в общем и следует предоставлять людям возможность самим делать для себя все то, что, как можно основательно полагать, они в состоянии сделать, тем не менее в случаях, когда они никоим образом не могут быть предоставлены самим себе, а нуждаются в помощи со стороны, возникает вопрос: лучше ли, чтобы они получали эту помощь исключительно со стороны частных лиц и, следовательно, неопределенно и случайно, или же в рамках систематиче-

ских мероприятий, при осуществлении которых общество действует через свой орган, т. е. через государство.

Это приводит нас к проблеме законов о вспомоществований бедным — проблеме, которая имела бы гораздо меньшее значение, если бы привычки всех классов общества были умеренны и благоразумны, а собственность — удовлетворительно рассеяна в обществе; но когда, подобно тому как на Британских островах, положение дел в обоих отношениях бывает совершенно обратным, эта проблема приобретает исключительно важное значение.

Помимо тех или иных метафизических соображений по поводу основ морали или общественного союза, каждый признает справедливым, что люди должны помогать друг другу, и тем больше, чем настоятельнее эта потребность в помощи, и что никто так сильно не нуждается в ней, как голодающий. Поэтому право на помощь, порожденное нищетой, является одним из самых неоспоримых прав, какие только могут существовать: и *prima facie* (с первого взгляда) совершенно очевидно, что помощь, оказываемая людям, терпящим столь крайнюю нужду, должна быть обеспечена им в той мере, в какой ее могут обеспечить те или иные мероприятия, осуществляемые обществом.

Вместе с тем во всех случаях оказания помощи следует принять во внимание два рода последствий: последствия самой помощи и последствия расчета на помощь. Первые из вышеназванных последствий обычно полезны, вторые по большей части вредны, во многих случаях настолько вредны, что этот вред существенно превосходит пользу. И это чаще всего происходит как раз в тех случаях, когда люди настоятельнее всего нуждаются в помощи. Ни на чем так вредно не отражаются расчеты людей на постоянную помощь со стороны других, как на средствах к существованию, и, к несчастью, люди ничему иному с такой легкостью не выучиваются, как рассчитывать на эту помощь. Поэтому здесь приходится решать одну из самых неотложных и одновременно трудных задач: каким образом предоставить максимальный объем необходимой помощи, в минимальной степени поощряя людей к тому, чтобы они не слишком полагались на нее.

Впрочем, энергия и привычка полагаться на собственные силы могут страдать как от избытка, так и отсутствия помощи. Для трудолюбия даже более пагубно отсутствие у людей надежды добиться успеха за счет собственных

усилий, чем уверенность в успехе, достигнутом без каких-либо усилий. Когда какой-нибудь человек оказывается в столь катастрофическом положении, что силы его парализуются отчаянием, помощь является тонизирующим, а не успокоительным средством: она стимулирует, а не заглушает способности человека действовать, однако при том непрременном условии, чтобы эта помощь не заменяла необходимости самопомощи, т. е. не подменяла бы собой собственный труд человека, его мастерство и благоразумие, а лишь укрепляла бы в человеке надежду на достижение успеха при помощи указанных законных средств. Именно с этой точки зрения и следует рассматривать все филантропические и благотворительные проекты независимо от того, предназначены ли они на благо отдельных лиц или целых классов и осуществляются ли они на началах добровольного пожертвования или правительством.

В той мере, в какой данный вопрос допускает выведение какого-либо общего принципа или общего правила, оно должно состоять, по-видимому, в следующем: если помощь предоставляется таким образом, что положение лица, получающего ее, оказывается не хуже положения человека, обходившегося без таковой, и если к тому же на эту помощь могли заранее рассчитывать, то она вредна; но если, будучи доступной для каждого, эта помощь побуждает человека по возможности обходиться без нее, то она в большинстве случаев полезна. Этот принцип в применении к системе общественной благотворительности как раз и являет собой принцип закона 1834 г. о бедных. Если человек, получающий помощь, ставится в такое же хорошее положение, как и работник, своим трудом обеспечивающий себе средства к существованию, то такая система подрывает в корне всякое индивидуальное трудолюбие и самообладание; и если она была бы логически претворена в жизнь, то в качестве дополнения потребовала бы организовать систему принуждения для того, чтобы управлять рабочими и понуждать их к работе, подобно скоту, поскольку они не испытывали бы влияния тех побудительных мотивов, которые заставляют людей действовать. Но если бы закон, избавляя всех от нужды, одновременно ставил бы лиц, живущих за счет общественной благотворительности, в гораздо худшее положение, чем те, кто содержит себя собственным трудом, то он

имел бы только благотворные последствия, поскольку он не позволял бы умереть от нехватки пищи иначе, как по своей воле. То, что по крайней мере в Англии эта идея может быть реализована, доказывается как опытом многих лет, предшествовавших концу прошлого века, так и недавним «примером» многих дошедших до крайней нищеты округов, которые благодаря принятию строгих правил отправления закона о бедных были избавлены от нищеты к большой и постоянной выгоде всех трудящихся классов. Вероятно, нет такой страны, в которой законное обеспечение нельзя было бы — путем изменения средств сообразно характеру народа — доставить неимущим с соблюдением условий, от которых зависит, чтобы данная помощь была безвредной.

Признавая эти условия, я вместе с тем считаю в высшей мере желательным, чтобы обеспечение средств к существованию для неимущих, но способных к труду людей скорее зависело от закона, чем от частной благотворительности. Во-первых, благотворительность почти всегда делает или слишком много или слишком мало: она расточает свою щедрость в одном месте и оставляет людей умирать с голоду в другом. Во-вторых, поскольку государство по необходимости должно содержать неимущего преступника, пока он отбывает свое наказание, то не делать того же для бедняка, не совершившего никакого преступления, значит вознаграждать за преступление. И наконец, если предоставить бедняков благотворительности частных лиц, то это неизбежно существенно увеличит размеры нищенства⁸. Частной благотворительности государство может и должно уступить обязанность делать различие между отдельными случаями действительной нищеты. Частная благотворительность может давать больше тому, кто в большей мере заслуживает ее. Государство же должно руководствоваться в своей деятельности общими правилами. Оно не может брать на себя обязанность проводить различия между бедняком, заслуживающим помощи, и бедняком, не заслуживающим ее. Первому оно не обязано предоставлять что-либо сверх того, что необходимо для его существования, а второму — не может дать меньше. Все, что гово-

⁸ [Имевшаяся в первоначальном тексте пометка «и избавиться от этого важно — хотя бы ради справедливости» была опущена в 3-м издании (1852 г.).]

рится о несправедливости закона, который с человеком, обедневшим по несчастью, обращается не лучше, чем с тем, кто обеднел из-за своего дурного поведения, основано на непонимании сферы ведения закона и общественности. Те, кто распределяют общественную помощь, не должны быть инквизиторами. Попечителям и опекунам нельзя вверять право давать или не давать чужие деньги на основании их вердикта о нравственности лица, обращающегося за помощью; и предполагать, что подобные должностные лица, даже при обладании соответствующими качествами — что почти невозможно, — позаботятся о том, чтобы выяснить и тщательно разобрать прошлое поведение человека, впавшего в нужду, и на этой основе составить правильное представление о нем, значило бы проявить изрядное незнание привычек людей. Частная благотворительность может проводить такие различия и, раздавая свои деньги, вправе поступать так, как ей заблагорассудится. Следует помнить, что это и есть область, относящаяся исключительно к компетенции частной благотворительности, и что эта последняя будет заслуживать одобрения или нет в зависимости от того, с какой предусмотрительностью — большей или меньшей — она исполняет свою обязанность. От попечителей же общественных сумм нельзя требовать, чтобы они давали кому-нибудь больше того минимума, какой они обязаны давать даже самому плохому человеку. В противном случае снисходительность превратится в общее правило, а отказ в большей или меньшей степени явится капризным и произвольным исключением. [См. Приложение LL].

§ 14. Другую категорию случаев, подпадающих под действие того же общего принципа, что и общественная благотворительность, составляют те случаи, в которых действия частных лиц, хотя и рассчитанные единственно на то, чтобы принести выгоду самим этим индивидуумам, влекут за собой несравненно более обширные последствия для интересов нации или потомков, интересов, обеспечить которые может и должно одно лишь общество как единое целое. Один из таких случаев представляет собой колонизация. Если желательно — чего никто не станет отрицать, — чтобы при основании колоний руководствовались не просто вниманием к частным интересам первооткрывателей, но продуманной заботой о прочном благосостоянии

наций, которые впоследствии возникнут из этих скромных начинаний, то подобную заботу можно осуществить только в том случае, если данное предприятие с самого начала будет подчинено правилам, выработанным предусмотрительными и широко мыслящими законодателями-философами. И одно лишь правительство обладает возможностью формулировать такие правила или принуждать к их соблюдению.

Вопрос о правительственном вмешательстве в дело колонизации сопряжен с будущими и постоянными интересами самой цивилизации и гораздо шире сравнительно узких пределов чисто экономических соображений. Но даже если принять во внимание только эти соображения, то перемещение населения из перенаселенных частей земной поверхности в незаселенные является одним из тех в высшей степени полезных для общества дел, которые более всего требуют правительственного вмешательства и в то же время лучше всего вознаграждают это вмешательство.

Для того чтобы оценить выгоды колонизации, ее следует рассматривать применительно не к одной отдельно взятой стране, а к совокупным экономическим интересам всего человечества. Вопрос о колонизации обычно рассматривают исключительно только как проблему распределения, проблему разгрузки одного рынка рабочей силы от ее избытка и обеспечения ею другого. Это так, но проблема колонизации есть также вопрос производства и наиболее эффективного использования производительных ресурсов мира. Много говорилось о том, что выгодно ввозить товары оттуда, где их можно купить по самой низкой цене, тогда как о том, что выгоднее производить товары там, где их производство обходится дешевле всего, задумывались до сих пор сравнительно мало. Если доставка потребительских товаров из мест, где они имеются в изобилии, в места, где ощущается нехватка их, считается хорошей денежной спекуляцией, то разве не будут ею аналогичные операции с рабочей силой и орудиями труда? Вывоз рабочей силы и капитала из старых стран в новые, из мест, где их производительная сила меньше, в места, где она будет больше, пропорционально этой разнице увеличивает мировой совокупный продукт труда и капитала. Такой вывоз вызывает столь быстрый прирост совокупного богатства старой и новой страны, что он за короткий

отрезок времени во много раз превзойдет издержки осуществления подобной перевозки. Можно без всякого колебания утверждать, что при нынешнем состоянии мира колонизация является одним из наивыгоднейших деловых предприятий, в котором могут участвовать капиталы старой и богатой страны.

Однако столь же очевидно, что осуществление колонизации как крупномасштабного предприятия может взять на себя либо только правительство, либо какое-то объединение частных лиц, действующих в полном взаимопонимании с правительством. Исключения возможны здесь лишь при таких совершенно особенных обстоятельствах, как те, которые следовали за ирландским голодом⁹. Эмиграция, происходящая на основе принципа добровольности, редко оказывает сколько-нибудь существенное влияние на облегчение бремени, лежащего на населении в старой стране, хотя, без сомнения, по мере своего развития эмиграция приносит пользу колонии. Трудящиеся, эмигрирующие добровольно, редко бывают очень бедными. Это преимущественно мелкие фермеры с небольшим капиталом или рабочие, которые кое-что сэкономили и которые, изымая с переполненного рынка свою собственную рабочую силу, берут из капитала страны часть, позволявшую, помимо них, содержать и обеспечивать работой дополнительное число рабочих. Кроме того, численность этой части общества настолько ограничена, что она может переселиться целиком, не оказав при этом сколько-нибудь ощутимого влияния ни на общую численность населения, ни даже на его ежегодный прирост. Более или менее значительная эмиграция рабочей силы практически возможна лишь тогда, когда необходимые для этого средства выплачиваются или предоставляются в ссуду не из имущества самих эмигрантов, а из какого-нибудь иного источника. Кто же в таком случае должен давать средства для эмиграции работников? Нам могут сказать: разумеется, капиталисты колонии, которые нуждаются в рабочей силе и намереваются использовать ее. Но на пути такого решения имеется препятствие, заключающееся в том, что капиталист, осуществив расходы на перевозку работников, не

⁹ [Это исключение было внесено в 5-е издание (1862 г.). В следующей строке слова «не может иметь» в 3-м издании (1852 г.) были заменены словами «редко оказывает».]

имеет никакой гарантии в том, что именно он получит из этого выгоду. Даже если бы все капиталисты колонии объединились и оплачивали расходы по перевозке работников за счет средств, собранных по подписке, то и тогда они все равно не имели бы никакой гарантии в том, что работники, прибыв на место, будут продолжать трудиться на них. Проработав короткое время и заработав несколько фунтов стерлингов, работники, если только им не препятствует правительство, расселяются на незанятых землях и работают только на самих себя. Неоднократно проводили эксперименты относительно того, возможно ли добиться соблюдения эмигрантами трудовых соглашений или требовать от них возврата денег за проезд тому, кто их предоставил. Однако хлопоты и расходы всегда превосходили полученные выгоды. Еще одним источником получения средств для эмиграции и являются добровольные пожертвования приходов и отдельных лиц с целью избавиться от лишних работников, которые уже получают пособия из налога в пользу бедных или могут потребовать таковое. Если бы это дело получило широкое распространение, то оно могло бы привести к эмиграции в объеме, достаточном для того, чтобы избавиться от населения, не имеющего на данный момент работы, но не достаточном для того, чтобы поднять заработную плату тем, кто имеет работу; и меньше чем через одно поколение пришлось бы повторять то же самое.

Одной из главных причин, в силу которых колонизация должна быть национальным предприятием, является то, что за необычно редкими исключениями только таким путем эмиграция может осуществляться на те средства, которые она же сама и дает. Как мы уже отмечали ранее, вывоз капитала и рабочей силы в новую страну представляет собой одно из наиболее выгодных коммерческих предприятий; было бы нелепо полагать, что оно не окупит, подобно другим коммерческим предприятиям, расходов на него. Нет никаких причин, в силу которых нельзя было бы взять определенную достаточную долю обусловленного вывозом капитала и рабочей силы огромного прироста мирового продукта и использовать ее для компенсации затрат, связанных с организацией эмиграции. По причинам, уже изложенным, никакое частное лицо, никакая группа лиц не могут возместить себе свои затраты; однако правительство может это сделать. Оно может из ежегодного при-

роста богатства, вызванного эмиграцией, брать долю вполне достаточную для того, чтобы с процентами возместить то, что стоила эмиграция. Расходы по эмиграции в колонию должна нести сама колония, что вообще возможно только в тех случаях, когда подобные расходы несет колониальное правительство.

Из всех способов, посредством которых в колонии можно собирать капитал для обеспечения колонизации, ни один не сравним по своим удобствам с тем, который впервые предложил и затем с таким умением и настойчивостью отстаивал Уэйкфилд, с проектом установления цены на всю незанятую землю и передачи полученных от ее продажи средств на финансирование эмиграции. Ответ на безосновательные и педантичные возражения, выдвигаемые против этого проекта, дан в одной из предшествующих частей настоящей главы. Теперь мы должны сказать о его преимуществах. Во-первых, он позволяет устранить трудности и недовольство, сопряженные с ежегодным взиманием крупной суммы посредством налога; это — вещь почти невозможная в условиях исключительной разбросанности населения в пустынной местности, населения, состоящего из колонистов. Как показал опыт, принуждать таких колонистов к платежу прямых налогов стоит слишком дорого, расходы тут будут больше самого дохода. В то же время во вновь заселяемой стране косвенные налоги очень быстро достигают своего предела. Таким образом, продажа земли — самый легкий способ получения необходимых средств. Но она имеет и другие, еще более значительные достоинства. Продажа земли служит благотворным противодействием наблюдающейся в среде колонистов тенденции воспринимать вкусы и наклонности, присущие жизни дикарей, и расселяться на таких обширных территориях, что утрачиваются все преимущества, предоставляемые торговлей, рынками, разделением занятий и объединением труда. Ставя тех, кто эмигрировал за счет собранного таким путем фонда, перед необходимостью заработать изрядную сумму, прежде чем они смогут стать землевладельцами, продажа земли поддерживает постоянную смену наемных работников, которые в любой стране являются важнейшей подсобной рабочей силой даже для крестьян — собственников земли; а умеряя страсть земельных спекулянтов расширять свои владения, она удерживает поселенцев на близком расстоянии друг от друга,

что способствует развитию сотрудничества, устраивает многочисленные группы поселенцев на доступном расстоянии каждой из них от их центра внешней торговли и сельскохозяйственного производства, обеспечивает образование и стремительный рост городов и городского производства. Эта концентрация населения по сравнению с его разбросанностью, неизменно появляющейся в тех случаях, когда незанятую землю можно получить даром, в огромной мере ускоряет достижение состояния процветания и увеличивает тот фонд, из которого можно черпать средства на дальнейшую эмиграцию. До принятия системы Уэйкфилда первые годы существования всех новых колоний были исполнены всевозможных тягот и трудностей, одним из самых характерных примеров является поселение Свон-Ривер, последняя из основанных в соответствии со старым принципом колоний. Вся последующая колонизация велась по системе Уэйкфилда, впрочем, не в полной мере¹⁰, так как на эмиграцию шла лишь часть средств, вырученных от продажи земли. И все же повсюду, где колонизация велась по этой системе, как, например, в Южной Австралии, Виктории и в Новой Зеландии, препятствия, обусловленные большой разбросанностью поселенцев, и приток капитала, вызванный уверенностью капиталистов в том, что они смогут получить наемную рабочую силу, породили вопреки множеству затруднений и плохому управлению столь внезапный стремительный рост, что он более походит на сказку, чем на действительность^{*11}

¹⁰ [Из 3-го издания (1852 г.) опущены слова: «в общем, устанавливая слишком низкую цену земли и...».]

* [1857 г.] Возражения, которые с таким ожесточением выдвигали в некоторых из колоний против уэйкфилдовой системы, в той мере, в какой они основательны, относятся не к самому принципу, а к некоторым положениям, которые не являются частью системы и совершенно бесполезно и ошибочно присоединены к ней; таково, например, положение о допуске к продаже только ограниченного количества земли, причем с аукциона и участками площадью не менее 640 акров, вместо продажи всей земли, которую просят продать, и предоставления покупателю неограниченной свободы выбора как в отношении количества, так и в отношении местонахождения земли, продаваемой по установленной цене.

¹¹ [Из 3-го издания был опущен следующий отрывок первоначального текста (1848 г.): «Старейшая из основанных по системе Уэйкфилда колоний, Южная Австралия, существует едва не полных (во 2-м издании (1849 г.) — «немногим более») двенадцать лет»; Порт-Филип (Виктория) «существует и того меньше; и в данный

Будучи однажды учреждена, система колонизации, поддерживаемая на собственные средства, с каждым годом будет становиться все эффективнее; ее успехи имеют тенденцию возрастать в геометрической прогрессии, потому что, пока колонизируемая страна не будет заселена полностью, каждый трудоспособный эмигрант в очень короткое время увеличивает ее богатство, помимо собственного потребления, настолько, что эта прибавка к богатству позволяет покрыть расходы на перевозку другого эмигранта; из этого следует, что чем большее число людей уже отправлено в колонию, тем больше людей можно будет посылать туда, так как каждый эмигрант закладывает основу для отправки следующей группы эмигрантов через короткие промежутки времени и без новых затрат; и так до тех пор, пока наконец колония не будет полностью заселена. Поэтому для метрополии было бы выгодно ускорить первые стадии этой прогрессии, предоставляя колониям займы для финансирования эмиграции которые должны погашаться из фонда, образующегося за счет средств от продажи земли. Авансируя таким образом средства для немедленного осуществления широкой эмиграции, метрополия имела бы тем самым наивыгоднейшее для колонии помещение этой суммы капитала, а труд и сбережения первых эмигрантов ускорили бы наступление периода получения крупных сумм от продажи земли. Но для того чтобы не переполнить рынок рабочей силы в колонии, следовало бы действовать совместно с теми, кто склонен переместить в колонию свой собственный капитал. Уверенность в том, что для столь производительной сферы деятельности будет иметься большое количество наемной рабочей силы, обеспечила бы эмиграцию значительных сумм капитала из страны, где, как и в Англии, прибыль низка, а накопление капитала идет быстрыми темпами; и только нужно было бы не отправлять туда одновременно большее число работников, чем то, которое может поглотить и обеспечить высокооплачиваемой работой этот капитал.

Так как при этой системе любой определенный объем однажды сделанных затрат будет давать средства не просто для одной волны эмигрантов, но для постоянного их

момент они являются, вероятно, теми двумя местами во всем известном мире, где труд, с одной стороны, и капитал — с другой, имеют самое высоко вознаграждение».]

потока, который по мере своего течения будет расти вширь и вглубь, то этот способ борьбы с перенаселенностью обладает достоинством, которого нет ни у одного из когда-либо предлагавшихся проектов предотвращения последствий роста населения без сдерживания самого этого роста. В данной системе есть элемент беспредельности: никто не может с абсолютной точностью предвидеть, насколько глубокое воздействие сможет оказать эта система как отдушина для отлива избыточного населения. Отсюда следует, что на правительстве страны со столь высокой плотностью населения, как в Англии, и владеющей незанятыми территориями лежит безусловная обязанность, действуя согласованно с правительствами колоний, возвести и держать открытым мост между метрополией и этими землями путем учреждения системы самофинансирующейся колонизации в таких размерах, чтобы эмиграция могла осуществляться в любое время без каких-либо затрат со стороны самих эмигрантов, причем такая, какую только могут принять в данный момент колонии.

Важность этих соображений в той мере, в какой они относятся к Британским островам, в последнее время существенно уменьшилась вследствие беспрецедентной по своим масштабам стихийной эмиграции из Ирландии, и притом эмиграции не только мелких фермеров, но и представителей беднейшего класса сельскохозяйственных рабочих, эмиграцией, которая одновременно была добровольной и осуществлялась на собственные средства, поскольку ее непрерывность была обеспечена за счет средств, пожертвованных ранее эмигрировавшими близкими и дальними родственниками выезжающих из страны людей. К этому прибавилось большое число людей, добровольно эмигрировавших в места, где было открыто золото. Эта эмиграция частично удовлетворяла потребности наших наиболее отдаленных колоний, где в силу как местных, так и национальных интересов приток эмигрантов был более всего необходим. Но поток обеих этих эмиграций уже значительно ослабел, и, хотя в последнее время переселение из Ирландии частично оживилось, все же нельзя утверждать, что для обеспечения беспрепятственного сообщения между находящимися в Англии и нуждающимися в работе людьми и имеющейся в других местах работой, ощущающей потребность в рабочих руках, не станет вновь необходимой систематическая помощь пра-

вительства, построенная на основе принципа самофинансирующейся колонизации¹².

§ 15. Принцип, указывающий на колонизацию и на помощь бедным как на случаи, к которым неприменимо главное возражение против правительственного вмешательства, распространяет свое действие также и на целый ряд таких случаев, когда возникает необходимость в предоставлении обществу важных услуг, однако нет никого, кто был бы особенно заинтересован в осуществлении этих услуг, да и само их выполнение не сопровождается при естественном или стихийном течении дел надлежащим вознаграждением. Возьмем, например, морскую экспедицию для географических или научных исследований. Требуемые от такой экспедиции сведения могут иметь огромную ценность для общества. Но ни одно частное лицо не извлечет из нее такой выгоды, которая бы возместила расходы на снаряжение экспедиции; и нет способа, позволявшего бы брать налог с лиц, получающих выгоду от этих сведений, для вознаграждения лица, доставившего их. Подобные экспедиции предпринимаются или могли бы предприниматься на средства, собранные по частной подписке, но это редко используемый и ненадежный источник финансирования. Более частыми были случаи, когда расходы брали на себя правительственные компании или филантропические ассоциации; но вообще такие предприятия проводят за счет правительства, которое таким образом получает возможность доверить их осуществление тем лицам, которые, по его мнению, наиболее пригодны для выполнения этой задачи. Также в обязанности правительства входят строительство и содержание маяков,

¹² [Упоминание об ирландской эмиграции было внесено в 3-е издание (1852 г.) и завершалось следующими словами: «Пока эта эмиграция продолжает идти потоком столь же широким и глубоким, как и ныне, главной задачей, выполнение которой требуется от правительства, было бы направление части эмигрантов в те регионы (в такие, как Австралия), в которых в силу и местных, и национальных интересов они более всего нужны, но которых эмиграция в своем стихийном движении не достигает в достаточной степени». В 4-м издании (1857 г.) эти слова были заменены упоминанием об эмиграции на золотые прииски. Уменьшение эмиграционного потока было отмечено в 5-м издании (1862 г.), а частичное оживление ирландской эмиграции — в 6-м издании (1865 г.).]

установка буев и многое другое, что обеспечивает безопасность навигации; невозможно заставить судно, которому свет маяка принес пользу, платить пошлину за то, что оно получило эту пользу. По этой причине никто не стал бы сооружать маяка для личной выгоды, если бы не получал вознаграждения за счет принудительного сбора, устанавливаемого государством. Многие научные исследования, имеющие огромную ценность для каждой нации и для всего человечества, требуют от людей, которые в других областях могли бы получить высокое вознаграждение за свои услуги, постоянных затрат времени и труда, а нередко и больших материальных расходов. Если бы правительство не обладало властью и правом компенсировать расходы и давать вознаграждение за время и труд, использованные таким образом, то подобными исследованиями могли бы заниматься лишь немногие люди, которые, располагая дающим независимость состоянием, совмещали бы в себе технические знания, трудолюбие и либо огромный патриотизм, либо горячее желание удостоиться научной славы.

С этой проблемой связан также и вопрос об обеспечении посредством окладов, или жалований, содержания так называемого класса ученых. Разработка теоретических знаний, хотя и является одним из самых полезных занятий, остается услугой, оказываемой не отдельным людям, а обществу в целом, и, следовательно, услугой, оплату которой резонно *prima facie* (с первого взгляда) требовать от общества в целом, поскольку оказание этой услуги не дает права на получение денежного вознаграждения от какого-либо частного лица; и если для вознаграждения за такие услуги не будет даваться обеспечение из какого-то государственного фонда, то они не только не будут иметь никакого поощрения, но и отобьют всякую охоту у людей заниматься подобным делом, так как окажется невозможным добывать средства к существованию за счет подобных занятий и, следовательно, большинство людей, способных выполнять такую работу, должно будет тратить большую часть своего времени на добывание средств к существованию. Впрочем, данное зло в действительности меньше, чем кажется. Как мы уже говорили, величайших результатов добывались в этой области обычно те, кто имел в своем распоряжении минимум свободного времени; и отведение ежедневно нескольких часов обыденным занятиям

зачастую оказывалось совместимым с самыми блистательными достижениями в литературе и философии. И все же есть исследования и эксперименты, требующие не только продолжительных, но и постоянных затрат времени и труда; есть также занятия, которые в такой мере сосредоточивают и утомляют умственные способности, что оказывается невозможным их энергичное использование в других делах даже в периоды досуга. Поэтому весьма желательно, чтобы существовал какой-нибудь способ, позволявший бы обеспечивать оказание обществу услуг со стороны ученых-исследователей и, возможно, некоторых других категорий ученых путем предоставления им средств к существованию в таком размере, который давал бы им возможность посвящать своим специфическим занятиям значительную часть своего времени. Университетские корпорации представляют собой учреждения, вполне подходящие для этой цели, но они едва ли когда-либо преследовали эту цель, поскольку места в них в лучшем случае предоставляются в награду за прежние успехи, в память того, что было сделано другими, а не как вознаграждение за будущие труды в деле развития науки. В некоторых странах академиям наук, древностей, истории и т. п. соответствующие средства были дарованы при их учреждении. По-видимому, самым эффективным и в то же время наименее подверженным злоупотреблениям способом было бы предоставление профессорских мест, с которыми сопряжена обязанность преподавать. Преподавание в той или иной области знания, по крайней мере в его высших разделах, является скорее подспорьем, нежели препятствием к систематической разработке самой этой области. Обязанности, связанные со званием профессора, почти всегда оставляют много времени для самостоятельных исследований; и величайшие успехи, достигнутые в различных нравственных и естественных науках, — это заслуга тех, кто преподавал эти науки. Так было начиная с Платона и Аристотеля и кончая великими именами профессоров шотландских, французских и германских университетов. Я не упоминаю об английских университетах, потому что в них, как известно, профессорское звание было почти номинально. Кроме того, если взять чтение профессором лекций в крупном учебном заведении, то и в этом случае общество имеет возможность судить если и не о качестве преподавания, то по крайней мере о спо-

собностях и трудолюбии самого преподавателя; злоупотреблять правом назначения на подобные должности труднее, нежели раздавать пенсии и жалованья лицам, которые не находятся столь непосредственно на виду у общества.

В общем можно сказать, что правительство должно брать на себя все то, выполнение чего желательно для общих интересов человечества и грядущих поколений или для текущих интересов членов общества, которые нуждаются в помощи со стороны, если все это по природе своей не может вознаградить частных лиц или общество, приложивших свои усилия. Однако, прежде чем браться за такие дела, правительствам следует определить, возможно ли исполнение дела на основе так называемой частной инициативы и не будет ли оно разрешаться силами правительства лучше и успешнее, нежели рвением и щедростью частных лиц.

§ 16. Как я могу судить, сказанное выше охватывает все исключения из того практического принципа, согласно которому дела общества наилучшим образом могут быть выполнены на основе частной и добровольной деятельности. Необходимо, впрочем, добавить, что на практике правительственное вмешательство не всегда можно ограничить тем пределом, который определяет случаи, по природе своей подходящие для подобного вмешательства. В конкретных обстоятельствах, характерных для определенной эпохи или определенного народа, могут быть такие исключительные обстоятельства, что едва ли найдется дело, действительно важное для общих интересов, в отношении которого правительственное вмешательство не было бы желательно или необходимо не потому, что частные лица не могли бы его успешно выполнить, но потому, что они не пожелают за него браться. В то или иное время, в тех или иных местах не было бы ни дорог, ни доков, ни гаваней, ни каналов, ни оросительных сооружений, ни больниц, ни школ, ни колледжей, ни типографий, если бы их не создавало правительство, поскольку общество либо слишком бедно для того, чтобы располагать необходимыми для этого средствами, либо в такой степени неразвито, что не в состоянии оценить их значение, либо же не имеет достаточных навыков совместных действий, чтобы уметь выбрать средства достижения желаемой цели. В большей или меньшей степени это справедливо по отношению ко

всем странам, привыкшим к деспотизму, а в особенности к тем, в которых между народом и правительством лежит огромная дистанция в уровне развития, как, например, в странах, завоеванных и остающихся в подчинении у более энергичного и развитого народа. Во многих частях света народ не может делать для себя ничего такого, что требует больших средств и совместных усилий: если только за такие дела не берется правительство, все они остаются неисполненными. В таких случаях правительство самым несомненным образом может продемонстрировать искренность своих забот о величайшем благе своих подданных тем, что станет исполнять дела, за которые ему приходится браться из-за беспомощности общества, таким образом, чтобы эта беспомощность исправлялась, а не усугублялась и не увековечивалась. Хорошее правительство станет оказывать помощь в такой форме, которая поощряет и развивает все, какие только можно обнаружить в людях, зачатки желаний к самостоятельной деятельности. Оно будет старательно устранять препятствия и обстоятельства, мешающие частной предприимчивости, предоставлять всевозможные льготы, давать указания и рекомендации, какие только могут оказаться необходимыми; когда возможно, его денежные средства пойдут на оказание помощи усилиям частных лиц, а не на пресечение этих усилий, и для стимулирования подобных усилий оно пустит в ход целую систему наград и почестей. В тех случаях, когда правительственную помощь предоставляют просто за отсутствием частной инициативы, ее следует оказывать с таким расчетом, чтобы она являлась, насколько это возможно, средством воспитания в народе искусства реализации больших целей посредством энергии отдельных лиц и добровольного сотрудничества.

Я не считал необходимым говорить здесь о той части обязанностей правительства, которые, по мнению всех, безусловно лежат на нем, а именно о функции преследовать и наказывать частных лиц за такое пользование свободой, которое явно наносит ущерб другим, независимо от того, выражается ли такое поведение в насилии, обмане или небрежности. Прискорбно думать, какая громадная часть усилий и способностей даже при наилучшем из достигнутых пока обществом состояний используется людьми только для того, чтобы сделать безвредными друг друга. Истинная цель правительства должна состоять в том, чтобы

максимально сократить эту бесполезную растрату сил. Для этого оно должно принимать меры, которые заставили бы энергию, теперь растрачиваемую людьми на нарушение чужих интересов или защиту своих интересов от подобных нарушений, обращаться к законному применению человеческих способностей, к тому, чтобы заставлять силы природы все более и более служить материальному и нравственному благу ¹³.

¹³ [См. Приложение ММ. «Компетенция государственной власти».]

Представление об истории экономических исследований и дискуссий после выхода в свет в 1848 г. «Основ политической экономии» Дж. Милля может дать — из сочинений на английском языке — единственная общая работа, а именно: P a l g r a v e. Dictionary of Political Economy (1894—1908), которая содержит много полезных статей как тематического, так и библиографического характера. Читателям, владеющим французским языком, некоторую помощь могут оказать кн.: B l o c k. Les Progrès de la Science Économique depuis Adam Smith (1890), представляющая собой строго ортодоксальную французскую школу, и работа: G i d e and R i s t. Histoire des Doctrines Économiques (1909), написанная с более современных позиций. Читающие на немецком языке, естественно, обратятся к труду: C o n r a d. Handwörterbuch der Staatswissenschaften, третье расширенное издание которого теперь выпускается. Они найдут также ряд хороших обзоров хода дискуссии по главным проблемам политической экономии в серии монографий под общим названием «Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im neunzehnten Jahrhundert» (1908).

А. Меркантилистская система (т. I, с. 87)

Данная Миллем характеристика этой системы базируется на работе Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» (кн. IV, гл. 1). В дальнейшем последовал большой поток трудов о меркантилизме и меркантилистской политике, результаты которых обобщены в кн.: R o s c h e r. Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland (1874), § 57, а затем в работе (позитивистского направления): I n g r a m. History of Political Economy (1888); S c h m o l l e r. The Mercantile System and its Historical Significance (1884), и в работах: «Grundriss der Allgemeinen Volkswirtschaftslehre»

(1900 г.), 1, § 39; Cunningham. Growth of English Industry and Commerce, vol. II, part 1. «The Mercantile System» (1903); Unwin. Industrial Organization in the Sixteenth and Seventeenth Centuries (1904). Одно из самых значительных меркантилистских сочинений — Mun. England's Treasure by Foreign Trade (1664) — недавно переиздано (1895).

В. Определение богатства (т. I, с. 91)

Определение Дж. Милля подвергалось критике с разных позиций в работах: Jevons. Principles of Economics (посмертное издание 1905 г.), p. 14; Nicholson. Principles of Political Economy (1893), vol. 1, введение; Ruskin. Unto this Last (1862), предисловие и Munera Pulveris (1863), предисловие. Последнюю характеристику «желательных вещей» см.: Marshall. Principles of Economics (1890; 5 th ed. 1907), book 2, ch. 2. В работе: Sidgwick. Principles of Political Economy (1883), book 1, ch. 2 автор указывает, что, хотя в Англии «богатство» обычно рассматривалось как самое фундаментальное понятие в политической экономии, там столь же широко был распространен взгляд, согласно которому «богатство» следует определять признаком обладания «ценностью», и поэтому более логично «начинать с попытки выработать точное представление об этом признаке». Трудности определения понятия «richesse», т. е. французского эквивалента слова «богатство», рассмотрены в работе: Gide. Cours d'Économie Politique (1909), p. 47. [Прежними французскими политэкономами это понятие употреблялось во множественном числе, как, например, в работе: Turgot. Réflexions sur la Formation et la Distribution des Richesses (1770, перевод Эшли, 1898)].

В немецком языке отсутствует такой всеобъемлющий термин, как «богатство», поэтому у немецких экономистов издавна было принято начинать с определения «благ» («Güter»), а следовательно, с «блага» («Gut»), применяя последний термин, преимуществ которого лишен современный английский лексикон. Характерные примеры мы находим в работах: Wagner. Lehrbuch der Politischen Oekonomie, Grundlagen (3rd ed. 1892), vol. 1, book 2, ch. 1, или: Conrad. Grundriss zum Stu-

dium der Politischen Oekonomie (6th ed., 1907), § 5. Выражения «блага», «экономические блага», «экономическое благо» и т. п. за последние годы проникли в английскую и еще того более в американскую экономическую литературу. См., например, Маршалл (упомянутое произведение), Clark. Essentials of Economic Theory (1907), ch. 2, ср. также: Pierson. Principles of Economics, part 1, ch. 1.

С. Типы общества (т. I, с. 105)

Дж. Милль мастерски сделал краткий набросок истории экономического развития человечества. Но с тех пор в области экономической истории были проведены многочисленные исследования, особенно немецкими учеными. Лучшим введением в предмет служит работа Schmöller. Grundriss, book 2. Весьма убедительный анализ некоторых аспектов этой темы дан в кратком разделе кн.: Bücher. Entstehung der Volkswirtschaft. В этот анализ внесены необходимые исправления и некоторые важные дополнения в работах: Meyer. Die wirtschaftliche Entwicklung des Alterthums, доклад (1895) и Die Sklaverei im Alterthum, доклад (1898), а также в статье: V. Below. Über Theorien der wirthschaftlichen Entwicklung der Völker в *Historische Zeitschrift*, XXXVI (N.F. 1). Лучшие общие работы на английском языке — кн.: Cunningham. Western Civilisation in its Economic Aspects; Ancient Times (1898), и Medioeval and Modern Times (1900). Краткий очерк, содержащий много поучительных соображений, представлен в работе: Seligman. Principles of Economics (1905), part 2, books 2, 3.

Д. Производительный и непроизводительный труд (т. I, с. 147)

Это деление труда заимствовано у Адама Смита из его «Исследования о природе и причинах богатства народов», кн. 2, гл. 3, а Адам Смит почерпнул сами эти слова у французских физиократов, хотя употребил их в другом смысле. Такое деление труда было подвергнуто критике

в работах: Jevons. Principles, ch. XVIII, и Cannan. History of the Theories of Production and Distribution (1893), ch. 1, § 7. Теперь его почти не придерживаются. См.: Маршалл, кн. 2, гл. 3.

Е. Определение капитала (т. I, с. 158)

Солидное введение в огромную разноречивую литературу по этому вопросу содержится в работе: Schmoller. Grundriss..., book 2, § 182 с. Здесь использован материал, собранный в кн.: Böhm-Bawerk. The Positive Theory of Capital, book 1, ch. 3. Как указал Wagner в работе Grundlagen..., § 129, капитал представляет собой двойственное понятие — экономическое и историческое. (ср.: Gide. Cours, book, 1, ch. 3). Последний аспект был подчеркнут Лассалем, который утверждал, что «капитал — категория историческая». В английской литературе обзор истории концепции капитала можно найти у Маршалла, кн. 1, Приложение Е, и в работе: Taussig. Wages and Capital (N. Y., 1896), ch. 2. Clark в «Distribution of Wealth» (1902), ch. 9, проводит деление между «капиталом» и «капитальным оборудованием». Fisher в «The Nature of Capital and Income» (1906) определяет капитал как «существующее в данный момент накопленное богатство», что выглядит как отождествление капитала с богатством вообще. В свою очередь Gidson в Human Economics (1909) определяет капитал с коммерческой точки зрения как «все, что составляет юридическую собственность отдельного лица или группы лиц и за что покупатель готов заплатить определенную цену».

Ф. Основные положения о капитале (т. I, с. 193)

Уничтожающую критику этих положений см. в работах: Jevons. Principles..., ch. XXIV; Sidgwick. Principles..., book 1, ch. 5, примечание; Nicholson. Principles..., I, p. 98 и далее. Первое и четвертое из этих положений, как заявил Дж. Милль, представляют собой лишь иные выражения его концепции «фонда заработной платы», а

согласно: Marshall. Principles..., book I, Приложение J, «неправильно формулируют содержание капитала».

Г. Разделение и комбинирование труда (т. I, с. 244)

Эта тема при дальнейшем ее исследовании выливается в две более серьезные проблемы экономической дифференциации и кооперации, которые сами по себе в значительной степени являются лишь различными аспектами одного и того же процесса. В этом смысле она в широком философском плане рассматривается на основе тщательного учета результатов последних исследований Шмоллера в его «Grundriss...» book 1, § 113 и далее.

Н. Крупное и мелкое земледелие (т. I, с. 274)

Что касается Англии, то по этой проблеме необходимо помнить следующее: 1) замена мелкого земледелия крупным в XVIII в. и начале XIX столетия была тесно связана с движением по огораживанию «открытых» или «череполюсных» земельных участков — по этому вопросу см.: Slater. The English Peasantry and the Enclosure of Common Fields (1907); Hasbach. A History of the English Agricultural Labourer (1908); 2) с тех пор как Милль написал свою работу, на положение дел резко повлиял удар, нанесенный «зерновому земледелию» притоком дешевого американского зерна в 80-х годах, — по этому вопросу см.: Levy. Entstehung und Rückgang des landwirthschaftlichen Grossbetriebes in England (1904). Сведения о различных взглядах на перспективы мелкого земледелия в Англии можно найти в следующих публикациях: Lawes and Gilbert. Allotments and Small Holdings в *Journal of the Royal Agricultural Society*, vol. III, 3-rd series (1892); «Report of a Departmental Committee on Small Holdings» (1906), и Jebb. The Small Holdings of England (1907). Эти сведения в известной степени, очевидно, проливают свет на перспективы сельскохозяйственной кооперации (по закупке удобрений, продаже продукции сельского хозяйства и т. д.), обзор которых приводится в работе: Pratt. The Organisation of

Agriculture (1905), и в публикациях Общества сельскохозяйственной организации. Общее сравнение крупного и мелкого земледелия предпринято в работе: Nicholson. Principles... (1893), vol. 1, book 1, ch. 9, где автор развивает, критикует и дополняет написанное Миллем.

I. Население (т. I, с. 284)

Идея о том, что численность населения постоянно воздействует на объем средств существования, ни в одном из сочинений современных экономистов, будь то английских или иностранных, не занимает такого большого и важного места, как у Милля. Трактовка этого вопроса Маршаллом в Principles, кн. IV, гл. 4 и 13, кн. VI, гл. 13, отражает господствующие в настоящее время взгляды по этому вопросу. Внимание все более и более сосредоточивается на тех пороках нынешней организации промышленности, которые порождают слой постоянных частично безработных, так же как и временных безработных даже там, где рост численности населения явно не обгоняет объем занятости, см.: Beveridge. Unemployment (1909), p. 6 и далее. Правильное понимание учения Мальтуса и расхождений между первым изданием его «Essays» (1798) и вторым (1803) облегчается публикацией «Parallel Chapters from the First and Second Editions of an Essay on the Principle of Population» (1895).

J. Закон убывающей доходности (т. I, с. 321)

Обстоятельное изложение закона, практически в соответствии с учением Милля, можно найти у Маршалла в «Principles...», т. I, кн. IV, гл. 3, и у Никольсона в «Principles...», кн. 1, гл. 10. О результатах ротамстедских экспериментов, показавших, что после достижения известного предела увеличение урожая непропорционально увеличению количества вносимого удобрения, см.: Lawes. Is Higher Farming a Remedy for Lower Prices?, доклад (1879), и Hall. The Book of the Rothamsted Experiments (1905). Вопрос о том, в какой мере закон убывающей доходности находит подтверждение в реальном процессе развития сельского хозяйства, рассмотрен Шмоллером в

«Grundriss...», кн. 2, § 233. В то время как Милль и теоретики старого поколения делали различие между законом убывающей доходности в сельском хозяйстве и фактом (кое-кто называет это законом) возрастающей доходности в обрабатывающей промышленности (см. Маршалл. Principles..., кн. IV, гл. 13, § 2), а представители исторической школы склонны были свести к минимуму действие закона убывающей доходности даже и в сельском хозяйстве, некоторые новейшие теоретики идут в другом направлении и провозглашают, что закон убывающей доходности носит универсальный характер и применим ко всякого рода производствам. О содержании, которое они вкладывают в эту формулу, см.: Clark. Distribution of Wealth, p. 208, Seligman. Principles..., § 88.

К. Ранние и последующие взгляды Милля на социализм (т. I, с. 361)

Данная Миллем в предисловии к третьему изданию (см. т. I, с. 77—79) характеристика внесенных в это издание изменений едва ли в должной мере отражает перемену во взглядах Милля за период с 1848 по 1852 г. Из его аргументации, относящейся к 1848 г., создается впечатление, что «социализм», очевидно, нежелателен и нереален. Так, трудная проблема справедливого распределения плодов труда между членами общества, относительно которой Милль в 1852 г. выражал надежду, что у человечества хватит интеллекта для ее разрешения, в 1848 г. вызвала следующие замечания автора:

«При нынешней системе производства эта проблема решается с известной, хотя и далеко не достаточной, степенью справедливости. Если какой-либо вид труда отличается от другого большей тяжестью или меньшей привлекательностью или требует больше времени для приобретения навыков, то он и оплачивается выше просто потому, что имеется меньше претендентов на него. Вообще человек обнаруживает, что он в состоянии заработать больше, выполняя работу, к которой он лучше приспособлен. Я допускаю, что этот саморегулирующийся механизм не затрагивает некоторые из самых разительных неравенств в вознаграждении труда, особенно неоправданных преи-

мушеств практически самого заурядного умственного труда перед фактически самым тяжелым и непривлекательным физическим трудом. Занятия, требующие какого-либо технического образования, до сих пор пользуются настоящей монополией по сравнению с массовыми профессиями. Однако по мере развития народного образования эта монополия становится уже не такой полной, а с каждым шагом по пути повышения благоразумия и расчетливости людей эта монополия все больше и больше подрывается».

Ход рассуждения Милля завершается таким образом:

«Я полагаю, что положение рабочих на хорошо управляемой фабрике, на которой резко сокращено рабочее время и существует значительное разнообразие трудовых профессий, очень близко к тому положению всех занятых, какое будет достигнуто в социалистическом обществе. Я полагаю, что большинство работников не станут в этих условиях трудиться сверх меры, а если большинство не будут этого делать, то и никто не будет. На этой основе человеческая жизнь обретет упорядоченный характер. Но чтобы поддерживать даже это состояние, необходимо превратить рост населения в такой же объект общественного регулирования, как и все другое, поскольку при предполагаемых условиях диктуемые благоразумием сдерживающие факторы уже действовать не будут. Впрочем, если допустить, что при нынешней системе вводится равная степень регулирования — либо принудительная, либо, что предпочтительнее, добровольная, — то одно лишь действие принципа конкуренции обеспечит менее состоятельным такое же положение, какое социализм обеспечит всем. Любые денежные средства или свобода действий, какие кто-либо приобретет сверх этого, будут целиком отнесены на счет благотворного функционирования конкурентной системы».

Правда, в следующем параграфе Милль уточняет:

«Эти аргументы, действенные, как я полагаю, против коммунизма, неприменимы к сен-симонизму... Сен-симонизм не предусматривает равное распределение продукта, а предполагает неравное его распределение».

Однако Милль считал посылку, на которой базируется идея равного распределения, «почти столь фантастической, что она даже не нуждается в оспаривании», поэтому след в «Основах политической экономии»:

«Во все времена невозможно было вообразить существование способа распределения продукта труда, настолько хорошо отвечающего требованиям человеческой натуры в целом, чтобы он ставил бы долю каждого индивидуума (не являющегося физически или умственно недееспособным) главным образом в зависимости от энергии и трудовых усилий самого индивидуума и от помощи, какую он мог бы получить от других в форме добровольной любезности с их стороны. Необходимо ставить своей целью не подрыв системы индивидуальной собственности, а ее совершенствование».

Следует заметить, что на трактовку этого вопроса в третьем издании повлияло не только изменение взглядов самого Милля, но также и включенный еще во второе издание обзор концепций фурьеризма.

В 1869 г. Милль разработал план книги о социализме. После его смерти первые черновые наброски этой работы были опубликованы падчерицей Милля, мисс Элен Тейлор, в «Фортнайтли ревью» в февральском, мартовском и апрельском номерах за 1879 г. Эти статьи свидетельствуют о возврате Милля к позиции, отражающей скорее его взгляды 1848 г., а не 1852 г. Следует при этом помнить, что его критические замечания относились главным образом к социалистической литературе того времени (1869 г.). Изложение данного вопроса у Милля столь тщательно сбалансировано, что выбор лишь нескольких абзацев создает риск дать неверное изображение его аргументации. Тем не менее следующие выдержки, с учетом соответствующих глав из «Основ политической экономии», дают достаточно четкое представление о его общей позиции.

Вслед за введением, в котором характеризуется значение предмета, Милль начинает подробно излагать социалистическую критику нынешнего общественного строя, признавая при этом наличие в указанной критике значительной доли истины.

«Но в главном социалисты допускают преувеличение: даже из приведенных мною цитат многие читатели убедятся в том, что в утверждениях самых талантливых и самых искренних социалистов нет недостатка в преувеличениях. Хотя значительная часть их обвинений неопровержима, немалая их доля является следствием ошибок в политической экономии. Должен раз и навсегда заявить, что тем самым я вовсе не отвергаю всякие практические

правила экономической политики, сформулированные политэкономами. Я имею в виду лишь незнание экономических фактов и причин, которые в действительности определяют экономические явления в данном обществе.

Прежде всего, правда, к сожалению, состоит в том, что заработная плата простых рабочих во всех странах Европы совершенно недостаточна для обеспечения хоть в какой-то сносной степени физических и духовных потребностей населения. Но когда вслед за тем утверждают, что даже это недостаточное вознаграждение имеет тенденцию к уменьшению, что происходит, по словам Луи Блана, постоянное сокращение заработной платы, то такое утверждение оказывается в противоречии со всеми точными данными, со многими хорошо известными фактами. Надо еще доказать, что в цивилизованном мире существует какая-либо страна, где обычная заработная плата, измеряемая в деньгах или в предметах потребления, действительно снижается, тогда как на деле она во многих странах в целом повышается, причем это повышение не замедляется, а ускоряется.

Следующий абзац дополняет главу о теории прибыли в «Основах политической экономии»:

«Другой вопрос, по которому сильно заблуждаются социалисты, а также профсоюзные деятели и другие сторонники рабочего класса и противники капитала, — это вопрос о том, каковы действительные пропорции, на которые распределяется продукт страны, и каков размер той его части, которая фактически изымается у тех, кто его производит, для обогащения других... Относительно занятого в хозяйстве капитала в популярных представлениях распространены большие иллюзии. Когда, например, капиталист вкладывает в дело 20 тыс. ф. ст. и извлекает из него доход, скажем, в размере 2 тыс. ф. ст. в год, общее мнение таково, будто капиталист является счастливым владельцем и 20 тыс. ф. ст. и 2 тыс. ф. ст., тогда как рабочие не имеют ничего, кроме заработной платы. Истина же заключается в том, что капиталист получает свои 2 тыс. ф. ст. лишь в том случае, если он для собственных пужд не использует никакую часть из вложенных 20 тыс. ф. ст. Он обладает юридическим контролем над этой суммой, он, если захочет, может ее промотать, но в результате лишиться также годового дохода в 2 тыс. ф. ст. Пока

он получает доход со своего капитала, он не имеет возможности лишать других доступа к использованию этого капитала. Та часть вложенного им капитала, которая заключается в зданиях, машинах и других средствах производства, применяется непосредственно в производстве и не может быть использована для того, чтобы содержать кого бы то ни было или доставлять ему удовольствие. Та его часть, которая применима для таких целей (включая расходы на содержание и обновление зданий и машин), выплачивается рабочим, образуя их вознаграждение и их долю в распределяемом продукте. Для удовлетворения личных нужд они располагают капиталом, а он лишь прибылью, причем последняя поступает капиталисту только при том условии, что сам капитал используется для удовлетворения нужд не капиталиста, а рабочих. Отношение, которое составляет прибыль на капитал к самому капиталу (или, вернее, к оборотной его части), — это отношение доли капиталиста в продукте к совокупной доле в нем рабочих. Но даже из этой доли капиталиста только небольшая часть принадлежит ему в качестве владельца капитала. Часть продукта, приходящаяся на долю капитала лишь как такового, измеряется денежным процентом, поскольку это все, что получает владелец капитала, если он ничего больше не вносит в производство, кроме самого капитала. В настоящее время процент на капитал, вложенный в государственные бумаги, которые считаются наиболее надежными, составляет по нынешнему курсу (весьма мало колебавшемуся в течение многих лет) около 3,3%. Но даже и этот вид вложения связан с некоторым небольшим риском — с риском отказа со стороны государства погашать свои обязательства, с риском вынужденной необходимости продать бумаги по низкому курсу в случае торгового кризиса.

Оценивая этот риск в $\frac{1}{3}\%$, остальные 3%, если не считать страховку от потерь, можно рассматривать как вознаграждение за капитал. Под заклад обычно получают 4%, но такая сделка предполагает значительно больший риск — ненадежность права на владение землей в условиях нашей неудовлетворительной правовой системы, возможность ситуации, при которой возникнет необходимость продать закладную с выплатой больших гербовых сборов; возможность задержки получения процентов даже в том случае, когда сам заклад надежен. Если деньги сами по

себе, без затрат дополнительных усилий, приносят больший доход, как это, например, иногда происходит с акциями железнодорожных и других компаний, получаемый избыток едва ли оправдывает риск потери всего или части капитала вследствие дурного управления им, о чем свидетельствует случай с Брайтонской железнодорожной компанией, дивиденды на акции которой, достигнув 6% в год, затем упали до 1,5% и даже до нуля; эти акции, покупавшиеся за 120 ф. ст., затем невозможно было продать дороже чем за 43 ф. ст. Из прибылей, которые, следовательно, промышленник или иной предприниматель получает на свой капитал, не больше чем около 3% может быть отнесено за счет самого капитала.

Если бы этот промышленник мог или пожелал отдать все предприятие своим рабочим, которые уже совместно располагают всем его капиталом, воспроизводимым из года в год, прибавка к их еженедельной заработной плате оказалась бы незначительной. Из всего, что капиталист получает сверх 3%, большая часть обращается на страховку от грозящих ему разнообразных убытков и не может быть без риска использована для его личных нужд, так как эту часть необходимо держать в резерве для покрытия убытков; когда они возникают. Остальную часть правомерно составляет вознаграждение искусства и усердия самого капиталиста, т. е. заработная плата за его труд по управлению. Несомненно, если он весьма преуспевает в руководстве своим предприятием, эта его заработная плата чрезвычайно щедра и не идет ни в какое сравнение с оплатой труда наемного управляющего, который обладает таким же искусством и проявляет такое же усердие. Но с другой стороны, капиталист при этом рискует гораздо больше, чем если бы он оставался без дела; он рискует тем, что может ничего не заработать своим трудом, что не получит заработной платы за свои труды и хлопоты. Я не утверждаю, что эти отрицательные моменты сводят на нет его преимущества или что он не извлекает никакой выгоды из положения, которое делает его капиталистом и нанимателем рабочей силы вместо того, чтобы оставаться квалифицированным управляющим, работающим на других. Но масштабы его преимуществ не следует оценивать лишь одними крупными премиями. Если вычесть из прибылей одних убытки других, а из итога исключить справедливое вознаграждение за хлопоты, искусство и труд тех

и других, оцениваемое по рыночному курсу за квалифицированный управленческий труд, то остаток, несомненно, окажется значительным, но все же по сравнению с совокупным капиталом страны, ежегодно воспроизводимым и расходуемым на заработную плату, он гораздо меньше, чем рисуется воображению масс. Присовокупление всего этого остатка к доле рабочих составило бы меньшую прибавку к последней, чем какое-нибудь крупное техническое изобретение или устранение излишних посредников и других «паразитов в экономике».

Нам казалось желательным начать рассмотрение вопроса о социализме с этих замечаний, чтобы снять допускаемые социалистами преувеличения и тем самым представить в истинном свете действительные расхождения между социализмом и нынешним общественным строем. Существующая система не низвергает нас, как полагают многие социалисты, в состояние всеобщей нужды и рабства, от которого только социализм может нас спасти. Бедствия и несправедливости, испытываемые при нынешней системе, велики, но они не возрастают, напротив, наблюдается общая тенденция их медленного ослабления».

Затем Милль начинает формулировать свои возражения против социализма со следующей классификацией, которая иллюстрирует масштабы изменений в характере социалистической пропаганды после 1869 г.:

«Среди тех, кто называет себя социалистами, можно выявить два направления. Это, прежде всего, направление, представители которого планируют создание нового общественного строя (в котором частная собственность и индивидуальная конкуренция должны быть устранены и заменены другими стимулами деятельности) в рамках деревенской или городской общины с распространением его на всю страну путем умножения таких самоуправляющихся единиц. Сюда относятся системы Оуэна и Фурье и вообще проекты более глубоких, философски мыслящих социалистов. Другое направление, включающее представителей не столько Англии, сколько континентальной Европы, которых можно назвать революционными социалистами, ставит перед собой гораздо более смелую задачу. Представители этого направления намечают ввести управление всеми производственными ресурсами страны одним центральным органом власти, общим правительством».

Отметив, что «специфические черты революционной формы социализма лучше всего рассматривать после надлежащего выяснения принципов, выдвигаемых обеими его формами», Милль начинает с указания, что «отличительным признаком социализма является не общая собственность на все виды имущества, а только то, что производство осуществляется на общественный счет и что средства производства составляют общественную собственность».

Соответственно «вопрос, который подлежит рассмотрению, заключается в том, окажется ли такое совместное управление столь же эффективным и успешным, как управление частным производством со стороны частного капитала. И этот вопрос следует рассмотреть с двух сторон, а именно насколько эффективно действуют руководитель или руководители и насколько эффективно трудятся простые рабочие».

Милль сначала обращается к той форме социализма, которую он называет «простым коммунизмом, т. е. равным дележом продукта между всеми участниками или, согласно отстаиваемому Луи Бланом более высокому уровню справедливости, распределением продукта в соответствии с различными потребностями, но без учета размера вознаграждения в зависимости от характера выполняемой работы или предположительных достоинств либо услуг индивидуума».

При этом Милль делает заключение, что успех такого строя обусловлен нравственным воспитанием человечества, которое может быть эффективно осуществлено коммунистической ассоциацией. «Именно коммунизм, — пишет Милль, — должен, следовательно, доказать практическим опытом свою способность дать такое воспитание. Только практические эксперименты могут показать, существует ли уже у какой-нибудь части населения достаточно высокий уровень нравственной культуры, чтобы обеспечить коммунизму успех и дать своему собственному следующему поколению воспитание, необходимое для постоянного поддержания этого высокого уровня. Если коммунистические ассоциации покажут, что они способны выдержать испытание временем и процветать, они будут умножаться в числе и все шире охватывать последовательно возрастающие слои населения более просвещенных стран по мере их становления нравственно пригодными для такого образа жизни».

Переходя к «другим формам социализма, которые признают трудности коммунизма и изыскивают способы их преодоления» и главной из которых является фурьеризм, Милль развивает мысль о том, что и для этих форм социализма «практический эксперимент» не менее необходим. Затем он обращается к другому главному направлению: «Различные схемы введения управления производственными ресурсами страны государством вместо управления ими частными лицами... в настоящее время осуществимы лишь элитой человечества и все еще должны доказать свою способность привить человечеству в целом такие совершенные качества, необходимость которых предполагается самими указанными схемами. В еще большей степени это, разумеется, относится к более амбициозному плану, ставящему своей целью вступить во владение всей землей и всем капиталом страны и немедленно начать управлять ими силами государства. Оставляя в стороне всякие соображения о несправедливости по отношению к нынешним собственникам, отметим, что сама идея о ведении всего производства страны путем управления им из единого центра столь явно несбыточна, что никто не отваживается предложить какой-либо способ ее осуществления».

Возражения Милля против второго, или «революционного», типа социализма соответственно основываются на трудности «проблемы управления». Его конечный вывод сформулирован следующим образом: «Изложенные соображения, очевидно, достаточно убедительно показывают, что план полного обновления общественного устройства, который предусматривает социализм, план перевода экономической организации общества на совершенно новую основу, исключаящую частную собственность и конкуренцию, сколь бы ценным ни представлялся он как идеал и даже как предвидение грядущих возможностей, не пригоден для сегодняшних условий, так как он требует от тех, кому надлежит воплотить в жизнь этот новый строй, таких моральных и интеллектуальных качеств, которые подлежат проверке у всех, а большинству их надо заново привить. Это невозможно осуществить с помощью парламентского акта, при самых благоприятных условиях на это должно уйти значительное время. Принцип индивидуальной собственности будет еще долго господствовать. Даже если в какой-либо стране народное движение поставило

бы во главе революционного правительства социалистов и они попытались бы самыми разнообразными методами подорвать частную собственность, этот институт, как таковой, все равно выжил бы. Либо его приняли бы сами социалисты, либо он был бы восстановлен в результате отстранения их от власти по той простой причине, что люди не откажутся от того, что в настоящее время служит единственной основой их существования и безопасности, пока замена этой основы не будет приведена в нормальное состояние. Даже если найдутся те, кто поделил бы между собой чужую собственность, то и они захотят сохранить присвоенное и признать за этой сменившей владельца собственностью ту священную неприкосновенность, какую они не признавали прежде, когда она принадлежала другим.

Но, несмотря на то что, как следует из высказанных соображений, индивидуальной собственности предстоит еще долгая жизнь, пусть и временная, мы вовсе не считаем, что она всегда должна оставаться неизменной или что все права, теперь считающиеся принадлежащими собственности, являются неотъемлемыми и должны сохраняться до тех пор, пока существует она сама. Напротив, те, кто извлекает самую непосредственную выгоду из законов собственности, должны почитать своим долгом и в силу собственных интересов беспристрастно рассматривать все предложения, направленные на то, чтобы сделать эти законы менее обременительными для большинства...

Одно из чаще всего встречающихся заблуждений, служащее источником величайших практических ошибок в человеческой деятельности, заключается в допущении, что под одним и тем же названием всегда сохраняется такая же неизменная совокупность идей. Ни на какое другое слово не распространяется так сильно это заблуждение, как на слово «собственность». При любом общественном строе оно означает неукоснительное право исключительного использования вещей или исключительного контроля над ними (иногда, к несчастью, и над людьми), — право, которое установлено законом или признано обычаем данного общественного строя. Однако эти права исключительного пользования или контроля очень разные и сильно различаются в разных странах и в разных общественных системах».

Приведя некоторые исторические иллюстрации этого

положения, Милль заключает: «Поэтому когда утверждают, правильно или ошибочно, что обществу будет выгодно и его совершенствование в целом получит стимул, если внести некоторые изменения или модификации в права, осуществляемые над вещами лицами, которых закон признает собственниками этих вещей, то неблагоприятно отвечать на такие утверждения лишь заявлением, что предлагаемые изменения противоречат идее собственности. Идея собственности не представляет собой нечто постоянное для всей истории и не поддающееся изменению, она так же подвержена переменам, как и все другие порождения человеческого ума. В любой данный период она является лишь кратким выражением, обозначающим права над вещами, установленные законом или обычаем существующего в этот период общества. Между тем ни по этому вопросу, ни по какому другому закон или обычай, принятый в определенное время и в определенном месте, не может претендовать на вечное его сохранение. Предлагаемая реформа законов или обычаев вовсе не обязательно должна вызвать возражения, ибо ее принятие будет означать не приспособление всей человеческой деятельности к существующей идее собственности, а адаптацию нынешних концепций собственности к развитию и совершенствованию человеческой деятельности. Сказанное не ставит под сомнение справедливость требования собственников о том, чтобы государство компенсировало их юридические права на собственность, которых они могут быть лишены в интересах общества».

Л. Последующая история социализма (т. I, с. 361)

Читатель заметит, что сочинения о социализме, которые комментировал Милль, все французского происхождения и ни одно из них не относится к периоду после 1869 г., т. е. года, когда были написаны статьи Милля о социализме, о которых идет речь в Приложении К. Наиболее влиятельное социалистическое течение в последующие годы имеет германское происхождение, и его следует изучать по сочинениям главных его представителей — Карла Маркса, Фердинанда Лассалья, Родбертуса и Фридриха Энгельса. Наиболее заметные в данной связи следующие

щие работы: Lassale. Arbeiterprogramm (1862) и Herr Bastiat Schulze von Delitzsch, der ökonomische Julian (1864); Rodbertus. Zur Beleuchtung der Sozialen Frage (1875; включает новое издание Soziale Briefe an v. Kirchmann, 1850) и Die Handelskrisen (1858); К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (1848); Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке (1882); К. Маркс. Предисловие к «Капиталу». Однако самыми важными для выработки социалистической теории явились сочинения К. Маркса «Критика политической экономии» (1859) и прежде всего «Капитал» (т. I, 1867). К фундаментальным идеям сочинений К. Маркса относятся концепции «прибавочной стоимости», «классовой борьбы», «концентрации богатства» и «материалистического понимания истории».

О том, как далеко пошли в отступлении от этих теорий молодые германские социалисты, известные под названием «ревизионистов», может дать представление кн.: Bernstein. Die Voraussetzungen der Sozialismus (1899).

Среди полезных книг по истории социализма вообще и германского в частности можно назвать: Laveleye. Le Socialisme Contemporain (1881); Ely. French and German Socialism (1885); Conner. The Social Philosophy of Rodbertus (1900); Rae. Contemporary Socialism (3rd ed., 1901); Brooks. The Social Unrest (1903); Kirkup. A History of Socialism (3rd ed., 1906); Ensor. Modern Socialism (2nd ed., 1907) — наиболее полезный сборник документов и речей представителей всех ведущих стран Европы; и Herkner. Die Arbeiterfrage (5-th ed., 1908).

Английский социализм в некоторых аспектах развивался собственным путем, его можно изучать по следующим работам: Fabian. Essays in Socialism (1889; переиздание с важным предисловием — 1908); различные работы, посвященные Фабиану, и особенно: Shaw. The Fabian Society (1892); Macdonald. Socialism and Society (1905); Wells. New Worlds for Old (1908); Villiers. The Socialist Movement in England (1908).

Две популярные работы, получившие очень большое распространение в Америке: Bellamy. Looking Backward (1890) — и в Англии: Blatchford. Merrie England (1894).

О французском социализме см.: Jaurés. *Studies in Socialism*; Lavy. *L'Oeuvre de Millerand* (1902); Millerand. *Travail et Travailleurs* (1908); о позднейшем направлении «революционного синдикализма» см.: Gide et Rist. *Histoire des Doctrines Économiques* (1909). О бельгийском социализме: Destrée et Vandervelde. *Le Socialism en Belgique* (1903).

Среди критических работ о различных формах и аспектах социализма можно выделить: Herbert Spencer. *The Man versus the State* (1884); Courtney. *The Difficulties of Socialism*. — *Economic Journal*, 1. (1891); Schäffle. *The Impossibility of Social Democracy*; Richter. *Pictures of the Socialistic Future*; Devas. *Political Economy* (2nd ed., 1901), book 2, ch. 7; Strachey. *Problems and Perils of Socialism* (1908); Mallock. *A Critical Examination of Socialism* (1909). Позиции индивидуализма талантливо отстаиваются в работах Helen Bosanquet, особенно в «*Strength of the People*» (1902).

М. Формы земельной аренды в Индии (т. II, с. 20)

Ныне данный вопрос в целом надлежит изучать по работам покойного Б. Г. Баден-Пауэлла, в особенности же по трем объемистым томам: B. H. Baden-Powell. *The Land Systems of British India* (1892) — и написанному на основе этого труда краткому учебнику: *Land Revenue in British India* (1894). См. также написанные тем же автором работы: *Indian Village Community* (1896) и *Village Communities in India* (1899), рассчитанные на более широкую публику; по конкретному же вопросу о происхождении поместий заминдаров в Бенгалии см. его же статью под заглавием «*Origin of Zamindari Estates in Bengal*» в издающемся в Гарварде *Quarterly Journal of Economics* XI (Oct. 1896).

Н. Развитие аграрных отношений в Ирландии (т. II, с. 40)

Закон 1870 г. об ирландских землях знаменовал собой начало попытки разрешения аграрной проблемы в Ирландии в соответствии с принципом, в обиходе обозначаемым

понятием «дуалистическая собственность», — посредством наделения арендаторов правом на «компенсацию за беспокойство». Великий земельный закон 1881 г. пошел гораздо дальше, приняв предложения, известные как «три F» (от английских слов fair rents, free sale of tenants' interests, fixed fenure — «справедливые ренты», «свободная продажа причитающейся арендаторам доли дохода от арендуемого участка» и «фиксированность аренды»), и учредив земельный суд для определения «справедливых и законных рент», не подлежащих изменению в течение ряда лет. Затем новый шаг был сделан в земельном законе 1903 г.: был создан механизм, обеспечивающий добровольную передачу арендаторам на условиях, привлекательных для обеих сторон, той земли, которая еще находится в руках лендлордов. Эта мера и последующие законы, улучшающие и дополняющие ее, в ближайшее время должны привести к созданию на большей части территории Ирландии системы крестьянской земельной собственности. Следовало бы прибавить, что в течение последних лет среди ирландских фермеров наблюдалось стремительное развитие различных форм кооперации. Краткий отчет о законе 1881 г. и его связи с современным национализмом см. в работе: Low and Sanders. *Political History of England during the Reign of Victoria* (1907). Наименее пристрастные изложения аграрной истории Ирландии на протяжении последних 40 лет см. в краткой работе немецкого экономиста д-ра Бонна: Bonn. *Modern Ireland and her Agrarian Problem* — и в статьях Бастэбла (Bastable), опубликованных в журналах *Quarterly Journal of Economics* (Harvard), XVIII (Nov. 1903) и *Economic Journal*, XIX (March, 1909). О наблюдающемся среди фермеров движении к кооперации см.: Plunkett. *Ireland in the New Century* (1903), part II. Исторические подробности лучше всего искать в докладах королевских комиссий и в документах сходного характера, таких, как «Report of the Royal Commission of 1880—1881» и «Report of the Royal Commission of 1886—1887», «Report of the Select Committee of the House of Commons of 1894» («Morley's Committee») и «Report of the Royal Commission of 1897—1898» («Fry's Commission»), равно как и «Report by Mr. W. F. Bailey, Legal Assistant-Commissioner», «Inquiry into Present Condition of Tenant Purchasers» (1903), «Reports of the Irish Agricultural Organisation Society» (с 1895 г.), и «Irish De-

partment of Agriculture and Technical Instruction» (с 1901 г.). См. также работу: Co y n e. Ireland, Industrial and Commercial (publ. by Irish Dep. of Agriculture, 1902), и текст законов в работе: Ch e r r y and B a r t o n. Irish Land Law.

О. Доктрина фонда заработной платы (т. II, с. 42)

Эта доктрина была формально отброшена и самим Миллем по ходу обзора работы Торнтона (Thornton, Labour), который был опубликован в журнале *Fortnightly Review* за май 1869 г. и перепечатан в работе Милля «Dissertations and Discussions», т. IV. Главные моменты этой статьи таковы (цит. по «Dissertations...», р. 42 и далее):

«Говорят, что... предложение и спрос всецело регулируют цену, получаемую за труд. Спрос на труд состоит из всего оборотного капитала страны, включая и то, что выплачивается в виде заработков за непроизводительный труд. Предложением же является все трудящееся население. Если имеется избыток предложения по сравнению с тем, которое может быть использовано капиталом в настоящее время, то заработная плата должна снизиться. Если же все работники заняты и имеется еще не использованный избыток капитала, то заработная плата возрастет. Эту серию дедуктивных заключений обычно воспринимают как неопровержимую. Полагаю, что заключения эти встречаются в каждом систематизированном трактате по политической экономии — разумеется, в том числе и в моем собственном. Я должен признать вину, состоящую в том, что наряду со всеми прочими принимаю данную теорию без тех ограничений и оговорок, которые необходимы для того, чтобы эта теория стала приемлемой.

Эта теория основана на том, что можно назвать доктриной фонда заработной платы. Предполагается, что в каждый данный момент имеется определенная часть богатства, безусловно предназначенная для выплаты заработной платы. Эта часть не рассматривается неизменной, ибо она увеличивается благодаря сбережениям и в силу роста самого богатства. Но в каждый данный момент она

считается неизменной. Предполагается также, что получающие заработную плату не могут получить больше этой суммы. Они могут получить только эту сумму, но и не менее того. Поэтому, поскольку величина, подлежащая распределению, фиксирована, заработная плата каждого зависит только от делителя, т. е. от числа претендентов.

Но существует ли такая вещь, как фонд заработной платы, в предполагаемом здесь смысле этого понятия? Существует ли какая-то фиксированная величина, которая предназначена на расходование в виде заработной платы и которая не может быть ни больше, ни меньше?

Разумеется, есть некий непреодолимый предел суммы, которую можно израсходовать таким образом: сумма эта не может превышать совокупности средств, имеющих у классов, которые нанимают работников. Она не может и сравняться с этой совокупностью средств, ибо работодатели должны также содержать самих себя и свои семьи. Но вплоть до этого предела данная величина не является величиной строго фиксированной в каком-либо смысле этих слов.

В распространенной теории идеи располагаются в таком порядке: денежные средства капиталиста состоят из двух частей — его капитала и его прибылей или дохода. Его капиталом являются те средства, которые он пустил в дело в начале года или начиная какой-то цикл деловых операций; свой же доход он не получает до конца года или до тех пор, пока не завершит данный цикл операций. Его капиталом — за исключением такой части этого капитала, какая им мобилизована в зданиях и машинах или затрачена на материалы, — является то, чем он располагает для выплаты заработков. Он не может выплачивать заработки из своего дохода, поскольку еще не получил его. Когда же он его получит, он может отложить какую-то часть дохода для увеличения своего капитала, и в таком виде эта часть станет частью фонда заработной платы для следующего года, но к текущему году она не имеет никакого отношения.

Однако это различие между отношением капиталиста к своему капиталу и отношением капиталиста к своему доходу является всецело воображаемым различием. Развертывая дело, он пускает в оборот все имеющиеся у него накопленные средства, которые все потенциально являются капиталом; и из этих средств он авансирует свои лич-

ные расходы и расходы своей семьи — точно так же, как авансирует заработную плату своих работников... Если мы захотим пазвать фондом заработной платы все, что пригодно для выплаты заработков и чем капиталист располагает, то этот фонд будет равен совокупному доходу предприятия этого капиталиста за вычетом расходов на содержание оборудования, зданий и на прокормление его семьи; и этот фонд расходуется на капиталиста и его работников, взятых вместе. Чем меньше капиталист расходует на что-то одно, тем больше он может израсходовать на другое и *vice versa* — (наоборот). Вместо того чтобы быть определяемой разделом доходов предприятия между работодателем и работниками, цена труда сама определяет этот раздел. Если капиталист получает необходимый ему труд по более низкой цене, он может позволить себе большие личные расходы. Если ему приходится платить за труд больше, то эта дополнительная выплата идет из его собственного дохода — возможно, из той части этого дохода, которую капиталист сберег бы и прибавил к капиталу, упреждая, таким образом, добровольную экономию капиталиста экономией принудительной; или, быть может, из той части дохода, которую капиталист потратил бы на свои личные потребности или удовольствия. В природе нет никакого закона, делающего, в сущности, невозможным рост заработной платы до такого уровня, при котором она поглотила бы не только средства, предназначенные капиталистом на ведение дела, но и все то, что капиталист оставляет на свои личные расходы сверх затрат на предметы жизненной необходимости. Реальным пределом росту заработной платы является практическое соображение — насколько значительное увеличение заработков разорит капиталиста или вынудит его бросить свое дело, но не безжалостные пределы фонда заработной платы.

Короче, для выплаты заработков, еще до того как будет достигнут абсолютный предел, говоря абстрактно, доступны средства, состоящие не только из имеющегося у работодателя капитала, но и включающие все, что может быть сэкономлено из личных расходов работодателя; и закон заработной платы с точки зрения спроса сводится всего-навсего к тому очевидному положению, что работодатели не могут выплатить в виде заработков то, что они не получили. С точки же зрения предложения этот закон остается неизменным в том виде, в каком его сфор-

мулировали экономисты. Чем многочисленнее люди, конкурирующие за получение работы по найму, тем ниже, *caeteris paribus* (при прочих равных условиях), будет заработная плата...

Ни одно из выдвигаемых Торнтоном положений не затрагивает принципа народонаселения и его последствий. Но, с другой стороны, вопрос о труде, рассматриваемый в качестве одного из сугубо экономических вопросов, приобретает существенно иное звучание. Доктрина, которую до сих пор проповедовали все экономисты или большинство из них (включая и меня) и которая отрицала возможность того, что профессиональные объединения могут поднять заработки, или сводила результаты деятельности этих объединений лишь к несколько более раннему достижению такого увеличения заработков, какое рыночная конкуренция произвела бы и без них, — эта доктрина лишается своего научного обоснования и должна быть отброшена. Правильное и ложное в деятельности тред-юнионов становится общим и обычным вопросом благоразумия и социальных обязанностей, а не вопросом, однозначное и окончательное решение которого определяют не допускающие исключений положения политической экономии».

Несмотря на протесты Кэйнса и попытку сформулировать доктрину фонда заработной платы более удовлетворительным образом, предпринятую им в работе: Cairns. *Leading Principles*, part II, ch. 1, можно сказать, что доктрина эта отброшена ныне всеми экономистами — во всяком случае, отброшена в том ее виде, в каком она сформулирована Миллем. Критику отречения Милля от этой доктрины и заявление о том, в каком смысле все еще могут быть допустимы рассуждения о фонде заработной платы, см. в работе: Taussig. *Wages and Capital, an Examination of the Wages Fund Doctrine...* (N. Y., 1896), особенно part II, ch. 11. См. также: Sidgwick. *Principles...*, book. II, ch. 8, § 2; Marshall. *Principles*, I, App. J: *The Doctrine of the Wages Fund*; и Nicholson. *Principles*, book. II, ch. 10, § 8.

Р. Динамика народонаселения (т. II, с. 65)

Темпы роста населения в некоторых исторических областях Соединенного королевства показаны в следующей таблице:

Год	Население, человек				Норма прироста или сокращения населения за десятилетие по сравнению с данными предшествующей переписи, %			
	Англия	Уэльс	Шотландия	Ирландия	Англия (+)	Уэльс (+)	Шотландия (+)	Ирландия (-)
1851	16 926 348	1 001 261	2 888 742	6 552 385	12,8	10,5	10,2	9,8
1861	18 958 103	1 108 121	3 062 294	5 798 967	12,0	10,7	6,0	11,5
1871	21 498 642	1 213 624	3 360 018	5 412 377	13,4	9,5	9,7	6,7
1881	24 618 266	1 357 173	3 735 573	5 174 836	14,5	11,8	11,2	4,4
1891	27 487 525	1 515 000	4 025 647	4 704 750	11,7	11,6	7,8	9,1
1901	30 811 420	1 716 423	4 472 103	4 458 775	12,1	13,3	11,1	5,2

Факторами, способствующими росту населения, очевидно, являются, во-первых, миграции, во-вторых, «естественный прирост» населения, т. е. положительная разница между числом родившихся и числом умерших. Ежегодный естественный прирост в Англии и Уэльсе снизился с 14,5 человека на тысячу жителей за период с 1876 по 1880 г. до 12,1 в 1901—1905 гг. вследствие того факта, что, хотя смертность снизилась с 20,8 до 16 человек на тысячу жителей, рождаемость сократилась с 35,3 до 28,1 человека на тысячу жителей. За период, истекший после принятия в 1837 г. закона о гражданской регистрации, рождаемость в Англии и Уэльсе достигла максимума в 1870—1876 гг., а с тех пор обнаруживает существенный спад.

Размеры этого спада показаны в следующей таблице:

Таблица

Рождаемость (Англия и Уэльс)

Период (годы)	Приближенный среднегодовой коэффициент рождаемости, человек в расчете на 1 тыс. жителей	Среднегодовой скорректированный коэффициент рождаемости, человек в расчете на 1 тыс. женщин в возрасте 15—45 лет
1876—1880	35,3	153,3
1881—1885	33,5	144,3
1886—1890	31,4	133,4
1891—1895	30,5	126,8
1896—1900	29,3	118,8
1901—1905	28,1	112,5
1906	27,1	108,3
1907	26,3	105,1

В отношении падения рождаемости вообще в главной метрической книге отмечается:

«Имеются достаточные основания для того, чтобы заявить о том, что на протяжении последних 30 лет примерно 14% падения рождаемости (оцениваемой соотношением числа родившихся и женщин в возрасте 15—45 лет) обусловлено сокращением доли замужних женщин в общей численности проживающих в стране женщин, по возрасту способных к зачатию. Еще 7% сокращения объясняется уменьшением числа незаконнорожденных детей. Что же касается остальных 79% сокращения рождаемости, то не может быть особых сомнений в том, что, хотя снижение

рождаемости отчасти можно приписать изменениям в возрастной структуре замужних женщин, в значительной мере это явление объясняется сознательным ограничением деторождения».

Падение рождаемости, каковы бы ни были его причины, является чертой, общей для характеризующих рождаемость статистических данных по большинству европейских стран. Статистические данные можно изучить по «General Report on the Census of 1901» и «Annual Reports of the Registrar-General». Цифры удачно собраны в «Синей книге» «Public Health and Social Conditions», подготовленной министерством местного управления (1909 г.). Наиболее подробные статистические анализы фактов следует искать в статьях Ньюсхолма (Newsholme) и Стивенсона (Stevenson), а также Юла (Yule) в *Journal of the Royal Statistical Society* (March, 1906).

Q. Прибыли (т. II, с. 149)

Самый мощный импульс к возобновлению дискуссии о природе прибылей дал покойный генерал Уолкер, акцентировавший «функцию антрепренера» и придерживавшийся мнения о том, что «прибыли есть явления того же рода, что и рента», и они «не образуют часть цены промышленных продуктов» — см.: Walker. Wages Question (1876), ch. 14, и Political Economy (1883 г.). В ходе этой дискуссии стало обычным проведение различия между процентом и «чистой» прибылью, или прибылью «нетто», более резко, чем это делали авторы, писавшие по этим вопросам ранее. Теперь по этой теме имеется обширная литература. В вопросе о проценте значительное влияние оказывает доктрина австрийского автора Бем-Баверка, который объясняет процент как «премию на ныне существующие вещи, противопоставляемые вещам, которые будут существовать в будущем». См.: Böhm-Bawerk. Capital and Interest и Positive Theory of Capital. Из сочинений, написанных под воздействием этой дискуссии, достаточно называть работы: Pierson. Principles of Economics, part I, ch. 4, § 5, и Cassell. The Nature and Necessity of Interest (1903).

Что касается прибыли, то сочинения, опубликованные в последнее время, написаны в основном под влиянием

концепций, во-первых, «квазиренты», во-вторых, «маржинального предпринимателя» и, в-третьих, «длительных и кратких периодов». О современном состоянии этой дискуссии см.: Marshall. Principles..., book. VI, chs. 6—8; Clark. Essentials of Economic Theory (1907), p. 117 seq.; Seager. Introduction to Economics (3rd ed., 1906), ch. 10; Conrad. Grundriss..., § 84; Gide. Cours..., p. 674 seq. Весьма полезной окажется трактовка этого вопроса Шмоллером, см.: «Grundriss...», § 231—232 (Principles, vol. IV). «Тенденцию» прибылей и заработных плат к равенству часто разъяснял Клифф Лесли — например, в статьях: Gliffe Leslie. The Political Economy of Adam Smith; On the Philosophical Method of Political Economy, reprinted in «Essays» (1879).

Р. Рента (т. II, с. 168)

Критику рикардианской доктрины ренты или ее формулировки следует искать в работах: Sidgwick. Principles..., book II, ch. 8; Nicholson. Principles..., vol. I, book. II, ch. 14; Pierson. Principles..., part. I, ch. 2; Marshall. Principles..., book. VI, ch. 9.

С. Теория стоимости (т. II, с. 227)

Благодаря главным образом сочинениям Джевонса, Менгера и других представителей австрийской школы, а также Кларка и его американских последователей в течение последних 40 лет теоретическая дискуссия вращалась преимущественно вокруг этого вопроса, относительно которого Милль в 1848 г. заметил, что, «к счастью, в законах стоимости нет ничего, что оставалось бы выяснить современному любому или будущему автору; теория этого предмета является завершенной» (т. II, с. 172). Характерной особенностью всех перечисленных выше авторов является подход к данной проблеме с точки зрения спроса и нахождение разгадки стоимости в предельной или маржинальной полезности (Grenznutz). Лучшими введениями в эту проблему являются работы: Jevons. Theory of Political Economy (1871; 2nd ed. revised, 1879), chs. 3, 4; статья Бонара (Bonar) «The Austrian Economists», опы-

ликованная в издающемся в Гарварде *Quarterly Journal of Economics*, III (Oct. 1888), и книга Смарта — S m a r t. *An Introduction to the Theory of Value on the Lines of Menger, Wieser and Böhm-Bawerk* (1891). В своей работе Визер (Wieser) пытается приложить эту доктрину ко всей проблеме распределения. Относительно современного состояния дискуссии см. работы: M a r s h a l l. *Principles...*, I, book V; C l a r k. *Essentials...*, chs. 6, 7; S c h m o l l e r. *Grundriss...*, § 171—172.

Выдвинутая Миллем теория издержек производства была подвергнута критике Кэйрнсом вскоре после смерти Милля, см.: S a i r n e s. *Some Leading Principles of Political Economy newly expounded* (1874). Об этом см. статью Маршалла в журнале *Fortnightly Review* (April 1876) и его работу «*Principles...*», book. V, ch. 3, § 2. Кэйрнс ввел в дискуссию важное соображение, акцентировав роль «неконкурирующих групп».

Т. Стоимость денег (т. II, с. 256)

Иные изложения «количественной теории цен» в работах: W a l k e r. *Money* (1878), chs. 3—8; N i c h o l s o n. *Money and Monetary Problems* (1888; 4th ed., 1897), chs. 5—7. Критику этой теории см. в работе: S c o t t. *Money and Banking* (N. Y., 1903), ch. 4. Попытка проверить эту доктрину статистическими методами предпринята Кеммерером, см.: K e m m e r e r. *Money and Credit Instruments in their Relation to General Prices* (N. Y., 1907). О смысле понятия «деньги» в современном бизнесе см. работу: W i t h e r s. *The Meaning of Money* (1909).

У. Биметаллизм (т. II, с. 260)

Основные моменты дискуссии по этому вопросу, едва начавшейся в 1848 г., когда писал Милль, см. у Джевонса — «*Money*» (1875), ch. 12, который разделяет мнение о «компенсирующем воздействии» системы двойного стандарта. См. также работы: G i b b s and G r e n f e l l. *The Bimetallic Controversy* (1886) — собрание памфлетов, речей и т. д. сторонников и противников биметаллизма; N i c h o l s o n. *Money and Monetary Problems*; W a l k e r.

International Bimetallism (1896); Darwin. Bimetallism (1898); Carlile. The Evolution of Modern Money (1901). Позиция крайнего монометаллизма представлена в работе: Giffen. Case against Bimetallism (1892).

V. Интернациональные стоимости (т. II, с. 373)

Учение Рикардо, продолженное и развитое Миллем, до сих пор остается наиболее ценным достоянием английских экономистов. Оно разъясняется в работах: Cairnes. Leading Principles, part III, ch. 3, и Bastable. Theory of International Trade (2nd ed., 1897). Это учение подвергается критике с двух диаметрально противоположных точек зрения. Согласно одной из них, перелив капитала и труда так же присущ международной торговле, как и внутренней, и для определения интернациональных стоимостей не требуется никакой отдельной теории (см., например: Hobson. International Trade (1904). С другой стороны, доказывается, что такого перелива нет ни во внутренней, ни в международной торговле и что поэтому учения Рикардо и о внутренней и об интернациональной стоимости должны быть отвергнуты (см., например, предисловие к книге: Cliffe Leslie. Essays in Political and Moral Philosophy (1879). Иная теория выдвинута в работе: Sidgwick. Principles..., book. II, ch. 3. Математическая интерпретация данного предмета и критический анализ работ всех ведущих авторов содержатся в ряде статей Edgeworth в *Economic Journal*, 1894 г., vol. IV. Бастэйбл и Эджуорт восхищаются первым изложением теории Милля (гл. 18, § 1—5) и соглашаются с ним, но «более поздние наслоения» (§ 6—8) считают «тяжелыми и запутанными».

W. Регулирование денежного обращения (т. II, с. 459)

Вследствие растущего использования чеков вопрос о воздействии на обращение Хартии Английского банка в большой мере потерял свое значение. Очень часто за чеками стоят не какие-либо реальные вклады, а кредит по книгам. Поэтому, несмотря на то что выпуск банкнот ограничивается все сильнее и сильнее, расширение

масштабов «производства денег» находит другой путь. См. об этом: Withers. Meaning of Money, chs. 3,5. О влиянии на обращение роста предложения золота см.: Walker. Money, part I, ch. 4, и Withers, ch. I.

Х. Цены в XIX в. (т. III, с. 20)

Со времени публикации работы Милля была произведена большая работа по изучению динамики цен. Джевонс и другие авторы предпринимали попытки, в значительной мере успешные, добиться разработки наиболее точных показателей этой динамики при помощи построения индексов цен. Описание теоретического обоснования и практических методов построения индексов см. в следующих работах: статья Эджуорта в изданном Палгрейвом «Dictionary of Political Economy»; Fountain. Memorandum. — В: «Report on Wholesale and Retail Prices» и статья Флакса (Flux) в (гарвардском) *Quarterly Journal of Economics* (Aug. 1907).

Приведенная ниже таблица, заимствованная из «Синей книги» Совета муниципальных органов «Public Health and Social Conditions» (1909), посвященной вопросам общественного здравоохранения и социальных условий, содержит удобные для сравнения рассчитанные Сауэрбеком (Sauerbeck) индексы цен и рассчитанные Баули (Bowley) индексы заработной платы.

С приведенными индексами могут быть сопоставлены расчеты министерства торговли, в которых за 100 принят уровень 1900 г., приведенные в «Twelfth Abstract of Labor Statistics» (1908), p. 80.

При использовании этих данных следует учитывать, что они относятся к динамике оптовых цен, необходимо также обратить внимание на набор товаров, положенный в основу расчета индекса, и метод «взвешивания».

В качестве фронτισписа в «Report on Wholesale and Retail Prices» (1903) и «First Fiscal Blue-book» (British and Foreign Trade and Industry, Memoranda, 1903) помещен график, на котором представлены индексы, полученные Джевонсом для 1801—1846 гг., Сауэрбеком — для 1846—1871 гг. и самим министерством торговли для 1871—1902 гг. Таким образом дана общая картина дви-

Индексы, отражающие динамику средних оптовых цен и общего уровня заработной платы

(Заработная плата и цены 1850 г.=100; заработная плата и цены последующих лет представлены в процентах к 1850 г.)

Год	Индекс		Год	Индекс	
	цен	заработной платы		цен	заработной платы
1850	100	100	1895	80,5	159,2
1855	131,2	—	1896	79,2	160,7
1860	128,6	119,1	1897	80,5	162,3
1865	131,2	127,5	1898	83,1	166,5
1870	124,7	134,1	1899	88,3	170,4
1875	124,7	161,4	1900	97,4	178,7
1880	114,3	148,8	1901	90,9	177,0
1885	93,5	149,4	1902	89,6	174,7
1890	93,5	161,3	1903	89,6	173,7
			1904	90,9	172,8
			1905	93,5	173,3
			1906	100,0	175,7
			1907	103,9	181,7

Примечание. Приведенные индексы заработной платы, касающиеся периода до 1873 г., были рассчитаны на основе средних показателей, полученных Баули, — см. *Economic Journal* (Dec. 1898) и *Journal of the Royal Statistical Society* (Dec. 1899), а для последующих лет — на основе данных, приведенных «Twelfth Abstract of Labour Statistics of the United Kingdom» (1906—1907, p. 54). Что касается цен, то их индексы основаны на данных, рассчитанных Сауэрбеком (Sauerbeck), — см. «Report on Wholesale and Retail Prices» (1903), p. 451 и более подробно *Journal of the Royal Statistical Society* (March 1908). «Twelfth Abstract of Labour Statistics» (1908), p. 80.

Таблица

Индексы оптовых цен, 1871—1907 гг. 1900 г.=100

Год	Индекс	Год	Индекс	Год	Индекс	Год	Индекс
1871	136,0	1881	127,3	1891	107,4	1901	96,9
1872	145,8	1882	128,4	1892	101,8	1902	96,5
1873	152,7	1883	126,8	1893	100,0	1903	96,9
1874	148,1	1884	114,7	1894	94,2	1904	98,3
1875	141,4	1885	107,7	1895	91,0	1905	97,6
1876	138,0	1886	101,6	1896	88,2	1906	100,5
1877	141,6	1887	99,6	1897	90,1	1907	105,7
1878	132,6	1888	102,7	1898	93,2		
1879	126,6	1889	104,0	1899	92,3		
1880	129,6	1890	104,0	1900	100,0		

жения цен, насколько ее позволяют представить эти материалы, для всего периода 1801—1902 гг.

Расчеты, относящиеся к розничным ценам, приведены в «First Fiscal Blue-book», p. 215. Во второй книге («British and Foreign Trade and Industry. Second Serie», 1904) приведены данные об изменениях средних розничных цен на продукты питания, приобретаемые рабочими, в крупных городах Англии за несколько последних десятилетий, а также цен, затрагивающих другие важные статьи расхода рабочих семей: квартирной платы, одежды, топлива и освещения — за последнюю четверть века. Значительное падение цен на продукты питания и некоторое снижение цен на одежду, происшедшее после 1880 г., частично было сбалансировано повышением платы за жилье, а в последние годы — ростом цен на топливо. Обобщенные показатели приводятся ниже «Second Serie», p. 32).

Данные, отражающие оценку изменений в стоимости жизни трудящихся классов, рассчитанные на основе цен на продукты питания, стоимости жилья, цен на одежду, топливо и освещение в среднем за пятилетний период (стоимость жизни в 1900 г. = 100).

Период		Индекс стоимости жизни	
в среднем за	пятилетие	1878—1882	120,5
»		1883—1887	108,2
»		1888—1892	100,9
»		1893—1897	95,5
»		1898—1902	99,7

У. Торговые циклы (т. III, с. 26)

После 1866 г. в Англии не было «торговых кризисов», хотя кризисы продолжали проявляться в Соединенных Штатах, как, например, обстояло дело в 1893 и 1907 гг. Однако продолжается чередование процветания в коммерческой сфере и депрессий, и, как впервые отметил Джевонс, динамика цикла, видимо, занимает период около 10 лет. Рассмотрение этого вопроса следует начинать с работ Джевонса (1875—1882 гг.), касающихся периодичности торговых кризисов и опубликованных в его книге «Investigations in Currency and Finance» (1884). Информацию об истории вопроса и библиографию можно найти

в статье Геркнера «Кризисы» (H e r k n e r. Krisen), опубликованной в выпущенном Конрадом «Handwörterbuch der Staatswissenschaften». Взаимосвязи между внешней торговлей, ставками процентов по банковским кредитам, занятостью, количеством браков, уровнем нищеты и т. д. может быть легко прослежено для периода 1856—1907 гг. в табл. IX и схеме II в главе «Пульс нации» («The Pulse of the Nation») в книге: Beveridge. Unemployment. Об особенностях американских условий см. статьи Сэлигмена и других авторов в «The Currency Problem and the Present Financial Situation» (N. Y., 1908).

З. Рента в XIX в. (т. III, с. 46)

По оценке Р. Дж. Томпсона (R. J. Thompson), опубликованной в *Journal of the Royal Statistical Society*, рента за землю, используемую для сельскохозяйственного производства, за первые 20 лет XIX в. возросла, вероятно, на 40%. После 1820 г. последовал период депрессии, сменившийся в 1840 г. повышательной тенденцией, продолжавшейся с небольшими перерывами до 1878 г., когда вновь началась серьезная депрессия. Средняя величина ренты за землю, используемую для сельскохозяйственного производства, в 1900 г. была на 34% ниже максимального уровня, достигнутого в 1877 г., и на 13% ниже показателя до 1846 г. Средняя рента за 1 акр фермерских угодий составляла в 1900 г. 20 шилл., из которых могли вычитаться затраты на повышение продуктивности этих угодий, составлявшие в среднем до 35%, таким образом, чистая рента, видимо, в среднем равнялась 13 шилл. за акр. Если затраты на строения, ограждения, мелиоративные системы и т. д. оценить в сумме 12 ф. ст. в расчете на 1 акр, то 3,5% от этой суммы составят 8 шилл. 5 пенсов. Поэтому «экономическая рента», означающая с точки зрения теории Рикардо оплату применения «первоначальных и неуничтожимых сил почвы», равняется 4 шилл. 7 пенсам за акр.

АА. Заработная плата в XIX в. (т. III, с. 47)

Не подлежит сомнению, что на протяжении XIX в. в Соединенном королевстве происходило значительное увеличение как номинальной, или денежной, так и реальной

заработной платы. С данным вопросом можно ознакомиться в работах: Giffen. *The Progress of the Working Classes in the Last Half-Century*, перепечатанной в «*Essays in Finance*» (2nd series, 1886, первый и более важный из них был выпущен в недавнем прошлом в «*Economic Inquiries and Studies*», vol. I); Webb. *Labour in the Longest Rein* (Fabian Tract, 1897); Bowley. *Wages in the United Kingdom* (1900) и *National Progress* (1904), и в его статьях в *Journal of Royal Statistical Society*, а также в статье: Wood. *Real Wages and the Standard of Comfort since 1850*. — *Journal of Royal Statistical Society* (March 1909).

Выводы, к которым пришли последние из перечисленных статистиков при анализе данных за период после 1850 г., изложены в последней из перечисленных статей. Баули принял в качестве базового период 1900—1904 гг., а Вуд — 1900—1902 гг. Показатели для этих периодов приняты за 100%.

Таблица

Реальная заработная плата, 1850—1902 гг.

	1850—1854	1855—1859	1860—1864	1865—1869	1870—1874	1875—1879
Расчеты Баули	50	50	50	55	60	65
Расчеты Вуда	56	54	59	63	69	75
	1880—1884	1885—1889	1890—1894	1894—1899	1900—1902 или 1904	
Расчеты Баули	65	75	85	95	100	
Расчеты Вуда	76	86	92	97	10	

Приведенные данные целесообразно также сравнить с данными, содержащимися в представленной выше таблице, Приложение X.

Рост заработной платы начался до 1850 г. Поэтому рассчитанные Баули индексы для 1830 и 1840 гг. соответ-

венно равны 45 и 50, в отношении же более ранних периодов он пришел к выводу, что, хотя в 1790—1810 гг. реальная заработная плата медленно снижалась, в 1810—1830 гг. имел место ее медленный рост (см. приложение (1908) к изданному Пальгрейвом «Dictionary of Political Economy»). Общий результат, видимо, состоял в огромном увеличении заработной платы между 1810 и 1900 гг., хотя с 1840 по 1860 г. и с 1873 по 1879 г. она оставалась почти на неизменном уровне.

На протяжении XIX в. динамика реальной заработной платы и в других странах имела в основном такой же характер. Сравнительные расчеты данных по Соединенному королевству, Соединенным Штатам и Франции, произведенные Баули для периода 1844—1891 гг., см. *Economic Journal* VIII, p. 488, а также данные по Франции за 1806—1900 гг. см.: G i d e. *Economy Sociale*, p. 64.

ВВ. Импорт продовольствия (т. III, с. 66)

Нижеследующие сведения приведены в докладе комитета по сельскохозяйственным товарам комиссии по тарифам.

Таблица

Импорт пшеницы и муки

Период	Импорт в расчете на душу населения (хандредвейты)	Доля удовлетворения потребностей за счет внутреннего производства в %	Д	Импорт в расчете на душу населения (хандредвейты)	Доля удовлетворения потребностей за счет внутреннего производства в %
1831—1835	0,119	96,0	1871—1875	1,56	48,0
1836—1840	0,267	90,0	1876—1880	1,85	37,2
1841—1845	0,303	89,55	1881—1885	2,17	26,4
1846—1850	0,644	78,45	1886—1890	2,09	29,0
1851—1855	0,755	74,4	1891—1895	2,51	15,2
1856—1860	0,837	71,9	1896—1900	2,38	19,1
1861—1865	1,196	59,4	1901—1905	2,54	10,6
1866—1870	1,224	58,4			

Другие оценочные данные и источники поступления импорта см.: «First Fiscal Blue-book» (British and Foreign Trade and Industry, 1903), p. 108.

СС. Тенденция понижения прибыли до минимального уровня (т. III, с. 68)

Интересно сравнить точку зрения Милля со статьёй Клиффа Лесли, см.: Cliffe Leslie. The History and Future of Interest and Profit. — *Fortnightly Review* (Nov. 1881: перепечатана в «Essays», 2nd ed.), а также с книгой: Leroy-Beaulieu. Répartition des Richesses (3rd ed. 1888), ch. 8. Описание истории процентной ставки см.: Schmoller. Grundriss..., § 191 («Principles...», vol. III).

DD. Последующая история кооперации (т. III, с. 142)

После выхода книги Милля промышленная кооперация в Англии развивалась главным образом по пути увеличения числа розничных магазинов, получающих товары от крупного оптового общества. Такое «оптовое» общество само осуществляло производство некоторых товаров на своих фабриках, а остальную часть товаров приобретало на свободном рынке. Эти общества не приобрели предполагавшейся Миллем формы самоуправляемых производственных ассоциаций, использующих собственный капитал. С историей различных движений, образовывавших группы под лозунгом кооперации, можно ознакомиться в следующих работах: Schloss. Methods of Industrial Remuneration (3rd ed., 1898), chs. 22—24; Potter. The Co-operative Movement (1891); Webb. Industrial Co-operation (1904); Aves. Co-operative Industry (1907); Fay. Co-operation at Home and Abroad (1908). Новейшие данные о «независимых» производственных кооперативах см.: Ashley. Surveys, Historic and Economic (1900), p. 399.

ЕЕ. Последующая история подоходного налога (т. III, с. 160, 164, 175)

Изложение событий в этой области после смерти Милля содержится в следующих работах: Bastable. Public Finance (3rd ed., 1903), book. III, ch. 3, and book IV, ch. 4;

Hill. The English Income Tax (Publications of the American Economic Association, 1889); Seligman. Progressive Taxation (*American Economic Association Quarterly*, 2nd ed., 1908), а также в двух недавних отчетах: «Report of a Departmental Committee on the Present Working of the Income Tax» (1905), «Report of a Select Committee on Graduation» (1906). В Законопроекте об ассигнованиях, находящемся в настоящее время [1909 г.] на рассмотрении парламента, предлагается ввести дополнительный налог на доходы сверх определенного уровня и предоставлять скидку с доходов ниже определенного уровня в расчете на каждого ребенка (но не более установленного числа) по достижении им определенного возраста.

FF. Налог на землю (т. III, с. 178)

В Законопроекте об ассигнованиях, находящемся в настоящее время (1909 г.) на рассмотрении парламента, предлагается ввести: во-первых, 20%-ный налог на непроизводственный прирост в будущем стоимости земель, не используемых в сельском хозяйстве; во-вторых, налог в размере $\frac{1}{2}$ пенса с каждого фунта приведенной стоимости «неокультуренной» земли. Предусматриваемое освобождение от налогообложения сельскохозяйственных угодий, если соотнести его с утверждением Милля о вероятности постоянного увеличения их стоимости вследствие повышения цен на продукты питания в результате роста численности населения, свидетельствует о том, какой след оставила в общественном сознании депрессия, поразившая сельскохозяйственное производство в последние 20 лет XIX в. Общие проблемы оценки стоимости земли и ее специфического налогообложения освещены в отчете «Report of the Royal Commission on Local Taxation» (1901), в работе: Fox. The Rating of Land Values (1906 г.), а также в «Синей книге» — «Taxation of Land in Foreign Countries» (1909).

GG. Распределение налогового бремени (т. III, с. 237)

Общий обзор проблемы переложения налогов и распределения налогового бремени содержится в работе: Seligman. The Shifting and Incidence of Taxation

(2nd ed., 1899 г.). О сфере действия налогов на наследства, местных налогов на дома и землю, налога на жилые помещения, налогов на торговые прибыли и налогов на операции по передаче собственности см., в частности, подробные ответы «специалистов в области финансов и экономики», приводимые в «Синей книге» — «Memoranda relating to the Classification and Incidence of Imperial and Local Taxes» (1899), а о распространении пошлин на импорт и экспорт см. статью Эджуорта в журнале *Economic Journal*, iv. p. 43 seq.

НН. Закон об акционерных обществах и товариществах (т. III, с. 289)

Законом о товариществах с ограниченной ответственностью, принятым в 1907 г., в Англии разрешено существование товариществ, известных за рубежом под названием коммандитных. Закон разрешает учреждать «товарищества с ограниченной ответственностью, в которых одно или несколько лиц, именуемых главными партнерами... обязаны нести ответственность по всем долгам и обязательствам фирмы», а «одно или несколько лиц, именуемых коммандитными партнерами, которые при вступлении в подобное товарищество вкладывают в него определенную сумму в виде капитала ...не обязаны нести ответственности по обязательствам фирмы сверх суммы своего вклада». Запрещается участие коммандитных партнеров в управлении предприятием.

Однако наиболее важным событием, имевшим место после написания Миллем своего труда, явилось широкое распространение в коммерческой практике акционерных компаний, за которыми в языке коммерсантов закрепилось название «частных», хотя они и учреждаются в соответствии с общими положениями закона об акционерных обществах. Данная форма организации особенно привилась среди предприятий, стремившихся соединить выгоды ограниченной ответственности с преимуществами единства и конфиденциальности руководства, характерных для единоличного владельца торгового заведения или старомодных фирм. Вопрос о законности подобных организаций, о которых законодательная власть и не помышляла в момент введения ограниченной ответственности, был окончательно

решен палатой лордов в 1896 г., при рассмотрении дела *Broderip versus Salamon*. Об этом см.: *Palmer. Private Companies and Syndicates*. Понятие «частной акционерной компании» было окончательно признано и получило точное определение в законе об акционерных компаниях 1907 г. Согласно этому закону частная акционерная компания «есть компания, устав которой: а) ограничивает право трансферта ее акций, б) ограничивает число ее членов 50 (не считая лиц, работающих в компании по найму) и в) запрещает привлекать публику к подписке на ее акции и облигации». В настоящее время для учреждения подобной компании достаточно двух членов, а не семи, как это было предусмотрено ранее законом об акционерных компаниях.

II. Протекционизм (т. III, с. 318)

Основные доводы, приводимые Миллем, получили дальнейшее развитие применительно к современным условиям в работах: *Cairnes. Leading Principles*; *Fawcett. Free Trade and Protection* (6th ed., 1885), и *Farrer. Free Trade and Fair Trade* (4th ed., 1887). Критические замечания и соображения иного плана можно найти в работах: *Sidgwick. Principles of Political Economy*, ch. v.; *Patten. Economic Basis of Protection* (Philadelphia, 1890); *Johnson. Protection and Capital. — Political Science Quarterly*, XXIII. (N. Y. 1908); *Lexis. Handel*, в справочнике *Schönberg. Handbuch der Politischen Oekonomie* (4th ed., 1898), vol. 11; *Schmoller. Grundriss...*, § 253—271.

Высказывания Милля о необходимости льгот для «молодых отраслей промышленности» впоследствии часто цитировали в Америке, Австралии и Канаде. В 1869 г. в письме к одному из своих корреспондентов (см. «*Letters*», ed. Elliot) Милль пишет о намерении «отказаться» от этой точки зрения и замечает: «До сих пор считаю, что и в этом вопросе мое мнение было хорошо обоснованным, но опыт показывает, что, будучи однажды введенным, протекционизм грозит сохраниться навсегда ...и поэтому сейчас я предпочитаю несколько иной, хотя и менее подходящий, способ оказания государством помощи новым отраслям промышленности»; тем не менее при подготовке

издания 1871 г. он ограничился лишь незначительным изменением формулировки, на что указано в сноске 1 на с. 311.

В своих «Основах политической экономии» Милль не делает никаких ссылок на Фридриха Листа, духовного отца Таможенного союза, идеи которого оказали большое влияние на всю последующую торговую политику Германии и ее экономическую мысль. По этому вопросу см.: List. *National System of Political Economy* (1840), а также статью Шмоллера о Листе в сборнике «*Zur Literaturgeschichte der Staats- und Sozialwissenschaften*» (1884).

Дискуссия вступила в новую фазу после установления доминионом Канада в 1897 г. преференций на импорт из Англии. Этому примеру позднее последовали и все остальные крупные самоуправляющиеся доминионы Британской империи, а в 1903 г. тогдашний министр по делам колоний Джозеф Чемберлен развернул движение в поддержку политики установления ответных преференций метрополий. Наиболее важными сборниками политических речей по этому вопросу являются, с одной стороны: Chamberlain. *Imperial Union and Tariff Reform* (1903); Bonar Law. *The Fiscal Question* (1899), и Milner. *Imperialism and Social Reform* (1908), а с другой — Asquith. *Trade and the Empire* (1903); Haldane. *Army Reform and Other Addresses* (1907), и Russell. *Insular Free Trade* (1908). См. также: Balfour. *Economic Notes on Insular Free Trade* (1903).

Среди работ, появившихся в ходе развернувшейся полемики и поддерживающих идею внесения некоторых изменений в проводимую ныне тарифную политику, можно отметить следующие: Caillard. *Imperial Fiscal Reform* (1903); Ashley. *The Tariff Problem* (2nd ed., 1904); Cunningham. *The Rise and Decline of the Free Trade Movement* (1904) и *The Words of the Wise* (1906); Graham. *Free Trade and the Empire* (1904); Palgrave. *An Enquiry into the Economic Condition of the Country* (1904); Price. *Economic Theory and Fiscal Policy*. — *Economic Journal*, XIV (Sept. 1904); «Compatriots' Club Lectures» (1905); Kirkup. *Progress and the Fiscal Problem* (1905); Welsford. *The Strength of Nations* (1907); Lethbridge. *India and Imperial Preference* (1907), и статьи: Milner. *Colonial Policy* и Vince the

Tariff Reform Movement. — B: Palgrave. Dictionary of Political Economy, Appendix (1908).

Среди работ в поддержку проводимой ныне политики можно отметить следующие: Money. Elements of the Fiscal Problem (1903); Avebury. Essays and Addresses (1903); «British Industries under Free Trade», ed Cox (1903); «Labour and Protection», ed. Massingham (1903); Smart. The Return to Protection (1904); Hobson. International Trade (1904); Bowley. National Progress (1904); ряд статей Giffen'a в *Economic Enquiries* (1904); Brassey «Sixty Years of Progress» (new ed., 1906); Pigou. Protective and Preferential Import Duties (1906); «The Colonial Conference» (Cobden Club, 1907), а также: Marshall. Memorandum on the Fiscal Policy of International Trade (White Paper, 1908).

Статистические данные и материалы политического характера для более подробного ознакомления с проблемой можно найти в двух «Синих книгах по вопросам финансов» — «British and Foreign Trade and Industry», Memoranda, &s., 1 st. Series, 1903; 2nd Series, 1904; в «Proceedings of the Colonial Conferences», 1887, 1894, 1897, 1902, 1907, а также в отчетах «Reports and Memoranda of the Tariff Commission» начиная с 1904 г. Среди зарубежных работ, посвященных данной проблеме, можно особо отметить следующие: Fuchs. The Trade Policy of Great Britain (1893); Wagner. Agrar- und Industriestaat (2nd ed., 1902); Schwab. Chamberlain's Handelspolitik, with Preface by Wagner (1905); Schulze-Gaevernitz. Britischer Imperialismus (1906). С историей английских хлебных законов можно познакомиться в кн.: Nicholson. On the History of the English Corn Laws (1904). Можно воспользоваться и полезным сборником речей, выступлений и т. п. периода 30—40-х годов XIX в. «Free Trade and the Manchester School», ed. Hirst (1903).

II. Законы о ростовщичестве (т. III, с. 323)

Почти повсеместная отмена в европейских странах старых законов о ростовщичестве вызвала начиная с 1878 г. обратную реакцию, что привело к принятию множества «законов о ростовщичестве» в Германии, Австрии, Венгрии, Швейцарии и других странах, а также во владе-

пиях великих держав за пределами Европы, например в Пенджабе, Судане, Алжире и т. д. Описание и оценку этого движения см. в кн.: Sch moller. Grundriss... § 189. Заметки по поводу английского закона о ростовщиках 1900 г., разбираемого с позиций, аналогичных позиции Милля, см. в кн.: Dice y. Law and Public Opinion in England (1905), p. 33 and 45.

КК. Фабричные законы (т. III, с. 362)

Сведения о проблеме в целом см. в работе: Hutch ins and H a r r i s o n. A History of Factory Legislation (1907 г.). Установив различные ограничения на «свободу заключения договоров» с совершеннолетними работниками, законодательные власти в 1893 г. в предварительном порядке приступили к упорядочению продолжительности рабочего дня, приняв закон, по которому министерство торговли получило право требовать от железнодорожных компаний представления пересмотренных графиков работы их служащих, по этому вопросу см. «Bulletin of the U. S. Department of Labour», № 20 (1899). Впоследствии с принятием Закона о 8-часовом рабочем дне горняков (1908 г.) был установлен «нормальный рабочий день» для большого контингента совершеннолетних работников.

ЛЛ. Законы о бедных (т. III, с. 375)

В разделах «Majority» и «Minority», а также в дополнительных томах с отчетами об особых обследованиях доклада «Report of the Royal Commission on the Poor Law» (1909) дается подробное систематизированное описание всех аспектов истории и практического использования законов о бедных начиная с 1834 г. Доклад этот, несомненно, приведет к существенным изменениям в законодательстве.

ММ. Компетенция государственной власти (т. III, с. 388)

Освещение основных философских аспектов проблемы дается в следующих, вероятно, наиболее значительных со

времени Милля работах английских авторов: Sidgwick. Principles of Political Economy (1883), book. III., chs. 3 and 4; Elements of Politics (1891), и Green. Lectures on the Principles of Political Obligation в сборнике «Works» (1866), vol. II. См. также: Ritchie. Natural Rights (1895) и его же работу Darwinism and Politics (1889) с изложением ряда аргументов, почерпнутых из современной биологии.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Альфьери т. I, с. 490
 Ампер т. I, с. 132
 Андерсон т. II, с. 155
 Аристотель т. I, с. 31, 32; т. III, с. 385
 Аркрайт т. I, с. 200, 326; т. II, с. 51
 Атвуд т. II, с. 307, 308
- Баден-Пауэлл Б. Г. т. III, с. 407
 Байрон т. II, с. 116
 Бастна т. I, с. 15, 476; т. II, с. 163
 Бастэйбл т. III, с. 418
 Баули т. III, с. 419, 423, 424
 Бейн А. т. I, с. 39
 Бем-Баверк т. III, с. 415
 Бенгам И. т. I, с. 16, 19, 21, 22, 26, 369; т. II, с. 416; т. III, с. 163, 265, 319
 Бесле т. III, с. 110
 Блан Л. т. I, с. 342, 353; т. III, с. 113, 123, 398, 402
 Блэкер т. I, с. 262, 263
 Блэкстон т. III, с. 277
 де Бомон Г. т. II, с. 28
 Бонн т. III, с. 408
 Брайт Дж. т. I, с. 9
 Браун т. I, с. 459
 Бэббейдж т. I, с. 214, 219, 220, 234, 236, 237, 241, 245; т. III, с. 102, 103, 105, 112
 Бэрхэм т. III, с. 102
- Вестебри т. III, с. 267
 Виллерме т. I, с. 463
 Вильоме т. III, с. 108, 120, 122
- Галилей т. I, с. 35
 Гарденберг т. II, с. 28
 Генрих II т. II, с. 325
 Генрих IV т. I, с. 441, 468
 Геркнер т. III, с. 422
 Гёте т. I, с. 24
 Гладстон т. III, с. 160, 248
 Грей Дж. т. II, с. 306
 Грот Д. т. I, с. 16
- Даблдей т. I, с. 278
 Даннинг Т. Дж. т. III, с. 336
 Дарбле т. III, с. 110
 Девон т. II, с. 14
 Дефурно т. III, с. 108
 Джевонс т. III, с. 417, 419, 421
 Джонс Р. т. I, с. 407, 454, 479, 484
 Джонсон т. III, с. 272, 273
 Диккенс Ч. т. I, с. 20; т. II, с. 84
 Дункан т. III, с. 290
 Дюнуайе т. I, с. 122; т. III, с. 350, 354
 Дюпон П. т. III, с. 109
- Елизавета Английская т. III, с. 365
- Жиске т. III, с. 110
 Жюссеро т. I, с. 265

Изабелла Кастильская т. III,
с. 365

де л'Иль Брок т. I, с. 439

Инглис Г. т. I, с. 418

Кабэ т. I, с. 342

Кант И. т. I, с. 23

Карл X т. I, с. 24

Карлейль т. I, с. 26, 30

де Квинси т. II, с. 173, 179, 184,
187, 193

Кэйнс Дж. т. I, с. 5, 45, 49, 66

де Кемметер Ф. т. I, с. 271

Кларк Дж. Б. т. I, с. 57; т. III,
с. 416

Кобден Р. т. I, с. 9

Коклен т. III, с. 287

Кольридж т. I, с. 26, 30

Коннер т. II, с. 27, 28

О'Коннор Ф. т. II, с. 31

Конт О. т. I, с. 34—39

Кошут т. III, с. 116

Кэй т. I, с. 422, 429, 430, 432,
457, 458; т. II, с. 57

Кэйрнс т. I, с. 79; т. II, с. 37;
т. III, с. 412, 417

Кэмпбелл т. III, с. 267

Кэри Г. К. т. I, с. 277—280,
310—313; т. II, с. 162, 163,
165; т. III, с. 287, 293, 295,
313—316

Кэрролл Л. т. I, с. 22

де Лавернь Л. т. I, с. 273, 430,
449, 462—465

Ланди Д. т. I, с. 487

Лассаль Ф. т. III, с. 392, 405

Левассер Э. т. I, с. 462

Легуа т. I, с. 451, 462

Леклер т. III, с. 106—109, 111—
113

Ленин В. И. т. I, с. 73

Лесли К. т. III, с. 416, 425

Лист Ф. т. III, с. 429

Литхэм т. II, с. 290

Локк Дж. т. I, с. 22, 33

Лонгфилд т. II, с. 35

Лейнг т. I, с. 213, 421, 455, 457,
468

Людовик XI т. I, с. 470

Людовик XII, т. I, с. 470

Людовик XIV т. III, с. 351

Маггеридж т. II, с. 100

Макгрегор т. I, с. 390

Маккулох т. I, с. 135, 432, 453,
479; т. III, с. 77, 173, 203, 273

Маколей т. I, с. 22

Мальтус т. I, с. 10, 11, 15, 47,
54, 164, 276, 278, 281, 288;
т. II, с. 50, 53, 54, 63, 72, 86,
155, 316, 322; т. III, с. 77, 394

Маркс К. т. I, с. 7—13, 15, 21,
26, 43, 44, 46, 47, 49, 54—56,
58, 65, 66, 68, 70, 71; т. II,
с. 307; т. III, с. 405, 406

Маршалл А. т. I, с. 5; т. III,
с. 391, 392, 394, 395

Менгер К. т. I, с. 5; т. III,
с. 416

Менделеев Д. М. т. I, с. 46

Милль Гарриет т. I, с. 16

Милль Джеймс т. I, с. 16, 17,
21, 25, 33, 112; т. II, с. 323,
338

Мишле Д. т. I, с. 448, 470

Монтескье т. II, с. 227

Мурхаус Дж. т. III, с. 128

Мушет т. II, с. 313

Никольсон т. III, с. 394

Норман т. II, с. 434

Ньюмарч т. II, с. 290

Ньютон т. I, с. 35

Ньюхолм т. III, с. 415

Оверстон т. I, с. 64; т. II, с. 434
Олмстед т. I, с. 406
Остроградский О. И. т. I, с. 45
Оуэн Р. т. I, с. 37, 342; т. III,
с. 127, 401

Пазинетти т. I, с. 58

Пальгрейв т. III, с. 424
Папини В. т. I, с. 487
Пареннен т. I, с. 296
Пасси М. т. I, с. 264, 271, 466
Перье К. т. III, с. 126
Пиль Р. т. I, с. 64; т. II, с. 427;
т. III, с. 223
Питмен Г. т. III, с. 133
Пламмер Дж. т. III, с. 127
Платон т. III, с. 385
Прудон т. I, с. 41

Рау т. I, с. 271, 429, 431, 464,
463

Раумер т. II, с. 28
Ренуар т. III, с. 119
Ривэнс т. II, с. 12; т. III, с. 194
Рикардо Д. т. I, с. 7—14, 16, 19,
20, 37, 45, 47, 50, 52—54, 57,
58, 60—62, 64, 65, 68, 73, 74,
181; т. II, с. 46, 116, 147, 155,
165, 166, 174, 192, 198, 199,
202, 323, 337, 397, 412; т. III,
с. 38, 181, 418, 422

Ришелье т. I, с. 468
Роббинс Л. т. I, с. 45
Роббинсон Дж. т. I, с. 58
Робертсон Д. т. I, с. 66
Робинсон т. II, с. 32
Родбертус т. III, с. 405
Ролан т. III, с. 351

Рэй Дж. т. I, с. 288; т. III,
с. 313

Сауэрбек т. III, с. 419, 420
Сениор т. I, с. 62; т. II, с. 127,
372, 377; т. III, с. 214

Сен-Симон А. т. I, с. 19, 24, 38,
71, 74

де Сисмонди т. I, с. 164, 415,
417, 473, 474, 485, 487, 488,
490, 491; т. II, с. 58, 85, 88,
316, 322; т. III, с. 59, 245, 318

Скотт т. II, с. 116

Слэни т. III, с. 127, 292

Смит А. т. I, с. 8, 45, 47, 53, 60,
61, 68, 70, 72—77, 82, 83, 87,
113, 163, 233, 235—237, 240,
241, 255, 288, 477, т. II, с. 59,
99, 100, 101, 103—105, 107,
108, 112, 115, 133, 134, 172,
173, 183, 327, 341, 348, 405,
412; т. III, с. 48—51, 77, 154,
190, 195, 319, 321, 322, 332,
389, 391

Стафф П. т. I, с. 58

Стивенсон т. III, с. 415

Стиглер Дж. т. I, с. 45

Сэй Ж.-Б. т. I, с. 17, 19, 45, 62,
135, 136, 154, 181; т. II, с. 184,
323

Таэр А. т. I, с. 430

Тейлор Г. т. I, с. 27, 39, 40

Тейлор Э. т. III, с. 397

Теннисон т. I, с. 30

де Токвилль т. I, с. 26

Томпсон Р. Дж. т. III, с. 422

Торнтон Г. т. I, с. 56, 66, 80;
т. II, с. 266; т. III, с. 409, 412

Торнтон У. т. I, с. 436, 438;
т. II, с. 48, 361

Торренс т. I, с. 64; т. II, с. 378,
434

де Траси т. I, с. 477

Туган-Барановский М. И. т. I,
с. 45, 71

Тук Т. т. I, с. 65; т. II, с. 273,
287, 289, 290, 312, 428, 429,
431, 432, 445, 450; т. III, с. 19

Тюрго т. I, с. 479, 480

Уатт т. I, с. 131, 326; т. II, с. 51
Уллоа т. I, с. 294
Уодсворт т. I, с. 30, 411
Уолкер Дж. т. II, с. 455; т. III,
с. 415

Уотли т. II, с. 12
Уэйкфилд т. I, с. 225, 231, 260,
269; т. II, с. 23, 94; т. III,
с. 50—52, 317, 379, 380

Фабнан т. III, с. 406
Фегере т. III, с. 114, 115, 124,
125, 140
Фейн С. т. III, с. 282, 291, 303
Фитцрой т. III, с. 94
Фишер И. т. I, с. 66
Фосетт т. III, с. 333
Фош т. I, с. 459
Фуллартон Дж. т. I, с. 65; т. II,
с. 291, 292, 429—432, 440, 441,
445, 448, 450
Фурье т. III, с. 401

Хаббард т. III, с. 172, 173
Харгривс т. I, с. 200
Хаунтт т. I, с. 426, 428
Херли т. II, с. 14
Хилл т. I, с. 437
Холиоук т. III, с. 127, 128, 132,
133, 138
Хэд Дж. т. I, с. 437

Чалмерс т. I, с. 164, 175—177;
т. II, с. 152, 316, 322, 474;

т. III, с. 36, 51, 59
Чемберлен Д. т. III, с. 429
Чернышевский Н. Г. т. I, с.
13—15, 42, 45 .

Шарлевуа т. I, с. 293, 294
Шатове т. I, с. 481, 483, 484
Шевалье т. III, с. 108
Шелли т. II, с. 116
Шербюлье т. III, с. 118, 119,
121, 122
Шмальц т. I, с. 407
Шмоллер т. III, с. 393, 394
Штейн т. II, с. 28
Шумпетер И. т. I, с. 45

Эджуорт т. III, с. 418, 419
д'Эйшталь т. I, с. 24
Эллис У. т. III, с. 52
Энгельс Ф. т. I, с. 7, 8, 44, 51,
64; т. II, с. 307; т. III, с. 405,
406
Эрстед т. I, с. 132
Эшер т. I, с. 216, 217
Эшли У. Дж. т. I, с. 75; т. III,
с. 390

Юл т. III, с. 415
Юм Д. т. I, с. 22, 33, 36; т. II,
с. 239, 307, 308

Якоб т. I, с. 405
Янг А. т. I, с. 441, 443, 444, 447,
454, 463, 473, 477, 478—480,
481

- Австралия т. I, с. 328; т. II, с. 95
- Австрия т. I, с. 405; т. III, с. 237
- Азия т. I, с. 95—97
- Акт Пиля т. II, с. 311
- Акционерные общества т. I, с. 70, 252—257
 объединения рабочих с капиталистами т. III, с. 100—109
 объединения рабочих между собой т. III, с. 110—137
 с ограниченной ответственностью т. III, с. 284—288
 коммандитное товарищество т. III, с. 289—291
- Английский банк т. I, с. 64, 66, 252; т. II, с. 246, 273, 282, 286, 291, 292, 294, 310, 311, 420, 425, 427, 428, 430, 434, 439—442, 450—458; т. III, с. 288
- Англия т. I, с. 13, 17, 20, 26, 40, 41, 44, 63, 102, 118, 144, 173, 175, 206, 212, 216, 222, 258, 262 и след., 283, 284, 299—301, 311, 315, 318, 322, 330, 344, 349, 363, 373 и след., 405, 411, 466, 467; т. II, с. 37, 47, 53, 60, 90, 97, 163, 164, 272, 290, 310, 328, 335 и след., 374, 381 и след., 444, 446, 449, 454, 464; т. III, с. 12, 18, 54, 89, 94, 112, 177, 187, 192, 195, 200, 220 и след., 262, 263, 269, 276, 289, 294, 335, 350, 354, 359, 366, 379, 380
- Аренда т. I, с. 378, 395; т. II, с. 7
 срок арендного договора т. I, с. 378—381; т. II, с. 26, 27
 арендное право т. II, с. 10, 29
 арендная плата т. II, с. 12, 27, 32
- Ассоциация рипилеров т. II, с. 27
- Банкноты т. II, с. 283—285, 289, 290, 293—296
- Банковский акт 1844 г. т. I, с. 64, 66; т. II, с. 290, 427, 435, 436, 440, 443, 455, 456
- Бельгия т. I, с. 264, 265, 389, 430, 432; т. III, с. 275
- Берлинские декреты т. I, с. 220
- «Билль об избирательной форме» т. I, с. 25
- Биметализм т. II, с. 257—260; т. III, с. 417
- Бирмингемская денежная школа т. II, с. 307, 308
- Богатство т. I, с. 81—85, 88—92, 96, 105, 139, 140; т. III, с. 76—80, 390
- «Бриггз» т. III, с. 110, 111
- Вексель т. II, с. 226—272, 284
- Великая французская революция т. I, с. 24

- Венгрия т. III, с. 67
«Вестминстер ревью» т. I, с. 20;
т. III, с. 52, 333
- Ганзейский союз т. III, с. 261
- Германия т. I, с. 102, 220, 389,
405, 424; т. II, с. 348, 349,
и след.; т. III, с. 220—226,
352
- Голландия т. I, с. 264, 301, 315,
389; т. III, с. 55, 187, 310
- Государственное вмешательст-
во т. III, с. 338 и след., 431
- Государственный долг т. III,
с. 250, 252, 253, 258
погашение т. III, с. 254—
259
- Государство т. I, с. 16, 72, 73;
т. III, с. 146—153
- Гражданская война в США
т. III, с. 79
- Греция т. I, с. 143, 222
- Дания т. I, с. 389, 408
- Деньги т. I, с. 84—87; т. II,
с. 378, 379, 406, 407, 415
как средство обращения
т. II, с. 228, 229, 241—244,
445—448; т. III, с. 418
металлические т. II, с. 230—
232, 298, 374—376, 402—409
как мера стоимости т. II,
с. 233—235
как покупательное средство
т. II, с. 237—241
кредитные т. II, с. 246
и издержки производства
т. II, с. 248—256
неразменные бумажные
т. II, с. 300 и след.
- Домашняя мануфактура т. II,
с. 466
- Европа
города-общины т. I, с. 98, 99
- феодальная т. I, с. 102; т. II,
с. 132
революции т. I, с. 342
- Женский вопрос т. I, с. 42, 43;
т. III, с. 93—95
- Женский труд т. II, с. 120—122
- Закон возрастания капитала
т. I, с. 285—287
- Закон возрастания продукта
земли т. I, с. 303—308
- Закон возрастания труда т. I,
с. 275, 276
- Закон лорда Вестебри т. III,
с. 267
- Закон об ограниченной ответ-
ственности т. III, с. 110
- Закон о промышленных и
снабженческих обществах
т. III, с. 292
- Закон прибавочной стоимости
т. I, с. 12
- Закон рынков Сэя т. I, с. 17
- Закон трудовой стоимости т. I,
с. 12
- Закон убывающей доходности
т. I, с. 309—320; т. III, с. 394
- Законы
о наследстве т. III, с. 268,
269, 275—277
о праве первородства т. III,
с. 270—275
о товариществах т. III,
с. 279—293, 427, 428
о несостоятельности т. III,
с. 293—302
о внешней торговле т. III,
с. 303—315
о займах т. III, с. 316—321
о ценах т. III, с. 321—323
о монополиях т. III, с. 323—
326

- о патентах т. III, с. 327
 против рабочих объединений т. III, с. 328—335
 о бедных т. I, с. 318, 418;
 т. II, с. 72; т. III, с. 370, 371, 430
- Заработная плата** т. I, с. 54;
 т. II, с. 41; т. III, с. 420, 421
 размер т. II, с. 42, 50, 66—69, 73—76, 99 и след., 117—119
 и цены т. II, с. 44—47
 и численность населения т. II, с. 55—60
 примеры разных стран т. II, с. 55—60
 и дотации т. II, с. 74—81
 и объединения рабочих т. II, с. 122—124
- Земельная рента** т. I, с. 11, 52;
 т. II, с. 12, 154—157, 167;
 т. III, с. 28—32, 36—45, 416, 422
 и аренда т. II, с. 25, 156, 160, 161
 образование т. II, с. 150—153
- Земельная собственность** т. I, с. 382—385, 410, 413 и след., 420 и след., 433—439, 441 и след., 465—468
- Земледелие**
 крупное т. I, с. 260—274;
 т. III, с. 396—398
 мелкое т. I, с. 260—272;
 т. III, с. 396—398
- Иезуиты** т. I, с. 293, 294
- Избирательное право** т. I, с. 41
- Индия** т. I, с. 232, 391, 395, 396;
 т. II, с. 16—20, 25, 26; т. III, с. 407
- Ирландия** т. I, с. 150, 262, 267, 269, 312, 322, 363, 391, 407;
 т. II, с. 10, 12, 21—26, 32, 33, 35, 37, 53, 97, 147, 148, 226, 290; т. III, с. 69, 97, 131, 322, 405, 408
- Испания** т. I, с. 322; т. II, с. 346, 347; т. III, с. 67, 337, 352
- Испольщина** т. I, с. 397, 470, 488—491
 виды т. I, с. 470—472
 преимущества и недостатки т. I, с. 473—476
 разные примеры т. I, с. 476—487
- Италия** т. I, с. 102, 222, 266, 391, 413; т. III, с. 261
- Капитал** т. I, с. 47.
 определение т. I, с. 148—150, 152—154, 157, 158; т. III, с. 392
 и производственная деятельность т. I, с. 159—165
 как результат сбережения т. I, с. 166, 167, 169
 потребление т. I, с. 168, 170, 171
 воспроизводство т. I, с. 172—174
 и государственные займы т. I, с. 175
 и военные расходы т. I, с. 176
 и непроизводительные расходы т. I, с. 177
 и спрос на труд т. I, с. 179—190
 и налогообложение т. I, с. 191—193
 основной т. I, с. 194—205
 оборотный т. I, с. 194—205;
 т. III, с. 72, 74
 вывоз т. III, с. 66—68, 72, 73
- Китай** т. I, с. 294—299; т. II, с. 287; т. III, с. 101, 224

Классы т. I, с. 386
Комиссия по изучению системы вспомоществования бедным т. II, с. 12, 73
Коммунизм т. I, с. 342, 344—348, 351—353, 356; т. III, с. 402
Конкуренция т. I, с. 393, 394; т. III, с. 138—141, 326
«Консум фэрейн» т. III, с. 127
Кооперация т. I, с. 71; т. II, с. 133—136; т. III, с. 393, 425
простая т. I, с. 225—227
сложная т. I, с. 225—227
и производительность труда т. I, с. 226, 227
и разделение труда т. I, с. 228—230, 233—244
и разделение труда между городом и деревней т. I, с. 230—232
«Кооперейтор» т. III, с. 134
Королевское биржевое страховое общество т. I, с. 252
Коттеры т. I, с. 412; т. II, с. 7—15, 21—24, 33—36
Кредит т. II, с. 261
и производство т. II, с. 262—264
и деньги т. II, с. 265, 266
и цены т. II, с. 275—290
Кредитные средства т. II, с. 266—273
Крепостничество т. I, с. 101, 407
Кризис 1825 г. т. II, с. 444
Кризис, торговый т. II, с. 281; т. III, с. 59, 60, 421, 422
Крымская война т. II, с. 444
«Куортерли ревью» т. I, с. 80
Лондонское страховое общество т. I, с. 252

Мальтузианство т. I, с. 54
«Манифест Коммунистической партии» т. I, с. 7, 44
Манчестерская школа свободной торговли т. I, с. 9
Марксизм т. I, с. 26
«Международное товарищество рабочих» т. I, с. 7
Меновая стоимость т. II, с. 324—328
Меркантилизм т. I, с. 82, 85; т. II, с. 460; т. III, с. 307—309
«Метли» т. III, с. 111
Миланские декреты т. I, с. 220.
Мировая торговля т. II, с. 340—344, 346 и след., 355—360, 362—373, 391 и след., 460—464; т. III, с. 63—65
Монетный двор т. II, т. 301
Монополия т. III, с. 325, 326
Налоги
прямые т. III, с. 183, 227, 236—240
косвенные т. III, с. 183, 236 и след., 241—247
на прибыль т. III, с. 185—188, 209—214
на заработную плату т. III, с. 188—191
подоходные т. III, с. 191—195, 423
на дома т. III, с. 195, 200, 201, 241
на товары т. III, с. 202—204
на предметы первой необходимости т. III, с. 205
и мировая торговля т. III, с. 219—226
на договора т. III, с. 227—230
на средства связи т. III, с. 231—233

- на судопроизводство т. III, с. 233
- местные т. III, с. 233—235
- Налогообложение т. I, с. 72
- общие принципы т. III, с. 154—156, 180—182, 215—218
- распределение т. III, с. 156—158, 165—168, 170 и след., 176, 424
- размеры т. III, с. 158—164, 260—262
- и земельная рента т. III, с. 177, 183—185, 197—200, 206—209, 424
- Народонаселение т. I, с. 11, 276—284, 323—331, 451—453, 463; т. II, с. 82—86; т. III, с. 26—32, 392, 410, 412
- «Насьональ» т. III, с. 116
- Норвегия т. I, с. 389, 419, 455; т. II, с. 58
- Обменные курсы т. II, с. 380—387
- Обрабатывающая промышленность т. III, с. 18
- Образование т. III, с. 354—357
- Общество взаимопомощи т. III, с. 108
- Общество по улучшению пустующих земель т. II, с. 32
- Объединенное общество машиностроителей т. III, с. 331
- Ограничение рождаемости т. I, с. 20; т. II, с. 86—92, 94—96; т. III, с. 93
- Ост-Индская компания т. I, с. 17, 20, 31, 40
- Парижская Коммуна т. I, с. 8
- Первобытное общество т. I, с. 92—94, 105
- Позитивизм т. I, с. 36
- Политическая экономия классическая т. I, с. 8, 10, 12, 13, 37, 49, 50, 68, 75, 76
- Польша т. I, с. 329, 330; т. II, с. 335, 338, 339
- Португалия т. II, с. 335; т. III, с. 337, 352
- Потребление
- производительное т. I, с. 144, 145
- непроизводительное т. I, с. 144, 145
- Правительство т. III, с. 145
- необходимые функции т. III, с. 146—151
- экономические цели т. III, с. 260, 261
- необязательные функции т. III, с. 305—318
- Право наследования т. I, с. 39, 365—372
- Правосудие т. III, с. 264, 269
- Предельная полезность т. I, с. 62
- Прибыль т. II, с. 127; т. III, с. 34, 396—398, 413
- источники т. II, с. 127—130, 142—145
- величина т. II, с. 130 и след., 140—142, 146—149; т. III, с. 47—50, 57—60, 68
- минимальная норма т. III, с. 51, 52, 56, 423
- Производительность труда т. I, с. 206
- и природные условия т. I, с. 207—209
- и трудовая активность т. I, с. 209—213
- и уровень квалификации т. I, с. 213—221
- и искусство управления т. I, с. 215, 216

- и добросовестность т. I, с. 216—221
и безопасность т. I, с. 222—224
- Производство т. I, с. 61, 206
элементы т. I, с. 109—112, 114
орудия производства т. I, с. 125
крупное и мелкое т. I, с. 245—250
совершенствование т. III, с. 62, 63
условия, необходимые для крупного производства т. I, с. 257—260
крупное и мелкое производство в сельском хозяйстве т. I, с. 260—273
- Протекционизм т. III, с. 306—317, 428, 429
- Рабочий класс т. I, с. 7, 13, 69; т. III, с. 85, 88—92, 94—96, 326, 327, 328 и след., 429
- Рабочий фонд, теория т. I, с. 53, 55—57; т. III, с. 409—412
- Рабство т. I, с. 401—406, 408, 409
- Распределение т. I, с. 57, 59, 338, 339; т. II, с. 471; т. III, с. 78
- Расчетная палата т. II, с. 273
- «Ревью де де Монд» т. III, с. 287
- Ремесленники т. I, с. 96
- «Ремке» т. III, с. 119
- Реформы Гладстона т. III, с. 248
- Римская империя т. I, с. 100, 143
- Рокизм т. II, с. 14
- Россия т. I, с. 45, 71, 101, 105, 206, 322, 329, 330, 405; т. III, с. 66, 263
- Ростовщичество т. III, с. 317, 318, 320, 321, 428
- «Рочдельское потребительское товарищество рабочих» т. I, с. 71; т. III, с. 125—129, 131, 132, 136, 137
- Сбережение т. I, с. 287—302, 321, 322; т. III, с. 51—54
- Сельское хозяйство т. III, с. 17, 18, 34—36, 38, 40, 42—46
- Сенсимонизм т. I, с. 343, 353, 354
- Собственность т. I, с. 52, 337, 339, 340, 342, 344, 350, 361—365, 377, 385, 386
- «Современник» т. I, с. 14
- Социализм т. I, с. 342, 352, 353, 355, 360; т. III, с. 337, 393—396, 401, 403, 405
- Спекуляция т. III, с. 19—25
- Спрос и предложение т. II, с. 315—317
и рыночные цены т. II, с. 318—322
- Ставка процента т. II, с. 411—413; т. III, с. 56
колебания т. II, с. 415—418, 424, 426
- Стоимость т. I, с. 59, 60; т. II, с. 171, 172, 222—227, 332—334; т. III, с. 13, 14, 414
определение и выражение т. II, с. 174—177, 179—182
и цена т. II, с. 177, 178; т. III, с. 13, 16
изменение ее величины с изменением издержек производства т. II, с. 190—196

и количество труда т. II, с. 197—199
и заработная плата т. II, с. 199—202
и прибыль т. II, с. 203—208
и налогообложение т. II, с. 208—210
в сельском хозяйстве т. II, с. 211—221; т. III, с. 17—19
США т. I, с. 26, 66, 144, 270, 278, 328, 363, 376, 389, 408, 412; т. II, с. 148, 163, 328, 431, 434, 444, 464, 465, 468; т. III, с. 42, 55, 65, 95, 189, 247, 272, 291—293, 310 и след., 342
Суффражистское движение т. I, с. 27
«Таймс» т. III, с. 126
Теория прибавочной стоимости т. I, с. 11
Труд т. I, с. 117—123, 126, 127, 129—132
 непроизводительный т. I, с. 135—138, 141, 142, 146; т. III, с. 389
 производительный т. I, с. 135, 137, 140, 143, 146; т. III, с. 389
Турция т. I, с. 322
«Уитвуд» т. III, с. 110
Управление железных дорог т. III, с. 342
Утилитаризм т. I, с. 21, 22, 27, 29, 30
Феодализм т. I, с. 9, 366
Фландрия т. I, с. 102, 222,

264—266, 435, 441, 442; т. III, с. 259
«Фортнайтли ревью» т. III, с. 397
Франция т. I, с. 24, 55, 80, 102, 222, 265, 269, 270, 272, 273, 311, 373, 374, 376, 386, 391, 408, 438—441, 457, 466, 468; т. II, с. 49, 226, 304, 381—385, 390 и след., 446, 447; т. III, с. 18, 228, 235, 269, 273, 291, 348
Французская революция 1848 г. т. III, с. 113
Фурьеризм т. I, с. 343, 353, 354, 356—359; т. III, с. 403
Хлебные законы т. I, с. 11, 20; т. III, с. 63, 218, 308
Цены т. I, с. 397, 398; т. III, с. 417, 418
Чартистское движение т. I, с. 7, 9; т. III, с. 337
«Чемберс джорнэл» т. III, с. 106
Швейцария т. I, с. 389, 413, 418, 450, 455, 456; т. II, с. 57
Школа обращения т. I, с. 64, 65
Шотландия т. I, с. 389; т. III, с. 18, 89, 276
«Эдинбург ревью» т. III, с. 134
Эмиграция т. I, с. 332, 333; т. II, с. 22—24, 36, 37, 93, 94, 97; т. III, с. 70, 374—381
Эмпирическая школа т. I, с. 31—35

Оглавление

Жнига IV. Влияние общественного развития на производ-	
ство и распределение	5
<i>Глава I</i>	
Общие признаки роста богатства	7
<i>Глава II</i>	
Влияние развития промышленности и роста населения на	
стоимость и цены	14
<i>Глава III</i>	
Влияние развития промышленности и роста населения на	
ренду, прибыль и заработную плату	27
<i>Глава IV</i>	
О тенденции прибыли к минимальному уровню	48
<i>Глава V</i>	
Последствия проявления тенденции прибыли к минималь-	
ному уровню	69
<i>Глава VI</i>	
О состоянии застоя	76
<i>Глава VII</i>	
О вероятном будущем трудящихся классов	84
Жнига V. О влиянии правительства	143
<i>Глава I</i>	
Об общих функциях правительства	145
<i>Глава II</i>	
Общие принципы налогообложения	154
<i>Глава III</i>	
О прямых налогах	183
<i>Глава IV</i>	
О налогах на товары	203
<i>Глава V</i>	
О некоторых других налогах	229
<i>Глава VI</i>	
Сравнение прямых налогов с косвенными	238
<i>Глава VII</i>	
О государственном долге	250
<i>Глава VIII</i>	
Относительно экономических последствий исполнения пра-	
вительством своих обычных функций	260
<i>Глава IX</i>	
Продолжение той же темы	270

<i>Глава X</i>	
О государственном вмешательстве, основывающемся на ошибочных теориях	305
<i>Глава XI</i>	
Основания и границы системы laissez-faire, или принци- па невмешательства	338
Библиографическое приложение	389
Именной указатель	433
Предметный указатель	437

Дж. С. Милль

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИИ И НЕКОТОРЫЕ
АСПЕКТЫ ИХ ПРИЛОЖЕНИЯ
К СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

ТОМ III

ИБ № 7129

Редактор *О. Г. Радынова*
Художник *В. И. Астафьев*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технический редактор *И. А. Юдина*
Мл. редакторы *Г. В. Иорданская, О. М. Фролова*
Корректор *В. Ф. Пестова*

Сдано в набор 12.6.80. Подписано в печать
19.12.80. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типограф-
ская № 2. Гарнитура обыкновенная новая.
Печать высокая. Условн. печ. л. 24.52. Уч.-
изд. л. 24. Тираж 7000 экз. Заказ № 654.
Цена 1 р. 60 к.

Издательство «Прогресс» Государственного
комитета СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва 119021, Зубовский бульвар, 17

Московская типография № 11
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли
Москва, 113105, Нагатинская, 1.

4р:60к.

ДЖ.С.МИЛЛЬ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. III